Исхак Машбаш

Собрание сочинений в двадцати томах

Исхак МАШБАШ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

ОАО «Полиграф-Юг»
Майкоп
2015

Исхак МАШБАШ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ
ТОМ XIII

ОАО «Полиграф-Юг»
Майкоп
2015

УДК 821.352.3-31
ББК 84(2=602.2)6-44
М 38

Машбаш И. Ш.
М 38 Собрание сочинений в двадцати томах. Том тринадцатый. Чужие среди чужих. Исторический роман.– Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2015.– 464 с.

В собрание сочинений вошли стихотворения, поэмы, романы, публицистика Исхака Машбаша, народного писателя Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, лауреата Государственных премий СССР, России, Адыгеи, Российской литературной премии М. А. Шолохова.

ISBN 978-5-7992-0833-2
ISBN 978-5-7992-0000-0

© Машбаш И. Ш., 2015

ЧУЖИЕ СРЕДИ ЧУЖИХ

Исторический роман

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Август 1864 года.

Людям, уставшим от качки и зноя, море кажется бескрайним. До боли в глазах они вглядываются в бесконечную даль, будто от этого зависит час их приближения к заветной цели. Наконец в морском мареве обозначилась долгожданная линия горизонта: появились снежные вершины горной гряды Малой Азии, у подножия которой была Турция.

Мужчины сгрудились у борта, всматриваясь в береговую линию, боясь поверить своим глазам. От волнения одни стали стягивать папахи и отирать ими пот со лба, другие, наоборот, нахлобучили их до самых глаз, третьи растерянно теребили бороды и, ободряя себя, поправляли на поясе кинжалы. Огонь жизни постепенно, хотя и тревожно, разгорался в их глазах: «Слава Аллаху, доплыли!»

На палубе небольшими группами сидели и те, кто не в силах был ни радоваться, ни удивляться. Большая часть этой пестрой толпы были женщины, дети, старики, глаза которых утомила морская гладь, а качка забрала последние силы. Их жизнь осталась там, у родного очага, где пелись песни, игрались свадьбы, рождались дети. Теперь все в прошлом, все осталось за этим молчаливым, безжалостным морем. Слезы безысходности и обиды наворачивались на глаза не только женщин. Но сколько ни печалься, надо жить дальше. Мир все равно глух и равнодушен к тебе и твоим переживаниям. Кто-то, закрыв глаза, шептал молитву: «О Аллах, будь к нам милосердным!»

Утреннее солнце бежало за судном, словно догоняло беженцев, уплывающих из Черкесии. Обогнав их, полуден-

ная жара начала спадать, а солнце, не оглядываясь на заботы людей, неспешно продолжило свой путь. Солнце высоко, море глубоко, и им нет дела до несчастных, оставивших свои очаги. Море посолонело от людских слез, людского горя. А судно все скользит и скользит по волнам, и чем ближе турецкий берег, тем величественнее становится кольцо белоснежных гор.

Уже отчетливо различимы оливковые деревья, за ними виднеются небольшие селения с домами-мазанками, покрытыми плоскими крышами. А между судном и берегом летают надрывно кричащие чайки, будто пророчат людям незавидную судьбу.

– Вон туда, нана, посмотри... – обращается к бабушке Дарихан. Девушка лет пятнадцати, с тонкой осиной талией, пытается из-за спин мужчин увидеть берег.– И те горы белоголовые, и цветущие деревья, как они похожи на наши горы...

– Разве они могут быть похожими на наши горы... – не оглядываясь, отвечает ей отец. В глухом голосе звучит безнадежность.– Ну, хорошо, посмотрим, что дальше будет...

– Да, да, Масхаб, да, сын мой,– поддержала его седая, почерневшая на ветру и зное старуха Саудет, перебирая в руках четки.– А ты, внучка, не высовывай голову. Нехорошо это – выглядывать из-за мужских спин,– пожурила она девочку и, вздохнув, сказала: – Что будет с нашими спутниками, то будет и с нами. Единственная наша надежда – на Аллаха, на его милость, попросим его оберегать нас в чужой стране, куда мы пришли не по своей воле.– Саудет прижала к груди тоненькую хрупкую Дарихан, словно хотела защитить ее от чуждого окружения.– Если бы твоя несчастная мать была с нами, я бы безропотно приняла все беды, выпавшие на мою долю: и прошедшие, и будущие, мой ангелочек,– с горечью вырвалось из ее уст.

– Лаиллаху илаллах, Аллаху акбар! – разорвав всеобщее молчание, выкрикнул кто-то из мужчин.

И мужчины, смотревшие в сторону турецкого берега, разом подхватили эту молитву-призыв и тут же, точно

поперхнувшись, затихли. Каждый из них мысленно благодарил Аллаха за то, что Его милостью не погибнув, преодолели тяжелый морской путь и выжили во время штормов. Люди просили Аллаха, чтобы страна, на землю которой они ступят, стала для них добрым хозяином, чтобы здесь они обрели счастье и спокойствие и, наконец, забыли горести и беды, приключившиеся на той земле, которую у них отобрали.

Когда до порта Ачкалы оставалось совсем немного, судно неожиданно дернулось и остановилось. От резкого толчка сидевшие на палубе женщины, дети, старики потеряли равновесие, а кто-то из стоявших мужчин, не удержавшись, упал. Даже несколько трупов, оставшихся на судне, едва не выбросило за борт.

– Что случилось с этим безруким, неуклюжим штурвальным? – возмущенно буркнул Масхаб Багов. Оглянувшись, он увидел сидящую на палубе мать с безвольно опущенной головой. Масхаб кинулся к ней: – Что с тобой, тян[1]? Сейчас, сейчас... Дарихан! У наны голова, наверное, закружилась. Поддержи ее...

Девочка прижала бабушку к себе. Бережно поддерживая ее отяжелевшую голову, она почувствовала, что та не дышит... Дарихан испуганно вскрикнула:

– Нана, что с тобой?!

У Масхаба отяжелели ноги, он сделал шаг, другой и грузно опустился на колени перед матерью. Умерла?! Не может быть! Ему всегда она казалась крепкой, как вековая чинара, растущая под окном, где они пили чай своей большой семьей. И... и вот она сломлена, лежит, будто крепко спит и видит в последнем сне свой растерзанный дом. Масхаб сидел перед ней, скорбно качая головой. Потом с горестным лицом уложил тело матери на палубу и, накрывая кафтаном, негромко обратился к дочери:

– Не плачь, дочка, мы должны все выдержать...

– Я не хочу здесь оставаться! Зачем мы сюда приехали, тат[2]? Давай вернемся назад!

[1] Т я н – мама.

[2] Т а т – папа.

– Если бы было куда возвращаться...

– Нет, нет, назад дороги нет! – торопливо вмешался в разговор старик Чермит Коблев, принесший им соболезнование.– Сейчас нельзя быть слабыми! Мы – не жалкий народ! Просто Аллах посылает нам испытания, и только крепкий духом сможет все выдержать! Вспомни, дочка, с какими словами покинула этот мир твоя нана? Она сказала: «Что будет со всеми, то будет и с нами». Да поможет нам Аллах не пасть духом!

– Магомет эфенди Марзухаев тоже так говорил! Мы слушали, следовали его советам, и что же? На нас обрушились такие бедствия! Зачем нужен такой эфенди? – включился в разговор Хатам, юноша лет семнадцати, сидевший с поникшей головой возле своих умерших родителей.

– Твоя скорбь мне понятна, сынок,– Масхаб присел рядом с Хатамом, не отводя взгляд от тела матери,– и я потерял мать... Лишь я да эта девочка остались теперь из рода Баговых. Но и ты, и я, и все мы не должны роптать. Нам всем повезло хотя бы в том, что наши покойники не оказались на дне моря, не стали кормом для рыб. Как только покинем это судно, предадим их земле. Гарун, узнай, почему мы остановились?

– Мы должны подождать, пока выгрузятся прибывшие раньше нас люди,– ответил сын старика Чермита Гарун.

Дарихан тихо плакала, ее уже ничего не интересовало.

Между тем их судно бросило якорь недалеко от порта, по всей линии которого стояли разные морские суда – торговые и пассажирские, большие и маленькие. Масхаб насчитал их двенадцать: груженых и пустых. Несколько кораблей из порта вышли в море. Они плыли на восток – в сторону покинутой ими Черкесии. И снова в душе Масхаба поднялась волна безысходности и обиды. Чтобы Дарихан не увидела уходящие суда, Масхаб прижал дочку к своей груди и, стараясь отвлечь ее, сказал:

– Вот и настал наш черед, сейчас сойдем с судна...

– А нана?! Я никуда не пойду, не оставлю ее!

– И нану вынесем с собой...

Масхабу вспомнилось, как они садились на турецкое судно на адыгском берегу. Все суетились, всем хотелось занять места поудобнее, люди осаждали судно, создавая хаос и суматоху, не задумываясь, какая жизнь их ждет на чужбине. Кто-то плакал, кто-то искал кого-то, а команда судна не церемонилась с лезшими напролом людьми. Протиснуться сквозь эту кишащую толпу было непросто, и только на длинной палубе люди успокаивались, собираясь в небольшие группы.

Здесь, в турецком порту, все было иначе: люди не спеша покидали судно. И если там каждый был сам за себя, то тут возрождалось природное черкесское достоинство. Мужчины, стоя по грудь в воде, переносили на берег детей, женщин, стариков и больных. Встречавшие их на берегу адыги, ранее прибывшие в Турцию, со слезами на глазах помогали им. Они сводили здесь концы с концами. «Чума вас сюда пригнала?! Вы сами себе испортили жизнь!» – говорили они.

Когда тела тринадцати покойников стали выносить с судна, Масхаб взял тело матери на руки и сказал дочери:

– Пошли, дочка, не робей, море здесь неглубокое, иди за мной.

– Теперь я уже ничего не боюсь.

Из ста двадцати восьми изгнанников, севших на судно в Сочи, в живых остались девяносто шесть. Их доставили в порт Ачкалы. Власти, боясь эпидемий, определили им землю недалеко от города в кустарниковом лесу. Люди, ступив на твердую землю, тревожно хлопотали, выбирали место под жилье и обустраивались. Собирались род к роду, племя к племени, по родственникам и по аулам. Какие бы трудности и преграды не возникали, человек всегда найдет выход, только от смерти нет спасения. И получаса не прошло, как послышались голоса из кустарникового леса. Люди собирали сухие ветки, и через некоторое время по воздуху разнесся запах дыма от разведенных костров.

– Как говаривал уважаемый всеми твой дед Ибрагим, живот успокоить легко. И мы что-нибудь придумаем,– сказал Масхабу Зауаль Баракетов. Он прибыл сюда на

месяц раньше и ему поручили заниматься похоронами усопших, соблюдая соответствующие обряды.– Наши хозяева строго приказали, чтобы прибывшие быстро хоронили своих покойных.

– Спасибо, что беспокоятся о нас. Но, не выполнив всех наших обрядов, я не стану хоронить мать,– холодно ответил Масхаб Баракетову.

– Солнце близится к вечеру, поторопитесь.

– Оно для нас давно зашло. В стране, где продолжились наши испытания, мы не станем малодушничать.

– Как скажешь, Масхаб, но бинбаши[1] Юсеф, поставленный над нами, боюсь, не разрешит... Вот и он идет, попробуй договориться...

– Зауаль! – воскликнул Масхаб. Услышав «попробуй договориться», он вспылил от обиды.

– Да, да, я ничего не сказал, ты ничего не слышал, но все же...

Бинбаши Юсеф, в красной феске на голове, с кривым ятаганом на поясе имел важный вид, с двух сторон его сопровождали аскеры-солдаты. Отовсюду послышались глухие голоса, всем было интересно, что он скажет Масхабу. Неожиданный порыв ветра колыхнул листву, с моря потянуло влагой и прохладой. Красное закатное солнце тонуло в море. Облака отсвечивали золотом и киноварью, и от этой фантасмагории казалось, что небосвод горит огнем. Не поздоровавшись, Юсеф грозно спросил:

– Почему вы затягиваете похороны покойников?! – Но увидев среди пожилых, бедно одетых женщин Дарихан, неожиданно мягко закончил: – Других уже похоронили. Скажите «амин», помолимся за мусульман, покинувших этот мир.

Мужчины, похоронив родных, возвращались с кладбища. Шли, не оглядываясь, но сердцем еще оставались там. Удручало количество свежих могил, на которых еще не успела прорасти трава. Их были сотни. Осознавая бедствие, обрушившееся на них, думали об одном: если воздать молитву милостивому и милосердному, Он помилует их, пошлет удачу в делах. Не останутся без милости и усопшие, недаром мусульмане молятся пять раз в день. Но даже после погребения надо думать о жизни! Чем ближе они подходили к жилищу беженцев, тем сильнее слышался плач женщин и детей, раздающийся с разных сторон, ругань, иногда до слуха доносились выстрелы из пистолета.

[1] Б и н б а ш и – майор.

Мужчины, сопровождавшие Масхаба Багова и разделившие с ним скорбь потери, приостановились, еще раз принесли свои соболезнования и разошлись.

Предвечерний воздух был свеж и влажен. Оставшись один, Масхаб стал обустраивать стоянку. Наедине со своими мыслями он понимал, что теперь жизнь пойдет другими путями. Надо избавиться не только от старых привычек, но и освободить сердце от сомнений. Прошлая жизнь осталась позади, а что впереди – неизвестно. Надо стать надежной опорой для дочери, хотя на душе тревожно: дочь – не сын... Как найти верные тропинки к ее сердцу, как говорить откровенно с неокрепшей душой? Приготовив место для ночлега, он обернулся к Дарихан, которая хлопотала у очага, и ласково обратился к ней:

– Вот что, дочка... Мы должны понять, что с нами произошло. Получается, мы и там, и здесь чужие. И пригласившим нас в эту страну, мы, видно, тоже не нужны... Чужие среди чужих...

– Что с тобой случилось, тат? Я тебя не узнаю... – обеспокоенно отозвалась Дарихан, не понимая, к чему отнести слова отца.– Ты же говорил, не надо впадать в отчаяние.

– У меня нет сына, с которым бы я мог поделиться своими мыслями, и я решил с тобой поговорить серьезно о положении, в которое мы попали. Понимаешь, наши предводители оказались не способными решать простые задачи, они давали нам пустые обещания и надежды, а мы бездумно доверяли их советам. Вот и испортили себе жизнь. Пропустив голову коня, нечего цепляться за хвост... Но, что бы с нами ни случилось, дочка, не будем отчаиваться. Как говорил твой дед Ибрагим, споткнувшись,

человек вновь встает, и разбитый нос заживает. Вот ты зажгла огонь в очаге в чужой стране. Он уже горит, давай его поддерживать. Я чувствую по запаху, что ты сварила немного пшена. Или мне кажется?

– Я же забыла, тат, что за целый день у тебя во рту не было и крошки! – Дарихан вскочила, развернула бабушкин шерстяной платок, вынула из него тарелку с теплым пшеном и подала отцу.

– А ты?

– Сначала тебя накормлю, потом сама поем.

Протяжный голос муэдзина призвал к молитве. Масхаб быстро доел свой скромный ужин и пошел делать амдез-омовение перед молитвой.

На поляне собралась добрая сотня мужчин. Они стояли под высоким небом рядом с расстеленными на земле кафтанами. Последние отблески заходящего солнца розоватым светом легли на их прежде спокойные, а теперь суровые лица, на которых проглядывали грусть и тайный страх. Молящиеся опустились на колени. И каждый раз, когда они опускались и вставали, их кинжалы, клинки и пистолеты, соприкасаясь, издавали характерный звук. Мужчины покинули родину, но их дух остался не сломлен.

На темнеющем небе чужой земли стали появляться звезды. Лунное серебро отсвечивало на одежды и оружие молящихся, но, погруженные в молитвы, они этого не замечали. Впереди совершающих намаз стоял старик Ахмед эфенди. Время от времени он громко произносил слово «фатиха», и казалось, что только оно и осталось на притихшей земле. Все безмолвны: женщины, сидящие под деревьями, дети, больные старики и мужчины, переживающие все случившееся, как обиду и унижение. Коротким «амин» Ахмед эфенди закончил намаз. Маленький и худой, он обернулся и неожиданно зычным голосом обратился к верующим:

– Мусульмане, пусть великий Аллах благословенно примет ваш намаз. Я прошу вас не расходиться, нам нужно обсудить некоторые дела. Без ведома Аллаха единого, к

которому все обращаются с просьбами, но который Сам никого не просит, ничего не происходит. На этой земле, где мы оказались, Он еще раз нас испытывает. Будем терпеливы и не забудем о нашей чести, обычаях предков. Так же преданны Ему и милосердные турки, которые предоставили нам свои земли. Их султан Абдул-Азиз – посланник великого Аллаха. После Аллаха и ему мы скажем «спасибо», в меру своих сил и возможностей добром отблагодарим за щедрость его.

– Что он несет? – не выдержал Хатам Брантов.– В моей недолгой жизни я много раз слышал эти слова: «Будем терпеливы, нас испытывают...» И что же? Я остался один-одинешенек на всем белом свете...

– То, что случилось с тобой, не каждый взрослый может вынести. Но не говори, что ты один, мы с тобой,– обратился Масхаб со словами утешения к Хатаму. Затем обернулся к эфенди: – Пусть твои благие дела Аллах умножит, но у меня есть вопрос, если разрешишь.

– Как я могу не дать тебе разрешение, если ты только что совершил намаз. Ты из какого рода, представься.

– Я из рода Баговых, джамаат,– сказал Масхаб, обращаясь ко всем.– Уважаемый Ибрагим Багов – мой дед, а Асланбеч, если вы его знали, мой отец. Мы жили в ауле Бирджхабль, которого теперь нет. Это аул, в котором было правление абадзехского хасэ. Спасибо, что вы не забыли наш аул и наших старших,– последние слова он адресовал тем, кто гулом одобрения освидетельствовал его слова.

– Слушаем, слушаем... – Ахмед эфенди, пряча улыбку, подумал: «Что же он хочет сказать?»

– Я хочу спросить,– продолжил Масхаб,– как мы будем жить дальше? Думаю, что и вас волнует этот вопрос.

– Да, Масхаб, мы тоже думаем об этом,– сказал Зауаль Баракетов из одного с Масхабом аула, делая вид, что поддерживает своего земляка. Он стоял недалеко от эфенди.– Сегодня переночуйте спокойно в указанном вам месте, а завтра посмотрим, что ваши хозяева вам предложат.

– На что, Баракетов, ты посмотришь? Ты разве не видишь, что люди, прибывшие сюда весной, до сих пор

без земли, без домов! – резко ответил Багов, потом, чуть успокоившись, добавил: – Сегодня еще безоблачно, а завтра может пойти дождь, град.

– Третью часть из нас, прибывших, мы уже похоронили здесь,– поддержал Масхаба Дзегашт Наурзов.– Нам известно, что здесь процветают убийства, разбои, кражи молодых девушек. Встретившие нас соплеменники предупредили, чтобы мы были бдительными.

Масхаб Багов и Дзегашт Наурзов вслух высказали то, что волновало всех. Если до этого люди стояли, опустив глаза, украдкой поглядывая друг на друга, то теперь все зашумели. Но несколько человек, для которых личные дела были важнее, потихоньку стали покидать сход.

– Да, да, джамаат, пусть Аллах милостивый обратит свой добрый взор на вас,– торопливо сказал Ахмед эфенди, который прекрасно понимал, что творится в сердцах людей.– Мы и за целую ночь не закончим этот разговор, есть проблемы, о которых можно говорить бесконечно. Ваши страхи не придуманы, но во всем этом виноваты гяуры, изгнавшие нас из нашей страны. Великий Аллах истребит их бесследно, а серебряной светящей дорогой спустившийся с небес ислам во веки веков будет с нами. А теперь возвращайтесь к своим семьям. А мы, служители ислама, поговорим о том, как поправить наши общие дела, подумаем, как сделать жизнь легче. Счастливо вам встретить рассвет, джамаат. Да, не пропустите полуночный джацэ-намаз.

– Дарихан, ты где?! – Масхаб, не увидев под деревом дочь, окликнул ее, быстро оглядывая все вокруг.

– Она недалеко,– спокойно ответил Хатам.– Когда я шел на намаз, Дарихан оставалась одна, поэтому я отвел ее к соседским женщинам. Да вот она, возвращается.

– Постой, Хатам, куда ты?..– спросила подошедшая Дарихан прощавшегося с отцом парня.– Садись, я вас с отцом чаем угощу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ночь опустила на землю тишину. Но тишина эта была тревожной: то вскрики птиц будят чутко спящих людей, и тогда слышатся их глухие голоса, то собаки сонно лают, то вспыхивает огонь костра у тех, кому не спится. Но каждый, кто не спал, хотел побыть наедине с собой, со своими думами.

Лежа под открытым небом летней ночи, Масхаб Багов тоже не спал. Ворочаясь, он размышлял: «Кто терпит оскорбление, тот успеет отомстить»,– так говорят адыги. И сегодня многие, очень многие поддерживают эти слова.

Вслушиваясь в тишину первой ночи на чужой земле, он вспоминает родной аул, где летними ночами тоже спали под открытым небом, но как благословенны были те ночи! Окруженные сотнями аульских домов и садов, адыги были открыты и высокому звездному небу, и шороху листьев, и журчанию горных ручьев. И когда предутренний порыв ветра начинал колыхать листву, как приятно было омыться, чтобы с первыми лучами солнца встать на молитву.

С детства и до сегодняшних пятидесяти лет много раз Масхаб Багов вот так смотрел на небо. Но за эти годы он так и не смог разгадать тайну мироздания. Вот и сейчас он наблюдал, как луна из серебристой стала медово-желтой, а ее свет, окутывая землю, делал темную южную ночь светлей, прозрачней. И звезды блестят и переливаются, а некоторые из них срываются и, как искры, летят к земле. Но Масхаб только глазами с небом, а сердцем, душой, он далеко отсюда – на адыгской земле. На той земле, которую его вынудили покинуть. Сердце его бродит в родных абадзехских горах и лесах, останавливается на полянах, прислушивается к шуму рек, несущих свои воды к Черному морю, наблюдает орлов, парящих под самым небосводом.

Дарихан устроилась недалеко от отца. Сквозь сон слышала его вздохи, но, перевернувшись на другой бок, она опять уснула. Отец посмотрел в ее сторону и мысленно обратился к дочери, за которую болело его сердце: «Спи,

спи, дочка. Что поделаешь, надеясь на свое мужество, мы многим принесли несчастье. И ты одна из них... Разве только те, которых мы не одолели, оскорбили нас? Разве они одни? Может, и мы сами сделали что-то не так? Эти два вопроса, наверно, имеют два ответа, а может, и три, и больше. Если случилось с нами то, что случилось, если противник оказался сильнее, безжалостно и немилосердно выбросил нас из страны, то не все ли равно теперь, как я отвечу на эти вопросы? Если две стороны взяли в руки мечи и стали друг против друга, разве они смогут сдержать свою жестокость? Из стоявших друг против друга обязательно кто-то погибнет! Да, но с оружием пришли к нам, а мы, как могли, защищали себя. И за это нас считают разбойниками! Хороши разбойники, защищающие свои очаги! Больно и обидно. И на турецком небе падают и сгорают звезды... Наверно, среди них есть и звезда несчастных адыгов...»

Жизнь научила Масхаба бдительности, и за всю долгую ночь он проспал около полутора часов. Проснулся неожиданно, прислушался: вокруг тишина, нет ни петушиного крика, ни собачьего лая. Где-то заплакал ребенок, нарушив тишину. И луна покинула небо, и тысячи звезд, красовавшиеся перед ней, исчезли. Лишь на востоке, на едва-едва алеющем горизонте, тихонько гасли несколько запоздавших звезд. Предрассветный ветер, не набравшийся еще силы, не может достичь верхушек деревьев, поэтому, спотыкаясь о жухлую траву, падая и поднимаясь, лениво ползет по пыльной, давно не видевшей дождя земле.

«Что это я лежу, давно пора вставать»,– упрекая себя, Масхаб встал, надел черкеску, которой ночью укрывался. Потом снял с запястья серебряный пояс, на котором висели кинжал и пистолет и опоясался им. Затем поправил газыри на своей груди.– «Что теперь я должен делать? Пока люди не пошли на родник, схожу за водой. Смотри-ка, в бурдюке из козьей кожи и в бурдюке из овечьей кожи, в жбане, в медном котле – везде вода. Но у нас не было бурдюка из овечьей кожи! Откуда он взялся? Неутомимая моя дочка, когда ты успела принести столько воды? Ну, хорошо, моя

радость, пока ты спишь, я разведу огонь. Вот и охапка сухих веток уже лежит... Кто из нас двоих, дочка, надежда и опора?»

– Тат, что ты так рано встал? – обратилась к отцу Дарихан, который уже разжигал огонь.

– Ты почему не спишь, дочка?

– Как я могу спать, уже рассветает. Вот и вода для амдеза готова, чтобы ты мог совершить омовение.

– Сегодня я пропущу намаз.

– Почему? – удивилась Дарихан.

– Какой прок молиться тому, кто не слышит и не внимает нам? Сколько мы его просили, сколько молили, а он позволил захватить наши богатые земли и привел нас в эту голую страну...

– Тат! Не говори таких слов никому!

– Успокойся, Дарихан. Я тебе доверяю, эти слова останутся между нами.

– Да, но тот, о ком ты говоришь, слышит же? И турки, если попадешь к ним в немилость, не простят тебе этого.

– Тот, кто не услышал нас до сих пор, теперь, на чужой земле, не услышит и подавно,– горько выразил свою обиду Масхаб.– Турки... Обещали, что откроют нам золотые двери райской страны, а сами забросили нас сюда, в этот чагарник. Я согласен: с ними надо быть осторожным, они не простят отступника. Но зачем нам открывать свое сердце и свои мысли этим заблудшим? Ладно, если ты настаиваешь и вода для амдеза готова, я не буду пропускать намаз, который привык совершать. Теперь, когда я угодил тебе, дочь Баговых, я хочу знать, откуда эта вода и охапка дров? У нас, абадзехов, никогда не было слуг, но подозреваю, что ты поработила Хатама.

– Не знаю, что сказать про слуг, тат. Но и эту сумку проса, и эти два круга копченого адыгского сыра так же, как оставшиеся после смерти его родителей два серебряных пояса и медный котел, Хатам принес нам на сохранение. Сказал, что и среди адыгов появились воры. Вчера ты вернулся уставшим, и я ничего тебе не сказала. Если поступила неправильно, верну их ему.

– Это хорошо, что Хатам доверил нам все это,– пряча улыбку, сказал Масхаб,– но что, если просо и сыр заплесневеют?

– Я не дам им испортиться! Просо провею на ветру, а сыр... нана говорила, что такой копченый сыр сто лет будет лежать и не испортится.

– Да, и я это подтверждаю и буду не против, вместе с кругом копченого сыра Брантовых мы проживем сто лет,– пошутил Масхаб. Потом, снизив голос, предупредил дочку: – Эта тайна касается нас троих. Начиная с нашего небольшого запаса золота и серебра и заканчивая малым запасом еды, про просо с сыром ни один человек не должен знать. Безысходность и безнадежность портят человека. Твоя бедная бабушка, не нашедшая себе могилу на родной земле, говорила: «Посмотрим, что дальше будет...» Пойду, поговорю с людьми. Не будем же мы вечно находиться в этом чагарнике! Узнаю новости, и решим с сородичами, что дальше делать. Интересно, что готовят нам хозяева этой земли? Думаю, не худо будет отобрать группу вооруженных людей, чтобы мы могли себя охранять. Хорошо бы выбрать мухтара-старшину, который будет заниматься нашими делами.

Масхаб Багов не ожидал, что джамаат одобрит и решит эти два вопроса. Выбрали группу вооруженных людей из двадцати человек, предводителем назначили Дзегашта Наурзова. Но избрать мухтара оказалось не так легко.

– Аллах обратил мое внимание на того, кто может стать мухтаром для живущих в чагарнике, джамаат, и я назову его имя,– с уверенностью сказал Ахмед эфенди.– Это Зауаль Баракетов. Пусть Аллах его благословит и укажет ему правильный путь, он добрый человек, мудрый, его слова и дела не расходятся друг с другом, он истинный мужчина и один из тех, кто раньше вас приехал в Турцию.– Пожилой эфенди сказал все это зычным голосом, не соответствующим его возрасту и, немного помолчав, неожиданно закончил: – Поставленный над вами Юсеф так же не возражает против этой фамилии.

– Да, да,– поддержал его Юсеф.– И глава вилайета в Трабзоне о нем осведомлен.

«Ты послушай, что они говорят... Значит, заранее уже сговорились, и им нужен услужливый холоп, который будет дудеть в их дуду. Неужели в Трабзоне нет более важных дел, чем выборы мухтара для бедных людей, живущих в заброшенном чагарнике? Они преследуют какую-то свою выгоду, а Баракетов – специалист по сплетению всяких неблаговидных дел. С того дня, как он, буквально пройдя по головам людей, сел на судно, и для меня, и для его сверстников, и для всех аульчан он потерял всякое уважение...»

– Что скажет джамаат на уже решенное дело? – спросил Ахмед эфенди, и на его лице появилась едва заметная усмешка.

– Джамаат, наверно, среди нас нет человека не знающего, кто такой Зауаль Баракетов,– отделился от толпы высокий и крупный Масхаб Багов.– Когда мы противостояли нашим врагам у себя на родине, я не скажу, что он не был мужественным воином, не скажу, что на его теле нет шрамов от заживших ран. Вот сейчас много похвалы мы услышали в его адрес. Наверно, многое из того, что мы слышали, правда. Но вы видели, как Баракетов уезжал в Турцию? Я напомню вам об этом. И в день приезда, когда мы, полумертвые, сошли на берег, вы видели его среди наших сородичей, которые с сочувствием встречали нас? Тогда как мы выберем мухтаром такого бессердечного, безжалостного человека?

Ахмед эфенди, привыкший повелевать, был неприятно поражен этим протестом, но решил дослушать выступающего. Он умело управлял паствой еще и потому, что чувствовал поддержку со стороны властей, недаром в поездках его сопровождал Юсеф. И даже если сейчас что-то не сладится, он дождется своего часа и повернет дело в нужную ему сторону. А пока терпеливо стоял в стороне, намереваясь снова обратиться к людям. Зная силу слова и боязнь людей перед религией, эфенди думал заронить в их сердцах сомнение и тем самым решить свой вопрос. Но услышанное сдержало его.

– Ты прав, Масхаб!

– Такому, как он, не доверяют должность мухтара.

– Если вы не согласны, джамаат, мы подумаем о ком-нибудь другом,– поменял свое мнение эфенди.– Мы на днях ознакомим вас со своим решением.

– Если мы должны выбрать мухтара, то почему ты, эфенди, да и уважаемый Юсеф будете ломать свои головы? – спросил Дзегашт Наурзов.– Сегодня, раз мы уже собрались, давайте назовем имя будущего мухтара. Я за Масхаба Багова, если согласитесь со мной. Он станет для нас хорошим мухтаром. Он из уважаемого рода, кто из вас не знает его деда Ибрагима, да и отца Асланбеча?

– Нет, Дзегашт, нет, джамаат,– поспешил возразить Масхаб,– я старался не для себя, не надо называть мое имя. Если вы меня послушаетесь, я за то, чтобы эту должность доверили Гаруну Коблеву, сыну уважаемого Чермита, нашего старейшины.

– Это правильный выбор! – согласно загудел джамаат.

Несколько человек, которых к этому собранию подготовили Ахмед эфенди, Юсеф и Зауаль Баракетов, не стали брать слово. Да и что они могли сказать? Выбрали мухтара, произнесли молитву и разошлись. Эфенди Ахмед и бинбаши Юсеф сами привыкли к повиновению властям и ожидали от адыгов того же. Но их неожиданное проявление свободолюбия и смелость в отстаивании своих интересов неприятно поразили турок. В их стране такое поведение могло бы показаться бунтом. Султан, наместники, эфенди, военные, стражи порядка – на всей этой иерархии власти зиждился порядок страны. Все должны подчиняться законам, принятым в государстве. Но сейчас они смолчали, нужно было понять, как правильно управлять этой непокорной стихией. А Баракетов сразу сообразил, что от него требуется.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Семьям беженцев обещали, что за неделю будет разрешена их проблема с размещением. Но проходили дни,

недели, а они все еще жили в чагарнике. Турки боялись эпидемии, и хотя вспышек заболеваний не было, но утомленные и отощавшие люди продолжали слабеть и умирать. Хоронили и одиноких, уже потерявших своих родных, и все новые и новые могилы появлялись на черкесском кладбище. И все же наступил перелом, когда жизнь стала брать свое, адыги уже меньше хоронили и оплакивали умерших. Они смирились с судьбой, привыкли к смерти, но можно ли до конца смириться с бесконечными бедами, сыпавшимися на их головы?

Несмотря на мужество, тревога за будущее не оставляла людей. Хуже всего была неопределенность их положения. Будто взяли и подвесили в воздухе, лишили твердой устойчивости, уверенности в себе. Дома, в родной стороне, все было ясно: если что-то не разрешалось по-доброму, то нередко кровавый клинок кончал дело. А тут неволя.

– Нам повезло, наше счастье, что дни стоят теплые и дождя нет, хотя ночи уже холодные,– сказал Гарун Дзегашту Наурзову. Дзегашт согласно закивал головой, он лучше кого-либо знал положение дел. С тех пор, как его выбрали предводителем группы охраны поселения, он не знал покоя ни днем, ни ночью.– Если бы к нашей беде добавились слякоть и холод, не знаю, что бы с нами было. Хотя что еще может статься с нами? Худшее, что могло случиться, уже произошло.

– Все правильно, Гарун. Но иногда мне кажется, что мы сами себя обманываем... – безвыходное положение соплеменников тяжелым грузом лежало на сердце Дзегашта, он с трудом выдохнул.– Кто знал, что Турция, куда мы так тяжело добирались, окажется такой бедной?

– Ты тоже так думаешь? – спросил Гарун.

– Мы не по своей воле здесь! Нас изгнали!

– Верно, эти слова мне кажутся более справедливыми.

– Не сомневайся, это действительно так! – И тише спросил: – Неужели ты тоже думаешь о возвращении?

– Иногда. Да и кто из тех, кого заставили оставить все, что он любил: дом, двор, свою землю не думает об этом?

– Там, за морем, остались наши родственники, друзья. Сила нашего оружия не смогла защитить их. И наше мужество оказалось бессильным против пушек и снарядов, мы оставили на родной земле сожженные аулы и кладбища наших предков. Да, мы думаем о них! Сердцем мы с ними, хотя и находимся здесь, в этом паршивом чагарнике! А эти господа хотят командовать нами, навязать свою волю. Если будем приспешничать и прислуживать им, мы растворимся среди них.

Гарун, сидевший возле родника, достал из холодной воды маленький камешек. Повертел его в руках, согрел в ладони и бросил обратно в воду. На его суровом лице показалась улыбка, и, словно что-то вспомнив, сказал:

– Говорят, что турки, как и мы, бесстрашны, не терпят оскорбления, горячи, если почувствуют свое превосходство, стараются унизить тебя. С тех пор, как меня выбрали мухтаром, бинбаши Юсеф придумывает всякие отговорки, оттягивая наш с ним разговор. На днях, когда мы случайно столкнулись, он намекнул, что зря я взялся за работу, с которой не справлюсь, дескать не моего ума дело. С ним был Баракетов, вот так они и посмеялись надо мной. А вы видели, как Баракетов постриг свои усы и бороду на турецкий манер?

– А видели, какое у него выросло пузо? Не от голода же оно пухнет? Видно за услужливость его хорошо кормят,– заметил Дзегашт.– Мы ежедневно переносим столько мучений, что впору сойти с ума. Не могу взять в толк, почему Баракетов так себя повел? С тобой, Гарун, и Мастхабом столько лет воевал бок о бок, в мужестве не уступал, можно ли так быстро забыть боевые испытания, которые вы вместе пережили?!

– Не знаю, что на это сказать... Тот, кто оставил не погребенной свою семью, стремясь быстрее покинуть родную землю – человек без души. С другой стороны, если он мечтал о должности, почему не остался с казаками, они бы сделали его старшиной, и он не лишился бы родины. Помните, как сделал Накиж? Он стал перебежчиком.

– Вероятно, не успел...

– Нет, нет. По сути, у него в сердце нет родины. Или она там, где сладко кормят. Посмотришь: внешне человек как человек, выглядит внушительно, а что у него на сердце – неведомо.

С верховий родника донесся звук едущей кареты, Гарун оглянулся и увидел карету Юсефа и его возничего Баракетова.

– Легки на помине, поистине тот, о котором говорят, сидит на пороге. Вот, едут,– недовольно проворчал Дзагашт.

– Посмотрите на них... – Зауаль Баракетов спрыгнул с кареты и сказал, не обращаясь ни к кому, но так, чтобы слышал Юсеф: – Забыли о людях, умирающих от голода и болезней, сидят, прохлаждаются... – Потом, стараясь угодить своему господину, добавил: – Поклонитесь и поздоровайтесь с бинбаши Юсефом, которого поставили над вами. Вот он, перед вами!

– Если ты, Баракетов, поешь песню того, на чьей арбе едешь, это твое дело. Но не учи нас, что делать,– кинул ему Дзагашт Наурзов. Затем, следуя адыгским обычаям, обратился к улыбавшемуся офицеру, который делал вид, что ничего не слышал: – Добро пожаловать, тхаматэ.

– Пожалуем, если родник холодный и чистый. Зауаль, зачерпни моей кружкой воду из родника и дай-ка мне напиться. Хорошая вода, чистая,– похвалил он. И после того, как остаток воды в кружке Баракетов слил ему на руки, обратился к своему возничему и его соплеменникам: – Этот родник надо сохранить. Не допускайте к нему ни больных, ни здоровых. А чтобы сохранить его, есть выход – брать со всех, кто приходит за водой, плату, хотя бы небольшую.

– За хлеб, который нам раздают, с нас плату не берут, как же мы будем брать деньги за воду, которая течет из-под земли? – Гарун не столько удивился, сколько обиделся, и эта обида пробежала по его лицу неуловимой тенью.

– Хлеб от имени нашего великого султана Абдул-Азиза, пусть Аллах умножит его доброту и даст ему хорошее здоровье, дает вам наша страна. А земля, из которой течет этот

родник, и чагарник, где вы живете, и все, что вы видите, вместе с портом на берегу моря – все это принадлежит наместнику Балкан Мустафа-паше. Он противостоит там сородичам тех гяуров, которые выгнали вас из вашей страны.

– Наш глава Юсеф – его племянник,– добавил Баракетов.

– А небо?

– Что «небо»? – не понял Баракетов.

– Небо над нами тоже его?

– Коблев, одерни Наурзова, чтобы он лишнего не говорил. Выполняйте то, что бинбаши Юсеф сказал вам по поводу воды из родника.

– Правильно, правильно, ничего плохого в этом нет,– поддержал турок.– Купленное ценится больше, чем доставшееся даром.

В тот же миг раздались голоса глашатаев:

– Хлеб привезли, подходите к берегу моря.

Инфекционные болезни, хотя и не носили уже характер эпидемии, были страшны, и чтобы они не распространялись, чагарник по всему периметру охраняли турецкие аскеры-солдаты. Чтобы пройти эту территорию или выйти из нее, нужно было получить разрешение Юсефа. Эта должность оказалась самой прибыльной из всех существующих здесь должностей. Получалось, что беда одного становилась источником прибыли другого, и тот, другой, становился еще богаче.

Люди потянулись за хлебом, и это было печальное зрелище. Они выходили из чагарника с разных сторон. Шли тени, а не люди. Те, у которых остались силы, ускоряли шаг; обессиленные, едва передвигая ноги, плелись еле-еле, кого-то вели под руки. Матери несли детей, которым полагается хлеб, вездесущие мальчики впереди всех неслись к берегу моря. Над собравшейся толпой стояла тишина, хотя более ста человек пришли за хлебом. Всех волновало одно: хватит ли хлеба? Солдаты с повязками на лицах стояли в два ряда. Люди по одному проходили между ними. Аскеры проверяли, живы ли дети, находящиеся на руках матерей.

Бинбаши Юсеф, Ахмед эфенди, Баракетов и несколько вооруженных аскеров-охранников стояли неподалеку. Напротив них – Масхаб Багов, Гарун Коблев, Дзегашт Наурзов, старик Чермит Коблев.

Когда закончилась раздача хлеба, привезенного на двух лодках, опять около двадцати человек остались без пайка. Одна из женщин, истощенная, обессиленная, увидев, что лодки отходят от берега, в отчаянии крикнула:

– И сегодня я осталась без хлеба!.. Как я с пустыми руками вернусь к моей бедной матери?..

– Так нельзя делить хлеб,– сказал старик Чермит,– нужен другой подход. Здесь все в трудном положении, но мы соплеменники, поэтому давайте помогать и оберегать друг друга. Поделимся с теми, кому не досталось хлеба. Завтра, во время раздачи, кто-то из нас может остаться без него. Мою долю, Гарун, раздели между ними поровну.

– Погодите, не делайте так,– окликнул их Юсеф, пытаясь обратить на себя внимание Дарихан.– У меня в карете есть несколько буханок. Зауаль, раздели их между теми, кто остался без хлеба. Правильно, мне тоже не нравится, как он раздается. Надо обратить внимание вышестоящих на это, пусть они решают.

– Хлеб привозят нам,– обратился Масхаб Багов к Юсефу,– вот и давайте его нам. А мы доверим раздачу своим людям и обяжем их не оставлять никого без хлеба. И еще: люди спрашивают, сколько вы будете держать нас в чагарнике?

– Это не мое дело, на то воля Аллаха,– отрезал Юсеф, легко вскакивая в коляску, и оттуда, с высоты, спокойно добавил: – Наверное, когда вы избавитесь от тех болезней, которые подхватили от гяуров. Говорят, месяц надо подождать, вот тогда и поговорим. Глава Трабзона, чей я посланник, и стоящий над ним великий наш султан беспокоятся о вас. Выполняя указания нашего светлейшего султана, мусульманская страна милосердно отнеслась к вам. Поэтому он надеется, что вы будете жить, выполняя его указы. Аллаху акбар!

– Аллаху акбар! – нестройными голосами отозвались мужчины, но каждый из них думал о том, что предстоит им завтра и все последующие дни.

– Что будем дальше делать? – обратился к ним Мас-хаб, и сам же ответил: – Было бы хорошо встретиться с их султаном. Но, боюсь, что нам не дадут с ним встретиться. Говорят, эфенди Магомет Марзухаев влиятелен в Стамбуле... Но он что-то нас не навещает...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Солнце в зените, летний зной усилился, ни ветерка, ни тучки. Даже птицы, утомившиеся от жары, изнывают, выглядывая из поникшей листвы. Ослы, почуяв приближение водопоя, орут осипшими голосами.

Пришло время полуденного намаза. Голоса муэдзинов Стамбула слышны со всех сторон. Они взывают к сердцам и душам мусульман, которых Всевышний испытывает в этом временном мире.

Дворец турецкого султана, окруженный высокой каменной оградой, занимает целый квартал. Сейчас он безлюден, только у дворцовых ворот и снаружи, и внутри – вооруженная стража. Несмотря на жару, они стоят на своих постах, не шелохнувшись.

Турецкий султан Абдул-Азиз, закончивший полуденный намаз, перебирая синие четки, размышлял об адыгах. Подойдя к окну, слегка сдвигает занавес, защищающий залу от солнечных лучей. На улице жара, а здесь, в залах султанского дворца, прохладно. Абдул-Азиз думает о проблемах черкесов не первый день и не один год, а с 1861 года, с тех пор, как стал султаном.

Кавказская война закончилась победой России, но для черкесов, изгнанных из родной земли, она еще продолжалась. Турция, предвкушавшая выгоду из своего благодеяния, приобрела пока лишь головную боль. Противники считают Абдул-Азиза мягкотелым – его старший брат Абдул-Меджид был совершенно другой: жестокий, вспыльчивый, необузданный. Но и мягкое бывает жестким, как говорится: мягко стелют, да жестко спать.

Между тем подошло время обеда, и султан прошел в смежную, обеденную залу. Посредине уже стоял накрытый стол, неподалеку от него – серебряный столик. Султан ополоснул руки в золотом тазике и сел за еду. Но сегодня пища его не радовала: попробовав каждое блюдо, он выпил сладкой воды и встал из-за стола.

До визита визира иностранных дел Турции Али-паши оставалось около полутора часов. Султан Абдул-Азиз, подойдя к окну, обратил свое узкое лицо в сторону Черного моря. Посмотрел, прислушался и неспешно зашагал по изящному, тонкой выработки ковру: «Если бы черкесы послушались нас и стали частью Турции, они бы не попали в нынешнюю беду. Недаром их дочь, наша великая мать, не раз повторяла черкесскую пословицу: «Кто не слушает, тот ошибается...» Но если человек привык к воле, его трудно остановить, он притягивает к себе неисчислимые беды.

Русским нужен был выход к Черному морю, поэтому они раз за разом воевали с нами, а когда мы проиграли, то уже не смогли помочь черкесам сохранить их чудесную землю. Теперь они нашли приют у нас... И на Балканах, где живут христиане, тоже неспокойно. Русских, называющих себя славянами, также много, как арабов. Как же их много! И года не проходит, чтобы они не затеяли войну. Когда великий султан Селим Первый в Египте победил мамлюков, арабы смирились и успокоились. Они и их земли стали частью Османской империи, но до сих пор смотрят на нас косо. Но они мусульмане, наши единоверцы, мы найдем общий язык. Другое дело – Балканы. Россия таит для нас угрозу на Балканах, и тут нужна крепкая граница и хорошие, настоящие воины. Мустафа-паша, испытанный полководец, не раз говорил об этом.

Мысли султана Абдул-Азиза прервал вошедший личный секретарь Мамед:

– Султан султанов, наш светлейший из светлейших, к Вам великая Бике!

– Разве я приглашал бабушку?

– Нет, наше солнце. Но она говорит, что хочет видеть светлейшего.

– Я нужен всем, у всех я в долгу... – раздраженно выразил недовольство султан, и, не отходя от окна, не оборачиваясь, приказал: – Пригласи!

Вошла великая Бике. Несмотря на жаркий и душный день, она была одета в черное широкое платье, из-под полы которого виднелись легкие туфли с причудливыми узорами. Голова повязана белым платком, поверх – шелковая черная шаль. На взгляд ей было не больше восьмидесяти лет.

– Турецкий султан! – погрозила она внуку серебряной тростью.– Я не пришла смотреть на твою сутулую спину. С детства учила тебя держать спину прямо!

Султан, отвыкший от таких грозных слов, почувствовал себя маленьким. Он повернулся и обомлел:

– В такую жару, великая мать турков, ты одета в черное? Что случилось? Какая-то беда?..

– Великая беда моих соплеменников заставила меня надеть траурную одежду. Ты считаешь это неуместным, я не должна так поступать? Лучше подвинь мне стул и сам сядь напротив. Выслушай меня, ни твоего отца, ни твоего старшего брата, которых нет с нами, ни тебя я до сих пор ни о чем не просила. Но, видимо, пришло время. Аллах решил, что именно ты должен это сделать. Поймешь меня, буду рада, не услышишь, что ж, ты султан большой страны. Пусть это ляжет на мое сердце тяжким грузом, как и многое другое, что мне пришлось пережить.

– Что же это ты, великая мать турков, так упала духом?

– Да, обида сжигает мое сердце.

– Слушаю, великая мать,– султан, помня замечание бабушки, прижал спину к спинке трона, стараясь сидеть прямо.

– Не только послушаешь, но и сделаешь то, что я тебе скажу.

– Не помню, чтобы я когда-нибудь не сделал то, что ты хотела, великая мать.

– Это когда ты был маленьким, то делал все, что я говорила.

– Да,– бесхитростно усмехнулся султан,– бывало, твоя трость падала на мою спину... Озорничал, баловался,

согласен. Помнишь, когда осел сбросил меня, ты приказала отрубить ему хвост.

– Не надо винить меня в том, в чем я не виновата. Ты тогда плакал от боли, и мы долго не могли тебя успокоить, поэтому твой дедушка приказал так поступить с бедным ослом. Ладно, ты много проказничал, мое сердце всего не упомнит. Лучше расскажи мне, как дела у бедных черкесов, чья кровь течет и в тебе? Особенно поведай о том, что ты должен был сделать для них и чего не сделал, султан. В том, что случилось с ними, есть и наша вина. Твои дед и отец подстрекали их к этому, давая надежды.

– Им, попавшим в бедственное положение, и ты тоже это знаешь, мы открыли двери своей страны. Они ведь мусульмане, веруют в Аллаха, исповедуют ислам...

– Не рассказывай мне то, что я знаю! – прервала его великая Бике и наставительно добавила: – Если ты открыл им двери своего дома, не держи их голодными и холодными! Где твое гостеприимство? Если у твоей страны пустая казна, на, держи то, что я собрала за всю свою нелегкую жизнь.– Великая Бике поставила шкатулку на край трона, где сидел султан. Сняла сережки, кольца, браслеты, цепочку и все это положила туда же. Затем взяла из шкатулки одно кольцо.– Это первый подарок твоего дедушки. Мне не столько много осталось жить, и я хочу, чтобы это кольцо оставалось со мной до моей смерти.

– Бабушка, великая мать турков, то, что ты делаешь, унижает меня,– Абдул-Азиз бросился на колени перед ней, целуя ее руки.– Турция – богатая страна. Ты столько сделала для нее, что и дедушка, и отец, и все мы перед тобой в долгу.

– Я сделала то, что должна была сделать, мой Азиз,– сказала Бике и тише добавила: – Хоть и жила в золоте, но никогда не забывала о своих соплеменниках. А теперь они, несчастные, погибают... – И, несмотря на свой возраст, встала со стула так же быстро, как и присела. Султан тоже встал. Бике, не особо опираясь на серебряную трость, не оборачиваясь, кинула через плечо: – Не надо провожать меня, я дорогу помню. То, что я тебе сказала, не просьба, а приказ.

Султан Абдул-Азиз, глядя вслед бабушке, подумал с обидой: «Никогда никого не слушает, считает себя всегда правой, только то, что она говорит – истина. Как говорил Абдул-Меджид, не мы должны были быть султанами, а та, которая только что, выражая свое превосходство, оставила свои сокровища и ушла к себе. Что тут скажешь? Черкешенки красивы, умны, сильны духом, как наша бабушка, а их мужчины – хорошие воины. Но они не смогли построить добрые отношения между нами, русскими и англичанами. Что проку теперь обвинять тех, у кого отняли их дом? И я, турецкий султан, знаю, как надо поступить! Сейчас я жду Али-пашу, такие дела обсуждаются с визиром. Поговорим и о других делах...»

Абдул-Азиз был похож на своего отца Абдул-Хамида тем, что, как и он, во время принятия важных решений не находил себе места. Вот и сейчас снова измерял шагами пространство просторной залы. Неожиданно его взгляд упал на бабушкину шкатулку, и, словно впервые увидев ее, султан остановился. Не осмеливаясь заглянуть внутрь, он осторожно поставил ее на крышку сундука, стоящего рядом с султанским троном. Мысленно отвечая бабушке, снял со среднего пальца бриллиантовое кольцо с большим синим камнем, привезенное ему в дар с Балкан: «Твои соплеменники, кровь которых, как ты сказала, течет во мне, оказавшись здесь, потеряли в тысячу раз больше – они потеряли свою родину. Но мы можем использовать их молодых мужчин на Балканах, где живут соплеменники русских. Пусть черкесы знают, что они единокровники их врагов! И пусть мстят им за это... Отец мой во время своего правления многого не смог сделать. Я его не обвиняю, но считаю, что причина раздора – Адрианопольский мирный договор. Подписав с русскими договор о передаче им Черкесии, он несправедливо отнесся к ним. Теперь, по прошествии времени, беда чужого нам народа свалилась на нас. Кто делает зло, к тому оно возвращается...»

Султану доложили:

– Визирь Али-паша.

– Пригласи. А эту шкатулку немедленно отнеси великой Бике,– приказал помощнику. Он захлопнул крышку

шкатулки, закрыл ее на ключ, а ключ положил себе в карман.– Доложи об исполнении.

Вошел Али-паша. Визирь не носил усов и этим совсем не походил на турка. Подобострастно склонившись, застыл у входа. Султан Абдул-Азиз встретил его приветливо:

– Я рад, Али-паша, видеть тебя. Проходи, садись. О многом нам надо поговорить, начни с хорошей новости.

– Сегодня, наше солнце, я не принес плохих вестей, есть только те бесконечные дела, которые вас волнуют ежедневно. На днях по вашему поручению я пригласил из русского посольства посла Игнатьева и имел с ним беседу. Я готов доложить о нашем разговоре.

– Кавказская война закончилась так, как хотели русские: они захватили Кавказ, получили половину Черного моря и теперь, надеюсь, довольны?..– недобро улыбнулся султан. Он-то знал ответ на свой вопрос, но не лишне напомнить визиру о том, что он отвечает за иностранные дела страны.– Слушаю, Али-паша, слушаю. Так что говорит Россия, мы ей угодили?

– Игнатьев передал, что император России доволен тем, что ты открыл свою страну нашим единоверцам-черкесам. В этом он, русский государь, видит твою мудрость, султан, и молится, чтобы ты жил долго. Он надеется, что отношения между вами не испортятся, что вы так же по-доброму будете относиться к нему, как относится к вам он.

– Благословенный Аллахом Али-паша, разве не с Россией мы вели столько войн? Даже если поставить между нами золотой мост, он не соединит нас. Гяуры, враги великого Аллаха, мало ли что они скажут? Все, что они говорят, надо проверять и перепроверять, внимательно разбирая не только слова, но и буквы! Вот наша обязанность. Скажи, хитрец Игнатьев не намекал тебе про Балканы?

– Нет, наше солнце, не намекал.

– Интересно, интересно... А мне из Англии донесли, что русские собираются бросить силы на поддержку балканских славян. Но я слушаю тебя, Али-паша, так что вы

там говорили про черкесов? Мы, конечно, помогаем им, но сколько их еще будет, ты спросил об этом посла?

– Он сказал, что их будет пятьдесят тысяч, но я думаю, что это не так.

– Считаешь, слишком мало?

– Нет, наше солнце, думаю, их намного больше.

– Не говори это русским, я согласен: пусть их будет больше,– поднялся султан. За ним поспешно встал и визирь.– Нам люди нужны. Особенно молодые мужчины. Среди черкесов, прибывающих к нам, много мужчин?

– Говорят, во главе каждой семьи – мужчина, много подростков, которые со временем войдут в пору зрелости. Правда, многие из-за болезней умирают.

– Мне сообщили об этом. Я приказал объявить месяц карантина, пока болезни не отступят. А до тех пор держать их на берегу моря. Что поделаешь, болезни – спутники тех, кому из-за больших бедствий приходится переезжать на другое место. Всемогущий Аллах решил таким образом испытать их, пусть останутся здоровые, а слабые умрут. А сейчас приближается время вечернего намаза, на этом мы закончим аудиенцию. Через неделю встретимся, продолжим. Открою тебе свой план: мы расселим черкесов на Балканах, и они станут хорошей сдерживающей силой. Сформируем черкесские полки против гяуров. Ты тоже подумай об этом, но пока никому ни слова.

Как только дверь за визирем закрылась, султан похвалил себя: «Не сомневаюсь, что мой план по организации черкесских полков очень пригодится нам...» Неожиданно он наткнулся в кармане на ключ и окликнул помощника:

– Этот ключ отнеси великой Бике.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Чего опасались люди, то и случилось: погода в одночасье испортилась. Дождь с градом и оглушительно грохочущим громом буквально обрушился на побережье, захватив кустарниковый лес, место приюта адыгов. Море разбушевалось таким штормом, какого не видели давно.

За месяц мирной жизни люди кое-как стали приходить в себя, обживаться, привыкать к условиям. Из-за внезапного ненастья начался переполох: люди метались в поисках друг друга, кто-то прятался под навесами, кто в землянках. Кто не успел сделать навесы или вырыть землянки, бежали к соседям. Мужчины определяли детей, больных, женщин, стариков в сухие места, и, чтобы не стеснять их, сами оставались под дождем, укрывшись бурками. Те, кто не успел похоронить близких, присоединились к ним. Все, и стар, и млад, просили Аллаха отвести от них эту нежданную беду и, как могли, успокаивали друг друга.

Буря стихла, как и возникла, внезапно. То ли Бог услышал молитвы несчастных, то ли природа так распорядилась, кто знает? Но теперь гром грохотал в стороне Трабзона. Люди, привычные к лиху, вышли из укрытий и приступили к повседневным делам, будто ничего и не было. Мужчины занялись похоронами, прерванными непогодой, женщины развешивали мокрую одежду на просушку, старики разводили огонь в очагах. Лишь детям весело: мальчишки гоняли тающий град, собирали в пригоршни и бросали друг в друга. Подростки вместе с отцами ремонтировали сорванные с землянок и навесов крыши.

С окраины чагарника, со стороны моря, донеслась печальная мелодия шичепщин-скрипки, которой подпевали несколько стариков. С другого конца – женщины оплакивали только что умершего. И только беспечному солнцу нет никакого дела до людей: оно снова нещадно палит старых и молодых, больных и здоровых, взрослых и детей.

Масхаб Багов, возвращаясь с кладбища, услышал плач шичепщина, и, не сдержавшись, спросил спутников:

– Слышите, как тоскливо звучит шичепшин?..– И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Это тоже часть нашей жизни, состоящая из радостей и скорби. Но сейчас в голосах стариков, подпевающих шичепшину, не слышно веселья.

– Да,– согласился Коблев с другом.– «Проживи в одну жизнь хоть сто жизней,– говорил твой дед Ибрагим,– не постигнешь всего». Разве мы могли предвидеть, что с нами случится? Сколько горя нам пришлось испытать на своей родине, а сейчас мы оказались в чужой стране, в этом чагарнике.

– Мы сами виноваты в случившемся,– оборвал горькие размышления друга Наурзов.

– Сейчас не время выяснять, кто прав, кто виноват, жизнь покажет,– примирительно сказал Багов, сожалея, что начал этот разговор. Затем, сделав паузу, сменил тему: – Следуя нашим обычаям, выразим соболезнование семье покойного, попросим Аллаха простить его грехи, а потом соберемся на поляне, где мы проводим хасэ и расскажем джамаату новости, которые привезли из Трабзона. Поговорим и о других наших делах.

Люди, собравшись группами, ждали начала хасэ, для них дождя будто и не было. Мужчины толковали о своих делах, женщины расположились подальше от них, перебрасываясь малозначащими фразами, шаливших детей приструнивали, а подростков направляли ближе к мужчинам,– набираться ума.

Масхаб Багов обратился к мухтару Гаруну Коблеву:

– Неожиданный дождь задержал, наверно, Юсефа. Открывай собрание, нехорошо заставлять людей ждать.

– Мы втроем были в Трабзоне, вместе и предстанем перед людьми.– Коблев, Багов и Наурзов встали так, чтобы все их видели. Коблев обратился к собравшимся: – Пусть Аллах благословит вас, джамаат, подойдите поближе, мы расскажем вам о своей поездке в Трабзон. Идея поехать в Трабзон была твоей, Масхаб, ты и начни.

– Ты, Гарун, мухтар аула, тебе положено начать разговор. Но если настаиваешь, я готов. Не буду ходить вокруг да около, сразу перейду к делу. По сравнению с тем, как нас встретили в Ачкале, в Трабзоне с нами обошлись по-человечески, мы увидели, что там волнуются за нас и хотят помочь. Как нам сказали, приблизительно через неделю, надеясь, что к тому времени болезни отступят, по

указу султана нас переселят на новое место. Обещали помочь с оплатой за переезд.

– Где это новое место, о котором ты говоришь? – спросил Заурбек, с трудом устроивший свою культю на деревянном обрубке.

– Как сказал глава Трабзона, это не на этой стороне, где нас держат сейчас.

– Пусть сгинет эта сторона по воле Аллаха! – выкрикнул кто-то из толпы, искренне желая тому месту, где он сейчас живет, исчезнуть с лица земли.

– Нет, джамаат, наш лесок – не такое уж плохое место, мы к нему привыкли, обустроились... – возразил другой,– было бы хорошо, если бы нас расположили недалеко отсюда. Здесь кладбище, где похоронены наши близкие...

– А страна, которую мы потеряли, была без кладбищ, что ли? – недовольно отозвался Хатам Брантов, но вспомнил, что здесь, на кладбище чагарника, похоронил родителей и опустил голову.

Сердца жителей чагарника болели за покинутую родину, но сейчас их беспокоила новость, которую привезли из Трабзона.– Пусть переселяют, лишь бы не жить больше на этом месте,– говорили одни,– мало ли земли на берегу моря? Когда мир успокоится, будет легче вернуться на родину,– мечтали другие. Были и те, кто согласен жить в мусульманской стране, лишь бы не видеть гяуров-казаков. Кто-то, упав духом, уже ничего не хотел.

– Успокойтесь, джамаат,– поднял руку Багов и ответил на вопрос мужчины без ноги.– Если хочешь знать правду, уважаемый, я не запомнил место, куда нас хотят переселить, но это не Стамбул. По-моему, речь шла о каких-то Балканах, болгарах, и довезут нас туда на кораблях.

– Что, опять корабли?..

– Вдруг отвезут назад, на родину?..

– Нет, нас повезут в Болгарию,– торопливо произнес Гарун Коблев.– Как вы слышали, нам помогут оплатить переезд и дадут продовольствие на дорогу. Вот все, что мы знаем о переселении.

– Не выяснив все доподлинно, вы, трое, вернулись назад... – не успокаивался мужчина с деревянной ногой.– Почему нас привезли сюда, если обещали поселить в рай Аллаха на земле, в Стамбул? Зря, что ли, я в войне с гяурами лишился ноги и потерял всю семью?..

– Извини, Заурбек,– едва сдерживаясь, возразил Багов.– И не суди меня так строго. Беда, конечно, лишиться ноги, но еще большее несчастье – потерять свой дом, за который ты воевал и который не смог сохранить! Я знаю, что ты остался один, но все же собрал силы и пересек вместе с нами море. Есть правда в твоих обвинениях. Но как все узнать, если не знаешь языка тех, с кем говоришь? Да, мы не до конца поняли то, что нам сказали, но главное передаем вам. О наших делах больше осведомлен Юсеф. Вот, кстати, он едет! Сейчас он толково объяснит все про наш переезд. Будьте терпеливы и не забывайте наш адыгэ хабзе.

Из подъехавшей кареты выскочил один Баракетов. Не спеша, с достоинством он прошел сквозь толпу и встал рядом с мухтаром Гаруном Коблевым. Поправил широкий пояс, такой же, как у Юсефа, проверил на нем кинжал и пистолет и, не прося разрешения, начал говорить:

– Стоящий над нами бинбаши Юсеф захворал и не может встретиться с вами, поэтому поручил мне передать, что у вас десять дней для подготовки к переезду. За переселение несем ответственность я и Багов. Как, куда, Заурбек? Конечно, на Балканы. Разве ты этого не слышал?! Так что ты хочешь еще? Если не знаешь, я скажу, что это в той стороне, где находится Болгария. Зачем тебе знать, где она находится? Довезут, увидишь. Хватит, Кудаев, задавать свои вопросы. Тебе что, больше всех надо? Ни семьи, ни жены, да еще и без ноги. Делай, что тебе говорят, что будет со всеми, то и с тобой... – Заметив, что Масхаб Багов пытается ему возразить, бросил грубо: – А ты, Багов, потакаешь ему, вот он и распоясался! И что, что лишился ноги? У кого из нас, начиная с меня и заканчивая тобой, нет увечий? У кого нет шрамов от ран?..

– Ты оскорбил меня, Баракетов! – хромая, Заурбек Кудаев выступил вперед, выхватил кинжал и встал перед

обидчиком.– Мою семью сожгли в родном ауле, я их не бросил, как ты! Если ты мужчина, вынь из ножен свой кинжал!

– Заурбек, кто прощает обиду, тот дает себе возможность отомстить! – встали перед ним Багов и Наурзов. Хатам Брантов кинулся к Баракетову, чтобы остановить его.

– Если так, пусть будет по-вашему... – Кудаев, тяжело хромая, пошел к хижине, которую построили ему всем миром. Вдруг оттуда раздался выстрел. Люди вскинули головы. Мужчины, что помоложе, побежали к кустарнику. Старшие уже поняли, что случилось, и тоже поспешили за ними.

Бездыханное тело Заурбека Кудаева лежало на траве. Переживший столько горя, он не выдержал оскорбления.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

У адыгов снова переселение. Чтобы люди не теснились так, как это было на переходе в Турцию, их разделили на две группы. Два больших судна отчалили от турецкого берега и взяли курс на Варну.Этот гуманитарный жест со стороны турецких властей не воспринимался адыгами с той благодарностью, которую от них ожидали. Мысли людей были далеко отсюда: что их ждет дальше? Будут ли они там вольными? Будет ли свой дом? Смогут ли они когда-нибудь вернуться на родину? Ведь даже их старшины не знают, где эта Болгария. Они, по сути дела, плывут в неизвестность.

Берег все дальше и дальше, и снова возрастает беспокойство. Женщины не скрывают слез, у мужчин в сердце тревога. Они вспоминают чагарник, где оставили половину переселенцев и кладбище с могилами родственников.

Лето подходит к концу, последний месяц уже не жаркий, полуденное солнце не жжет лица, скорее ласкает. Морской бриз веет свежестью. Рядом с Дарихан сидит

Хаджирет, он на два года младше Дарихан. Там, в чумовом чагарнике умерли его мать, отец и дедушка. Оставшегося без родственников мальчика приютил Масхаб Багов. Перед ними сидит Хатам и тщательно начищает седло. Дарихан, увидев, что Хаджирет улыбается его усердию, прошептала:

– Не смейся... Это седло осталось Хатаму от отца...

– Да, Хаджирет, это седло с коня моего отца,– сказал Хатам, с грустью проведя по нему ладонью.– Может, у нас будет конь там, куда сейчас везут. Из дома мне не позволили вывезти моего скакуна. Наверно, достался какому-то казаку... Узнать бы, какие новости там, на нашей стороне. Кто бы рассказал...

– Солнце взошло с нашей стороны, могло бы оно говорить – рассказало бы,– вздохнув, сказал Хаджирет.

Хатам и Дарихан переглянулись.

– Да, оно пришло с нашей стороны,– согласился Хатам.– Но нам ничего не скажет.

– Если заплатить капитану, может, отвезет нас домой? Если не согласится – принудить!..

– Прекрати,– одернула его Дарихан.– Не дай бог, кто услышит. Ты, что, не видишь вооруженных турецких солдат?..

– С вами даже не помечтаешь, пойду к Масхабу, послушаю, что старшие говорят.– Хаджирет встал, поправил на поясе кинжал, доставшийся ему от отца, и, стараясь выглядеть мужественно, неспешным шагом направился к стоящим на корме мужчинам. Подошел, встал слева от Масхаба. Дзегашт Наурзов пошутил:

– Это ты, Хаджирет? Тебя не узнать – настоящий джигит.

– Что во мне нового? Если говоришь о моей черкеске, то она весь путь на мне. А кинжал – благословение отца, он отдал мне его в тот день, когда покидал этот мир. Масхаб – свидетель.

– Да, это правда,– подтвердил слова мальчика Масхаб.– И не только кинжал, но и пояс тоже.

– Масхаб справедливо напомнил мне об отцовском поясе. А эти сафьяновые чувяки Дарихан перешила мне из старых отцовых.

– Дарихан, оказывается, мастерица, а я и не знал,– продолжил разговор с мальчиком без тени улыбки на лице Наурзов.

– Да, она мастерица. Правда, Хатам?

Но Хатам поменял тему разговора:

– Насколько далеко то место, куда нас везут? Баракетов сказал, что три дня и три ночи будем в пути.

– Что знает об этом Баракетов? – усомнился Гарун Коблев.

– Да, да, об этом говорил и капитан,– подтвердил Багов.– И это в том случае, если нам повезет и шторм не настигнет нас в пути. По сравнению с той посудиной, которой мы добирались сюда, этот корабль большой и надежный. Но морю в гневе все равно: большой корабль или маленькая посудина.

– Было бы лучше, если бы он отвез нас на родину... – мечтательно сказал Хаджирет.

– Кто знает, может, будет и это... – неуверенно откликнулся на слова мальчика Дзегашт. Ему были дороги любые мысли о своей земле.– А что, если место, куда нас везут, недалеко от нашей страны? Я удивляюсь, какая большая страна эта Турция!

– Конечно, большая, она держит под собой много восточных и западных стран... – повторил Хатам то, что слышал.– Нас везут туда, где живут русские племена христиан, в Болгарию. Говорят, она тоже принадлежит Турции. Вот только не знаю, что мы будем там делать. Дзегашт, ты предположил, что мы там нужны для усмирения гяурских племен. Я был бы рад, если бы это было так! Раз не могу отомстить тем, из-за кого мы здесь оказались, то буду вместо них наказывать их соплеменников...

– Баракетов идет... – проворчал Коблев. Посмотрев на горизонт, невольно воскликнул: – Посмотрите на заходящее солнце, какое оно большое и красное...

– Вы почему стоите, забыли про вечерний намаз? – недовольно спросил подошедший Баракетов.– Осудят вас турки-мусульмане, на чьих кораблях плывете. Все, кто совершил амдез и со времени прошедшего намаза не нарушил его, встаньте за мной. Я проведу намаз.

– Я еще не совершил амдез,– признался Багов.

– Я тоже,– произнес Коблев.

– Я не нарушал амдез,– сказал Наурзов и спросил Баракетова: – Но когда ты стал эфенди?

– Оставь свои вопросы, Дзегашт. Не годится с ними предстать перед Аллахом. Хочу напомнить тебе, что в тот день, когда эфенди Ахмед покинул этот временный мир, он завещал мне продолжать его дело. С теми, кто без амдеза, не буду спорить, а ты Наурзов, пойдем со мной, совершим намаз с турками.

– Ну, хорошо, но... подожди, подожди, мне кажется, я нарушил амдез...

Баракетов, поняв их притворство, не стал спорить:

– Если поспешите с амдезом, вы еще успеете на намаз.

– Пойдем и мы,– глядя с улыбкой вслед Баракетову, сказал Багов, вспомнив эфенди Магомета Марзухаева.– Все видят, что мы не делаем намаз, давайте лучше разойдемся.

После вечернего намаза разнесли чай. Через два часа муэдзин снова возвестил о начале вечернего джац-намаза. Несколько раз он заунывным голосом взывал мусульман к молитве, потом смолк, будто исчез в море, над которым висел полумесяц.

Хиджирета, считавшего себя взрослым, отправили спать, но сон не шел к нему. Ему не давала покоя мысль: почему Масхаб и Хатам пропустили два намаза? Какие-то тревожные, даже страшные мысли лезли в голову. Он ворочался с боку на бок, стараясь привлечь внимание Масхаба, но тот чинил обувь и не обращал на него внимание.

И Хаджирет не выдержал:

– Масхаб, правильно ли вы поступили, что пропустили два вечерних намаза? А если Аллах рассердится на нас...

– Не задавай ненужных вопросов, Хаджирет, спи,– вместо отца ответила Дарихан.

– Твой младший брат ничего лишнего не сказал, Дарихан,– поднял голову от сапог Масхаб.– Он просто хочет знать ответ на вопрос, который его беспокоит. Мы, Хаджирет, никому ничего плохого не сделали, чтобы на

нас обижаться, но нам принесли много горя. Почему Аллах это все допустил? Из мужчин рода Баговых один я остался на этом свете... – тяжело продолжал Масхаб.– Это у меня ли не было Аллаха в сердце, это я ли не следовал его словам, не читал молитвы-дуа? Я ни разу не слышал от старших, что с тех пор, как ислам стал нашей религией, кто-то из нашего рода отвернулся от него. Не знаю, может, нас сглазил кто... Ладно, пусть с нами так случилось. Но вот ты, не успев родиться, в чем ты провинился перед ним, почему ты наказан? Получается, весь адыгский народ в чем-то виновен, разве может так быть?.. Да, Дарихан, я понимаю твое беспокойство, но я хочу, чтобы Аллах услышал мое недовольство. Мы имеем право обижаться, если на нас нет вины. Все, что вы услышали, можете забыть. Если вы считаете по-другому – творите молитвы. И пусть наш завтрашний день будет таким, как сегодняшний. Спокойной ночи!

Но завтрашний день стал для пассажиров неспокойным. На рассвете, с первыми лучами солнца, раздался женский плач. Капитан тут же пригласил к себе Баракетова, Коблева и Багова.

– Слышите плач? На корабле два покойника. Следуя морскому закону, мы должны сбросить их в море. Если нет савана, дадим парусину, она грубая, но трупы обернуть можно. Сделайте все быстро!

Адыги, не раз хоронившие людей в море, без слов завернули покойников в грубую парусину. Несколько мужчин, привязав к саванам камни, спустили трупы в волны. Как только отпустили веревки, камни вместе со скорбным грузом быстро скрылись в пучине моря. Потом, глотая горечь, старшие мужчины и женщины уговорили родственников прекратить оплакивание покойников.

Вторые сутки прошли спокойно, если не считать нескольких мелких ссор, третий день принес неожиданную радость.

– Посмотрите, вон горы! – крикнул Хатам, и люди, повинуясь его жесту, кинулись на сторону корабля, с которой вдали виднелись горы.

– Это наши горы! – радостно воскликнул кто-то.– Смотрите, смотрите, это гора Ошхамахо!

– Нас везут домой, нас везут домой! – наперебой радовались женщины.

Тут появился возмущенный помощник капитана с солдатами и резким голосом приказал:

– Не собирайтесь на одной стороне борта корабля, перевернете! Это не черкесские горы, это горы Балкан. Завтра утром закончится ваш морской путь в порту Варны.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Горы Болгарии, издали так похожие на горы Черкесии, встретили несчастных адыгов мелким холодным дождем. Небо затянуло хмурыми облаками, земля от дождя раскисла. Кругом, куда ни кинь взгляд, безлюдье и тишина. Только редкий отдаленный лай собак, да шумящий звук воды говорили о том, что здесь живут люди.

Любое место чужой страны кажется опасным. Женщины сгрудились в наспех обустроенной стоянке. Вместе не так страшно дожидаться мужчин: они пошли за новостями.

– Хаджирет! – тревожно позвала брата Дарихан.– Ты где, отзовись!

– Боже, а мой Касим где? – забеспокоилась жена Дзегашта Наурзова Асиет.– Они только что были здесь. Касим, Хаджирет, вы где?

Среди женщин начался переполох. Старик Чермит, с кинжалом и саблей на поясе, приказал:

– Успокойтесь! Они где-то здесь. Привыкли, что они привязаны к вашим подолам. Кому я сказал? Где бы ни были, вернутся. Да, сегодня мы без земли и крова, но на каком бы краю земли мы не оказались, пока живы, будем помнить свою родную землю. А вам вот что скажу: люди, которых вы называете разбойниками, нелюдимые болгары,

и они тоже не вольны на своей земле, в своей стране. И не смейте говорить, что они смотрят на вас косо! Не обижайте их. Вспомните казаков, каково нам было... Вон они, идут,– показал на Хаджирета и Касима, появившихся на поляне с полными бурдюками на плечах.– Ничего с ними не случилось, живы и здоровы. Впредь без разрешения старших никуда не уходите!

– Мы были здесь недалеко, вот, принесли воду,– Хаджирет бросил быстрый взгляд на Дарихан, безмолвно прося ее о прощении.

– В такой дождливый день вас никто не просил идти за водой...– проворчала Асиет и приказала: – Быстренько к огню, обсушитесь.

– Мы нашли один водопад, там такая вкусная вода, сколько ни пей, не напьешься. Правда, Хаджирет? – спросил Касим своего старшего товарища, делая вид, что не слышит слов матери.

– Прислушайтесь-ка, это шум падающей с обрыва воды. Это недалеко, меньше чем на расстоянии одного рывка коня.

– Этот гул водопада мы приняли за шум реки... Ну-ка, посмотрите, кто там?..– В полуденном тумане показались три всадника. Старик Чермит, глядя в их сторону, громко, чтобы все слышали, сказал: – Имейте терпение, кто бы там ни был, они тоже люди.

– Салам алейкум,– поздоровался темноволосый угрюмый всадник.

– Алейкум салам! – «Что это за люди? Спешиваться не хотят, наверно, грабители...»,– отметил про себя Чермит и вслух по-адыгски добавил: – Добро пожаловать! Мы встречаем вас гостеприимно, пусть вашим спутником будет добро. Что вы стоите,– обратился он к женщинам,– хоть воду поднесите гостям.

Дарихан взялась за кружку, но Хаджирет забрал ее:

– Дай мне, я сам подам им,– и протянул кружку мрачному мужчине, но тот кнутом указал на Дарихан, изъявляя желание, чтобы она подала ему воду. Хаджирет пальцем погрозил всаднику, показывая свое неодобрение его поступка.– Она моя сестра!

Турок знал, что перед ним черкесы, но все же спросил:

– Вы черкесы? Мусульмане?

– Да, мы черкесы, мусульмане,– ответил Чермит, поняв их вопрос.– Мы будем жить в этой стране.

– Тут живут соплеменники гяуров, по чьей вине вы оказались здесь,– неожиданно для всех по-адыгски сказал хмурый турок, и, уводя за собой спутника, на ходу бросил: – Вы здесь, черкесы, чтобы отомстить за свою кровь.

– Подожди, постой, если ты знаешь наш язык... – растерялся старик Чермит, не зная, как объяснить поведение всадника.– Назови свое имя! – крикнул он вслед отъезжающим.

– Потом, мы в пути... – не оглядываясь, бросил через плечо хмурый турок.

– Они неуважительно поступили с нами... – глядя вслед всадникам, исчезающим в тумане поляны, обиженно воскликнул Чермит.– Вероятно, нехорошие люди, скрыли, что знают наш язык, затем сделали назидание и уехали. Но не скажешь, что они бродяги или разбойники. Неужели турки заставят нас воевать?.. Люди, вы слышите голос муэдзина? Слышен и колокольный звон церкви. Выходит, и мусульмане, и христиане живут в этом ущелье. Почему до сих пор не вернулись Масхаб и его спутники?.. Похоже, попали мы в опасное место... Но вот небо проясняется, дождь прекратился, может, и у нас все наладится.

Солнце прошло зенит, и небо засветилось синевой. Адыги снова оказались бездомными в чужом мире, в стране болгар. Напрасно они мечтали, напрасно смотрели на горы с корабля, это были горы другого народа, и как им пережить лихую годину, не имея горсти своей земли? Какие они – болгары? Какие у них нравы, обычаи? Конечно, не такие, как у наших дедов и отцов.

В ущелье после дождя стало душно, но когда белые клубы облаков закрыли солнце, почувствовалась прохлада осени. Горные ущелья везде одинаковы, на вершинах – зеленые сосны, в долине – большинство лиственных деревьев: дуб, ясень, бук, тополь. И для всех осень нашла свои краски – от зеленого и золотого, до охристого и красного. Из листвы были слышны голоса птиц.

– Дарихан уже напоила тебя чаем? – спросил старик Чермит Хаджирета.– Тогда пойдем, посмотрим на твой водопад.

– Я тоже хочу пойти с вами! – попросил Касим.

– Конечно, ты стал бы нам хорошим спутником. Но хочу оставить на твое попечение женщин, стариков и тех, кто младше тебя.

– Правда? – Касим был польщен поручением.– Если так, Чермит, то не беспокойся, я все сделаю.

Затем, подражая взрослым, напутствовал Хаджирета:

– Идите спокойно мимо села гяуров.

Пройдя поляну, старик Чермит спросил Хаджирета:

– О каком гяурском селе говорил младший Наурзов?

– Это село расположено в лесу, там около пятидесяти домов. И что нам делать в этом селе, в котором звучит речь, очень похожая на казачью? Разве только поступить с ними так же, как они поступили с нами.– Хаджирет, вспомнив нелегкие события своей короткой жизни, вздохнул.

– Интересные слова я слышу... – сказал Чермит, как бы размышляя вслух, и продолжил: – А давай-ка мы присядем, отдохнем. Ваш водопад никуда не денется, потом покажешь.

– Если тебе горная дорога в тяжесть, Чермит, давай возвратимся, до водопада довольно далеко.

– Если думаешь, что я, еще не пройдя околицу, устал, ошибаешься. Эти места напомнили мне о многом, сын мой... Вон на пригорке стоит одинокое дерево, видишь? Помнишь, в верхней части нашего аула, тоже на пригорке, так же одиноко стояло дерево.

– Помню. Каждый день перед нашим взором высились вершины Фишта, Оштена, Мишако. Горные пастбища Лаго-Наки тоже были недалеко от нас.

Старик чуть прикрыл глаза, и его воспоминания остановились на чудных просторах родной земли, где адыги были вольными птицами. А теперь этим птицам подрезали крылья, и живут они в клетке в чужой заморской стороне. Он смотрел на дальние горы болгар, а виделись свои, с детства родные вершины.

– Да, Хаджирет, мне было лет семь, когда я их впервые увидел. Говорят, и сидящего на верблюде кусает собака. Мы бы как-нибудь залечили эти укусы, не надо было покидать свою страну, это была ошибка. Надо было сделать все, чтобы остаться на своей земле. Но, как говорил мой дедушка, что проку, пропустив голову коня, цепляться за хвост. Разменяв восьмой десяток, я уже туда не вернусь, но вы не теряйте надежду когда-нибудь возвратиться на землю предков. Любыми способами, рано или поздно – возвращайтесь. Эти же слова я сказал оставшемуся единственному сыну Гаруну, но он молчит, как будто не слышит меня. Если сердце не открывать никому, оно не выдержит.– Слезы навернулись на глаза старика Чермита, голос оборвался, но он поборол волнение.– Я хочу, чтобы ты понял мои тревоги. И еще об одном хочу попросить: надеюсь, что мои неожиданные старческие откровения, свидетелем которых ты стал, останутся между нами. Спасибо, что ты это обещаешь. Честно говоря, водопад, к которому мы идем, ни тебе, ни мне не нужен. Даже не видя его, я уверен, что он уступает нашим абадзехским водопадам. Цена потери познается только в сравнении, свое ведь всегда лучше чужого. Посмотри, на пригорке небольшая отара овец! – сердце Чермита заволновалось от увиденной мирной картины.– Было бы хорошо поговорить с чабаном.

– Если хочешь, мы познакомимся с ним. Но это гяурский чабан.

– Кто бы он ни был, прежде всего, это человек, поздороваемся с ним.

– Он же не знает нашего языка, как мы будем с ним разговаривать?..

– Люди, имеющие добрые намерения поймут друг друга, Хаджирет. Если это сородичи русских, своим ломаным русско-казацким языком попробую объясниться с ним.

Огромная собака чабана мчалась к ним, готовая разорвать. Чермит схватился за кинжал, но, не вытаскивая его из ножен, приказал Хаджирету:

– Не двигайся и не смотри ей в глаза.

Злобно рычавшая овчарка на окрик чабана остановилась и нехотя повернула назад. На первый взгляд чабан был моложе Чермита года на два-три.

– Здоровеньки булы, Петро,– поздоровался он с чабаном. Затем на адыгском языке похвалил его пса: – Умная собака у тебя, послушная.

– Если у вас добрые намерения, добро пожаловать,– на болгарском языке ответил чабан и, ткнув себя в грудь, сказал: – Я Стефан.

– Ты – Стефан, я – Чермит, а это – Хаджирет, мы черкесы. Раньше жили на Кавказе, теперь нас привезли сюда. Там, на поляне, на пригорке мы остановились.

– Черкес... Кавказ... – Стефан согласно кивнул головой, показывая, что слышал об их бедствиях.– Внук мой, Борька, мне рассказал, что вас привезли сюда, на нашу сторону. Садитесь, я еще не обедал, вместе пообедаем. Это хлеб, это баранина, это овечий сыр, это только что заваренный чай. Если хотите, у меня есть араки... Нет, нет, вы, мусульмане, не пьете... А вот и Борька возвращается,– он показал на всадника, которого радостным лаем встречала собака.

Борис, мужчина лет двадцати пяти, недовольно посмотрел на гостей, сидящих за столом, здороваться не стал и, кивнув в их сторону головой, прошел мимо к деревянному жбану с водой. Налил в кружку воды, выпил и, не обращая внимания на старика и мальчика, узнав в них черкесов, стал колоть дрова.

– Этому приехавшему мы не по душе... – сказал Хаджирет.

– Не волнуйся, не мы его воспитывали, не нам его перевоспитывать.

– Борька! – окликнул дед внука, стыдясь его поступка.– Перестань колоть дрова, подойди и познакомься с гостями. Они прибыли издалека.

– Что я, черкесов-басурман не видал! – не переставая махать топором, негромко отозвался Борис.– Они не лучше тех, кто привез их к нам...

– Закрой рот, непослушный, то, что ты говоришь, непочтительно!..

Борис с силой вонзил топор в чурбан, сел на коня и умчался с овчарни. Следом побежала собака.

– Твоему внуку мы не понравились, вон как горячится... – сказал Чермит, смешивая адыгские и русские слова. Он посмотрел в ту сторону, где всадник собирал отару, затем улыбнулся бесхитростному старику-чабану, который гостеприимно встретил его.– Мы, как и вы, скотоводы, поэтому не смогли пройти мимо вашей кошары. Может, кто-то из нас, кто знает, обидел твоего внука...

– Не обижайтесь на Бориску,– голос Стефана дрогнул, он вздохнул.– Его отца, моего сына, в прошлом году убили турки, он их ненавидит, да и вас заодно с ними. Моего отца, дядю, отца моей жены и еще многих людей из нашего села они убили. Это вековая вражда, и каждая война собирает жатву. Теперь рядом с болгарским селом располагается турецкий аул, и вас сюда привезли не случайно. Посмотришь, ваше село станет одним из них.– Губы старика задрожали, руки, державшие ломоть хлеба, едва не уронили его. Он как бы споткнулся, замолчал, но, чуть помолчав, собрался с духом: – Турки раньше в селениях своих селили, теперь вас привезли. Там вы погибали за свою землю, а тут – за кусок хлеба и турецкий интерес. И, что, если мы не одного племени? Нам нужно уничтожать друг друга?

Хаджирет не понимал, что говорит старик-чабан, не видел его волнения. Слушая вполуха, он думал о Борисе, который был старше его на несколько лет: «Словом не обидел, но своим поступком унизил нас. И не только нас, но и своего деда».

– Что говорит тот, кто не смог воспитать внука?

– Он ничего плохого не сказал. Как я понял, они, как и мы, в беде. И на их земле чужой хозяин.– Затем, вставая, обратился к болгарину: – Да, мир такой большой, что можно в нем заблудиться. Но в то же время такой маленький, что, увидев свои грехи, можно и повиниться. Вот и с нами, Стефан, такое случается. Спасибо тебе за еду, за твою человечность. А твой внук зол от несправедливости, поэтому мы не станем на него обижаться, и ты прости его. Пусть ваши овцы умножатся во стократ. И не надо отчаиваться. Там, на пригорке, мы построим аул, приживемся, тогда и встречаться будем чаще. Всего хорошего, пусть ваши добрые надежды всегда сбудутся, кунак. Твоему парню мы передаем привет.

– Подожди, Чермит, подожди,– остановил их старый чабан,– возьмите корзину с собой. Тут хлеб, сушеная баранина, овечий сыр, соль. Немного всего, но пригодится.

День клонился к закату, когда Чермит и его спутник покинули кошару. Почти сутки с небольшими перерывами шел осенний дождь, но сентябрьское солнце высушило лужицы, земля быстро просохла. После дождя свежо, и прохладный день вслед за солнцем шел к концу. Ветер трепал разноцветные листья, срывая их с деревьев и бросая под ноги идущим старику и мальчику. Один из них был погружен в раздумья, другой внимательно наблюдал за своим невольным обидчиком.

– Ты видишь, как он смотрит нам вслед?..– не успокаивался Хаджирет.– Как будто хочет натравить на нас свою собаку.

– Что ты к нему пристал? Лучше посмотри вокруг: как красив мир. Ты молод, горяч, кровь в тебе играет, а я – стар, моя кровь спокойна, и глаза видят совсем другие картины. Ты должен научиться видеть глубину человека. Этот парень обижен турками, ты же слышал, что говорил дед о кончине его отца.

– У него есть дед... А я из нашего рода остался совершенно один. Спасибо Масхабу и тебе тоже за то, что не дали мне пропасть. Мне обидно, что Борис не послушал своего деда. Тот и просил его, и упрекал – бесполезно! Стефан вроде мудрый, суровый старик, а он его обидел при людях. Мне показалось, что Стефан старался угождать нам, а у самого совсем другое на сердце. И эту корзину, как милостыню, не стоило нам брать. Лучше, если бы он от души подарил нам хотя бы одну овечку...

– А ты смог бы ее донести? – едва сдерживаясь, спросил Чермит.

– Запросто! – воскликнул Хаджирет.– Если тяжело нести, зарезали бы, а мясо донести легче. Идя с Касимом

на водопад, мы нашли уязвимое место в отаре. У старика-болгарина много овец, если отбить от отары одну-две, их не убудет. Мне их не жалко, гяуров...

– Сядь сюда! – присаживаясь на камень, коротко, но властно сказал Чермит.

– Ты устал?

– Нет, не устал, я хочу поговорить с тобой. Ты, что, адыге-хабзэ не знаешь? Разве так поступают с теми, чей хлеб-соль едят? Мы не знали, что они соплеменники тех, кто оставил нас без страны, нам турки сказали. Но турки тоже оставили их без страны, хотя считают, что живут на своей земле. Если мы будем прислушиваться ко всему, что говорят турки, мы погубим себя.

– Я успокоюсь только после того, как отомщу за дедушку и бабушку, отца и мать, брата и сестру, которые погибли на нашей земле. Извини, уважаемый, если тебе мои слова кажутся чересчур резкими. Я только теперь начал понимать, что такое обида и гнев. И удивляюсь, как вы, взрослые, справляетесь с таким сильным чувством.

Старик Чермит до сих пор не думал, что Хаджирет, подросток, так остро чувствует то, о чем болит и его, старика, сердце. «Ершистый парень, но если его правильно воспитать, он станет настоящим мужчиной. И нам в молодости натягивали узду, но мы всегда следовали адыгэ-хабзэ, который завещали наши отцы и деды. Мы всегда думали о том, что скажут люди о наших поступках, и это сдерживало нас. И даже в самые трудные времена это давало нам возможность жить, искать выход и находить его. Для нас было бы большим счастьем когда-нибудь вернуться на родину, не растворившись в этом чужом, совершенно другом мире...» – вышел из раздумий Чермит.– Забудь, парень, о кровной мести... – поправляя на поясе кинжал тихо сказал старик.– Даже говорить о ней не смей. Мы сами себя погубили, следуя закону мести. Да, Хаджирет, это так, не удивляйся моим словам. Пошли, пора возвращаться.– Пройдя несколько шагов, продолжил: – Скажу тебе, о чем я сейчас подумал: ты и тот парень Борис очень похожи друг на друга.

– А я скажу, чем мы отличаемся,– Хаджирет едва сдерживался, будто ждал этих слов.– Он – болгарин, я – адыг, он – гяур, я – мусульманин.

– Перестань, неслух! Не смей даже так думать!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Адыгам, доставленным на Балканы первым кораблем, наконец-то выделили место, на котором они должны строить свои дома. Зазвенели мотыги, натыкаясь на камни, глухо стучали тесаки и топорики. Люди складывали камни в сторону, они пригодятся на ограждения и поилки для будущего скота. Они надеялись, что отары овец, которыми богаты эти края, когда-то появятся и у них. Но радости, как бывало на родине при закладке домов, не было. Не слышно и людского гомона, привычного для большой стройки. А стройка и в самом деле была большая, и она не прерывалась ни на день, ни на час – строились несколько аулов.

Новые селения, появившиеся в ущелье, расположили напротив болгарских сел в горах Тырговиште. Селения людей со второго корабля по распоряжению властей построили в другом ущелье, и они были удалены от первых на сто верст.

Селения адыгов слились с поселениями болгар, турок, а также с городком Тырговиште, и все они подчинялись Шумле. Этот административный центр находился за сто верст, и пешим ходом до него, если выйти на рассвете, весь день проведешь в пути. Если верхом на лошади, не останавливаясь, то полдня уйдет на дорогу. Если твою просьбу не услышат в Шумле, можно отправиться дальше, в Варну. Если и там не получится решить свой вопрос, то морским или наземным путем, оставляя в стороне Бургас и Созополь, отправляйся в Стамбул, в стольный город, где живет султан, правитель Турции и Болгарии.

Уже более трех столетий болгары под пятой у турок, и за эти века стали с ними похожи обличьем. Но, как говорят: «До неба высоко, до царя далеко», даже если достигнешь Стамбула, в большинстве случаев вернешься с пустыми руками. Не только с подневольными болгарами такое случалось, но и со свободными турками, и так будет с адыгами, которые сами не знали, зачем их сюда привезли. Главный вопрос не давал им покоя: что намерены с ними делать, ведь не случайно их сюда завезли? Почему не выделили землю в Турции, где хотя бы знаешь, в какой стороне твоя родная земля?

Болгария похожа на их родную Черкесию: горы с заснеженными вершинами, такие же густые леса, глубокие ущелья, водопады, такое же синее небо над головой с белыми туманами-облаками, стелющимися по ущелью. И зима, наверное, такая же: снег пушистыми хлопьями осядет на кленах, не успевших сбросить листья, застелет теплую еще землю и растает, подождав, пока влага не впитается в землю. Потом листья утопчутся, земля подмерзнет и установится зима, со снегом и холодами до новой оттепели.

Адыги приспособлены к жизни в горах. Но куда денешься от тоски по родине? И каждому из них страшно быть похороненным на чужбине. Чувство неприкаянности, потерянности и заброшенности не оставляло людей. И как бы ни были похожи эти прекрасные места на Черкесию – все звучало по-другому: полет птиц, их щебетанье, вой волков, лай болгарских и турецких собак, кукарекание петухов, даже шум водопадов.

И все же, если в такую прекрасную землю сеять добрые семена, они вернутся к тебе сторицей. Она изобильна и щедра, если ты бережно и с любовью будешь ее использовать.

Большинство болгар встретили черкесов недоверчиво и молчаливо. Они, видно, знали то, о чем догадывались адыги: почему их селения стоят напротив друг друга. И все же болгарская плодородная земля по-матерински приютила несчастных, с жалостью прижала к себе их неприкаянные головы.

Переселенцы старались использовать осенние погожие дни для подготовки к зиме. Один за другим возникали из камня и земли дома, подростки заготавливали дрова, сначала для семей вдов, потом для себя. Так мало-помалу на лесной поляне возникло маленькое безымянное адыгское селение.

– Объясни мне, Масхаб,– обратился к Багову старик Чермит, обтесывавший сруб,– я вот чего не понимаю: у нас с болгарами разные языки и вера. Турки – наши единоверцы. Все мы живем рядом, племенами. Но ни турки, ни болгары не интересуются нами, не придут и не спросят: как вы устраиваетесь, соседи? Я не обижаюсь на чабана Стефана и его упрямого внука, они христиане. Но турки, как и мы, мусульмане, почему они отгородились от нас каменными стенами, высокими воротами? Я не знаю, что и думать об их глухоте и слепоте к единоверцам.

– Наверно, присматриваются ... – вместо Багова ответил Наурзов.– Недавно, когда мы ехали к главе Шумле вилайета, проезжали через их селения. Вы заметили, как они себя вели? Закрывали калитки, прятались в своих домах.

– Мы, что, убийцы или разбойники?..– возмутился Чермит и, качая головой, сказал: – Значит, такая молва разнеслась о нас.

– Ты забыл, уважаемый, как повел себя Бориска? – напомнил Хаджирет, заостряя топором столб.– Он даже хотел натравить на нас собаку.

– Нет, ты несправедлив. Не наводи напраслину на человека, если ты его невзлюбил.

– Разве гяур может быть человеком...

– Хаджирет! – остановил подростка Чермит и, не повышая голос, добавил:– Быть человеком, проявляя мудрость и милосердие должен каждый. И это не зависит от того, гяур ты или мусульманин.

– Сколько тебе говорили: не встревай в разговор старших,– не поднимая головы, шепнул другу Касим.

– Тебя забыл спросить! – Хаджирет в сердцах бросил обточенный до конца столб и побежал от мужчин.

– Вернись, Хаджирет! – приказал ему Масхаб и добавил: – Продолжай свою работу.

– Да, я продолжу. Но пусть Касим не умничает... А ты, Чермит, извини меня. Они и правда ничего мне плохого не сказали.

– Что поделаешь, в нашем положении мы стали уязвимы. Но время лечит: потихоньку забудутся наши бедствия, и мы придем в себя. Не будем вспоминать о плохом, и постараемся не изменять нашим обычаям, нашим законам адыгэ хабзе. Мир все время в движении: сегодня плохо, завтра будет лучше.

Сейчас мы должны подумать о другом. Говорят, плохой закон старит человека, а старики становятся неутомимыми рассказчиками,– но это не обо мне. То, о чем я хочу сказать, не закон, но мы совместно должны решить этот вопрос. Когда рождается человек, ему выбирают имя, поэтому мы тоже должны дать название нашему новорожденному аулу. Заранее говорю: не надо мне по старшинству предоставлять право выбора. Поговорите, подумайте, и сообща решите, как будет называться аул. Какие мысли у тебя, Багов? А вы, Коблев и Наурзов, что думаете? Вас же спросили в Шумле название аула.

– Да, спросили, но мы не знали, что ответить,– сказал Масхаб.– Гарун и Дзегашт спасли дело. Когда в вилайете узнали, что у аула еще нет названия, сказали, что сами сделают это. И если бы не Наурзов, так бы и случилось. Как, Дзегашт, они хотели назвать наш аул? – спросил Масхаб, делая вид, что забыл.

– Не меня, Гаруна спросите, это он возразил,– кивнул на друга Наурзов. Он удивился, что Гарун не рассказал отцу историю с названием аула.– А мы с Масхбом поддержали нашего мухтара. Я, уважаемый, думал, что ты знаешь об этом.

– Гарун? – удивился Чермит, бросив быстрый, недоверчивый взгляд в сторону сына.– Я не знал, что он такой молодец! Так что же вы, злосчастные, молчите? Весь аул ждет, а вы как в рот воды набрали. Я помогу вам: наверное, вы назвали аул «Хаджирет»?..

– А говорил, что ничего не знает...– неодобрительно отозвался Хатам, сидевший на потолочине.

– Хатам, не понимая сути, не учи меня. Я ничего не утверждал, я сказал, «наверно». Мы, желающие всем добра, не абреки, которые спасали свои головы. Мы – адыги-абадзехи, и нас незаслуженно унизили, оскорбили. Почему наш аул не должен носить имя нашего абадзехского племени?

Абадзехи, участвовавшие в строительстве, поддержали:

– Ты прав, уважаемый!

– Хорошее название, Чермит!

– Если все согласны, джамаат, назовем наш аул Абадзех,– заключил старик Коблев вместо своего сына Гаруна, мухтара.– А теперь продолжим работу, раз уже решили с названием аула, осенний день короток. Ты что-то сказал, Хаджирет?

– Я тоже не хочу, чтобы меня звали Хаджиретом[1], уважаемый.

– Нет, Хаджирет. Так тебя нарекли родители, и мы ничего не можем изменить, это грех. Соблюдай адыгэ хабзэ, будь смелым и честным, это самое главное для мужчины.

С правого берега реки Варна, из турецкого селения послышался голос муэдзина. Чуть ниже по реке, со стороны аула, только что названного Абадзехом, тоже призывали мусульман к полуденному намазу. Но старик Чермит сделал вид, что не слышит их. Мужчины, удивившись его глухоте, тоже продолжили работу.

«Они берут пример с меня, ждут, когда я приклоню колени,– мысленно укорил себя старик Коблев, считая свой поступок недостойным.– Но какой я эфенди? И все же не стану вводить людей в грех...»

– Где в конце-концов наш муэдзин?..– обратился ко всем Чермит, хотя знал, что муэдзин приболел, и, как бы вспомнив, продолжил: – Да он же, бедняга, приболел. Хатам, ты разве не слышишь турецких муэдзинов? Если со времени прошедшего намаза ты не нарушил амдез,

[1] Х а д ж и р е т – беглец, изгнаник.

объяви о времени наступающего намаза! Что мы – не мусульмане?

В абадзехском ауле, название которого еще не знали соседи, стоит осенняя тишь. Солнце проглядывает сквозь разноцветную листву деревьев, пауки ткут свои последние перед зимой паутины, ни ветерка, ни резких звуков. Ничего не нарушает эту напоенную сентябрьским теплом безмятежность. Будто сама природа благоприятствует мужчинам, совершавшим намаз под открытым небом. Наконец Чермит, проводивший вместо эфенди намаз, завершил его:

– Пусть Аллах примет ваш намаз, абадзехи, и услышит ваше мусульманское приветствие, пусть благословит вас и одарит своей милостью. А сейчас хочу спросить: вам не кажется, что пора строить мечеть? Пока мы обживались, мы жили с Аллахом в сердце, искренне стремились выполнять Его заветы. И это хорошо. Но уже настало время для возведения мечети, мусульмане. Как достроим жилище многодетной вдове Мерем, так и начнем.

После намаза продолжили работу. Хаджирет, помогая мужчинам возводить стропила на крыше, окликнул Хатама:

– Посмотри туда, видишь, как прекрасны те белоголовые горы и разноцветные леса!

– Ну и что, что красивы...

– Они тебе ничего не напоминают?..

– Осторожно, упадешь с потолочины... Кто эти всадники?.. Чермит, к нам едут гости.

– Интересно, кто побеспокоился о нас?..– спросил озадаченный старик и, узнав в одном из всадников Стефана, устремился навстречу чабану. За ним спрыгнул с высоты Хаджирет, к нему присоединились другие мужчины. Чермит обратился к Хатаму:

– С уважением, держа коней под уздцы, помогите спешиться нашим гостям. Это мой знакомый чабан Стефан, абадзехи. И пусть скажет, как зовут его младшего спутника.

– Пусть старость ваша будет счастливой и удачливой,– на абадзехском наречии ответил Чермиту стройный голубоглазый парень.– Меня зовут Тодор. По отцу я болгарин, по матери – черкес.

– Твоя мать черкешенка?.. Как такое может быть! – удивленно воскликнул Наурзов.

– Дзегашт, если так сказал наш гость, значит, может. На свете случаются и не такие чудеса.

Чермит медленно и степенно подошел к Стефану. Он сам был удивлен новостью, но ничем не выдал своих чувств:

– Извини, Стефан. Твой молодой спутник своим неожиданным адыгским языком нас обрадовал.

– У Тодора мать черкешенка, это правда.

Стефан заметил, что Наурзов все еще сомневался в словах его спутника, поэтому продолжил:

– Бедная Фатима, его мать, всю жизнь мечтала увидеть черкесов, но так и покинула этот мир. И отца его уже нет... Мы не смогли похоронить его, как и моего сына... Что поделаешь, так случилось. Давно я хотел тебя проведать, Чермит,– сказал Стефан, Тодор перевел его слова.– Каждый день собирался, но не получалось. Но как мы, болгары, говорим, пришло время и приехали. Этих овец с ягнятами привезли, пусть они станут началом вашей отары. И щенка возьмите, это ущелье не такое уж мирное, думаю, и он вам пригодится.

– Спасибо, Стефан. Пусть ваша щедрость вернется к вам, умноженная во стократ, и пусть у нас будет возможность уважить вас в ответ. И тебе спасибо, наш сородич, ты нас обрадовал и опечалил.– «Мы тоже подозреваем, что в ущелье, куда нас забросили, нет спокойствия»,– подумал Чермит и продолжил: – Да, Стефан, весь мир перевернут вверх дном, поэтому как может быть в этом прекрасном ущелье спокойно? Кто теперь чтит законы? Кто им следует? Мы тоже не за счастьем сюда приехали, и не по своей воле.

Хаджирет, глядя на молодого гостя встревоженными глазами, шепнул Хатаму:

– Ты посмотри, как этот полуадыг поменялся в лице.

– Его же родила адыгская женщина, наверно, его сердце болит за нас.

– Не нравится он мне... Разве не видишь, как он свои голубые глаза не сводит с Дарихан...

– Да ладно, ты никому не доверяешь.

– Поверил бы, если бы к щенку добавили маленького котенка... – пошутил Хаджирет.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Предзакатное солнце красноватыми лучами осветило верхушки гор. Борис не находил себе места с самого полдня, когда Стефан и Тодор выехали к черкесам. И вот, наконец, он увидел двух всадников на одном коне. Не зная, что и думать, Борис обратился к деду, когда тот подъехал к нему:

– Что с вами случилось?..

– Ничего, черкесы встретили нас хорошо. Спросили о тебе, передали привет.– Старик бросил ему на руки поводья, пошел к овчарне, заглянул во внутрь и, пряча улыбку, спросил: – Все овцы на месте?

– Были бы все, если бы две овцы и два ягненка были на месте. Тех, что вы отвезли черкесам... Так мало вам! Вы оставили им и ездового коня.

– Ты слышишь, Тодор, что говорит твой друг? Наверное, и ты согласен с ним... Вы молоды, горячи, поэтому не прислушиваетесь к советам старших. Неужели лучше иметь под боком врага? Сами знаете, что голодная собака лает и может укусить, а если бросить ей кость – она успокаивается. Турки привезли сюда черкесов не для мира и дружбы с нами, они хитры и коварны. Нам и с теми, и с другими надо держать ухо востро, не ссориться без нужды. Им не надо знать, что у нас на уме, пусть знают то, что на языке. Тебе, Тодор, повторю: черкесы – единоверцы тех, кто убил твоего отца. Они не лучше турок. Ты думаешь, они не поднимут кинжал на единоверцев их врага? Думаешь, они простят христианам свое изгнание? Кровная месть, впитанная веками, не будет ими позабыта. Им нет разницы – русский ты или болгарин. Они хорошо знают,

что русские – наши соплеменники, и в войне будут не на нашей стороне. Не обижайся, что я надоумил тебя подарить ездового коня старику Чермиту. Завтра дам тебе коня лучше, чем у тебя был.

– Твое счастье, Тодор, что дед, усадив за спину, привез тебя обратно. Иначе черкесы заставили бы тебя возвращаться пешком... – Борис явно посмеивался над другом.

– Стефанов! – голубые глаза Тодора заблестели.– Не надо мне напоминать, что моя мать черкешенка. Болгарская земля моего отца так же моя, как и твоя!

– Не обижайся, брат, я это сказал без злого умысла. И тревожился, думая, что вас черкесы прирезали. Кто знает, что у них на уме? Старик сам по себе с виду добрый, а мальчишка жег глазами так, что у меня спина горела.

– Хорошо, если ты искренне говоришь. Но отвечу тебе черкесской пословицей, ее мать мне говорила: «Прежде чем сесть, оглянись, прежде чем сказать, подумай».

Тодор Димитров произнес пословицу на адыгском, потом перевел ее на болгарский язык. Услышав перевод, старик Стефан сказал:

– Твоя мать, Тодор, была мудрой женщиной. Она покинула этот мир, так и не поговорив с сородичами, хотя мечтала об этом всю жизнь. Пусть Всевышний откроет для нее двери рая! Она знала и черкесский язык, и турецкий, и болгарский. Вспоминала, что ее украли в Черкесии, когда она была еще маленькой девочкой. За столько лет она не только не забыла язык матери, но и научила тебя ему. Как это у нее получилось? Не только я один, многие удивляются.

– Когда я был маленьким, мама пела мне колыбельную песню на родном языке, когда подрос, разговаривала со мной по-черкесски, чтобы не забыть язык своей матери. Так и научила. Сегодня, когда мы поехали к черкесам, это мне помогло. Ты знаешь, что турецкий язык я знаю не хуже тебя, но не хочу на нем говорить.

– А если попадешь в такое положение, как сегодня? – не успокаивался Борис.

– Для пользы болгарских дел я буду говорить и по-турецки, если будет необходимо.

– Теперь я доволен,– оглянулся на деда Борис.

– Тише! Слышите топот копыт? – остановил спорщиков Стефан, вглядываясь в темноту. Собака, лежавшая перед ним, тоже подняла голову, прислушиваясь.– Думаю, едет гость, которого я ждал эти дни. Пойду, встречу.

Он покинул кошару, и Тодор, забыв о недавнем споре, признался другу:

– Сегодня у черкесов я видел очень красивую девушку... Даже не знаю, как описать ее красоту...

– Не знаешь, не говори! На свете много красивых девушек, наши болгарки мало кому в этом уступят. Но какие трудные имена у турок и черкесов. Как зовут старика, к которому вы ездили?

– Чермит! – произнес по-адыгски Тодор.– На болгарском языке тоже – Чермит.

– Да, да, Чермит. С ним был парень, рослый такой. Имя его тоже не помню.

– Может, Хатам? – перед мысленным взором Тодора прошли парни, которых он увидел в абадзехском ауле.– Он старше нас с тобой. Или Касим? Но о нем не скажешь, что он рослый.

– Еще раз назови первое имя, вроде похоже.

– Может, Хаджирет?

– Точно, Хаджирет!

– И он был среди тех, кто провожал нас.

– Вот слушаю тебя, Тодор,– продолжал дразнить друга Борис,– ты так хорошо произносишь черкесские имена, сразу видно, что ты один из них.

– Все жители Тырговиштского ущелья – и турки, и болгары – знают, что я по матери черкес. В чем ты упрекаешь меня? Но на языке отца я разговариваю не хуже тебя, я – болгарин.

– Не сердись, Тод, я шучу. Ты так красиво говоришь по-черкесски, что я завидую. Пойдем, поздороваемся с нашим гостем.

– Сегодня вы, что, без дела? – после приветствия, шутя, спросил гость и продолжил прерванный разговор.– Я поздравляю вас, русские, наши единоверцы и соплеменники, большой победой закончили Кавказскую войну.

– Это хорошо, и мы уже знаем об этом,– удовлетворенно сказал старик Стефанов и с сомнением закончил: – Только вот не знаю, какие планы у турок насчет черкесов, которых они расселили среди нас. Удивляюсь, где та сила, способная усмирить турок, в подчинении которых Балканы?

– Есть такая сила,– сказал ночной гость.– Это наши братушки-русы, извечные враги турок, они придут к нам на помощь. Теперь, после победы на Кавказе, их земли и Черное море стали ближе к нам.

– Да, Парван,– вспомнил старик Стефан,– я не познакомил тебя с этим парнем, другом Бориса. По отцу он болгарин, по матери – черкес.

– Парван Парванов,– подал руку гость,– не знал, что ты черкес.

– Тодор Димитров,– коротко представился и добавил: – Я тоже многое о тебе слышал.

– Хорошее или плохое? – не то в шутку, не то всерьез спросил Парванов.

– В жизни и хорошее, и плохое переплетены. Даже не знаю, что и сказать,– отшутился Димитров.

– Проще простого, раздели их.

– Я и болгарин, и черкес, и это неразделимо. И, пока я жив, так и будет. Можно поменять религию, но кровь изменить нельзя.

Старик Стефанов и его внук переглянулись, а Парванов согласно улыбнулся.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Новость, которую привезли Багов и Наурзов, обошла все дворы и дома аула Абадзех и до полуденного намаза достигла мечети. Эта новость поделила адыгов: кто-то поддерживал ее, кто-то не принимал, были и такие, кто молча слушал спорящих с обеих сторон. Старик Чермит

сидел на пне, не вмешиваясь в разговор горячо спорящих мужчин, и в ожидании намаза грелся на солнышке.

Его тоже волновал вопрос спора, но сейчас он думал о другом. Перед его далеким взором одна за другой сменялись картины прошлого. Он думал о том, что эти мужчины молоды и горячи и впереди у них – жизнь. Какой она будет? Сегодня она безрадостна, можно ли от будущего ждать чего-то лучшего? «Мне повезло, я прожил дольше своих ровесников. Зато они не увидели всех бед, выпавших на нашу долю. Разве можно назвать счастливым того, чей труп сбросили в море, или похоронили в чужой земле, или в огне войны вообще не предали земле? Можно ли все это – и жизнь, и смерть – назвать благоденствием? И я, Чермит, с каждым днем приближаюсь к своей могиле, вырытой в чужой земле, а эти спорящие люди сегодня полны жизни, но и они не обойдут этой участи. Когда это будет? Если бы мы знали свою судьбу, то не оказались бы в таком бедственном положении...»

– Касим, ты из-за их спора пал духом? – обратился он к парню, одиноко стоявшему у забора.– Из-за вечного соперничества адыгов, сын мой, мы и на родине погибали, и тут уничтожаем себя.– Старик Чермит грозно окликнул спорящих мужчин и, когда они оглянулись, погрозил им палкой, которую привез с родной земли.– На днях мы провели хасэ аула и приняли решение, почему вы опять возвращаетесь к этому? Мы уже решили, что из нашего аула на службу в конный отряд самообороны пойдут одиннадцать человек. Это даже много, вы сами видите, что творится в окрестностях, поэтому мы не должны оставить аул без мужчин.

– А разве можно создать конный отряд из одиннадцати человек? – спросил Касим.

– И всего с одним конем,– добавил Чермит.– Напомни-ка мне, как зовут сына той, которую звали Фатима? Да, Тодор,– согласился старик с Дзегаштом Наурзовым, подсказавшим имя.– Вы не сомневайтесь, коня, которого он мне подарил, я отдам вам. Но с одним конем, еще раз говорю, отряд не создать.

– Тот, кто пойдет служить в отряд самообороны,– вступил в разговор Масхаб Багов,– по окончании срока вернется с конем и вооружением. Вдобавок получит небольшое денежное пособие, которое поможет ему прожить какое-то время безбедно.

– К наделу, принадлежащему его семье, добавят одну десятину, а если он офицер, дадут еще больше земли,– поддержал Масхаба Хатам и добавил: – Это касается и тех, у кого нет семьи.

– Так бы сразу и сказали... – укорил мужчин Чермит.– Я тоже слышал кое-что об этом. Но надо все хорошенько обдумать. Если бы только все возвращались с войны...

– Войны нет, тят, о чем ты говоришь? – обеспокоенно спросил отца Гарун.

– Вот об этом я и хочу поговорить, джамаат. Чтобы охранять горное ущелье, куда нас заселили, разве нужно войско? Если конный отряд будет подчинен Шумле, тогда другое дело. А от кого они будут охранять ущелье? По сравнению с нами и турками в ущелье больше болгарских сел. Но вы видите, как жители ближайшего села Стефанка миролюбиво относятся к нам?

– А ты забыл, Чермит, как поступили с нами их родичи? – не выдержал Наурзов. Ему не понравились слова старика Коблева.– Наши раны еще не зажили, уважаемый.

– Да, Дзегашт, я понимаю твое недовольство. Но не понимаю, за что наказывать тех, кто не повинен в наших застарелых обидах? Только за то, что они родичи и единоверцы русских? Болгары, к которым нас привезли, отличаются от нас тем, что они живут на своей земле. Вы это понимаете? – И, прекращая разговор, распорядился: – А ну-ка, поспешите, наступило время намаза. Багов, Наурзов и Коблев, когда закончите намаз, подойдите к дереву на поляне хасэ, есть дело.

Сделав намаз, мужчины небольшими группами стали расходиться. Хатам шел с Хаджиретом и Касимом. Впереди шагал старик Чермит, и Хаджирет, посмотрев ему вслед, не сдержался:

– Что ни говорите, но Чермит ведет себя неподобающе, сверх всякой меры пользуется своим старшинством.

– И это правда,– согласился с ним Касим.– Везде сует свой нос. Ну и что из того, что его сын мухтар аула?

– Гарун уже не мухтар аула, Чермит давно захватил председательство,– не успокаивался Хаджирет.– Мало ему мечети, так он, не считаясь с джамаатом, управляет мужчинами, среди которых и твой отец Дзегашт.

– Ты, что, не слышал, что ответил мой отец Чермиту? – обиделся Касим.

– Слышал, но и он пошел за ним... – бросил другу Хаджирет.– Если хотите, я догоню их и подслушаю, о чем они говорят.

– Хаджирет, успокойся! – повысил голос Хатам.– Сколько раз тебе говорил, чтобы я не слышал таких слов! Если бы наш старейшина не беспокоился, он бы не позвал на разговор мужчин, на которых надеется весь аул. И еще запомните: мечеть – место для намаза, а не для споров. Вы разве не помните то красивое место для проведения хасэ в середине нашего аула Бирджхабль? Там так же близко друг от друга были расположены и мечеть, и место работы нашего мухтара. Оттуда были видны Оштен, Фишт, Лаго-Наки...

– Конечно, помню... – перед мысленным взором Хатама предстала площадь в середине аула, и он, пряча непрошенную слезу, проронил: – Сколько раз играли там в чижик-пыжик...

– И в гур. Били палкой по деревянному шарику, стараясь выбить больше всех...– поддержал друга Хаджирет.– А помнишь, как ты организовывал наши соревнования по борьбе?.. В теперешнем нашем ауле ни в какие игры не играют ни мальчики, ни девочки. Каждый тихо сидит в своем доме, иногда только слышно ржание коня Чермита и лай его собаки, и больше – ни звука. Будто и не живут тут люди.

– Да, людских голосов не слышно,– согласился Касим, стараясь угодить другу, и неуверенно добавил: – Не пойму, почему мой суровый и мужественный отец во всем соглашается с Чермитом...

– Твой отец с тобой суровый,– буркнул Хаджирет,– но мужество его давно покинуло.

– Ты оскорбил моего отца! – схватился за кинжал Касим.– Если ты мужчина, доставай свой кинжал!

– Первым ты оскорбил меня, поэтому я готов!

– Ребята! – до сих пор молчавший Хатам встал между ними.– Только попробуйте сдвинуться с места! – пригрозил он.

Дарихан, подметая крыльцо дома, услышала их ссору. Бросив дела, она поспешила к ним.

– Что здесь случилось?

– Эти не могут разобраться, кто из них сильнее,– не выдал причину ссоры Хатам.

– Да?.. Это потому, что им нечем заняться. Если нечего делать, предлагаю перекопать огород. Пошли, на кухне вас ждет обед. А у таты все время дела, не могу дождаться его к обеду.

– Ты куда уходишь, Наурзов? – окликнул Касима Хаджирет.– Ты слышал, что сказала Дарихан?

– Я могу и не идти... – остановился Касим.– Могу и перекопать огород, если Дарихан просит. Но сначала расскажу твоей сестре, как ты обидел меня.

– Расскажи, расскажи, но знай, что у меня нет зла на тебя.

– Вот видишь, Дарихан, твой брат сначала обижает меня, потом старается все исправить... Да, Хаджирет, я тоже виноват. Ты старший, поэтому если бываешь со мной требовательным и строгим, я должен проявить терпение.

– После этих слов, я думаю, вы примирились,– улыбнулась Дарихан.

– Да, между нами мир. Я знаю, Дарихан, где твой отец, если хочешь, схожу за ним.

– Касим! – остановил друга Хаджирет.

– Я понял, Хаджирет, не будем беспокоить старших.– И по-стариковски закончил: – Не напрасно ведь Чермит собрал их, пусть старость его будет счастливой.

На месте созыва собрались мужчины, которых пригласил Чермит.

– Я скажу, зачем позвал вас сюда. Присаживайтесь.– И ты, Коблев, мухтар аула, не стой надо мной, садись. То,

что я скажу, вы уже, наверное, слышали. Сегодня, на чужой нам земле, мы столкнулись с тем, о чем только догадывались, когда нас везли сюда.

– Это, тят, тоже страна турок... – напомнив, что он еще и мухтар, поправил отца Гарун.

– Сын! Между нами, присутствующими здесь, не может быть недомолвок, мы должны доверять друг другу, поэтому я и решил поговорить именно с вами. Вспомните, в каком тяжелом положении мы оказались. Знать бы, как сейчас живут те немногие, кто остался там, на родине. Но и тогда, и сегодня вы во многом не соглашаетесь со мной, тогда объясните мне, чем будут заниматься одиннадцать человек, которых выбрали для охраны нашего аула? Другие аулы тоже выбирают охранников. Кого они будут охранять? Нас? Подозреваю, что не нас. Для меня лучше служить в армии, чем быть в охране. По крайней мере, там знаешь, что охраняешь свою страну. Посмотрите туда, видите трех всадников?..

– Одного я узнал,– сказал Багов,– это Зауаль Баракетов.

– Да, это он,– подтвердил Наурзов, напряженно глядя в сторону всадников.– А его спутников я не знаю.

– Давненько мы не слышали о Баракетове ... – недовольно сказал старик Чермит и предупредил своих собеседников: – Кто бы они ни были, мы должны их встретить, как дорогих гостей. Хотя одного из них, который в середине, я уже где-то видел.

Подъехавшие спешились, стараясь держаться солидно, поздоровались. Чермит так же степенно ответил:

– Пусть ваше приветствие будет для нас предвестником добра, дорогие гости. Добро пожаловать, это место созыва нашего хасэ, а там наш абадзехский аул.

– Ты, наверно, не помнишь меня, уважаемый,– произнес по-адыгски с турецким акцентом хмурый тучный мужчина.– Мы с тобой встречались на опушке леса.

– Это ты?..– сделал удивленный вид Чермит, хотя еще до слов гостя припомнил, где его видел.– Теперь я тебя узнал, помню, ты тогда сказал: «Здесь, черкесы, у вас будет возможность отомстить за вашу пролитую кровь».

Чермит бросил взгляд на стоящих рядом адыгов. Те молча слушали, ничем не выдавая своих истинных чувств. Старик опустил глаза и неуверенно продолжил:

– На мой вопрос, как тебя зовут, ты ответил: «Потом, мы в пути» и уехал. И вот опять, не знаю, к добру ли, мы вновь встретились.

– Уважаемый Чермит! – не мог смолчать Баракетов.– Я назову тебе имя моего досточтимого спутника. Его зовут Мурад-бей. Его знают во всех турецких аулах, которые подчинены Шумле. Эти аулы, как и ваш, расположены в этом ущелье, и все аульчане знают, что Мурад-бей связан с властями в Стамбуле, Бургасе, Варне. Поэтому он может помочь каждому жителю в разрешении любого вопроса на самом высоком уровне. Третий наш спутник – албанец, наш единоверец, его зовут Албан, он хорошо знает турецкий и неплохо говорит по-адыгски.

– Получается, Зауаль, ты познакомил нас с хорошими людьми. Представь уважаемым гостям и нас.– И после знакомства, пригласив гостей в аул, спросил Баракетова: – А ты сам-то как, как твои дела?

– Я живу делами адыгов, переживая, как все, наши невзгоды. Не сегодня-завтра хочу поехать в Стамбул, мне обещали устроить встречу с нашей соплеменницей, великой султаншей Бике.

– Говорят, эфенди Магомет Марзухаев приближен к власти в Стамбуле. Если бы мне довелось встретиться с этим негодяем, я бы спросил с него за наши беды и искалеченные судьбы и только тогда отошел бы в иной мир довольным.

– Это справедливые слова, Чермит. Пусть Аллах сделает тесной могилу дагестанского наиба Мухаммеда Амина, этот эфенди один из тех, кто привел нас к гибели. Когда поеду в Стамбул, я намерен его найти и высказать этому бессовестному всю правду в глаза.

– Не высказать ему правду в глаза, а выколоть их! – резко сказал Чермит.

– Тят... – осторожно пытался остановить его Гарун.

– Ты, что, Коблев, боишься своего голоса?!.. Ну и что из того, что Марзухаев близок к власти в Стамбуле? Разве

мы наговариваем на него? Он давно заслужил смерть, как говорят адыги, для него уже открыты ворота ада. Иди, скажи семье, что у нас гость.

Гостей пригласили в дом, каждого усадили на свое место, и Чермит продолжил разговор: – Вот такие у нас дела, Мурад-бей, такие наши заботы. В том, что с нами случилось, мы сами виноваты, но не простим и тех, кто хитростью подтолкнул нас к такому решению.

– Весь мир знает о вашей беде, о ваших несчастьях, уважаемый, но никто, кроме нашей страны, вас не услышал. Турки милосердны и щедры, но не думай, что я хвалю их, потому что один из них. Когда вы попали в такое положение, они протянули вам руку помощи, дали вам и хлеб и воду.

Когда турецкий гость сказал последнюю фразу о хлебе и воде, Дзегашт Наурзов изменился в лице. Он быстро взглянул на старика Чермита, перевел взгляд на Масхаба Багова и следившего за столом Гаруна Коблева. Они не забыли, как турок предложил брать плату за воду с людей, живущих в чагарнике в окрестности Ачкалы.

– Я что-то не то сказал?..– спросил Мурад-бей, заметив перемену в лицах хозяев.

– Нет, гость, ты все правильно говоришь,– бросил выразительный взгляд на Баракетова Чермит.– Слушаем тебя.

– Я рад, уважаемый, что ты веришь мне,– Мурад-бей, довольный похвалой, продолжил: – О вас, черкесах, я в жизни плохого слова не скажу и глубоко сожалею о том, как с вами поступили гяуры. Не только у меня, у всех турков болит за вас сердце. А что касается нашего благородного султана, так он не только пригласил вас на свою землю, но и предоставил для проживания самое лучшее место. Но будьте бдительны с болгарами-иноверцами, они не лучше тех, лишивших вас родины. Поэтому, уважаемый, здесь у вас есть и кого винить, и с кого спросить,– уверенно закончил он свою речь.

– Да, да, даже если мы забудем свою родину, мы должны помнить, как с нами поступили гяуры,– в тон турку подхватил Баракетов, с подобострастием глядя на Мурад-бея.

Сидящие за столом старшие и стоящие у дверей младшие адыги переглянулись, им стало не по себе от слов турка Мурад-бея и адыга Зауаля Баракетова.

– Баракетов, ты что говоришь? У тебя, что, нет родины?! – не удержался Наурзов.

– Дзегашт, ты интересный человек. Валлахи, если долго смотреть на море, можно ослепнуть.

– Даже если ослепну, у меня останется сердце, которым я буду чувствовать свою далекую страну. И в свой смертный час я покину этот мир с мыслью о ней.

– Наурзов! – гневно остановил его Баракетов.

– Вы, двое, успокойтесь, и дайте нам поговорить,– сказал Чермит.

Наурзов под взглядом старика опустил отяжелевшие от гнева веки, а Багов украдкой постучал его по спине. Старик Чермит снова обратился к турецкому гостю:

– Спасибо, Мурад-бей, что беспокоишься за нас. Мы довольны и вашим султаном. После того, как нас растоптали, мы поневоле набросили на себя чужую бурку и говорим, что она нам по плечу, но наши сердца болят за землю, где остались наши корни. Мы не примирились с тем, что с нами случилось, но человеческая жизнь дорога, поэтому, не деля на мусульман и христиан окружающий мир, где мы оказались, постараемся жить в мире со всеми.

– Многоуважаемый Чермит... – поспешил Баракетов.– Ты будто не слышал того, что отметил Мурад-бей: болгары, среди которых вас расселили, сородичи русских. И им не очень нравится, что мы будем жить с ними.

– Так бы сразу и сказал, пусть добро будет твоим спутником,– улыбнулся Чермит.– Согласен, что не всем будет приятно наше соседство, но мы не почувствовали неприязни болгар, с которыми познакомились. Мы гостили у них, они приезжали к нам, привезли нам подарки. Собака, которая лаяла на вас, тоже их подарок.

– Ты, наверно, говоришь о Стефанове, чабане? – стараясь придать голосу спокойствие, спросил Мурад-бей.

– Да, гость. Это был чабан Стефанов,– улыбаясь, назвал имя знакомого болгарина Чермит.– Валлахи,

хорошо, что и ты его знаешь. Отмечу еще одно чудо: с ним был наш соплеменник по матери, знающий адыгский язык, хороший парень, зовут его Тодор. Стефан познакомил нас с ним.

– А с Парваном Парвановым не знакомил? – спросил Мурад-бей с раздражением, и все почувствовали, что этого человека он недолюбливает.

– Нет,– ответил за всех Чермит.– А кто он?

– Вам знать его и близко подпускать к себе не надо,– уверенно сказал Мурад-бей.– Такие, как Парван, враждуют с нами, и им очень не нравится ваше соседство. Не стоит доверять и вашему соплеменнику Димитрову, и старику Стефанову, и его внуку Борису. Не только им – всему болгарскому гяурскому племени!

– Ну, так не пойдет! – возмутился Наурзов.

– И все же, Дзегашт, именно так обстоят наши дела,– подтвердил слова своего спутника Баракетов. И, не сдерживая свой гнев, продолжил: – Гяур всегда остается гяуром. Наш народ они вырвали с корнем, а мы говорим о каком-то хорошем их отношении к нам, вместо того, чтобы высказать им свою ненависть. Как к родственнику относимся к тому, кого родила какая-то черкешенка без чести и совести от гяура-болгарина.

– Баракетов! – не сдержался Багов.– Перестань молоть всякий вздор перед нашим старшим и возьми свои слова обратно.

– Масхаб, остановись,– спокойно сказал Чермит, будто и не слышал обидных слов о женщине-черкешенке.– Вы, что, не знаете Баракетова? У него с языка соскочило то, что на сердце. А ты, Албан, что молчишь? – стараясь прекратить пререкания, обратился еще к одному гостю Чермит. И не дожидаясь ответа, продолжил: – Если бы я не услышал, что ты из албанского племени, я бы подумал, что ты адыг.

– Да, турки считают меня турком, черкесы – черкесом,– согласился Албан и отрезал: – Но я не хочу быть похожим на болгарина.

– Ну и ну! И ты, Албан, туда же. Что же такого сделали вам болгары, чего не сделали нам? – пошутил Чермит и в сомнении закончил: – Но вам лучше знать, что они за люди, будем и мы остерегаться их.

– Да, да, лучше не приближать их к себе,– торопливо, будто оправдываясь, согласился со стариком Мурад-бей.– Мы не враги им, это они не хотят жить в мире с нами. Вы скоро поймете, какие на самом деле эти болгары. Но пора и прощаться. Гость выбирает время, когда приходить, а когда ему уходить – дело хозяина. Мы не станем следовать этой вашей пословице, поступим по-своему. Хорошо посидели, поговорили, пора и в путь-дорогу. С благословения Аллаха еще встретимся. Если мы вели себя недостойно, уважаемые, простите. Аллах благословит нас, и не даст ошибиться.– Проходя мимо Хатама, стоявшего у дверей, и пожимая его могучую руку, заметил: – Тебе очень подойдет форма турецкого офицера. И не только тебе. Дзегашту, Масхабу и Гаруну – тоже. А вас чуть позже это коснется,– хлопнул Хаджирета и Касима по плечу.

Когда всадники выехали из Абадзеха и остались одни, Мурад-бей спросил Зауаля:

– Кто та девушка, которую мы видели?..

– Это Дарихан, дочь Масхаба Багова.

Но вопрос Мурад-бея насторожил Баракетова: «Зачем ему эта девочка?» И что-то недоброе шевельнулось в его душе, но лишь на мгновение, и в угоду турку он продолжил:

– Многим она нравится, многие вьются вокруг нее, но братья ее оберегают.

– Ничего необычного в этом нет, она красивая девушка,– сказал Албан. Он имел хорошее представление о предмете разговора.– Но Мурад-бей не такой, как все.

– Я прекрасно знаю, кто такой Мурад-бей, Албан,– резко отозвался осторожничавший доселе Зауаль.– Но вы не знаете абадзехов.

Албан вспылил:

– Если мы, Зауаль, до сих пор не поняли, кто ты, то как мы можем знать твоих абадзехов? – Но и на этом не успокоился: – Да, мы не знаем нрав абадзехских мужчин.

Но все женщины: и албанки, и черкешенки, и турчанки, и болгарки всегда были и остаются женщинами.

– Албан! – Зауаль потянул повод и остановил коня.– Ты кто такой, чтобы оскорблять нас, абадзехов?!

– Постойте, постойте! – остановил их Мурад-бей.– Что с вами случилось, вы, что, опьянели от черкесской бузы?

– В моих словах не было плохих мыслей, Мурад-бей... – поспешил ответить Албан, знавший крутой нрав турка. И, дразня Баракетова, продолжил: – Может, мы и хотели бы выпить, но разговорчивый старик-хозяин не предложил. Да и буза черкесов не такая уж крепкая, не сравнить со сливовицей болгар, правда, Зауаль?

– С этим я согласен, наша буза более мягкая. Но мне не нравится, как ты смотришь на наших женщин. Все наши мысли и радости связаны с ними, они дарят нам жизнь. И еще запомни: я не позволю плохо говорить о старике Чермите, это не по нашим обычаям.

– Слышишь, Мурад-бей, что говорит наш друг Зауаль?..– и мысленно ему возразил: «Если вы так соблюдаете черкесские обычаи, то почему не нашли согласия меж собой, чтобы не оказаться здесь, в чужой стране?»

– Нет, не слышу. Не ищите головную боль там, где ее нет. Лучше вернемся к разговору о девушке, про которую я спросил.

– Если ты, Мурад-бей, хочешь видеть эту девушку своей снохой, мы без труда умыкнем ее для твоего сына Раджеба. Правда, Зауаль? – подначил его Албан.

– Без труда не получится,– усмехнулся Баракетов,– Ты уверен, что справишься со стоявшими перед дверью Хатамом и Хаджиретом?.. К ним могут присоединиться и другие.

Проехав немного, Мурад-бей неожиданно спросил:

– Зауаль, а ты почему один?

Баракетов, не отвечая, пришпорил коня.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Первый день нового 1870 года выдался ненастным и слякотным. Дороги вконец раскисли, ноги коней утопали в этом месиве.

Около полудня Зауаль Баракетов прибыл в Стамбул. Эта поездка оказалась трудной. Обстоятельства складывались так, будто сама судьба противилась его путешествию. Морской путь из Болгарии в Турцию более удобный и короткий. Зауаль знал это, но выбрал дальнюю горную дорогу с Балкан, согласившись стать спутником албанца, решившего навестить своих родичей в Косово, с которыми не виделся несколько лет. К тому же Албан хорошо знал турецкий, черкесский и балканские языки.

Эта дорога стала проклятьем для Зауаля: он истратил все свои деньги, но главная боль была в утрате отцовского кинжала, с которым он никогда не расставался. Кинжал всегда висел на поясе, что придавало Баракетову уверенности в себе. И теперь, глядя вслед карете, увозившей кинжал, которым он расплатился за перевозку, погрузился в мрачные раздумья: «То, что случилось со мной, я заслужил. Говорят, если сам не остановишься, то найдется тот, кто тебя за это накажет. И правда, где это видано – я расплатился с кучером своим кинжалом! И этот пройдоха, певший мне турецкие песни и расхваливавший адыгов, на просьбу заплатить хоть несколько монет за кинжал, ответил: «Радуйся, что не снял с тебя шапку! Я целый день тебя возил, выручку потерял, катись подобру-поздорову, пока не сдал властям!» И еще пригрозил кнутом, собачий сын. А Албан? Я своими деньгами оплачивал нашу общую дорогу, гостиницу, еду, чем он лучше этого турка?! Мне хотелось выглядеть успешным мужчиной, а не бедняком, покинувшим свою родину и потерявшим все. И, собственно, что мне нужно в Стамбуле? Сидел бы спокойно на Балканах, как другие адыги, но нет, я зачем-то пытаюсь решать чужие проблемы. Мне, что, больше всех нужно? Еще от отца слышал, что тот, кто решает чужие беды, сам попадает

в трудное положение. И это про меня. Но будь честен, Зауаль, загляни в свое сердце и ответь: о ком твое беспокойство? Да, да: о себе. Опять-таки вспоминаются слова отца: «Если о себе не побеспокоишься, никто не побеспокоится о тебе...»

Баракетов, оставшись без денег, голодный, разочарованный сложившимися обстоятельствами рассуждал о своей жизни. Иногда в нем просыпалось что-то доброе, человеческое, что расслабляло его душу, но страсть к власти и достатку перевешивали, делали его жестким и непримиримым. Зауаль очнулся от невеселых дум, поправил на голове мерлушковую папаху, которая была ему к лицу, прошелся руками по поясу, облегавшему тонкий стан, стряхнул пыль с поношенной черкески, еще раз вспомнил о кинжале, тяжело вздохнул и деловой походкой направился к мечети Ая-Софи.

Мечеть Ая-Софи раньше принадлежала христианам, она была построена во времена расцвета Византии как гордость и жемчужина Константинополя. Теперь это мусульманская святыня Стамбула. Самый большой и красивый мусульманский храм Европы! И там читал Коран соплеменник Баракетова – эфенди Магомет Марзухаев.

Он шел не торопясь, не зная, в какую сторону свернуть, но ориентируясь на шпили минаретов, вышел к мечети, не затратив и часа времени.

Во дворе Зауаль совершил амдез, и, закончив обряд, на ломаном турецком языке спросил сидевшего рядом бородатого мужчину:

– Человек Аллаха, слышал ли ты тут имя эфенди Магомета, черкеса?

– Мне нет дела до черкесов... – неохотно ответил бородач, чувствовалось, что ему не по душе напоминание об адыгах. Потом, очевидно вспомнив, что на пятничном намазе он предстанет перед Аллахом, благожелательно закончил: – Здесь есть черкес, носящий священное имя нашего пророка Магомета, да благославит его Аллах, по пятницам он читает в мечети Коран.

– Не знаешь, сколько ему лет?

– Откуда мне знать? На вид он твой ровесник, может чуть старше... Вон, посмотри, муллы кого-то выводят из кареты, может, ты о нем спрашивал? Встречай, только не знаю, подпустит ли тебя к нему свита.

– Похоже, он! – Зауаль быстро пошел навстречу Магомету Марзухаеву.

Эфенди, видимо, был в чести у турок: на голове красовалась белая чалма хаджи, сам был важным, осанистым.

Зауаль протиснулся сквозь толпу верующих:

– Доброго дня, Магомет,– почтительно поздоровался по-адыгски Зауаль, надеясь, что тот сразу узнает его.

Магомет Марзухаев сделал вид, будто не услышал приветствие соотечественника, прозвучавшее на родном языке. Он прошел мимо, следом засеменили два муллы, но неожиданно остановился и оглянулся.

– Это я, Магомет, Зауаль Баракетов, узнаешь? – поспешил к нему Баракетов.

– Сородичи всегда узнают друг друга, Зауаль,– важно сказал эфенди.– Я как раз сегодня вспоминал тебя. Офицер Юсеф, бывший заместитель главы войска Ачкалы, говорил, что ты на Балканах, у болгар. Это правда?

– Да, это так. А где находится штаб Юсефа, Магомет? – спросил Зауаль, хоть и знал ответ на свой вопрос.

– Найдем, он недалеко... – нехотя ответил эфенди и холодно добавил: – Мы с тобой давно знаем друг друга, но, называя мое имя, не забывай прибавлять священное звание эфенди.

– Да, эфенди Магомет, ты великий эфенди абадзехов, как я могу это забыть...

– Не только абадзехов,– прервал Баракетова Марзухаев, но и турок – тоже.– И заторопился: – Сейчас у меня нет времени, встретимся после намаза.

– Да, эфенди Магомет, да,– согласился Зауаль.– Найдем и Юсефа. На документе, который я привез, написан адрес его службы.

– Что за документ? – приостановился Марзухаев.

– Военачальник Балкан Мустафа-паша передал его для бинбаши Юсефа.

– Почему сразу не сказал, что ты посланник того, под чьим началом Балканы? – смягчил свой тон Марзухаев.– Пошли, исполним перед Аллахом свой долг и будь со мною рядом, чтобы потом тебя не искать. Людей, стоящих у власти, турки приветствуют поклоном головы. Они и меня приветствуют так же. Поэтому если спросят, кто ты, скажем, что ты посланник великого военачальника Мустафа-паши.

Ая-Софи – большая мечеть, здесь ровными рядами, ничем не выделяясь между собой, одновременно молятся сотни человек. Эфенди Марзухаев стоял в почетном первом ряду, показывая свое величие Баракетову, стоящему слева от него.

Старый имам в широком абе, стараясь не наступить на подол, вышел из боковой комнаты и начал пятничный полуденный намаз. Голос имама, произносящего «Аллаху акбар» и «фатиха», а также шум, создаваемый присутствующими, когда они опускались на колени и вставали, наполнили мечеть.

После намаза эфенди Магомет встал перед верующими и начал напевно читать суры из Корана. Читал он красивым, приятным голосом, а когда закончил, имам обратился с просьбой к Всевышнему благословить всех, кто слушал суры, и прочел заключительную молитву-дуа во славу Аллаха, которую повторили все верующие.

Для эфенди Магомета Марзухаева в мечети были выделены две комнаты, куда он пригласил гостя. Все еще находясь под впечатлением сур, вынул из кармана белоснежный платок, отер пот с узкого лба, вытер тонкие губы и важно, со значением, обратился к Зауалю:

– Вот, Зауаль, теперь ты лично убедился в том, как обстоят мои дела в священном Стамбуле.

– Да, увидел воочию,– удовлетворенно сказал Зауаль. Он знал, что в Абадзехии эфенди Марзухаева не признавали, но продолжал рассыпать похвалы в его адрес: – Турки слушали тебя, затаив дыхание. Валлахи, ты заставил их слушать себя!

– Нет, Зауаль, нет. Аллах единый и великий спустил нам Коран с небес, поэтому слушать его безучастно – грех. Ты хотел сказать, что они слушали сердцем.

– Конечно, да! Они слушали тебя всем сердцем, и наши сердца стали мягче. И мне жаль, что упрямые абадзехи, не зря их сравнивают со мхом на дереве, не поняли тебя.

– Я не обижаюсь на этих бедных людей, ты тоже не переживай, Зауаль. Я не понимаю, как такие храбрые, какими они себя считали, умники-предводители Цеев, Биржев, Берзегов, младший Заноков довели до гибели безвинных мусульман.

– И Шамиль, который прислал к нам из Дагестана наиба Магомет-Амина, оказался не лучше их,– добавил Зауаль и коротко закончил: – Оказавшись в трудном положении, он должен был погибнуть, но не дать себя пленить. Какой позор!

– Правда, Зауаль, правда. И святой Шамиль, и наиб Магомет-Амин не нашли в себе мужества поступить по-мужски... – И, хлопнув в ладоши, резко перевел разговор.– Мои муллы, вы уснули, что ли? Почему нам не несут чай?

И участливо, совсем по-дружески стал расспрашивать Баракетова о делах на Балканах:

– Как адыги чувствуют себя среди болгар? Нас сегодня должны волновать они, а не предатели нашего народа, которые остались в прошлом.

В комнату внесли поднос со сладостями и чаем. Эфенди принялся угощать гостя:

– Приготовление этого чая, Зауаль, правда или нет, турки переняли у нас. Как бы то ни было, это одно из признанных Аллахом яств. Скажем «бисмилах» перед началом трапезы, и пусть Аллах благословит тебя, Зауаль. Было бы хорошо, если бы ты рассказал мне о бумаге Мустафа-паши, которую привез в Стамбул. Если это не тайна.

– Документ запечатан. Но даже если бы он был открыт, то, не умея читать, еле-еле зная турецкий, я не узнаю, что

там написано. Я встречусь с бинбаши Юсефом, а потом поступлю, как он скажет.

– Да, да, Аллах дотронулся щедрой рукой до того, у кого такой родственник, как бинбаши Юсеф! Конечно, он подскажет. На все воля Аллаха, я живу, как Он укажет. И ты тоже живи с Ним в сердце, Зауаль, тогда все, что захочешь, сбудется.

И, не удержавшись, шепнул Баракетову:

– Ходят слухи, что вместо старого и больного имама, который сегодня провел пятничный намаз, могут выбрать меня. Посмотрим...

– Это радостная весть, мой дорогой соотечественник! Но я удивлен, турки не любят уступать что-нибудь чужим. Хотя, вспоминая тех, с кем совершал намаз, думаю о том, что бабушка их султана черкешенка, так что все может быть. Если выберут тебя, то бедные адыги, не имеющие здесь ничего, конечно, обрадуются.

– Постой, Зауаль, подожди, не говори того, что не понравится нашим хозяевам... – Эфенди с опаской посмотрел в сторону двери и громко продолжил: – Да, Зауаль, ты правильно говоришь. По сравнению с гяурами турки благожелательны, щедры, они поделятся с тобой последним куском хлеба. И они мужественные воины. Там, на турецких Балканах, живут распоясавшиеся сербы, болгары, они тоже гяуры и единоверцы тех, по чьей вине мы оказались здесь. Не потакайте им, пусть почувствуют себя в вашей шкуре.

– Я тоже так думаю, эфенди Магомет. Помнишь Масхаба Багова, Дзегашта Наурзова, Гаруна Коблева? Они тоже так говорят.

– Я их помню,– вздохнул Марзухаев.– Сколько раз мы смотрели смерти в глаза, сколько бед пережили вместе. Я рад, что эти достойные мужи с тобой. Если меня не забыли, передай им мой салям. А отец Гаруна Коблева, Чермит, жив ли еще?

– Жив, жив... – недовольным голосом ответил Зауаль. Было заметно, что он недолюбливает старика.– Лезет ко всем со своими советами, принуждает делать то, что сам считает нужным и единственно правильным.

– Значит, жив. Пусть Аллах благословит его и сделает старость счастливой в этой благословенной стране. Этот мудрый старик достойно прожил свою жизнь. Расскажи Чермиту обо мне, о том, что видел сам, расскажи, как я близок к власти. Передай ему приветствие и мои добрые пожелания.

Не такой представлял Баракетов встречу с Магометом Марзухаевым, не таких результатов ждал от нее. Эфенди угостил его чаем со сладостями, разбавленными лестью, и Зауаль покинул двор мечети, не услышав сердечного «добро пожаловать», как подобает адыгу. Правда, пообещал завтрашнюю встречу с Юсефом.

Баракетов шагал по улицам Стамбула, посмеиваясь над своими ожиданиями: «Интересен этот временный мир, где нас испытывают такие неудачники, как мечтающий стать муллой Марзухаев. Получается, как в пословице: «Лжец – на коне, а честный – пеший». Неужели он, адыг, не подумал, что у меня нет ни копейки, что я в большом городе без крова над головой? Зато все выспрашивал о письме Мустафа-паши. Была бы воля чтеца Корана, он бы распечатал конверт. Кичится, любуется собой, а Коран читает, не понимая смысла прочитанного. Разве тебя поставят имамом из-за красивого голоса? А я, как дурак, соглашался с ним. Да, но карета, муллы... Все это у него есть, может, я ошибаюсь? Разве легко подчинить стольких людей слушать себя? И одет он в только что сшитую одежду, и живет в свое удовольствие: щеки румяные, на мизинце большое серебряное кольцо. Считаю его ничтожеством, а сам иду от него без копейки денег в кармане. А завтрашний день что мне принесет?» – в сердцах Зауаль хлопнул себя по бедрам. Ладонь почувствовала серебряную монетку, затерявшуюся в складках кармана. Достал и обрадовался: двадцать копеек серебром! Баракетов остановил карету и велел кучеру отвезти его в штаб.

В штабе военного турецкого министерства все дела Баракетова решились быстро. Ему вручили встречный конверт, запечатанный сургучной печатью, с приказом создать на Балканах черкесский полк. К радости Зауаля,

ему присвоили чин юзбаши[1], выдали удостоверение, форму и денежное довольствие. Конечно, бинбаша Юсеф посодействовал, чтоб все делали без проволочек. Интендант смерил Баракетова взглядом и сказал по адыгски:

– Одежда и сапоги будут тебе впору, как будто снимали мерку. Примерь, если не подойдут, поменяю.

– Ты адыг? – услышанный родной язык привел Зауаля в замешательство.

– Я такой же черкес, как ты турок. Три года я жил в Черкесии и за это время успел узнать ваш народ. Вы, черкесы, никого не слушали, только храбрились друг перед другом и поступали так, как каждый считал для себя правильным, поэтому и дали урусам победить себя.

– Ты хочешь сказать, что мы оказались трусами, да?

– Я говорю о вашей ложной храбрости, поэтому вы и попали в нашу страну.

– Потому что вы обманули нас! – едва сдерживался Зауаль. Лишь вспомнив о чине офицера, наставительно напомнил интенданту: – Не забывай, что ты ниже меня по званию!

– Не забуду, если, служа на благо Турции, ты проявишь истинное мужество.

– Кто знает, может, так оно и будет. Но хватит разговоров, приготовь мне форму и сапоги, у меня много дел.

«Приходится выслушивать их болтовню, и каждый бьет туда, где больнее. Что ж, мы заслужили...» Баракетов, сгорая от обиды, пошел на склад оружия. Следуя распоряжению, ему выдали пистолет с несколькими патронами и ятаган. Положили перед ним бумагу, чтобы расписался. Зауаль, не умея ни писать, ни читать, достал фамильную печать в виде седла и сделал ею оттиск.

– Что это такое?

– Это – фамильный знак Баракетовых,– показывая на себя пальцем, ответил по-адыгски Зауаль и добавил на ломаном турецком: – Черкесский тамга, знак, якши?

– Якши, якши,– показал турок свое полное понимание.

[1] Ю з б а ш – лейтенант.

– Хорошо, если понял... – с прощальным рукопожатием Баракетов оставил в руках турка серебряную монетку и улыбнулся: – Оружие просто так не берут, за него платят.

Бодрым шагом Зауаль направился в военную гостиницу на встречу с Юсефом. Он шел и дивился, как быстро все меняется! Приехал нищим и униженным, и тут же возвысился, получил офицерский чин, деньги. Как встречи влияют на судьбу человека! Он перебирал в уме все произошедшее за день: «Все люди разные: от одних получаем боль, другие дарят радость, один обидел меня, другой – ободрил. Интендант отнесся ко мне брезгливо, унизил. Да, я адыг, но вынужден служить туркам. Он тоже служил нам, хотя его никто не звал. И это они, турки, насаждали нам свой ислам, обманывали таких, как Марзухаев, как я. И уж если вы нам сейчас не помогаете, то не бередите хотя бы наши не заживающие раны. Еще неизвестно, где проявятся наше мужество и справедливость...»

Баракетов не ожидал встретить у бинбаши Юсефа эфенди Марзухаева. Только Зауаль переступил порог, эфенди мягко упрекнул его:

– Ты еще, благословенный Аллахом Зауаль, не в офицерской форме? Порадовал бы нас. Только эта сладостная мысль привела меня сюда. Юсеф, пусть его добрые дела умножатся, рассказал мне о благоприятных событиях, которые произошли в твоей жизни. Надень форму турецкого офицера и покажись нам.

– Я бы надел ее, эфенди, если бы рукава кафтана не были длинными,– радуясь, что нашел причину отказаться от формы, добродушно ответил Зауаль. Он помнил показушную елейность, ложное гостеприимство и такое же радушие эфенди.

– Такого не может быть, разве есть одежда, не подходящая твоей фигуре? – наигранно воскликнул Марзухаев.– А шапка, шапка-то впору?

– И шапка, и сапоги впору...

– Слава Аллаху! – не успокаивался эфенди.– Длину можно быстро привести в порядок. Главное, мой дорогой соплеменник, то, что по велению великого султана, турки

– наши единоверцы и родственники – удостоили тебя большой чести и должности. Мы с Юсефом уверены, что ты оправдаешь это доверие и скоро поменяешь эти погоны на миралай-полковника!

– Мы, эфенди, не назначаем на должность того, кому не доверяем,– добавил Юсеф.

– Ты слышал, турецкий офицер, мы верим в тебя. Истребляй наших врагов с корнем, это твой долг. Старайся, чтобы и твои сослуживцы считали это своим долгом, стань примером для них.

Эфенди открыл крышку серебряных часов:

– До вечернего намаза осталось два часа. Если я вам не нужен, возвращусь в мечеть. Кстати, у гостиницы стоит моя карета, могу вас подвезти, если хотите послушать Коран в моем чтении. Если нет, то совершите вечерний намаз в гостинице. Завтра снова навещу вас. Кстати, Зауаль, у меня есть хороший портной, за умеренную плату он подгонит форму в аккурат по тебе.

– Спасибо, эфенди, не стану утомлять тебя своими делами. При гостинице есть ателье, там мне помогут.

– Да? Это еще лучше. Тогда завтра на полуденный намаз обязательно приди в форме офицера! Пусть все позавидуют. Я о тебе говорил имаму, который проводил намаз, обещал вас познакомить. Это интересный старик, хороший имам. Мне будет приятно, если и ты, бинбаши Юсеф, придешь вместе с ним.

– Чего хочет твой соплеменник? – спросил Юсеф, как только Марзухаев попрощался с ними.

– Трудно его понять. Он и на родине был таким.

– Тогда я скажу, что ему нужно: когда создадут черкесский полк, он хочет быть при нем эфенди.

– Да? – улыбнулся Зауаль.– В таком случае, я хочу быть царем болгар, вот только не знаю, получится ли?

– Опасайся говорить такие слова,– остановил его Юсеф.– Не дай бог, кто услышит. У нас один царь – наш султан. Хочу спросить, да все время забываю... – улыбаясь, перевел разговор Юсеф.– Среди твоих соплеменников,

которых мы держали вблизи Ачкалы, был Масхаб Багов с дочерью, как они поживают?

– Они живы, здоровы. А женихи Дарихан не дают ей покоя.

– Интересно, что до сих пор ее никто не умыкнул...

– У нее хорошая охрана, ее братья... – полушутя ответил Баракетов, хотя внутри все вскипело: «И тебе эта девочка не дает покоя, что вам от нее нужно?», но сдержался и даже улыбнулся в ответ.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Переговоры в военном министерстве Турции прошли успешно, поручителем Зауаля Берекетова выступил бинбаши Юсеф, который хорошо знал своего подопечного, знал, какие струны затронуть, чтобы получилась нужная мелодия. Баракетов понимал, что он лишь разменная монета в руках больших игроков. Он многое обдумал за эти дни и принял окончательное решение. Разве трагические события лишили его мужества и смелости? Нет. Турки предложили ему чин офицера, жалование и должность, и он не отказался. Ему нравится офицерский мундир, турецкая феска и сапоги, и в этом мундире он скоро появится перед адыгами. Как говорится: без гроша и слава нехороша. Это про него, Зауаля. А теперь его возвысили не только над сородичами, но и вообще над маленькими людьми. Богатый и в будни пирует, а бедный и в праздники горюет.

Ему поручили доставить секретное донесение военному главе Мустафа-паше, это письмо может открыть ему двери в высшее турецкое общество на Балканах. Он знает турок, их сладкую лесть, но адыги умеют отличить сладкое от горького.

Чтобы отвлечься от невеселых дум, спросил молодого кучера:

– Ты знаешь кучера по имени Сардар?

– Сардара-узбека, юзбаша, очень хорошо знаю. Почему спрашиваешь, тебе не нравится моя карета?

– У тебя хорошая карета, мягкая, и кони твои бодрые. Но у Сардара мой долг. Где можем его найти?

– Добавишь немного денег, я быстро сыщу. Только что видел его в каретных рядах.

Когда Сардар увидел, что к нему направился турецкий офицер, пошел ему навстречу. Зауаль увидел свой кинжал, жалко болтающийся на поясе кучера. Черкеска и кинжал – гордость каждого адыга, недаром другие народы их красоту использовали в своих национальных одеждах.

Возничий не узнал в военном мундире своего недавнего спутника и, улыбаясь и кланяясь, скороговоркой заговорил:

– Добро пожаловать, дорогой офицер, добро пожаловать. За полцены довезу, куда скажешь, хоть на край света.

– Ты меня не узнаешь?

– Я вожу много уважаемых офицеров, напомни.

– Этот кинжал, что у тебя на поясе, я отдал тебе в счет недостающей суммы.

– Это ты?.. Знал бы, что ты такой большой офицер, не взял бы ни копейки. Ты сам его отдал. Теперь возвратился за кинжалом, да?.. Я его верну, но плата за поездку...

– Отдаю тебе ее,– протянул деньги Зауаль.

– Так бы и сказал, золотой мой офицер, мы на вас надеемся, вы наша опора... – Сардар поспешно снял со своего пояса кинжал, протер и протянул Баракетову.– Наверное, это очень дорогой кинжал, если ты возвратился за ним. А я думал, что он так себе, ни разу даже не вынул из ножен.

Дорога дальняя, карета укачивает, откинувшись на мягкую спинку можно и подремать. Зауаль доволен: вот и кинжал вернул, и дела все сделал, а все же легкая грусть лежит на сердце. Сквозь дремоту он вспоминал о том, что пришлось пережить ему в последние несколько лет. Хмурое ненастное утро только усиливало тоску. Он смотрел в узкие окна кареты: с обеих сторон безлюдно, нет ни

деревца. Вокруг мечетей с их высокими минаретами там и сям разбросаны саманные домики. Вдали пасутся стада овец, мирно плетутся груженые дровами длинноухие ишаки, и совсем редки на дорогах верховые всадники.

Мысли Баракетова остановились на недавних событиях его жизни: «В этой бедной стране мы оказались никому не нужны. Нас подчиняют себе, вот и меня одели в военную форму. Погоди, погоди, Зауаль, скажи честно: одели, или ты сам ее надел? То-то и оно... Марзухаев не страдает противоречиями: знает, чего хочет, честен с собой и другими. Мечтает увидеть себя эфенди создаваемых черкесских вооруженных отрядов, хочет возвыситься над аульчанами. С именем Аллаха идет к своей цели. А я? Я хочу отомстить за кровь родных и соплеменников. Мне поручили тайно собрать самооборонный отряд черкесских всадников. Самооборонный. Мустафа-паша говорил, и в Стамбуле подтвердили – создание черкесского отряда было задумано не в Турции. Эта страна не дала нам ничего: ни земли, ни денег из казны, ни власти. Мы тратим свои последние гроши, ездим по селениям, собираем всадников для охраны наших аулов. Еще увидим, чем это обернется... А эту форму я сниму, как только доеду до Балкан. Но будет хорошо, если в ней меня увидят Багов, Наурзов и все остальные. Еще лучше, если бы Дарихан увидела меня в этой форме,– мечтал Баракетов.– Я имею право носить этот мундир, настанет день, я воспользуюсь этим правом. Хитрые турки разрешают аульским охранникам носить адыгскую форму, но на груди и рукавах черкесок должен быть турецкий знак – полумесяц. Но самое интересное – адыги согласились с тем, чтобы рядом с нашим флагом развивалось турецкое знамя, и это тоже хорошо. Что поделаешь, кровь племени, как огонь, быстро разгорается...»

– Как тебя зовут? – спросил кучера Зауаль, очнувшись от мыслей.– Дорога дальняя, давай познакомимся. Меня зовут Зауаль, ты уже знаешь, что я черкес.

– Да, я это понял, когда ты забирал кинжал у Сардара. Я – Аюб. Всех живущих в Турции считают турками, но ты не утаил, что черкес, поэтому я тоже не буду скрывать,

я – курд. Подожди, скоро они и до вас доберутся, запретят говорить на черкесском языке. Ваше счастье, если ваш племянник-султан защитит вас.

– Да не может быть! – не сдержался Зауаль.

– Может, не может, но таковы наши дела... Постарайся не попасть под влияние офицерской формы, не забывай, кто ты. Болгары, на чьей земле вы живете, исповедуют другую религию, но такие же люди, как и мы. У всех кровь красного цвета, всех рожают матери, воспитывают отцы и деды, хоть мы и разных племен. Поспешите, поспешите, мои белоногие, у нас впереди долгий путь,– подстегнул он лошадей.

Откровения кучера сбили Баракетова с толку. В смятении он снял бордовую феску, к которой еще не привык, надел обратно, расстегнул пояс кафтана, пошевелил пальцами ног в сапогах, благо они были на размер больше. Потом, сжав кулаки, произнес:

– Вот такой жестокий мир, в котором мы живем... Хитрый Сардар сделал вид, что не оценил кинжал, но этот кинжал достался мне в наследство от дедушки. Там, на Кавказе, сколько раз он меня выручал! Я голодал в чагарнике Ачкалы, но ни разу мне не пришла мысль продать его. Извини, мой дорогой кинжал, что ты по моей вине сутки висел на поясе чужака. Я был один, без денег, сумятоха большого города, наверное, сбила меня с толку... – Баракетов вынул кинжал, полюбовался им и вложил обратно в ножны.– Навел я на тебя тоску, Аюб, но не унывай, все будет хорошо.

– Мы, курды, тоже так себя успокаиваем, и живем на свете, надеясь на лучшее.

– Да, да, это правильно,– согласился Зауаль и продолжил прерванный разговор о разных племенах.– Значит, ты, Аюб, говоришь, что болгары, хоть и христиане, такие же, как мы с тобой, только другой народ...

– Конечно, у них такие же сердца и души, как и у нас, только говорят на другом языке. Эй, белоногие, зря подслушиваете нас, все одно ничего не поймете, лучше поспешите, поспешите,– кучер, шутя, погрозил коням кнутом

и задал собеседнику неожиданный вопрос: – Ты доверяешь мне, офицер?

– Я дал тебе повод сомневаться? – ответил кучеру Баракетов.– Я доверяю тебе, если только твои кони не станут свидетельствовать против нас. Но не забывай, что Аллах слышит нас.

– Мы живем с Аллахом в сердце, как можно его забыть! Он сотворил мир, создал людей, дал им разные языки и одежды, подбирая их сообразно образу. Но мы знаем, что все люди для него одинаковы. Он испытывает их в этом временном мире: оступившегося поправит, напомнит о загробном рае, непослушного приблизит к аду, укорачивая его путь.

– Ты говоришь, все люди, живущие на земле, для Аллаха одинаковые.

– Конечно, они все его верноподданные.

– И христиане тоже? – прервал кучера Зауаль.– Говорят, где-то еще живут люди, исповедующие другие религии.

– Да, Аллах сотворил мир и испытывает в нем разные религии. Среди арабов есть и христиане, хотя от них и распространился ислам. Сербы в Косово исповедуют ислам.

– Часть адыгов-черкесов, живущих на Кавказе, в Моздоке, следуют заповедям христиан. Они, что, гяуры?

– Тот, кто идет против Аллаха и не принимает священный ислам – гяур! – подвел неожиданный итог Аюб.

– Если так, я согласен с тобой,– сказал Баракетов и добавил тише: – А ты еще говоришь, что гяуры-болгары такие же, как мы.

– Говорю, потому что вижу,– турки поступили с живущими на Балканах людьми так же, как гяуры с вами на Кавказе.

– Что ты говоришь? – удивился Зауаль.

– Мы доверились друг другу, брат черкес, потому и говорю, что думаю, и ты все прекрасно понял. Добавь еще и наши курдские земли, и армянские тоже... Поспешите, мои белоногие, поспешите. Офицер черкес-турок едет в страну болгар.

«Что он болтает, что говорит?!.. Я уже не один год живу в Турции, но таких слов не слышал, надо задуматься над ними. Не знаю, как живут курды, армяне, греки в Турции, но то, что он сказал про нас и про людей на Балканах, правда. Говорят, турецкий султан уже несколько веков держит балканские страны в повиновении. И мы, не зная ни их языка, ни обычаев, ни уклада жизни, сами должны охранять себя от соплеменников тех, по чьей воле оказались здесь. Надо было не покидать свою родину, как бы тяжело нам ни было. Русский царь и турецкий султан, сговорившись, сами решили судьбы черкесов, а наши адыгские предводители, храбрясь и желая выделиться, завершили этот обман. Из-за них со мной случилось большое несчастье, я лишился семьи. Аллах мой, жива ли моя девочка Гошмаф? Я потерял ее во время суматошной посадки на судно. Какими несчастными мы родились на этот свет!.. Одна у меня осталась кровинка на всем белом свете, что плохого я совершил, что Аллах лишил меня дочки? На судне ее так и не оказалось. Все летние месяцы я встречал суда, но Гошмаф на них не было. У нее было немного золота и серебра, если жива – не пропадет. А если дочка погибла, как мне жить дальше?..»

Сердце его сжалось от горя, дыхание перехватило, но Зауаль заставил себя уйти от этих тяжелых мыслей и продолжил разговор:

– Я, Аюб, понимаю тебя. Даже если бы ты сказал, что не только Болгария, но и весь мир против меня, я согласился бы с тобой.– И добавил: – Но и для тебя, я вижу, он не рай.

– Был бы раем, не говорили бы, что он временный...– рассмеялся Аюб. Он поторопил коней, бежавших без устали, и спросил пассажира:

– А ты знаешь, добрый человек, какое различие между мной и этими конями? Они работают на меня, чтобы я мог прокормить свою семью. Часть этого заработка я трачу на их содержание, даже, видишь, пугаю их кнутом, но не бью... Думаю, ты понял, о чем я говорю.

– Понял, что ты заботишься о них...

– Уважаемый офицер, если ты только это понял, ты хитришь... Ты турецкий офицер, но доверился мне, и скажу почему: я курд, а ты черкес. Придет день, и вы, черкесы, поймете это. К тому, что ты понял, я добавлю нашу курдскую пословицу: «Страдающему человеку помогают, а не смотрят молча на него».

– Такая пословица есть и у нас,– выдержав паузу, тихо сказал Баракетов.

– Тогда ты все понимаешь.

– Я ничего не знаю о курдах, расскажи, где они живут? – попросил Зауаль.

– Где только они не живут! И среди арабов, и армян, и персов. Несколько миллионов их живет без свободы и своей страны в Турции, недалеко от границы с Ираком. Но мы не отрекаемся от своего племени, называем себя курдами, за это нам не дают никаких прав ни в Стамбуле, ни на Балканах.

– А бедуины – курды? – спросил Баракетов, подтвердив тем самым, что о курдах ничего не знает.

– Нет, это пастухи из арабских племен, живут в пустыне.

– Да, вспомнил, они арабы, и живут в пустыне. Наши паломники, побывавшие в Мекке, рассказывали об их разбойных жестокостях... – тяжело вздохнул Зауаль.– Да, да, много разных народов и религий на белом свете!

Он снова задумался, словно впал в забытье, его мысли перенеслись через море и оказались в родной долине, среди гор: «В далеком Туапсе гром гремит, на турецкой земле адыгское сердце болит...»

Сердцем он снова был в Черкесии, на Кавказе, на берегу Черного моря, там, где адыги садились на суда, отплывающие в Турцию, там, где в суматохе и плаче людей он потерял свою дочь. Все трудные месяцы последних лет он не переставал думать о ней. Адыгская земля, испещренная снарядами, заволоченная пороховым дымом вставала перед его мысленным взором. Земля, где вдоль дорог, на лесных полянах остались не погребенными покойники. Земля, залитая кровью, оглушенная плачами детей и

женщин, стонами безысходности и терпящими унижение мужчинами. Над ней парили орлы в поисках падали, бродили опьяненные запахом крови звери.

Люди вынужденно покинули свои аулы, горы и горные пастбища, своих домашних животных, свои реки, могилы близких, свой морской берег.

Он снова видел, как лениво плещется море, безразличное к адыгской беде, как мелкие волны, набегая на берег, перекатывают гальку. Люди, потерявшие всякую надежду, собрались на берегу в ожидании турецких суден. Как только они причаливали к берегу, те, у кого оставались какие-то денежные запасы, отдавали их за место в турецкой калоше. Ослабленные болезнью или совсем безденежные не могли сражаться за место в этой толчее, они ждали прихода следующих судов. Людей на них набивалось вдвое больше, чем было положено, будто покинуть родную землю для них – лучшее из благ! Никакие обычаи здесь не соблюдались, о них все забыли. В один из таких вечеров, когда люди в спешке и неразберихе садились на суда, Баракетов потерял дочь. «Не зная, что случилось с моей дочерью, я продолжаю жить! – тяжелые мысли волнами накатывали на Зауаля. Но он отталкивал эти мысли, оставляя себе надежду: – Моя девочка сейчас не со мной, но я верю, что она жива. Может, возвратилась в наш аул, в нашу старую усадьбу?.. Может, кто-то из тех, от кого мы убегали, позволил безвинной душе остаться дома? Ведь говорит курд Аюб, что у них тоже есть душа и сердце. Может, они пожалели несчастную?.. Нет, нет,– вздрогнул от этой мысли Баракетов,– я не хочу даже думать о том, что моя дочь могла остаться у гяуров, уж лучше смерть!»

Кучер заметил его беспокойство:

– Карета, уважаемый офицер, наверно, укачала тебя?

– Нет, это тяжелые воспоминания не дают мне покоя. Еле-еле освободился от них... Однако близится полуденный намаз, хорошо бы нам его не пропустить.

– Я тоже подумал об этом. Слышен голос муэдзина, здесь рядом небольшое селение Атапазар, в нем большая мечеть. Построили ее по заказу бабушки султана великой

Бике. Верно ли толкуют, что ее привезли из Черкесии маленькой девочкой?

– Одни говорят, другие повторяют. Но ты не ошибся, я тоже слышал это о султанше Бике. Среди нас идет молва, что она помогает своим бедным соплеменникам,– улыбнулся Зауаль.– Нас, Аюб, это никак не коснется: мы с тобой едем в раскачивающейся карете, слушая скрип колес, а Бике находится в Топ-Капе – золотом султанском дворце. Разве сытый поймет голодного?..

– Поспешите, мои белоногие, поспешите, нам нужно успеть на полуденный намаз ... – опять поторопил лошадей Аюб, сделав вид, что не услышал последние слова черкеса.

День выдался туманным, с моросящим мелким дождем, на улице слякотно и тоскливо. Коней не надо подгонять, они бежали сами, не сбавляя ход, словно хотели быстрее преодолеть эту дорогу, встать в сухое стойло, поесть, напиться воды и отдохнуть. Потом хозяин вычешет гривы, которые и так тщательно подобраны, вытрет мокрые бока и ноги, потреплет по шее, ласково поглядит карие глаза. Такова лошадиная жизнь – от привала до привала возить хозяйскую карету за доброе слово и хороший уход.

За окном едва различимо виднеются дома-мазанки, стоящие вразброс, как попало, без улиц и дорог. Они вкривь и вкось окружили обложенную белым камнем мечеть, и издали казалось, будто она стоит на возвышении, словно боясь слиться с убогостью.

Ушла осень, забрав с собой разноцветные листья, и теперь во дворе мечети несколько деревьев протягивали к небу голые замерзшие ветки.

Зауаль и Аюб сделали амдез, сняли обувь и вошли в комнату, освещенную восковыми свечами. Люди, стоящие на циновках, увидев незнакомца-офицера, стали разглядывать его. Может, они не обратили бы на него внимания, да офицер положил слева от себя пистолет, кинжал и саблю, которые отцепил от пояса.

Молодой эфенди, закончив намаз, подошел к Баракетову, который не спеша приторачивал к поясу оружие:

– Перед намазом ты снял с пояса оружие и потом совершил молитву. Я вижу, что ты черкес, наверное, из тех, кого заставили покинуть Кавказ.

– Да, я один из них, но сегодня я еще и турецкий офицер.– Баракетову было приятно, что в маленьком турецком селе слышна его родная речь, но все же подчеркнул, что он офицер.– Черкесский язык ты знаешь хорошо,– похвалил он эфенди.

– Нана с детства учила меня этому языку,– ответил эфенди и с почтением продолжил: – Мне приятно, что турецкий офицер султана Абдул-Азиза совершил намаз в нашей мечети.

Лицо Зауаля залилось краской от удовольствия:

– Я тоже горд тем, что я офицер султана и служу его государству – Турции. Теперь я в дороге: еду на Балканы решать проблемы, связанные с расселением черкесов. Извини, меня ждет карета.

– Счастливого пути, пусть Аллах благословит тебя, но я хотел бы знать твое имя.

– Зачем, эфенди? – приостановился Зауаль.– Я сделал что-нибудь неподобающее?

– Нет, нет, это не так. Я называю тебе свое имя – Саид,– поспешно сказал эфенди. Я внимательно присматривался к тебе: по чертам лица, по голосу ты мне напомнил одну девочку.

– Дочка была у меня, только одна она могла быть похожей на меня, но я потерял ее на черкесском берегу Черного моря...

– Дочь, которую ты потерял, зовут Гошмаф?

– Да, эфенди, Гошмаф!..– Сердце Зауаля бешено забилось.– Ты что-нибудь знаешь о ней?!

– Она в Стамбуле, в султанском дворце при великой Бике. Я сейчас возвращаюсь в Стамбул, и если твои дела позволяют – станем друг другу счастливыми спутниками, отпусти свою карету. Я у Гошмаф, которую ласково называю Гюль, возьму плату за хорошую весть.

– Я волен распоряжаться своими делами. Но в голове не укладывается то, что услышал от тебя!

Когда карета выехала из села, Зауаль спросил эфенди:

– Как получилось, что моя бедная девочка попала к великой Бике?

– Гюль сама тебе все расскажет.

– И то правда.– И, помолчав, задал самый главный вопрос, который волновал его: – Ты и моя Гошмаф, как вы относитесь друг к другу? Я хочу знать.

– Гюль я зову сестрой, а она считает меня братом.

– Да?.. Если так, то ты будешь мне сыном, Саид.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В тот день, когда Баракетов вернулся из Стамбула с хорошей вестью, в Тырговиштском ущелье, в ауле Абадзех оплакивали умершего старика Чермита Коблева. В этот день и с Дарихан случилась беда, которую не ждали. Беда не ходит одна.

Все мужчины аула были во дворе у Коблевых. По обычаю большие ворота открыты. Мужчины постарше, такие как Масхаб Багов, Дзегашт Наурзов и старики из соседних аулов сидели возле покойника. Почивший лежал у стены комнаты, покрытый зеленым траурным покровом. Из соседней комнаты слышался женский плач.

Входящие во двор мужчины выражали соболезнования родным умершего. Его старший сын Гарун Коблев и младшие мужчины рода принимали их по-мужски сдержанно и сурово. Что делать? Никому в этом мире не пережить отпущенный богом срок, но трудно было поверить, что добрый, приветливый старик, помогавший всем, уже ничего не скажет, никого не приветит, никого не согреет своей мудростью. Его верная спутница-палка сиротливо стояла в углу: никогда больше хозяин не сложит на нее свои руки, не обопрется на них подбородком, сидя на солнышке, думая свои думы.

Если бы эти похороны были на родине, то съехалась бы едва ли не вся Абадзехия, чтобы отдать свой последний

поклон покойному и выразить сострадание осиротевшей семье. Но и здесь мужчины и женщины заполнили двор Коблевых. Мужчины, как им положено, собрались в группы, почтительно склонив головы перед тайной смерти. А мысли, такие разные, сводились к Черкесии: как бы было, если бы...

Старшие, сидя возле покойника, по обычаю, вспоминали только хорошее из его жизни. Но и здесь разговоры постепенно переходили от смерти – к жизни, к воспоминаниям о прожитом.

– Кто знал, что столько бедствий с нами случится,– Масхаб Багов, качая головой, посмотрел на кинжал, лежавший на покрывале умершего,– мы даже не знали о существовании этой страны, в землю которой положим бедного Чермита. Лучше, конечно, если бы он был предан мусульманской земле в Турции.

– В ущелье, где мы живем, есть и турецкие селения,– сказал эфенди Хазрет, приехавший на похороны с группой аульчан из соседнего аула Махош. Он сидел со скорбным лицом, стараясь выглядеть солиднее своего возраста. По-стариковски постучав серебряной тростью по полу, сказал более уверено: – Вы слышите, как перекликаются их муэдзины, не пропуская ни намаз, ни уразу, ни уразу-байрам? А это горное ущелье, куда нас заселили, одно из мест верноподданной Аллаху страны Турции. Не надо забывать, что после Него о нас заботятся султан Абдул-Азиз и его бабушка, наша племянница, великая Бике.

– Да, эфенди Хазрат, да. С позволения Аллаха нам разрешили построить наши аулы в этом красивом горном ущелье. А ты – главный эфенди жителей этих аулов,– поддержал его Шихам, спутник эфенди, исполняющий траурные обряды. Без бороды, с узким лицом, долговязый и невзрачный, он назвал эфенди Хазратом, как произносили это имя турки.– Мы мусульмане, поэтому должны выполнять все предписания ислама. Великий Аллах, сотворивший мир, указал нам законы, по которым следует жить, а его посланник светлейший пророк Магомет объяснил нам их, следовательно, будем жить, выполняя их заветы. Наш мир временный, в нем мы можем жить везде, так же, как и быть похороненными где угодно.

– Шихам, не говори так, мы не перекати-поле, у нас есть родина,– вспылил Наурзов,– не дай бог это услышит молодежь.

Эфенди Хазрет, не ожидавший такого отпора, воспользовался своим положением, чтобы прекратить спор, и обратился к старшим:

– Усопшего Чермита мы будем хоронить здесь, на вашем кладбище?

– Конечно, на нашем. Не будем же мы хоронить его на гяурском кладбище Стефановки... – буркнул Дзегашт.– А тебе, эфенди, скажу, с чем не согласен, если разрешишь.

– Конечно, говори,– эфенди положил обе ладони на ручку серебряной трости и благосклонно улыбнулся.

– Дзегашт... – пытался остановить Масхаб Багов, знавший крутой нрав друга.

– Говори, Дзегашт, говори. Лучше выскажи мне в глаза, что тебе не нравится, чем говорить об этом за спиной. Я выбираю открытый разговор.

– Ты сказал, эфенди, что страна, где мы находимся, часть Турции, и в этом я с тобой не согласен.

– В этом не согласен?.. Я думал, тебя что-то другое беспокоит, Дзегашт. А вам, джамаат, я так скажу: мои слова всегда идут от сердца. Если бы я был нечестным человеком, Аллах не вознаградил меня своей милостью – стать его посланником в религии, не позволил бы учиться в Каире. Теперь скажу тем, кто не знал меня: я был эфенди Махошии и Бесленеи, которые соседствовали с Абадзехией. Наиб Магомет-Амин Асиялов хотел быть нашим падишахом, пусть Аллах лишит его покоя, я выступил против этого. Но Биржев и Цеев меня не поддержали, поэтому мне пришлось покинуть страну. Многое видел, многое пережил и считаю себя одним из мусульман, верных великому Аллаху. Поэтому ни на час, ни на день не было у меня сомнения и отчаяния, я живу под Его защитой. И вы надейтесь на Него. Если не устали меня слушать, скажу еще несколько слов. В прошлом году меня прислали из Трабзона к вам, в ваше ущелье. Я махошевец, и чтобы не обидеть свое племя, выбрал местом жительства аул Махош,

носящий мою фамилию. Живу во дворе аульской мечети, всегда можете там меня найти. Посещайте турецкие селения, находящиеся в нашем ущелье, знакомьтесь с людьми, роднитесь с ними, они такие же мусульмане, как и мы.– Эфенди сделал паузу, чтобы слушатели до конца могли осознать его слова, затем убедительно продолжил: – Сегодня, дорогие мои соплеменники, по велению Аллаха мы находимся далеко от нашей страны, и ее мы вряд ли еще увидим. В Турции, в мусульманской стране, постарайтесь не растерять наше адыгство, наше мужество, нашу честь, не забывайте, кто мы. Поступайте так, чтобы гяуры не поднимали свои головы, для этого нас и расселили среди их сел. Когда мы убиваем гяура, сердце Аллаха смягчается для его верноподданных, он благословляет нас. Да, в нашем временном мире не все получается, как нам хочется. Там, в той стороне, которую мы оставили гяурам, мы по-доброму относились друг к другу, и здесь это должно продолжаться. Я говорю не о споре адыгских племен, хотя именно из-за этого с нами случилось это несчастье. На днях я был на похоронах в другом ущелье, в бжедугском ауле. Как его название, Шихам? Да, Чачанай. Мне не понравилось, что там говорят старики и молодежь. Они до сих пор не забыли, что были сторонниками примирения с гяурами в Черкесии, такое же мнение у них и на счет болгар-христиан, во всяком случае, так мне показалось.

– Эфенди Хазрет, я же был с тобой у бжедугов и тоже слышал это,– поддержал эфенди Шихам.– Не знаю, зачем тогда они покинули нашу райскую землю?

– Выгнали их, потому и покинули,– бесцеремонно сказал эфенди.– Вспомните султана Хан-Гирея, он был сторонником царя, а тот его предал и выкинул, так же, как и он сам, приносящий несчастья, поступил с бжедугами, которых примирил с русским царем. Где бы мы ни были, гяурам не следует доверять, джамаат. В вашем ауле мы тоже, к сожалению, слышали такие высказывания.

«Как же он разговорился, его даже покойник не останавливает ... – подумал Багов, кинув быстрый взгляд на

Наурзова.– Слова и манеры этого эфенди мне напоминают эфенди Марзухаева. Оба говорят о том, о чем не имеют никакого представления, а мы подчиняемся им и делаем все, чтобы стать несчастными. Вспомнил! Это тот эфенди, о котором говорил мне Зауаль Баракетов. Может, спросить его о Баракетове?.. Нет, спрошу, знает ли он Марзухаева...»

– Эфенди, ты слышал об эфенди Магомете Марзухаеве? – опередив Багова, спросил Наурзов.

– О ком ты говоришь?..– переспросил эфенди, сделав вид, что сразу не расслышал.– Ты говоришь о мулле Марзухаеве, рассыльном наиба Асиялова?.. Я знал его старшего брата, Бачира, пусть Аллах сделает добрым его загробный мир. Мулла, про которого ты спросил, как я слышал, просит милостыню в одной из мечетей в Стамбуле. Баракетов обещал встретиться с ним, приедет, спросим его.

– Время вечернего намаза приближается, посланник Аллаха,– напомнил Шихам, как только послышался голос муэдзина.

– Тогда совершим намаз в мечети Абадзех.

Только эфенди произнес это, в комнату вошел Хаджирет и обратился к отцу:

– Старик Стефан и Тодор приехали нам соболезновать.

– Этого вообще нельзя допустить, джамаат, мусульманина-покойника не должен видеть гяур! Пойдем Шихам, пойдем, не станем свидетелями этого святотатства! – эфенди Хазрет вскочил и, быстро переставляя свою трость, промчался мимо Стефана и Тодора, чуть не сбив их с ног.

Стефан и Тодор сняли шапки, встали рядом.

Старик Стефанов сказал:

– Чермит был нашим хорошим знакомым, услышали о его кончине с прискорбием, горюем вместе с вами и соболезнуем. Просим Всевышнего, пусть он найдет там покой, пусть его добрые дела на земле умножатся, пусть будет мир в роду и ауле, которые он покинул, пусть люди не забывают своего мудрого наставника, следуют его заветам. А еще я прошу Всевышнего даровать нам добрососедские отношения друг с другом.

– Спасибо, присаживайтесь,– Масхаб указал на два стула, стоящих недалеко.– Чермит часто говорил о вас.

– Мы всегда добром его вспоминаем,– сказал Тодор по-адыгски,– пусть Аллах уготовит ему рай, он его заслужил.

Эфенди Хазрет, проходя мимо мужчин, которые стояли во дворе, обратился к ним: – Мусульмане, пусть Аллах благословит вас, не слушайте этих гяуров, не проявляйте беспечность, идите в мечеть, вместе совершим намаз.

В тот же миг раздался женский крик со стороны улицы, где жили Баговы, отозвавшийся во всех уголках аула. Эфенди так же, как и все остальные, пришедшие на похороны, вскинул голову.

– Это голос Дарихан! – Хаджирет выбежал со двора, Хатам и его сверстники бросились за ним.

– Дарихан украли!..– Касим Наурзов забежал во двор Коблевых, где были мужчины.

– Кто украл? – выскочил ему навстречу Гарун Коблев. День похорон его отца омрачился еще и такой страшной новостью.

– Я не знаю!.. Какие-то три всадника, на лицах были повязки...

Масхаб Багов, услышав плохую весть о дочери, выбежал из дома и кинулся к лошадям у коновязи. Тодор Димитров тоже вскочил на коня и помчался за Масхабом. Люди побежали за всадниками к лесной опушке.

– Посмотри! – недовольно шепнул эфенди Шихам,– рядом с нашими чистыми мусульманскими лошадьми стоит чесоточный конь гяура.

– Перестань, следи за словами!..– прикрикнул на него эфенди.– Ты забыл, что этих верховых коней ты у гяуров-сербов увел? Не выделяйся, ты же адыг, раздели беду с ними, садись тоже на коня.

Черная весть, как птица, быстро облетела село. Со вчерашнего дня все были заняты подготовкой к похоронам. Женщины хлопотали над приготовлением поминального стола, мужчины занимались своей скорбной работой, готовили все для погребения Чермита. Всадники, похитившие Дарихан, воспользовались всеобщей скорбью, ослабившей постоянный присмотр за ней, и это говорило о крайней подлости тех, кто совершил этот грех.

Женщины, плакавшие о покойном, стали оплакивать и долю Дарихан. Двойное горе придавило присутствующих не только во дворе Коблевых, но и во всем ауле. Как такое перенести? На лице Гаруна Коблева легли складки гнева, и он едва сдерживал себя, чтобы не оставить покойного отца и не кинуться с оружием вслед похитителям Дарихан.

– Сын мой,– обратился эфенди Хазрет к Коблеву,– люди, совершившие такое вероломство в день похорон – великие грешники! Только как их узнать, если они были в повязках? Но кто бы они ни были: адыги ли, болгары, турки, Аллах не простит их, все в этом мире происходит по Его велению. Положимся на Аллаха, пусть преследователи вернутся к нам с доброй вестью, не отчаивайтесь, джамаат. Хочу напомнить вам о гяуре-христианине, сидящем возле усопшего мусульманина, и о полуадыге-гяуре, умчавшемся с преследователями. Сегодня вы увидели, что все, к чему гяуры имеют отношение, кончается бедой. И как бы к нам они ни относились, не дайте обмануть себя. А сейчас предстанем перед Аллахом со святой молитвой, попросим Его умножить добрые дела покойника, а ошибки его простить. Попросим вернуть к родным девушку в добром здравии. Аминь!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Снега так и не было, а зима уже отступает. Обнаженный горный лес пропускает через свои почерневшие стволы и ветви закатные лучи желто-оранжевого солнца.

Утомленный день клонился ко сну, вся природа приходила в равновесие, но над ущельем Абадзеха вместе с вечерним туманом повисала напряженная тишина. В сердцах людей было беспокойство: чужая земля стала

проявлять свой враждебный нрав. Дерзкое похищение Дарихан в день тризны – это недобрый для них знак,– тревожились аульчане.

Два всадника молча возвращались с похорон.

– Погнавшиеся за похитителями мужчины уже вернулись, Тодор, а вас все не было. Не знали, что и думать... – не выдержал старик Стефан, как только они выехали из Абадзеха.– Давно доехали бы до Стефановки.

– Не мог оставить Масхаба одного.

– Вы хорошо знаете друг друга, чтобы волноваться за него?

– С тех пор как ты нас познакомил. Что-то не так, Стефан? Ты не доверяешь мне? – Тодор потянул повод и остановил коня.

– Поехали, поехали, наступает ночь, а мы в лесу... – ушел от ответа старик.

Тодор, глядя перед собой на крепкую спину Стефана, подумал, что тот не так и стар. Вспомнил как однажды, меняя колесо арбы, он приподнял ее вместе с дровами. А в шутливой борьбе с Парвановым легко повалил того на землю, хотя он младше его. «С каких пор Стафан стал бояться леса и темноты? И вообще он изменился, вот и сейчас ушел от разговора. Да, всем известно, что во мне есть черкесская кровь, но мы с открытой душой поехали выразить людям свою боль о Чермите и знаем, какая большая беда привела адыгов сюда. Они не с войной пришли, как турки, захватившие наши земли. И соседями оказались трудолюбивыми, не доставлявшими нам хлопот. А турки ведут себя вызывающе, подстрекают и провоцируют нас. Парванов рассказывал Стефану о Кавказской войне, в которой адыги потерпели поражение и предположил, что Турция не случайно поселила их здесь. Она хочет стравить нас с черкесами, ведь мы можем считаться врагами только потому, что единокровные братья-славяне с их обидчиками. Значит, как говорится, брат моего врага – мой враг! Мир ненадолго скреплен между нами, и наше счастье, если в борьбе за свободу нам снова помогут наши братушки...»

Тодор, по обычаю адыгов, как в детстве учила его мать, встал по левую сторону Стефана. Они ехали молча, погрузившись в свои невеселые мысли. Тодор, скрывая обиду, мягко обратился к старику:

– Ты не ответил на мой вопрос, Стефан.

– О чем ты говоришь?

– Раз так, будем считать, что я ни о чем не спрашивал.

– Почему же? Давай поговорим. Наши сомнения по одному поводу. Нет больше мудрого старика Чермита, и это искренняя боль. Похитителей найдут, здесь дело нескольких дней. Но как понимать враждебные слова эфенди в наш адрес, который чуть не сбил нас с ног, выбегая из комнаты? Все слышали их, но никто не возразил ему. И как нам это понимать – ни ты, ни я не знаем. Если бы не похороны и похищение девушки, неизвестно, как бы все закончилось.

– По поводу эфенди ты прав, Стефан, но сомневаться в других? Я даже не знаю...

– Не потому ли ты со мной не согласен, что это твои соплеменники-черкесы?

– Думай, как хочешь, я не обижаюсь на тебя.

– Не будем спорить, Тодор. Как говорит Парванов: «И себя спрашиваю, и тебя, а отвечаю так, как понимаю»,– примирительно сказал старик и, сделав паузу, продолжил: – Черкесы создают конную охрану в своих аулах. Зачем? Кто нападает на их аулы? Мы что-то не слышали, чтобы болгары или турки нападали на них. Но если когда-нибудь туркам понадобятся воины, то свести всех их в один конный полк не составит им большого труда, чтобы направить против нас, болгар.

– Конная охрана? Кто дал им такие права? – возмутился Тодор.– Ведь есть указ султана в течение двадцати лет не призывать черкесов в турецкую армию.

– Я слышал, что черкесы сами предложили султану создание конных отрядов, так что турки в этом деле – сторона. Слышал про Баракетова?

– Слышал. Он один из подручных Мурад-бея.

– Так вот они и создают этот отряд...– И задал неожиданный вопрос: – А убыхи тоже черкесы?

– Да, так говорила моя мать. Они – как абадзехи, шапсуги, бжедуги, темиргойи, бесленеи, кабардинцы – одно из черкесских племен.

– А махоши?

– Они тоже.

– Абхазы?

– Абхазы и черкесы – вроде один народ, но их языки различаются.

– Тодор, когда я говорю, что в тебе много черкесского, ты обижаешься. Ты будто бы рожден не в Болгарии, не ею воспитан ... Ты впитал с молоком матери историю ее земли...

– У меня была мудрая мать, не дала заблудиться.

– Не спорю, твоя мать была мудрой женщиной. Она одинаково болела и за черкесов, и за болгар. Так ты говоришь, что убыхи – черкесское племя... Парван Парванов, служивший в русской армии в Черкесии, видевший эту войну, говорит так же. Не удивляйся, что спрашиваю об убыхах. Один из их князей, некий хаджи Берзегов настраивает черкесов против нас, как соплеменников русских.

– Султан разрешает ему это?

– Как тебе сказать? Если бы султану это было не выгодно, он не держал бы в своей стране этих заносчивых князей. Султан хочет, как говорится, чужими руками жар загрести. Черкесами, а не турецкой армией противостоять нашей свободе.– Из-за поворота показались Парван Парванов и Борис Стефанов. Увидев их, старик вздохнул свободно.– Это вы, слава богу.

– Слава богу, что вы выбрались из черкесского переполоха целыми и невредимыми,– серьезно сказал Парванов.– Что у них случилось?

– В ауле Абадзех умер старик Чермит, мы, как соседи, ездили на соболезнование, но там случилась еще одна беда. Помнишь, Парван, я по-доброму отзывался о черкесе Багове? Его дочь умыкнули, не дав предать земле тело старика-соседа. Все случилось быстро, никто даже не узнал похитителей.

– Мы знаем, кто ее умыкнул,– отозвался Борис.

– Кто?! – не сдержавшись, вскричал Тодор.

– Люди Мурад-бея,– уверенно ответил Парванов.– Они недавно пронеслись мимо нас.

Тодор Димитров развернул коня и помчался обратно в аул.

– Тодор, остановись! – крикнул Стефан, но тот даже не оглянулся.

– Не зови, не услышит,– мрачно заключил Парванов.– Но вот что я думаю, Стефан. Пусть Тодор назовет черкесам имена похитителей. Турки сделали свое дело, а болгары сделают свое: не утаят увиденное. И пусть теперь разбираются между собой. Это единоверцы нанесли черкесам оскорбление, с которым трудно смириться. Турки затронули их за живое и на такие поступки нельзя не отвечать. Одного не понимаю, зачем они затевают с черкесами войну? – недоуменно пожал плечами Парван.– А что касается Тодора... Здесь, как говорится в пословице: «Сколько не балуй дитя, когда мать позовет, он бежит к ней». Что-то серьезное затевается на нашей болгарской земле.

– Не может быть... – все еще глядя вслед умчавшемуся всаднику, старик Стефан горько покачал головой.– Если бы мы были свободными, то война могла быть неизбежной, но мы подневольные турков. Чего они хотят от нас? Согнать с земли, как согнали черкесов? Уничтожить, чтобы владеть землей?

– Время покажет... Чего мы стоим, поехали домой,– тронул поводья коня Парванов. Его спутники тронулись вслед.

Тодор соскочил с коня, вбежал в дом Багова и сходу выпалил:

– Я знаю, кто украл Дарихан, это сын Мурад-бея Раджеб!

– Кто, кто тебе сказал?! – вскочил Хатам.

– Парванов. Он и Борис их видели.

Все пришли в движение: старики и молодые, сидящие и стоящие в доме и во дворе. Горячие головы вскочили на коней и помчались в темноту.

– Остановитесь! Никого не спрашивая и не советуясь, куда вы?! – пытался вразумить верховых Масхаб, но те уже не слышали его.

Наурзов и Багов поспешили за ними, и, уже оставив аул, Багов попридержал коня:

– А правильно ли это, что мы мчимся к турецкому аулу так, будто собираемся воевать?

– О чем ты говоришь, Багов? Твою единственную дочь украли, а ты думаешь о них! – гневно воскликнул Наурзов. Потом, взяв себя в руки, согласился: – В твоих словах есть, конечно, правда. Думаю, сначала нужно встретиться с ними и поговорить. Они тоже люди, возможно, встретят нас по-человечески и все объяснят.

– Да, лучше поступить так,– согласился Масхаб. Но обида тут же взяла верх.– Вот только не знаю, может ли эта нелюдь поступать по-человечески? Но все же в аул поедет делегация, вооруженная толпа пусть останется на околице. Возьмем несколько человек и, соблюдая обычаи, узнаем правду о похищении Дарихан.

– О какой правде ты говоришь, отец? Мы, что, свое мужество растеряли по дороге в Турцию? Нас оскорбили! Если это спустить им с рук, то они продолжат похищать и других девушек! – Хатам горячился так, что нарушил обычай разговора со старшим. Он воспринял случившееся как личную обиду, и, исходя из адыгских обычаев, напомнил Масхабу, что ему не положено сейчас делать.– У Дарихан есть я и Хаджирет, поэтому ты не должен там быть. От аула с нами поедет Дзегашт. Возьмем и Тодора, он знает турецкий язык.

– Мурад-бей, бесстыдник, не хуже нас владеет адыгским языком! – выкрикнул парень, державший на плечах кол.

– Это хорошо, Хатам, что ты стараешься придерживаться наших обычаев,– сказал Наурзов.– Но у воров нет ни совести, ни чести. Поэтому считаю необходимым, чтобы отец сам во всем разобрался. С нами поедут Масхаб, Хатам, Хаджирет и Тодор. А вы дожидайтесь нас здесь.

– Хорошо, если бы с ними была женщина... – добавил парень с колом на плечах.

– Хватит! Вечно болтаешь, что не следует... – прикрикнул на него сосед.

– Ладно тебе! – огрызнулся парень.

Пять всадников под предводительством Дзегашта Наурзова въехали в турецкий аул Мавлюд как только закончился вечерний намаз.

– Мы из аула Абадзех, были бы вам благодарны, если вы нам покажете дом Мурад-бея,– обратился Тодор к двум шедшим навстречу туркам.

– Двор Мурад-бея на углу улицы, увидите.

– Мурад-бей! – крикнул Наурзов, когда всадники остановились возле большой калитки, встроенной в высокую каменную ограду.

Калитка открылась и оттуда вышли двое вооруженных охранников, один из них спросил:

– Что вам нужно?

– Мы к Мурад-бею. Передайте, что мы из аула Абадзех.

– Имя этого аула нам ни о чем не говорит.

– Сказано вам, позовите сейчас же! – не выдержал Хатам.

– Вы почему с таким непочтением встречаете наших соседей-гостей? – обратился к страже Мурад-бей, выйдя за калитку.– Какое бы дело не привело вас ко мне, добро пожаловать. Двери моего дома всегда открыты для вас.– И сказал первое, что пришло на ум,– наверное, вы с моими гонцами разминулись.

– К тем, кто оскорбил нас и нашу дочь, мы пришли не в гости! – отрезал Масхаб.

– Тебя, Масхаб, я не сразу узнал,– спокойно ответил Мурад-бей и, улыбнувшись как старому знакомому, миролюбиво продолжил: – Нам нужно поговорить о нашей невестке, и я бы предпочел, чтобы ты, мой родственник, успокоился.

– Что за «невестка», что за «родственник»?– Багов растерянно взглянул на Наурзова.

– Масхаб, и ты, Тодор, пойдемте,– коротко приказал Наурзов, слезая с коня.– Что зря толочься у ворот? Встре-

тимся с нашей дочерью и узнаем, в чем тут дело. А вы, Хатам и Хаджирет, ждите нас здесь.

Мурад-бей завел их в дом и приказал охранникам встать за дверью:

– Теперь, когда мы остались одни, нам ваш переводчик получеркес не нужен. Поговорим с открытыми сердцами об угодном Аллаху деле. Но было бы хорошо, если вы примите решение вашей дочери, которая сердцем выбрала моего единственного сына, согласившись стать нашей невесткой.

– Не понимаю... – кровь бросилась в лицо Масхаба.

Наурзов посмотрел на Тодора, и тот объяснил, чего не понял Масхаб. Наурзов решительно потребовал объяснений:

– Мы слышали, что нашу дочь украл Мурад-бей.

– Обо мне много неправды говорят,– улыбнулся Мурад-бей.– Многое оказывается ложью. Но как бы то ни было, я доволен и черкесами, и турками, и своей невесткой. А мать Раджеба, как говорится, на седьмом небе от счастья! Наш род – один из уважаемых, так что вы не промахнулись. Ваша дочь станет женой моего сына, матерью моих внуков...

– Мурад-бей! – грозно остановил турка Масхаб.– То, что ты говоришь – ветер! Сейчас же приведи сюда мою дочь!

– Этого, мой родственник, сделать нельзя. По вашим черкесским обычаям, может, это и возможно, но по нашим, турецким, в комнату невестки мужчине входить не разрешается. Если бы с вами была женщина с покрытой платком головой, ей разрешили бы увидеть невестку. Но не будем ссориться, поэтому вместо тебя, Масхаб, пойдет ее младший брат. Ты ведь отец, она будет стесняться тебя.

Позвали Хаджирета, и Масхаб сказал:

– Тебе разрешают встретиться с сестрой, узнай, как ее состояние и самочувствие.

Хаджирет недолго отсутствовал, вернулся в комнату и, пряча глаза, доложил:

– Дарихан хочет остаться...

Абадзехские всадники покинули аул Мавлюд. Масхаб, переживая и не понимая поступок дочери, с горечью сказал Дзегашту:

– Как такое случилось? Как я взгляну в глаза тем, кто ждет нас на околице? Как приеду в аул с таким позором?..

– Что мы можем поделать, если они, выходит, так договорились? – Дзегашт тщетно пробовал утешить друга, но тот поник, будто на его плечи лег непосильный груз.

– Нет, Дзегашт, тут что-то не так... Я знаю Дарихан, она не могла так поступить. Опозорить отца, братьев, аульчан... – И в который раз обратился к Хаджирету: – Твоя сестра сказала тебе правду?

Хаджирет медлил с ответом. Багов прикрикнул на него:

– Я тебя, парень, спрашиваю!

Хатам, которого тоже терзали сомнения, вскинул голову, глядя на Хаджирета, и даже ехавший молча Тодор очнулся от своих мыслей. Масхаб сердцем был уже в ауле, его жгла нестерпимая боль и обида, а Хаджирет с болью на сердце опять упрямо повторил:

– Я передал то, что мне сказали... А что?

– Меня тоже, злополучный, волнует это «что»... Пошли дитя с поручением и отправляйся следом за ним... И уже уверенно произнес, обращаясь к Дзегашту:

– Случилось что-то странное, чего мы пока не знаем.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Карета эфенди Саида подкатила к Топ-Капе, дворцу, в котором проживала великая султанша Бике. От ворот дворца в это же время отъезжала другая карета с белобородым крупным господином в турецком сюртуке и малиновой феске. Зауаль, ехавший с эфенди Саидом, сразу узнал его, но не подал виду:

– Кто это? Вроде, знакомый...

– Это богатый черкесский князь,– с оттенком подобострастия ответил эфенди Саид,– князь убыхов хаджи Берзегов.

– Да, да, это он... А какие дела у него здесь, у султанши Бике?

– Ходатайствует за черкесов. Не знаю, правда ли, но поговаривают, что хаджи встречается с самим султаном.

– Как говорил старик Чермит, наш черкесский мир не предсказуем, иногда мы поступаем совсем не так, как ведет нас судьба.

Забыв о дворце великой султанши, Зауаль с завистью смотрел вслед княжеской карете. Он увидел, как благополучно здесь, в Турции, разъезжая в дорогой карете, живет Берзегов, один из князей, повинных в беде черкесов: и здесь он не пропал! И спохватился, ведь он у ворот султанши Турции Бике.

Дорога от ворот к дворцу была выстлана ковром, у входа стояли стражники с копьями в руках и кривыми ятаганами на поясах.

Крепко сжав от волнения пальцы рук в кулаки, Зауаль слегка поклонился:

– Да простит меня Аллах, я обращаюсь к Нему с просьбой: пусть новость о моей дочери окажется правдой. Пусть радость встречи с нею не оставит меня. Надеюсь, что великая Бике встретится с нами.

– Правда, уважаемый Зауаль, правда,– эфенди Саид, как своего старого знакомого, назвал Зауаля по имени, будто не сегодня познакомился с ним.– Я не сомневаюсь, что Гошмаф твоя дочь.

Они вошли в большую залу дворца, Саид усадил гостя на мягкую софу, стоящую у стены. Напротив, во всю стену висел тончайшей работы ковер, по которому были развешаны кинжалы, сабли, ятаганы, алебарды, копья, луки со стрелами, щиты, ружья всех образцов.

– Не скучай,– эфенди слегка прикоснулся пальцами к плечу Зауаля, – я ненадолго оставлю тебя.

Оставшись один, Зауаль старался сосредоточиться. Он вспомнил дорогу к дворцу Топ-Капе, убожество мазанок и роскошь дворцов. Но все дворцы превосходил Топ-Капе. По углам залов и в переходах стояли китайские вазы, окаймленные росписью красного золота с изображением летающих птиц в горах, покрытых лесом. Ковры персидской работы, тонкие, как шерсть, мягкие, как пух, в которых ноги не ощущали блестящий черный мраморный пол. На стенах красовались изразцы с замысловатыми узорами. Всюду царствовала восточная роскошь. Зауаль, никогда не видевший подобной красоты, восхищенно подумал, что эфенди Марзухаев, читая суры священного Корана, именно так представляет рай.

Зауаль встал, подошел к окну. Внизу виднелся султанский сад с беседками, фонтанами, дорожками, выложенными плоским шлифованным камнем. Даже зима, по-восточному бесснежная, не портила красоты сада. Вечнозеленые пальмы, плющ, кипарисы и крупнолистные магнолии перемешивались с подстриженными фруктовыми деревьями. Виноградная лоза, уже наливавшаяся соком, тянулась рядами, и далее кружевом над летними беседками была заботливо уложена мастерами-садовниками.

Время тянулось медленно, Зауалю казалось, что прошли часы с тех пор, как Саид покинул его, нетерпение переполняло Баракетова. Тревога не оставляла, мысли путались: неужели Гошмаф здесь? Неужели он увидит и свою девочку, и великую княгиню Бике? Как расскажет ей о том страшном дне, когда он потерял дочку в черноморском порту? Поймет ли его боль султанша?

Он медленными шагами ходил по зале, сомнения не оставляли его: что, если это не моя девочка? Если так, это будет еще один удар, который я испытаю. Но до сих пор не пал духом, и нет худа без добра, посчитаю за счастье посещение султанского дворца. Погоди, Баракетов, о каком счастье ты говоришь?! Разве в твоем положении есть место для счастья? – рассердился на себя Зауаль.

За окнами прозвучал зазывный голос муэдзина. Он вывел Зауаля из раздумий, тут же послышались торопливые шаги эфенди. Его лицо светилось от радости:

– Все хорошо, Зауаль. Я не ошибся – это она, Гюль.

– Ты сказал, что я здесь?

– Нет. Я поделился доброй новостью с великой наной, и она пожелала тебя видеть, хочет вначале сама поговорить с тобой.

– Когда?..

– После того, как совершит намаз.

– А вдруг она передумает?.. – тревожно высказал свои сомнения Зауаль.– Подождем. Больше ждали, подождем еще. Время намаза наступило, с добрым сердцем предстанем и мы перед Аллахом.

– Да, да, верноподданный Аллаха! С добрым сердцем и душой предстанем перед Ним. Пойдем в молельню, где я обычно совершаю намаз.

Баракетов шел за эфенди, не скрывая радости и восхищения, он думал о том, что султанский дворец – это земной рай, в роскоши которого живет эфенди Саид, благослови его Аллах! Даже райские птицы с золотыми перьями и цветными переливами, никогда им не виданные, пели и щебетали в своих больших клетках.

В свои пятьдесят лет Зауаль пережил много бед. Они теснили его со всех сторон, обложили, как охотники волка. И как после такой красоты, увиденной здесь, он будет жить? Сможет ли понять его девочка, которая живет в этой сказке? Сможет ли простить? А вдруг откажется от отца? Нет, нет, в ней же течет его кровь.

После намаза вернулись в большую залу. Сидя за чайным столом, Зауаль вновь поделился с эфенди тревогой:

– Вдруг меня девочка не узнает?.. Было бы хорошо встретиться вначале с ней. И султанша не приглашает на беседу...

– После Аллаха, великая Бике знает все, что творится во дворце, и всегда держит данное слово,– тихим голосом успокоил Зауаля Саид.

– Да, да, эфенди. В этом райском месте думать о плохом – грех.– И подумал: «Разве ему дано понять, что творится в моем сердце?»

Вошел слуга, поклонился, и, сделав жест в сторону двери, сказал:

– Великая Бике приглашает вас.

Пройдя несколько залов, Саид и Зауаль дошли до женской половины. Всюду у дверей, не шевелясь, стояла стража. Навстречу слуге-проводнику из покоев султанши вышел другой слуга. Он открыл створчатые широкие двери, украшенные резьбой с золотым орнаментом, ведущие в приемную залу великой Бике. Зала была небольшой, ярко освещенной свечами, горевшими в больших и малых канделябрах, иранская парча золотом отливала с занавесей, украшенных по краям бахромой. В центре, на невысоком троне сидела великая султанша. Величественная и простая одновременно. Зауаль низко поклонился. Великая Бике, вставшая было навстречу, прикрикнула на него:

– Поднимись, это недостойно адыга! Всю жизнь я хранила в своем сердце обычаи моей страны и уже постарела, но не изменила им. Даже турецким вельможам я не позволяла так низко кланяться. Добро пожаловать! Сядь сюда, передо мной, чтобы лучше видеть друг друга. И ты, Саид, присаживайся. Когда эфенди рассказал о тебе, я засомневалась, нужно ли мне встречаться с тобой, но вот увидела и не жалею. Вижу, что в Турции твои дела состоялись, ты офицер, и кое-что знаю о поручении, которое тебе дано для Балкан.

– Да, великая, с позволения Аллаха и благодаря вашей заботе я стал турецким офицером. Мне поручили достойное дело на Балканах, которое я постараюсь исполнить точно и в срок. Хотел уже уехать, но по милости Аллаха встретился с эфенди Саидом, а он привел меня сюда, великая мать.

– На Балканах наши дела плохи... – Великая Бике переменила тему разговора.– Болгары, соплеменники русского царя, захватили нашу райскую страну. Султан Абдул-Азиз делает все для черкесов. Но есть вельможи и военные, которые не хотят призывать их на службу в турецкую армию. На это есть причина, которая известна лишь высоким военным чинам. Но русскому царю никто не хочет перечить, его условия выполняются, даже если он поступает вразрез нашим договорам.

– С ним надо вести газават.

– В Дагестане был один, рассуждавший так же,– промолвил сидевший рядом эфенди и добавил: – Но он обманул черкесов.

– Мир, в котором нас испытывают, мир обмана, Саид,– сказала великая Бике и вновь обратилась к Зауалю: – Каково твое мнение о князе убыхов хаджи Берзегове?

– Сегодня я его здесь видел... Если не обидишься, великая, я не хочу говорить о человеке, чье имя названо.

– Не обижусь,– быстро ответила великая Бике, словно ждала такого ответа.– И Гошмаф, когда я спросила ее мнение о нем, ответила так же. Что ж, Саид, не будем брать грех на душу и томить Зауаля. Позови свою сестру, узнает ли она отца.

Гошмаф тихо вошла в комнату. В длинном бордовом бархатном платье, из-под которого виднелись бледно-розовые шаровары, в золотисто-серебряных туфельках, она казалась сказочной принцессой. И вдруг, увидев отца, кинулась к нему, как в детстве протягивая тоненькие руки:

– Тат, тат!.. Это ты!

– Я, Гошмаф, я, моя девочка! – Зауаль, забыв где находится, прижал к груди свою дочь.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Случай в Абадзехе переполошил всю округу. Не было дома, где бы не говорили о Дарихан. Люди, знавшие девушку с младенчества, ценившие ее чуткость и душевность, не могли поверить в ее сговор с турками. Да и когда, где бы они могли сговориться? В селе все люди как на ладони, а сестру ни на минуту не оставляли Хатам и Хаджирет. И если было согласие Дарихан, то почему турки не приехали со сватами? Зачем было позорить девушку, ее отца?

Были и такие, которые верили в сговор, они считали, что девушке повезло: кому не хочется попасть в богатый дом, к тому же отец жениха – турецкий вельможа, близкий к султану.

Мнения людей сходились в одном: мужчины, нашедшие дочь в доме похитителей, уступили туркам и не сумели вернуть ее домой. Что-то в этой истории было нечисто.

В ту ночь в Абадзех не вернулся Хатам. Он отстал от отряда, и с тех пор аульчане его не видели. Молва опять понесла небылицы. Связывали его побег и с Тодором Димитровым, и Хаджиретом Баговым. Тодор, редко бывавший в черкесских аулах, мало что об этом слышал, Хаджирет же эти слухи глубоко переживал. Он один знал правду о Дарихан: ее запугали, сказали, что не выпустят живыми ни отца, ни его спутников. Девушка решила своим согласием на брак спасти близких ей людей, она взяла с младшего брата клятвенное обещание, что тот ничего не расскажет отцу. И теперь он мучительно переживал, видя страдания близких ему людей.

Запоздалые сваты, поручители турка, похитившего Дарихан, привезли большой калым, несмотря на сопротивление Масхаба и неодобрение присутствующих. При этом, как бы не замечая такое неуважительное отношеие к себе, они были вежливы, благожелательны, передали добрые слова и пожелания от родственников жениха. Их приезд не только не успокоил Багова, но еще более усилил его душевную боль.

Друзья старались увести Масхаба от тяжелых дум, но каждый день он возвращался к тому злополучному дню, укоряя себя, что поверил словам Дарихан. «Наверняка Хаджирет чего-то недопонял, что взять с мальчишки? Зря я его послал, а не Хатама. На их предложения надо было ставить свои условия, они бы в тот момент согласились. Получается, сами виноваты. А тут еще Хатам пропал». Он мысленно упрекал его: «Ты не должен был так поступать, злополучный!»

Хаджирет, тихий, как стоячая вода в озере, растапливал очаг. Масхаб, видя его подавленность, переживал за

сына: ведь на него свалилась такая ответственность за неудавшееся посольство адыгов в дом турка. Мальчику кажется, что люди считают его легкомысленным, если не сумел выяснить у Дарихан причину ее поступка. Сказал коротко: она согласна... И глаза в пол, и не поднимает их до сих пор. Мальчишка, совсем мальчишка.

– Это хорошо, Хаджирет, что ты уже разжег огонь,– похвалил он сына.– Будем пить чай.– И, помолчав, добавил: – И куда пропал наш Хатам, почему не возвращается? Хаджирет, мальчик мой, ты ничего не утаиваешь про сестру? Будь мужественным, расскажи правду, я должен знать, с согласия или по принуждению она это сделала. Ведь только ты, да я у нее, бедной, остались.

– А Хатам?!

– И он, куда мы его денем? Несчастный Хатам забрал оставшуюся после Дарихан половину моего сердца. В чем мы провинились, что с дочерью нашей случилась беда? Но если Дарихан сказала тебе правду, тогда я, выходит, совсем не знаю свою дочь...

– Не обижайся на нее,– сказал Хаджирет, ставя перед отцом столик-анэ с едой,– чай вскипел, где твоя чашка?

– Как же мне не обижаться? Если она ушла по согласию, зачем же мы весь аул переполошили? Проводили бы из отчего дома с почестями и уважением... – Видно было, что он едва сдерживался, чтобы не сорваться на громкие обвинения. Пытаясь успокоиться, помолчал, затем вновь повысил голос, сурово обратившись к оробевшему Хаджирету: – Парень, сейчас же скажи мне правду, что сказала тебе сестра?! Говори, не увиливай!

– Я знаю только то, что уже говорил... Не знаю больше ничего... Я выполнил просьбу Дарихан...

– Какую просьбу? – насторожился Масхаб.

– Ну, просила передать вам ее решение, что хочет остаться,– искал подходящие слова Хаджирет.

– Так и говори, не путай меня,– недовольно произнес Масхаб и, не притронувшись к еде, отодвинул ее.– И все же в этом деле есть что-то, чего мы пока не знаем. Может,

Хатам знает, потому и сбежал? Было бы хорошо встретиться с Тодором.

– Я тоже так думаю,– быстро сказал Хаджирет.

– Если так, не сиди, споря со мной! Поезжай, встреться с ним. Только один не ходи к болгарам, возьми Касима.

– Что, тят,– удивился Хаджирет,– ты не доверяешь нашему соплеменнику?

– Как может быть нашим соплеменником тот, у кого отец болгарин... – устало возразил Масхаб.– С такими делами скоро и себе доверять перестану...

– Ну, не знаю. Ты же видел, как Тодор волновался за Дарихан. На днях приезжал, спрашивал, есть ли у нас какие-либо новости о ней.

– Не учи меня! – рассердился Масхаб.– Делай, что тебе говорят. Избегай Стефана, Парвана и других. Погоди, поедем вместе.

– Масхаб! – громко произнес Хаджирет имя отца, но, спохватившись, добавил: – Тят, зачем тебе ехать со мной, я сам справлюсь с твоим поручением. Успокойся, я в их дела не буду вмешиваться.

– Хорошо, пусть будет так, иди,– махнул рукой Масхаб.– Тогда не беспокой и Касима.

Масхаб проводил Хаджирета и долго смотрел ему вслед. Невольно отметил, как вырос мальчишка, окреп, хорошо сложился телом, выровнялся походкой, как уверенно держится в седле. Хороший будет джигит.

Очаг погас, но остались тлеющие угольки, которые можно раздуть в пламя. Масхаб поворошил их железными клещами, несколько искр вырвались и закружились по очагу.

«Вот так и я,– подумал Масхаб,– то гасну, то вспыхиваю. Опять остался один-одинешенек, не к кому голову приклонить. И Хатам ушел, не оглянулся, и этот парень, строя из себя взрослого, сел на коня и умчался. Не знаешь, чего от него ждать завтра. А Дарихан? Как при встрече смотреть ей в глаза? Турки, которым я вернул калым, посчитали меня сумасшедшим, сами сыграли свадьбу и успокоились. Вот жизнь и показывает, насколько мы

беззащитны перед ней, терпя от нее поражение за поражением. Каким надо обладать характером, чтобы поступать мужественно до конца? Куда ни кинь – везде клин, как говорят».

Масхаб словно очнулся, с досадой бросил железные клещи в угол очага: что это я жалуюсь? Почему это я один? Что я, безродный, что ли, или спустился с неба, или упал с верхушки дерева? Я из рода Баговых, я адыг!

Он в раздумьях ходил по комнате, вспомнил сражения с врагами на поле боя. Там было понятно, кто твой враг. А тут, на чужой земле, все перепутано, не разберешься, кто друг, а кто враг. Вспомнил Баракетова, к которому никогда хорошо не относился. Сейчас он в Стамбуле, но что-то долго не возвращается. Это один из прихлебателей Мурад-бея, и даже если вернется, ничего доброго от него не жди. Но Баракетов же наш соплеменник, адыг... Тодор полуадыг, а все же беспокоится о нас. А дочка моя предпочла турка... Конечно, она в неволе, иначе нашла бы возможность дать знать о себе. Бедного Хаджирета замучил своими подозрениями, а, может, зря?.. Не знаю, уже ничего не понимаю. Знаю, что в ауле меня уважают. У многих болит душа о нас, меня утешают, успокаивают. Другие равнодушно наблюдают, что будет дальше. Где выход, как поступить? Может, вступить в черкесский отряд самообороны, а потом, когда время придет, в турецкий полк? Или найти возможность вернуться на родину? И одернул себя: мало тебе позора? Неужели бросишь дочь на милость туркам, не докопавшись до истины?

Рассердившись на себя, Масхаб вышел во двор, зашел в конюшню. К общему беспокойству добавились мысли о Хаджирете. О, Аллах, принесет ли Хаджирет новость, которая даст хоть какую-то надежду? А собственно, чего я жду? Уже случилось то, что случилось.

Больше всего Масхаба угнетало то, что он не мог вызвать Хаджирета на откровенность. Он чувствовал, что мальчишка чего-то не договаривает, но почему? Он ловил себя на мысли, что в случившемся виноват и Хаджирет, будь он откровеннее, они смогли бы отстоять Дарихан,

даже забрать ее силой. Не понимал и Хатама, покинувшего их молча, без всякой причины. Вновь и вновь укоряя себя, Масхаб забеспокоился о Хаджирете: вокруг так неспокойно, не надо было отпускать его одного.

Хаджирет проехал околицу Абадзеха и остановился на опушке леса, будто почувствовал тревогу отца. Волны страха и душевных терзаний охватили его с новой силой. Он обманул отца, утаив правду о Дарихан, обманул всех, в том числе и себя. «Нет во мне отваги,– думал он,– зачем я строю из себя героя? Турки угрозой заставили Дарихан остаться, в тот же вечер я должен был об этом сказать отцу и пославшим меня мужчинам. Как мне теперь смотреть им в глаза? Не Хатам должен был убежать из дома, а я! Лучше погибнуть от правды, чем пропасть из-за лжи! – Хаджирет соскочил с коня, обеими руками обхватил седло и, прислонив голову, застонал от боли: что делать? Вернуться и рассказать отцу правду?»

Нервы Хаджирета были на пределе, его душу изматывала непосильная ноша лжи. Но нужно ехать дальше и, вскочив на коня, он тронул поводья. В лесу стояла тишина, и только топот копыт нарушал ее. Секунда – и яркое солнце покажется на небе, достигнет верхушек деревьев, и будет смотреть через них на лесной мир. В это время просыпаются лесные звери и птицы. Но сейчас не было слышно ни птичьего пения, ни щебетания, ни шума леса. Зима уходила, это уже было заметно по деревьям, готовым раскрыть почки, по свежему быстрому горному ветру.

Но утро наступило, и птицы проснулись. Впереди, чуть поодаль, подала хриплый, неприятный голос одна, ей, вторя, отозвалась другая. На стук дятла конь запрядал ушами. С низовья ущелья маленькая болотная птица выпь разбудила сороку, та затрещала с вершины дерева, стоящего вдоль дороги.

«Ну, вернусь,– думал Хаджирет – и что дальше? Что бы я ни сказал отцу, как бы ни оправдывался, он меня не услышит. Как говорил Чермит: горе закладывает уши, у кого горе, тот и себя не слышит. Лучше всего поехать к

сестре, встретиться с ней. Она, бедная, осталась у турок, не зная ни языка, ни обычаев. Подойду к воротам, скажу, что соскучился, хочу увидеть сестру, неужели прогонят? Но, не спросив отца, можно ли так поступить? Вот возьму и сделаю так! Неужели мы оставим несчастную без поддержки? Ее обман можно понять: разве не могла она испугаться за нас, за наши жизни? Мы все погрязли в подозрениях, обидах, боли. Эх, был бы жив Чермит, он бы нашел выход, нашел бы мудрое решение».

Хаджирет, погрузившись в свои размышления, не сразу заметил, что его конь свернул с дороги на Стефановку и едет в Мавлюд. Он натянул повод и остановил его, горько усмехнувшись: даже конь знает, где мое сердце! Он принял за меня решение и повез к Дарихан. Нет, друг, не путай меня, мы едем туда, где ты родился, где бегал стригунком. Или ты уже забыл Стефановку? Поговорю с Тодором, может, он что знает, а потом поступим, как подсказывает сердце.

Хаджирет повернул коня и увидел идущую следом за ним старую арбу. Колеса ее скрипели на всю округу, а он и не слышал. Арбу, груженую дровами, тащил один вол. Женщина, одетая во все черное, вела его под уздцы. На дровах сидел бедно одетый полнолицый дровосек. Увидев всадника, он спрыгнул с арбы и с топором в руке встал впереди женщины, заслонив ее собой.

– Салам алейкум,– произнес Хаджирет, отметив про себя, что они турки. Показывая рукой на себя, сказал по-адыгски: – Я черкес, Абадзех кой[1]...

– Алейкум салам,– мужчина, повеселев, ответил на приветствие и спросил по-турецки:– Черкес-мусульманин?

– Да, да,– закивал головой Хаджирет.

Турок беспрерывно что-то говорил, но Хаджирет понял только два слова: «Мавлюд» и «болгар-гяур». Наконец он остановился и, чтобы узнать имя всадника, ткнул себя в грудь:

[1] К о й – село.

– Я Ислам. Ислам Турк. А ты кто? – и начал перечислять имена: – Ахмед, Магомет, Ибрагим...

– Меня зовут Хаджирет, фамилия Багов. Может, слышал имя моего отца – Масхаб Багов.

– Хаджирет! – Ислам Турк громко повторил это имя, большим пальцем показывая, что понимает его, и добавил: – Хаджирет-черкес!

Потом, словно споткнувшись, переспросил:

– Масхаб Багов, говоришь? Для сына Мурад-бея, невоспитанного Раджеба украли красивую девушку. Она – дочь Багова, выходит, твоя сестра?! Нет, нет... Эй, возьми вола под уздцы, ты, что, не слышишь, я тебе говорю! – прикрикнул на жену Ислам и направился в сторону своего Мавлюда.

Хаджирет смотрел им вслед, не понимая причины такой поспешности. Постояв еще некоторое время, он направил коня в сторону Стефановки.

Но все же странная реакция турка не оставила Хаджирета спокойным: услышав имя Масхаба Багова, он, изменившись в лице, резко прекратил разговор. Было очевидно, что Мурад-бей и его сын ему неприятны. И почему женщина одета во все черное, может, у нее траур? Он знает, что у Мурад-бея находится похищенная девушка, надо было расспросить его подробнее, но как разговаривать, не зная их языка? Будь рядом Тодор, они бы могли поговорить со стариком Исламом. Хотя, разве он старик? Видно, какое-то горе состарило их, наверное, он не старше Масхаба. Может, это болгары стали причиной их горя? В разговоре Ислам несколько раз повторял «болгар-гяур», тряся кулаком в их сторону. Болгары и турки не уживаются в Тырговиштском ущелье, каждый день что-то случается меж ними. Мы тоже находимся между двух огней – мусульманами и христианами, и это приносит нам большие несчастья. Так говорили Дзегашт и отец, с ними соглашался и Хатам. Интересно, а как живется на турецкой земле таким, как эфенди Магомет Марзухаев, эфенди Хазрет Махош и совершающий обряд омывания усопших Шихам? Они, наверное, не бедствуют.

Хаджирет выехал из Абадзеха утром, когда природа еще спала. Но день набирал силу, сильнее чувствовались запахи весны, менялся облик леса. Голые ветви деревьев посветлели, согретые солнечными лучами, не сегодня-завтра на них раскроются почки. Из-под тающего снега побежали веселые ручейки, их становилось все больше и больше. Испарина от быстрого хода коня растворялась в воздухе, делаясь невидимой.

«Нет изменений только в судьбе Дарихан,– вздохнул Хаджирет.– Я виноват перед сестрой, виноват, не надо было мне слушать ее. Если бы я сразу рассказал Масхабу причину ее отказа, Мурад-бей не посмел бы насильно удерживать Дарихан. Да, но вернуть украденную девушку... В прошлом году дочь Хапачевых украл парень из соседнего бжедугского аула Чеченай. Ее сразу забрали, но с тех пор девушку никто не сватает, так и живет в доме отца. Мы, как говорил Чермит, даже в чужой стране считаем себя лучше всех: горды, обидчивы, зависимы от чужого мнения. И что мы за люди?»

Турки насильно навязали нам религию, теперь стравливают с людьми другой веры, называют их гяурами. Разве виноваты болгары в том, что нас расселили в их стране? В том, что они любят свою землю, стараются сохранить ее? И мы любили свою землю, но не сумели ее сохранить. Любить свою землю – этого мало. Как говорят отец и Дзегашт, нам нужен был мудрый предводитель. А предводители наших двенадцати племен храбрились не дальше околицы, смотрели на мир через свой плетень, и не было меж ними ни одного далеко видящего и думающего лидера. Каждый думал о турецком рае и своей выгоде. Приспешник Мурад-бея Зауаль Баракетов там, на родине, близко не подходил к предводителям, здесь же ратует за создание вооруженного отряда самообороны. Убыхский князь Берзегов с бородой до пупка говорит то же самое».

О времени полуденного намаза возвестил муэдзин Мавлюда. Со стороны шапугского аула Мазхес отозвался другой. Чуть погодя к ним присоединился муэдзин бжедугского Чеченая.

Услышав голос Гаруна Коблева, который вместо Хатама созывал Абадзех на намаз, Хаджирет, разгоряченный мыслями о религии, сердито проговорил: «Наши дела так плохи, что не только полуденный намаз, но и вообще пора перестать совершать все намазы! Нет, нехорошо я говорю! Пусть никто из людей меня не услышал, но Аллах-то слышит!» Спрыгнув с коня, взял его под уздцы и повел к водопаду.

Хаджирет совершил амдез, расстелил вместо коврика кафтан и встал на него. К середине намаза услышал за спиной топот коня, но намаз не прервал.

Два всадника ждали его у дороги.

– Это ты, черкес? – спросил Борис Стефанов, хотя признал его еще раньше.– Мы тебя чуть не пристрелили.

Из всего, что сказал внук старика Стефана, Хаджирет понял слово «черкес».

– Борис подумал, что ты турок и чуть тебя не убил на намазе,– неожиданно по-адыгски сказал Парванов.– Не удивляйся моему черкесскому языку, я несколько лет был в плену в Черкесии.

– Почему же до сих пор ты не сказал об этом нашим старшим? – Хаджирета поразил не столько адыгский язык, сколько услышанная новость.

– Я, что, приглашал вас сюда, чтобы объявить, что знаю черкесский язык? – грубо ответил Парванов на бесхитростный вопрос Хаджирета.

– Ну, не знаю... – Хаджирету стало обидно от слов «мы не приглашали вас сюда», но Парванову сказал другое: – Мне приятно, что ты знаешь наш язык, хоть изучил его поневоле.

– Что говорит этот басурманин? – едва сдерживая свою неприязнь, спросил Борис.

– Удивлен тем, что знаю их язык.

– Пусть и он учит наш язык, и предупреди: ни им, ни туркам мы не позволим осквернять нашу страну. Имеют одного коня, доставшегося им как милостыня от моего деда, а ведут разговоры о создании черкесского вооружен-

ного отряда самообороны. Мы вам покажем, как их организовывать!

– Твой спутник не первый раз нападает на меня. Но ради его деда я не хочу враждовать с ним.– Хаджирет, пряча страх, сел на коня, стараясь держаться с достоинством.– У меня дело к Тодору, мне нужно его увидеть.

– Почему этот басурманин называет имя Тодора?..– Борис, размахивая плеткой, круто развернул своего коня, встав перед конем Хаджирета.– Мы тебе запрещаем ехать, ты куда?

– Дай черкесу дорогу, я ему разрешил! – остановил Парванов Бориса, а Хаджирету посоветовал: – Никогда не отправляйся в дорогу один.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Прошло два месяца с тех пор, как сбежал Хатам. Он укрылся от людей в лесной землянке, находящейся между двумя аулами – Абадзех и Мавлюд, но и здесь не находил себе покоя. Жгучая боль и обида за судьбу Дарихан не отпускали его. Ему казалось, что и люди осуждают его, не сознавая, что так сложились обстоятельства, так распорядилась судьба. Он не понимал, что они бывают слепы и безучастны, когда не задеты их личные интересы или чувства. Любят посудачить между собой, посмотреть со стороны на чужое горе, как на интересное зрелище. Хатам, так много переживший и перестрадавший, смотрел на происходящее через свою личную незаживающую рану, а потому рисовал мир черными красками. Конечно, были и такие, которые оставались слепыми и глухими к чужим страданиям, но большинство все же с сочувствием и пониманием отнеслись к семье Баговых. Сам Хатам больше всего переживал, что своей оплошностью причинил большое горе Масхабу, что приемный отец, чуткий к разговорам людей, не простит ему вины. Как радовался Масхаб

миру и взаимопониманию в своей семье, когда принял Хатама и Хаджирета в дом как родных, назвал сыновьями, дал им свою фамилию. И такая беда свалилась на всех их.

Оставшись совсем без еды, Хатам забил своего коня. Все было против его воли, все шло наперекосяк: в какое еще время он мог оставить семью без коня? Ночью, при свете незатухающего костра, свернув под голову кафтан, он смотрел на звездное небо и думал о том, как тяжело сохранить свое достоинство, остаться мужественным до конца при любых обстоятельствах. А он поступил как мальчишка, даже Хаджирет оказался умнее его, он остался в семье, не побоясь невысказанных обид.

Весна согревала землю своим неровным теплом, зелень уже выбилась на свободу из тесных смолистых почек, но ни весна, ни трава, ни по-весеннему яркое солнце не радовали Хатама. Он погладил свою бороду, отросшую за эти месяцы, недовольно прищурился. Весеннее солнце пригревало, и он присел на старый пень.

«Каждый ищет свою выгоду, каждый сам за себя,– продолжил Хатам свои тяжелые мысли,– если у него ничего не болит, то он думает, что и боли нет. Погоди, но разве все люди такие? Ведь есть и милосердные, как Масхаб. Если бы не он, то ни я, ни Хаджирет не выжили бы, когда нас выбросили на турецкий берег. Хотя чего стоит такая жизнь, как моя? Что хорошего в том, что я живу, кому от этого радостно? – И остановил себя: – Что я говорю, ведь я жив-здоров, и это солнце согревает и меня. Я сам загнал себя в такое положение, я не хотел, чтобы на меня смотрели с жалостью! Выходит, я несправедлив к Масхабу, Дарихан, Хаджирету, да и ко всему аулу? Да, я признаю это. Тогда почему я живу здесь, в лесу, как медведь, будто совершил неблаговидный поступок, давая людям повод для сплетен?!»

Слабый шорох листьев заставил Хатама оглянуться: на ветке дерева сидела маленькая птаха, которая каждое утро прилетает, приветствуя его. Хатам улыбнулся ей, собрал какие-то крошки и бросил их на пробившуюся траву:

– Ешь, птичка,– проговорил он невесело,– это мое последнее тебе угощение. Завтра ты меня здесь уже не увидишь,– уверенно сказал Хатам.– Я понял, и ты пойми, плохо быть одиноким. Будь осторожна, мне кажется, что наша человеческая и ваша птичья жизни похожи. Не верь тому, кто поет для тебя, не враждуй с тем, кто не думает так, как ты. Но помни, что жить без врагов скучно.

Неожиданно с верхушки дерева на поляну стремительно слетел ворон, и испуганная птичка, оставив крошки, взмахнула крохотными крыльями и улетела. Хатам еще раз наставительно проговорил:

– Вот, я же говорил, что такое случается и с вами, и с нами! Сильный не щадит слабого.

Затем решительно повернул к землянке, и через некоторое время вышел из нее с котомкой. Прикрывая камышовую дверь, обратился к своему временному жилью:

– Я доволен тобой, мой временный дом. Ты хранил меня, согревал в холод, делил со мной мои одинокие ночные размышления. Кто знает, может, еще кого-то приютишь, такого же вынужденного странника... А я пойду домой, прощай.

Выйдя на опушку леса, Хатам остановился, прикидывая: куда пойти? А, не все ли равно,– подумал со злостью,– мир большой, в моем распоряжении четыре стороны и везде светит солнце. Вот оно поднимается надо мной, но я не чувствую тепла. Не чувствую, потому что перестал что-либо чувствовать вообще. Обиделся на весь белый свет, закрылся от людей ложным стыдом! Что случилось, то случилось. Хаджирет сказал, что Дарихан вышла замуж по своей воле, так зачем ворошить прошлое? Бедный Масхаб, к его беде я добавил и свое исчезновение, вот перед кем я должен повиниться. Хаджирет оказался более мужественным, чем я, он разделил с Масхабом его несчастье. Они, наверное, крепко обиделись на меня.– И жалость к себе шевельнулась в его душе.– Но так ли это? Хороший хозяин ищет, пока не найдет, свою сбежавшую собаку, а тут человек, сын! А они тревожились обо мне, искали?..

Раздавшийся топот копыт заставил Хатама спрятаться за дерево. С полувзгляда он узнал всадника. Тот уже покидал лесную поляну, когда Хатам окрикнул его:

– Хаджирет!

Услышав знакомый голос, Хаджирет соскочил с коня:

– Хатам!.. Это ты?

– Я, Хаджирет, я.

– Ты где был до сих пор?.. И почему пеший?..

– Лес приютил меня... – уклончиво ответил Хатам и тут же задал встречный вопрос: – А разве конь не вернулся домой? В лесу не то что всаднику, и пешему передвигаться тяжело, потому отпустил его... Коня, наверно, загрызли звери, это мой грех...

– Ладно, Бог с ним, с конем, важно, что мы нашли тебя живым и здоровым.

– Вы искали меня? – Хатаму было приятно это услышать, но в его голосе все равно слышалось недовольство.

– Не знали, куда ты исчез, и искали, не переставая. Ты же знаешь нашего отца, Масхаб весь извелся.

– Что может со мной случиться... Когда мы приехали к туркам, Дарихан сказала, что остается у них по своей воле. Ее решение обидело меня, вот я и... Хватит обо мне, расскажи, как она поживает?

– У нас нет новостей о Дарихан, говорят, прижилась.

– Не могу поверить.

– Но это так, даже если не веришь... Поехали домой, что мы тут стоим, садись на коня.

– А ты?

– Я младше тебя, сяду за твоей спиной.

Топот коня по зеленой траве был приглушенный. Полуденное солнце то скроется за облаками, то вынырнет, рассыпая сквозь верхушки деревьев искрящиеся лучи. Встречный ветер заблудился в лесу, а на опушке вырвался на свободу и весело дул в лицо всадникам.

Хатам и Хаджирет ехали молча. Два брата, рожденные от разных отцов и матерей, обретшие новую семью, но не сумевшие выдержать испытаний, каждый по-своему переживал за свои поступки. Наконец старший заговорил:

– Какие новости в ауле и в мире, Хаджирет?

– В мире много новостей, Хатам. Но в ауле, раз ты спросил, скажу: люди считают твое бегство малодушием. Говорят, из-за своей любви ты потерял мужество...

– О чем ты говоришь?! Какая любовь?! – резко остановил коня Хатам.

– Не знаю... – пожал плечами Хаджирет.

– Это ты не знаешь? Не знаешь, что Дарихан наша с тобой сестра?!

– Как я могу не знать этого?

– Если знаешь, не повторяй чужих сплетен! После таких слов я не хочу даже возвращаться,– Хатам снова тронул коня.

– Не переживай. Я виноват больше, чем ты.

На пригорке показался Абадзех, Хатам даже не подозревал, что успел так привязался к новому жилью адыгов. Радость заполнила его существо настолько, что он не сразу обратил внимание на последние слова Хаджирета. Пустив коня в рысь, он вдохновенно воскликнул:

– Смотри, Хаджирет, наш Абадзех, наш аул! – и, повернувшись к брату, увидел его хмурое лицо.– Постой, постой, о какой вине ты говоришь?

– Не знаю, как и сказать, Хатам. Я говорю о своей вине перед Дарихан.

– В чем же ты провинился перед ней?! – резко дернув поводья, Хатам выскочил из седла, свалив и Хаджирета.

– В тот вечер, когда меня послали к Дарихан, она просила меня не говорить правду, и я обманул вас.

– Что?! О чем ты? Говори яснее.

– Она согласилась остаться, потому что ее запугали, сказали, что если не останется, погибнем мы. Потому и осталась...

– Что ты наделал! – Хатам схватил Хаджирета за шиворот и начал его трясти.– Ты понимаешь, что ты наделал?! Ты погубил Дарихан, погубил всех нас. Как мы людям в глаза смотреть будем? Ты рассказал отцу правду?

– Никто, кроме тебя, не знает,– он сдерживался, чтобы не разреветься.

– Да, знать бы, где лопнет подпруга.– Хатам немного остыл, он понимал, какой груз нес на себе младший брат,– Правду говорят, что ложь оставляет тебя голым. Что ж, это уже случилось, не сидеть же тут, поехали домой.

Хатам и Хаджирет въехали в ворота. Масхаб встретил их приветливо, будто не было обиды:

– С добрым возвращением, Хатам, ты заставил нас ждать тебя.

– Да, тят, заставил, потому что я плохой сын. Уехал на коне, а вернулся пешком.

– И такое бывает... – И Масхаб пошел в дом.

Хаджирет видел, что отец недоволен. Развязывая подпругу коня, сказал Хатаму:

– Зайди к отцу, он ждет тебя.

– Давай вместе зайдем к нему.

– Ты видишь, что я делаю?

– Ты тянешь время... Посмотри, к нам Дзегашт и Гарун идут. Добро пожаловать уважаемые, отец дома,– Хатам радостно встретил гостей, будто никуда и не исчезал.

– С возвращением Хатам, не знаю, где ты был, но заставил нас поволноваться,– упрекнул его Дзегашт.

– Я был недалеко... Что бы вы ни говорили мне – признаю, заслужил. Не стой, Хаджирет, приглашай старших в дом.

– Не знаю, Масхаб, с чего начинать: или тебя сначала поздравить, или Хатама пожурить,– начал с порога Дзегашт.– Весть, как птица, быстро облетела аул. Мы услышали, что Хатам вернулся, вот и пришли.

– Слава Аллаху, он вернулся, но я не знаю, где он был. Об этом спросите его самого. Да и я послушаю,– сказал Масхаб, глядя на прислонившегося к косяку двери Хатама.

– Хатам заблудился в лесу, а потом плохо себя почувствовал...

– Хаджирет, молчи, ты ничего об этом не знаешь,– прервал брата Хатам.– Лучше расскажи нам о своей вине...

Масхаб быстро вскинул голову, Дзегашт и Гарун с непониманием посмотрели на Хаджирета.

– О какой вине ты говоришь? – спросил Хатама Масхаб.

– Пусть ответит тот, кто обманул.

– Если я передал просьбу Дарихан, это не значит, что я обманул вас... – огрызнулся Хаджирет, потом опомнился и тихо сказал: – Если бы Дарихан не согласилась с требованием турок...

– Молчи! – резко прервал его Масхаб и зашагал по комнате.– Я подозревал это с самого начала.– И с мучительным стоном обернулся к Гаруну Коблеву.– Вот что делает с нами эфенди Хазрет и его приспешники. Аллах когда-нибудь услышит нас, увидит наши страдания? Но это уже случилось, потому не надо необдуманных действий, надо все хорошенько обмозговать, наберемся терпения.

После ухода соседей, Масхаб велел сыновьям:

– Закройте ставни и дверь прикройте.

Хатам, закрывая ставни, испугался: из закрытого дома послышалось глухое мужское рыдание. Он прижал к себе дрожащего Хаджирета:

– По-моему, отец плачет ... Пойдем к нему!

– Не осуждайте меня,– поднял лохматую голову Масхаб,– это не слабость, я оплакиваю не то, что случилось с вашей сестрой, а то, что еще ожидает нас.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Каждое место, где побывал человек, оставляет след в его душе. Где-то он был счастлив, где-то испытывал горечь. Он может скрывать свои мысли и чувства, но горе и радость – постоянные спутники, от них не отмахнешься, как от назойливых мух.

Зауаль Баракетов ехал в Стамбул душевно опустошенным человеком: шутка ли, столько времени ничего не знать о своей кровинушке. К кому она прислонила головку, кто ей говорит добрые слова? А, может, и в живых-то давно

нет ... И вот сейчас, возвращаясь из Стамбула, Зауаль счастлив так, как бывало в детстве, и испытывает чувства, совершенно не свойственные ему, суровому человеку, прошедшему сквозь земной ад. За пятьдесят лет жизни он не помнит ни одного дня такой ошеломляющей радости, такой полноты жизни.

Обласканный судьбой, он возвращался на Балканы в карете с кучером, и чужой мир казался ему прекрасным. Его радовали раскрытые почки на деревьях, стоящих на голых пригорках, первая зеленая трава вдоль дороги. Голос муэдзина, доносящийся издалека, казался ему богослужебной песней, смягчающей сердце. И ветер, налетающий на карету, не чувствовала его подобревшая от радости душа.

Его мысли, как птицы, бились в мозгу, перескакивая с одного на другое: с радости – на горе, с горя – на радость. «Жили мы счастливо,– думал Зауаль,– на земле, завещанной дедами, потом пришла война, в которой потерпели поражение, потеряв родину и свои семьи. Турция не обогрела, как мечталось, не приютила у себя, как мать, а, как мачеха, выбросила на Балканы и поселила рядом с иноверцами. А теперь, как говорит Мустафа-паша, будь бдителен рядом с гяурскими племенами! Отряды самообороны из черкесов нужны не только для защиты от них, но и для того, чтобы мстить им за потерянный рай родины. Там, на родной земле, я потерял всю свою семью. Это не простая обида, а кровная месть».

Зауалю стало душно, он остановил кучера:

– Выпусти меня из кареты, ноги совсем затекли, хочу пройтись.

Он шагал вдоль дороги, но мысли не отпускали его. «Теперь, когда я нашел свою девочку, отодвинулись все беды и горести, случившиеся со мной. Это все мелочь в сравнении с тем, что пережила Гошмаф, потерявшая мать, сестру, младшего брата, бабушку, а во время посадки на турецкое судно и его, отца.

И все же Гошмаф оказалась счастливее девочек, проданных вместе с нею на невольничьем рынке. Сама княгиня

Бике выбрала ее для султанского дворца. Теперь она одета, как принцесса, и под присмотром султанши проходит воспитание и обучение в Топ-Капе. Эфенди Саид называет Гошмаф сестренкой Гюль, на турецкий манер. Ради нее и меня, Зауаля, уважили, султанша Бике сама приняла во дворце турецкого офицера, письмо для военачальника Мустафа-паши из рук в руки вручила. Багов, Наурзов и Коблев не поверят, когда услышат мой рассказ. Посмотрим, как теперь Мурад-бей поведет себя со мной. А Албан? Послезавтра в гостинице Белграда он первым из всех знакомых увидит меня в офицерском мундире. Надеюсь, он не забыл о нашей предстоящей встрече,– с удовлетворением предчувствовал зависть албанца Зауаль.– А на следующий день я вручу письмо султанши главнокомандующему Мустафе, пусть решает, как поступить».

Зауаль сел в карету и рассмеялся: эх, Зауаль, ты до сих пор не понял, чем тебя удостоили турки. Все надеешься на Мустафу, связываешь свое будущее с его решениями. Но в сравнении с высокими покровителями из султанского дворца Мустафа-паши – мелкая сошка!

– Карета какого-то важного господина догоняет нас,– сказал кучер.

– Много важных господ встречается на турецких дорогах,– негромко ответил Зауаль, но так, чтобы кучер услышал.– Откуда ты знаешь, кто за нами едет?

– Впереди и за каретой по два всадника, они нам машут, чтобы съехали на обочину.

– Да?.. И кто это так распоряжается, кому не хватает дороги?.. Может, это одна из карет султана?

– Мне кажется, в карете, обогнавшей нас, ехал богатый черкес. Всадники его одеты в черкески. Поговаривают, что в последние годы несколько богатых черкесов появилось в Турции. Если не ошибаюсь, эту карету я несколько раз видел в Стамбуле, запомнил и ездока, крепкого мужчину с белой бородой.

– Богатые черкесы не смогли защитить и сохранить свою родину, поэтому оказалось в вашей стране. Я тоже черкес, но не из их числа.

– Ты черкес?.. По твоему турецкому языку я думал, что ты албанец. Даже если ты небогатый черкес, у тебя на плечах большие погоны турецкого офицера.

– Удостоили, вот и ношу. А хозяина кареты, думаю, я знаю. Наверно, это хаджи Берзегов.

Зауаль Баракетов вспомнил адыгский берег моря и беды, которые пережили черкесы. «Напрасно Багов, Наурзов и другие винят меня,– снова погрузился в раздумья Зауаль,– будто они сами не оставили там своих родных. Кто из вас сел на корабль, не перешагивая через трупы? Да, мне повезло здесь, на турецком берегу, офицер Юсеф из всех вас выделил меня, но это его выбор. Мое положение стало чуть лучше, чем ваше, но разве я меньше вашего пережил? Я ли не мучился неизвестностью о моей бедной девочке? Ни я, ни вы не виноваты в наших бедах. А отъезд Берзегова я помню: он, заплатив за отдельный корабль, не обращая внимания на просьбы женщин и детей, сажал на него лишь свою семью, родственников. Он только о себе заботился в творившемся аду, когда мольбы сливались в один протяжный плач. Мы остались выживать, кто как может, но чтобы со мной ни случилось, я не забывал вас, адыги. И сегодня я занимаюсь вашими делами, не думайте, что так легко носить чужие погоны, они давят на плечи тяжким грузом. И теперь знайте: не сохранившие свою страну, вы будете солдатами чужой страны. Что поделаешь, только милостыню дают бескорыстно, а за всякое благодеяние приходится расплачиваться кровью».

К вечеру пятых суток Баракетов доехал до Белграда. Тяжелая дорога утомила его, поэтому он пропустил два намаза. Сон, моривший его всю дорогу, пропал, и Баракетов напрасно ворочался с боку на бок, пытаясь уснуть, затем встал, зажег свечи в подсвечниках. Он, небогатый человек, чем-то завоевал доверие турок. Эполеты на мундире при свечах отливали золотом, халат из ткани ручной работы ласкал тело, ночные туфли, постель, деньги в тугом кошеле, карета под окнами гостиницы – все как во сне, будто не с ним это все происходит... А вот не спится...

В небольшую комнату звуки мира доносились глухо, Белград жил своей жизнью большого города. Люди, разгоряченные вином и песнями, расходились из питейных заведений неохотно, и было видно, что в этом жизнь многих простых людей. «Вот так они живут: с кем-то встречаются, ведут разговоры, снимая груз дневных забот вином и развлечениями, которые нам, мусульманам недоступны. Мы просили Аллаха: будь к нам благосклонен, защити нас, не дай лишиться родины, но, в конце концов, мы оказались в Турции. И тут предстоит воевать: решим начатое дело и защитим себя от гяуров-болгар. И не только от них, но и от турок, которых болгары зовут пришельцами».

Баракетов налил себе воды в прозрачный, тонкого хрусталя резной стакан, выпил несколько глотков, повертел стакан в руках, полюбовался игрой граней в свете свечей, и снова волна благодати разлилась по всему телу: он богат, богат... «А есть ли повод ненавидеть мне болгар? Что из того, что они славянского племени? И мы когда-то были христианами, помню, как говорил один тфокотль, проклиная принесшего нам ислам: «Пусть встретится с чумой тот, кто вырвал из наших рук наше белое лалэ-мясо». Интересно, если бы мы были христианами, смогли бы договориться с пришедшими к нам единоверцами? Да, Зауаль, в мыслях ты далеко зашел, такое Аллаху слышать нельзя. Не буду зря тратить время, сделаю пропущенные намазы, исполню долг перед Ним».

Баракетов произносил молитвы на арабском языке, словно задабривая Аллаха, и после, продолжая сидеть на коленях, помолился на адыгском: «Извини меня, Всемогущий, эти мысли от отчаяния. Сними с адыгов их великую беду, прояви милосердие к нашим детям. Даже если мы, старшие, в чем-то виноваты перед тобой, благослови наших детей, дай почувствовать твою справедливость. Быть здесь чужими – великое несчастье, но дай им возможность жить, не позволяй забыть свою родину, даже если мы ее не увидим, сделай так, чтобы они увидели ее».

Намаз сделал свое благостное дело: Зауаль лег в постель и мгновенно уснул. Он не знал, сколько проспал, но приснившийся тревожный сон разбудил его, заставил сесть в кровати. За окном уже светлело южное звездное небо, голоса вещателей предрассветного намаза слышались с разных сторон.

«К чему мне приснился такой сон? – думал озадаченный Зауаль.– Какая-то маленькая птичка летала по комнате, я пытался ее выгнать... Говорят, птица в доме не к добру, вдобавок ко всему она была совершенно черной, ласточка – не ласточка, скворец – не скворец».

Баракетов открыл окно, со свежим воздухом в комнату хлынул бледный предутренний свет, растекаясь по комнате утренней прохладой. «Боже, я выгнал из комнаты птичку из моего сна?.. Нет, нет, когда я открыл окно, она сама вылетела. Наверно, было бы лучше, если бы я выгнал ее...»

Взгляд Баракетова коснулся восточного небосклона, разрозненные клочья облаков стали розоветь. Страх овладел сердцем Зауаля, какого он еще не испытывал ни разу в жизни. Беспричинный, необъяснимый страх... Вдруг за окном он увидел, как во двор гостиницы въехала карета, из нее вышли Мурад-бей и эфенди Хазрет. Зауаль, забыв свои страхи, удивленно воскликнул: «Интересно, какие же дела привели их сюда?..»

Мурад-бей был одет в форму турецкого чавуша-сержанта. Зауаль слышал, что он сержант, но сегодня впервые убедился в этом сам. По сравнению с погонами, которые он получил в Стамбуле, погоны Мурад-бея, конечно, маленькие... Зауаль отошел от окна, накинул на плечи мундир, повел плечами, и почувствовал свои погоны, которые будто защищали его от внешнего мира. Медленно подошел снова к окну, но там уже не было ни кареты, ни двух господ. «Мурад-бей и эфенди Хазрет, несомненно, устраивают какие-то дела, но какие? Интересно, во всем Белграде не нашлось другой гостиницы? Неужели это Албан им проговорился, чтобы столкнуть нас лицом к лицу? Если бы не Албан, я бы и вовсе не воспользовался этой гостиницей, навязался он на мою голову.

Албан – вольная птица, свободен от всяких обязательств, ответственности, поступает, как ему заблагорассудится, приедет или нет,– тоже неизвестно. И пусть не возвращается, может, черная птица из сна – он? – Зауаль снова зашагал по комнате, размышляя над увиденным.– Мурад-бей знает, по какому делу я ездил в Стамбул,– рассуждал Баракетов, прикидывая как поступить, если они столкнутся.– Он дал мне перед поездкой немного денег, эти деньги, как и те, которые я получил от других, помогли мне. Но пока я не встречусь с Мустафа-пашой, я сделаю все, чтобы Мурад-бей меня не увидел. А спутник его эфенди Хазрет, так же, как и чтец Корана Марзухаев, поет песню того, на чьей арбе катается».

Чтобы успокоиться, Зауаль Баракетов прилежно совершил амдез, сделал предрассветный намаз. Перед тем как выйти, вытащил из нагрудного кармана серебряные часы, подаренные ему Гошмаф. Долго смотрел на циферблат, словно пытаясь увидеть на нем свою дочку. До встречи с Мустафой было еще три с половиной часа. Тихо постучали в дверь, и вошли два мальчика двенадцати-пятнадцати лет, принесли горячий чай:

– Господин, ваш утренний чай!

– Предупреди его, что в чае нет сахара... – на адыгском языке сказал старшему младший.

– Вы адыги? – в недоумении спросил Зауаль.

– Да, мы абадзехи,– ответил старший мальчик и быстро добавил: – Наша бабушка говорит, что абадзехи тоже адыги.

– Правильно говорит ваша бабушка. У адыгов несколько племен, абадзехи – одно из них,– обрадовался Зауаль встрече с маленькими сородичами.

– Да, но турки, албаны, сербы зовут нас черкесами.

– На Балканах нас тоже зовут черкесами... Кто бы и как бы нас ни называли, мои мальчики, мы – адыги, и Кавказ – наш дом, не забывайте об этом. Храните в сердце мысль, что когда-нибудь вы вернетесь туда. Я тоже абадзех из рода Баракетовых, зовут меня Зауаль. А вы чьи будете?

– Мы из рода Цеев. Меня зовут Аслан, а это мой младший брат Каплан. Там, на родине, мы жили в Цейхабле.

– Помните свой аул?

– Конечно, хорошо помним и аул, и горы, и наши леса.

– А теперь вы живете в этом городе? – спросил Зауаль.

– Нет, на той стороне, где Косово. Недалеко от городка Приштин находится аул Лаба, там мы живем. Хозяин этой гостиницы – турок, мы работаем у него, разносим чай. Наша нана живет в Лабе, конечно, далековато, но мы каждую пятницу едем к ней. Часть денег, что зарабатываем, она откладывает для нас, сама уже еле ходит, мы ее единственная надежда. Прошлой осенью какой-то албанец убил нашего отца на рынке в Приштине, мама умерла на корабле, ее, как и других покойников, спустили в море...

– Э-э, несчастные! – Баракетов не усидел на месте, встал, подошел к окну: – В какую беду вы попали, считай, вся семья погибла...

– Разве мы одни? Все адыги, попавшие в Турцию, в такой беде. Но нана говорит, что не надо отчаиваться,– сказал Аслан не по возрасту рассудительно и добавил: – Абадзехи пережили чуму, будем и дальше жить, надеясь на лучшее. Теперь мы пойдем, нужно разносить чай, узнает хозяин, что мы тут задержались, будет нами недоволен.

– Погодите! – Зауаль достал из кармана несколько бумажных денег и протянул им.– Это отдайте от меня вашей нане.

– Наш чай столько не стоит, уважаемый,– обиделся Аслан.– Мы каждому встречному не рассказываем свою историю, чтобы нас жалели.

– Я тоже не благодетельствую каждого встречного. Это не милостыня. Бери, даю от души.

– Если так, извини меня. Спасибо. Мы еще увидимся, обеденный и вечерний чай принесем.

– Я, вероятно, через несколько часов отправлюсь в путь, но горестные дороги адыгов переплетаются, кто знает, может, еще встретимся. Будьте здоровы, не отчаивайтесь, и передайте вашей нане от меня привет.

Зауаль Баракетов надел офицерскую форму и, как ни в чем ни бывало, вышел из гостиницы. Первой попавшейся каретой он с важным видом поехал к Мустафа-паше, к главнокомандующему Балкан.

Ехать пришлось недолго, гостиница была выбрана Албаном правильно. Во дворе уже стояли две кареты, которые были Зауалю знакомы. Первая – Березегова, вторая – Мурад-бея с эфенди Хазретом. Неужели они торопились к Мустафа-паше?.. Интересно, сами прикатили или по вызову? Валлахи, что случается в этом мире...

У входа в главный штаб турецкой армии на Балканах Баракетова встретил младший офицер из штаба главнокомандующего. Он уже был осведомлен о его приезде и ждал, когда прибудет важный гость. Он почтительно поклонился и, отдав честь, проводил в приемную Мустафа-паши. Баракетов, не обращая внимания на присутствующих, положил перед дежурным офицером конверт с печатью султанши Бике. Дежурный осторожно взял его в руки и отнес к главкому. Среди ожидавших высокой аудиенции Зауаль заметил хаджи Берзегова и эфенди Магомета Марзухаева. Они сидели у противоположной стены, Мурад-бея и эфенди Хазрета в приемной не было.

– Кто этот офицер, возле которого суетятся дежурные? – шепотом спросил Берзегов Марзухаева.

– Валлахи, не знаю, нам предлагают ждать, а вокруг него бегают. Но я его где-то видел?.. Это Баракетов, что ли?..– эфенди Магомет не успел внимательно присмотреться, как важного гостя пригласили в кабинет главнокомандующего Мустафа-паши.

– Я осведомлен о ваших делах,– поднявшись из-за стола, приветливо встретил Баракетова главнокомандующий,– знаю, как великая Бике к вам относится, в каком родстве вы с ней. Плохо, что вы почти не знаете нашего языка, но это поправимо. Позовите Черкес-Ахмеда, переводчика,– приказал он стоящему у двери офицеру.

А в приемной продолжали обсуждать приглашенного в кабинет офицера:

– Тот, кого ты, эфенди, назвал Зауалем Баракетовым,– стараясь не показывать обиду, что его не пригласили первым,– если не ошибаюсь, был в Ачкале ездовым офицера Юсефа,– с сарказмом сказал Берзегов.

– Да, хаджи, ты не ошибся,– ответил эфенди Марзухаев и объяснил: – Юсеф, который теперь живет в Стамбуле, дядя по отцу того, у чьей двери мы сидим.

– Почему до сих пор ты не говорил мне об этом? – упрекнул эфенди Берзегов.

В груди у него все кипело, возмущению не было предела, и он не утерпел, чтобы не высказаться:

– Возницу из навоза здесь ставят выше нас! Так нам и надо, мы заслуживаем всего, что с нами происходит! Но я думаю, что этому есть причина, которая нам пока неизвестна. Не может Мустафа-паша с таким вниманием привечать простого офицера. Видимо, здесь есть какая-то тайна, известная только им... Тут еще Мурад-бей опаздывает... А, вот и они.

– Спутник Мурад-бея – нехороший человек, будь с ним настороже,– предупредительно прошептал эфенди Магомет.

– Не говори лишнего, не нам их судить... – Берзегов ответил на приветствие вошедших и не удержался от упрека: – Вы опоздали.

– Мы прибыли раньше вас, уважаемый хаджи,– ответил Мурад-бей.– После встречи у нас состоялся предварительный разговор в другом кабинете. Теперь мы готовы встретиться с главнокомандующим. Но в целом нами и нашими делами довольны. Я не знаком с твоим спутником, познакомь нас.

– Лично, Мурад-бей, ты с ним не знаком, но наверняка слышал его имя. Это эфенди Марзухаев.

– Конечно, слышал, это чтец священного Корана!

– Да, да, это он, эфенди Магомет Марзухаев,– эфенди Хазрет, как все завистливые люди, за внешней любезностью едва скрыл, что считает Марзухаева недостойным сана и звания эфенди. Он выразительно посмотрел на Мурад-бея, и в его взгляде откровенно читался упрек:

зачем тебе нужен эфенди, не понимающий что написано в Коране, какая тебе польза от него?

В кабинете главкома Балкан шел предметный разговор, Мустафа и Баракетов говорили об адыгских делах, и атмосфера общения была дружественной. Конечно, у сидящих друг против друга и погоны по величине были разные, как и сами переговорщики были представителями разных народов, но здесь царило согласие, казалось, что они дополняли друг друга. Говорил в основном Мустафа-паша, а Зауаль Баракетов, делая вид, что имеет о предмете разговора полное представление, кивал головой или отдельными фразами соглашался с ним. Черкес-Ахмед, переводя слова своего соплеменника, добавлял к ним обязательное: «Довольны, понимаем, ценим ваше милосердие».

Баракетов, заподозрив это, высказал переводчику свои сомнения:

– Мне кажется, ты говоришь ему и то, чего я не сказал.

– Ничего во вред тебе я не говорю,– ответил переводчик на адыгском языке, а Мустафа-паше перевел: – Турецкий офицер Баракетов беспокоится, правильно ли я перевожу его слова.

– Передай моему гостю, посланнику великой Бике, что я доверяю тебе. Великий султан Турции светлейший Абдул-Азиз и его бабушка-султанша не напрасно отправили меня на Балканы. Мне поручено укрепить и сохранить здесь нашу власть, а без доверия этого нельзя сделать. Черкесы, оставшиеся без родины, получили здесь приют и понимание и, надеюсь, поддержат меня в этом. Мы негласно поможем им создать отряды самообороны, и они как племя сохранятся. Можете считать это делом для вас уже решенным. До сих пор я не имел дел с черкесами, потому что служил на восточной турецко-арабской границе. Но о мужестве и справедливости их я слышал и раньше, а на Балканах это уже не раз испытал. Как велела великая Бике, черкеса Баракетова, турецкого офицера, я ставлю главой всех черкесов, которых мы заселили на Балканах.

– Спасибо! – неожиданная новость обрадовала Баракетова.– Я оправдаю оказанное вами доверие! Но я видел у ваших дверей черкесов более влиятельных, чем я.

– Их-то я и пригласил ради тебя, позовите ожидающих.

Вошедшим глава Балкан не предложил даже присесть. Он перешел сразу к делу, и новостью, прозвучавшей из его уст, поразил в самое сердце влиятельных в своих кругах людей:

– С сегодняшнего дня турецкий бинбаши Баракетов назначен моим заместителем по делам черкесов на Балканах. Офицер Черкес-Ахмед отведет вас в другой кабинет, обсудите там свои черкесские дела. Офицер Мурад-бей, останься.

Военачальник увидел, как изменился в лице хаджи Берзегов, неплохо знавший турецкий язык, и обратился к нему:

– Что с вами? Мои слова вам правильно перевели?

– Мне не надо переводить, я знаю турецкий язык,– ответил Берзегов, пытаясь сдержаться.– Только вот думаю, сможет ли выполнить поручение тот, чье имя вы назвали...

– Мое решение окончательное,– сухо и коротко подвел итог наместник Балкан Мустафа-паша.

Адыги недолго пробыли в отведенном кабинете. За полчаса они закончили заседание, при этом хаджи Берзегов не сказал ни слова, лишь в конце встречи объявил, что в месячный срок сформулирует свое видение решения адыгских вопросов. С Мурад-беем, пришедшим от главкома, все быстро согласились и разошлись на обеденный намаз.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

– Пойдем,– сказал Хатам.

– Куда?– спросил Хаджирет.

– Ты, что, не адыг, не мужчина, спрашиваешь «куда»? – одернул его старший брат, и его твердый голос очень напоминал отцовский.

Хаджирет воткнул в пень топор, которым колол дрова, и пошел за братом. «Конечно,– думал он,– я адыг, и папаха у меня на голове, но было бы хорошо знать, куда он меня ведет. Наверно, недалеко, раз мы идем пешими».

Хатам быстрым шагом направился от дома, который стоял на краю аула, к лесу. На лошадях они бы проехали этот путь скорее, но двух коней у них не было. Хатам по-прежнему старался идти впереди брата, чтобы уйти от его расспросов.

Свой побег Хатам теперь расценивал как малодушие, он понял, что в его характере пока недостает твердости, которая есть у мужчин, и старался во всем подражать взрослым. Он решил в полной мере взять на себя ответственность за то, что случилось, а это означало остаться один на один с чувством собственного достоинства. Вспышки ярости и раздражения он старательно подавлял, даже гнев на братишку сдерживал в себе, но тот, как назло, иногда доводил его до этого. Когда на душе неспокойно, буря в сердце не утихает, а усиливается, то справляться с ней становится все тяжелее. Хорошо, что Хаджирет необидчив, бывает уступчивым, а иногда соглашается даже с тем, что ему не нравится. Вот и сейчас, шагая понуро, не пытается догнать и встать в шаге от брата. Но не жалуется и не проявляет недовольство, старается быть мужчиной. Хотя, кто хочет выполнять беспрекословно все, что требует от него адыгский этикет?

Навстречу путникам из леса выехал Касим Наурзов. На холке коня была приторочена овца.

– Братья Баговы, что вы здесь делаете без топора и веревки?

– А ты, Наурзов, чью овцу стащил? – в тон другу спросил Хаджирет.

– Это наша овца, она сломала ногу, везу из кошары.

– Да, да, и на лбу у нее ваше фамильное тавро.

– Фамильное тавро животному на лоб не ставят, если ты этого не знал, то знай.

– Вы долго будете спорить? – не останавливаясь, прикрикнул на Хаджирета Хатам.– Прибавь шагу, кому сказал?

– Хоть и не приглашаете с собой, отвезу овцу и догоню вас.

– Пеший конному не товарищ,– отказал Касиму Хаджирет.

Когда они отошли на приличное расстояние от смотревшего им вслед Касима, не сдержался:

– Ты поступаешь скверно, младший брат, зачем обижаешь друга?

– Хатам, ты разве не заметил, что он над нами насмехался? Какое ему дело до того, что мы без топора и веревки? Важничает, что верхом на коне! Касим, как и его отец, везде сует свой нос...

– Хаджирет! – резко остановился Хатам.– Никогда не суди взрослых, тем более Дзегашта Наурзова. Он друг нашего отца, уважаемый человек аула, да и всего ущелья. Зачем ты срываешь свою обиду на других? Ты ставишь себя выше Касима и при этом называешь себя его другом?! Сколько тебя учил Чермит относиться к людям бережно, нас, адыгов, и так мало, а ты и тут сеешь вражду.

– Извини, Хатам, но все же я хочу знать, куда мы идем.

– К сестре, куда же еще.

– Так бы и сказал! – тотчас забыв об обидах, обрадовался Хаджирет.– Хотя нехорошо, что идем без ведома отца и с пустыми руками.

– Пусть радуются турки родственникам своей невестки и тому, что мы вообще пришли к ним в гости!

– И то правда... – согласился Хаджирет, хотя ему не нравилось, что Хатам совершает такие решительные шаги самостоятельно. Он поежился, повел плечами и неуверенно сказал: – Пусть они знают, что мы сестру не бросили. Но все же отец должен был знать...

– Замолчи!..– прикрикнул на него Хатам.– Со своими сомнениями ты можешь топать домой, догоняй Касима! Что за трусость? Может, ей нужна помощь, а мы оставили

ее туркам и живем спокойно. Сколько времени прошло, ни одной весточки от нее не получили! Что мы за люди?

Хаджирет не стал спорить с братом, но в душе не был согласен с ним. В решающие моменты в нем проявлялось упрямство. Случались, конечно, и промашки, и брат поправлял его. Хатам прав, нужно бережно и с пониманием относиться к людям, об этом говорил ему и Чермит. «Но правильно ли мы поступаем, отправившись к туркам? Может, Дарихан счастлива и не хочет нас тревожить, бередить раны... Не затрудним ли мы ее жизнь? Но я не ребенок, чтобы мною вертеть, то он говорит «пошли», то «возвращайся», учит добру, а сам кричит на меня,– обиделся Хаджирет на брата.– И если ему нужна моя поддержка и помощь, то пусть не возносится надо мной и не показывает мне свое превосходство, хоть и старший. Если я захочу увидеть Дарихан, то смогу это сделать самостоятельно, она моя сестра, но прежде посоветуюсь с отцом. Турки тоже хороши: именно в день смерти Чермита устроили похищение Дарихан, когда весь аул был занят похоронами. Так что в этом Хатам прав, пусть радуются тому, что увидят нас у себя».

Братья сошли с горной тропинки и свернули на лесную дорогу, ведущую в Мавлюд. Где-то тут, в этом лесу прятался от людей Хатам, и тяжелые мысли снова нахлынули на него. Чтобы уйти от них, обратился к Хаджирету:

– Ну, и чего ты молчишь?

– А что говорить? Я уже высказал все, что меня волновало.

– Разве у волнений есть конец? Тогда ты счастливый человек! Но я не о том, тебе здешняя природа ничего не напоминает?..

Не успел Хатам договорить, как до их слуха донесся шум, потом стрельба со стороны Мавлюда. Вскоре послышался конский топот, видимо, несколько всадников скакали во весь опор.

Хатам прислушался:

– Видно, что-то случилось у турков. Спрячемся за деревья, чтобы всадники нас не заметили.

Всадники пронеслись мимо, потом невдалеке остановились, прислушались, о чем-то переговорили между собой. Они внимательно всматривались в дорогу, ведущую в ущелье, где живут адыги. Кони, возбужденные бегом, кружили на месте, а турки, гортанно ругаясь, грозили кнутом в сторону ущелья. Потом с гиканьем помчались назад, в Мавлюд.

– Что-то недоброе произошло... – повторил Хатам.

Хаджирет забеспокоился:

– Давай вернемся, ты же видел, как всадники грозили черкесам...

– Да, и смотрели в сторону нашего аула. Как бы не вышло беды... Надо предупредить наших. Пойдем скорее, нет времени на рассуждения!

Хатам заспешил назад, размышляя над тем, что услышал и увидел. Даже братишка заметил, что они грозили именно черкесам, а не болгарам. Сердцу приятно, что кто-то насолил туркам, но чего от них ждать,– вот в чем вопрос. Нам надо поторопиться, сейчас, как никогда, хорошо бы оказаться рядом Касиму с его конем.

В свой Абадзех ребята уже не шли, а бежали.

– Вы где ходите, не видите, что конь не напоен, дрова не убраны? Быстро все приведите в порядок! Все забавляетесь, как мальчишки, а твои ровесники, Хатам, уже обзавелись семьями.

Масхаб неровной походкой направился в дом, когда услышал радостный крик Хаджирета:

– Дарихан!

Хаджирет увидел сестру, прячущуюся за домом. Было от чего сойти с ума, радость захлестнула так, будто он победил чудовище. Он бросился к ней, забыв о поручениях отца.

Масхаб круто повернулся от двери и тоже поспешил к углу дома, где Хаджирет уже обнимал плачущую сестру. С тех пор, как украли Дарихан, он корил себя за то, что не сумел постоять за свою дочь, и теперь не верил своим глазам: его дочь здесь, рядом с ним, она сбежала!

Дарихан, всхлипывая, кинулась отцу на грудь. Масхаб, успокаивая дочь и свое сердце, гладил ее по голове:

– Ты вернулась в дом отца, дочка! Какое счастье! Ни я, ни твои братья ни на один час тебя не забывали. Не надо горестных слов, не будем омрачать нашу радость, осуши свои глазки! Теперь я знаю, что делать, у нас есть чем ответить этим негодяям.

– Да, тят, да! – радовался Хатам, стоя за спиной Дарихан, рядом стоял улыбающий Хаджирет. Они снова были счастливы вместе.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

После позднего обеда, который подали ему в номер, Зауаль Баракетов готовился к вечернему намазу: делал амдез, стараясь успокоить мысли, которые не давали ему покоя. «Столько изменений в моей жизни произошло за несколько дней, что впору сейчас охладить голову холодной водой. Вспомнилось высокомерное высказывание Берзегова о том, что настал конец света, если над князьями возвышают голодранцев. Он не постыдился откровенно высказать свое недовольство Мустафа-паше, было понятно, что они хорошо знакомы и многое обговорили заранее. Но в чем-то они не сошлись, потому Мустафа-паша так грубо оборвал хаджи.

Конечно, круто изменило ход событий письмо султанши, и теперь Берзегов пусть помучается, выискивая причину своего поражения. Когда он узнает о моем неожиданно возникшем родстве с великой Бике, вот тогда посмотреть бы на его лицо! Величие в крови самонадеянных черкесских князей, но из-за того, что каждый из них считал себя выше других, они потеряли родину, это они привели народ к великим бедствиям, а расхлебывать придется ему, Зауалю Баракетову. Так что дорогой хаджи правильно сказал – настало время голодранцев. Баракетов

довольно заулыбался: вы достаточно пожировали, пора и честь знать. А принял бы Берзегов на себя ответственность за адыгов? Тут надо не почивать на лаврах при должности, а предпринимать конкретные решительные действия, даже если кому-то это и не нравится. Лично я не о себе забочусь, как хаджи,– продолжал размышлять Баракетов,– на моих плечах не просто эполеты, а будущее всех адыгов. Езжу в наемных каретах, ночую в недорогих гостиницах, решая дела соотечественников. В том и твоя вина, хаджи, что тут оказалось немало таких несчастных, как эти мальчики, разносчики чая, и их нана!.. И после всего, что с нами случилось, ты, предводитель и великий князь, и в чужой стране не утратил своих привычек: красуешься в собственной карете с охранниками, и целые селения прислуживают тебе.

Где же, интересно, эти мальчишки? Наверно, подумали, что я уехал. И Албана, с которым назначена встреча, нет».

Словно услышав мысли Зауаля, тихонько приоткрылась дверь, и в нее боязливо заглянул старший из мальчиков, о которых думал Зауаль.

– Это ты, Аслан?.. Заходи, что с тобой? Ты весь дрожишь...

– Там, в гостиницу заселился мужчина, убивший нашего отца... Спрашивал о тебе, узнал, в каком номере ты живешь.

– Говоришь, мужчина, убивший твоего отца...– Зауаль заподозрил, о ком говорит мальчик и уточнил: – Он смуглый, высокий?

– Да, он самый, и зовут его Албан. За ним Каплан следит.

Зауаль с сомнением произнес:

– Откуда ты знаешь, что твой отец погиб от его рук?

– В тот день отец взял меня с собой на рынок...

– Говоришь, Албан ищет меня?

– Ну да, я же говорю, этот убийца спрашивал о тебе...

В комнату забежал Каплан:

– Албан идет сюда!..

– Хорошо, пусть идет,– улыбнулся Зауаль,– познакомлю вас с ним.

– Вы знаете друг друга?..

– Да, мы знаем друг друга, недавно познакомились... Вот что, парни, давайте утаим от него, что мы знакомы. Чуть погодя войдете, принесете нам чай.

Баракетов с порога упрекнул Албана:

– Ты опоздал.

– Если бы все происходило так, как я хочу, я бы был султаном албанцев,– серьезно, без шутки ответил Албан.– Меня задержал серб-гяур, пристал с упреками, что мы, мусульмане, отобрали у них святую землю Косово. Еле отвязался от него. Они, наверное, надеются на ваших распоясавшихся кровников. Ладно, оставим сербов и болгар, слышал о тебе хорошую новость, позволь поздравить. Мне сказали, что Мустафа-паша назначил тебя своим заместителем? Это правда?

– Кто бы ни сказал тебе об этом, он не ошибся. Но еще большая радость случилась со мной в Стамбуле. Я нашел свою дочку, о которой рассказывал тебе. Это благодаря Гошмаф мне пожаловали высокий офицерский чин и большую должность.

– Теперь я понял, над чем ломают голову Берзегов и Мурад-бей ... Твоя дочь имеет такое влияние при дворце? Но кто она, откуда такие возможности?

– Валлахи, не знаю, как и сказать о ее положении... Она воспитанница султанши Бике.

Стук в дверь прервал разговор:

– Открыто, входите.

– Мы принесли чай... – сказал Аслан, и неприметным взглядом показал младшему брату кинжал на поясе Албана.

– Хорошо, спасибо,– поблагодарил Баракетов, и, чтобы дети ничего не успели сказать, заторопился: – Это мой знакомый, Албан, он знает наш язык.

Албану показалось странным поведение Зауля: с чего бы он стал представлять его детям, разносчикам чая? И совсем не понравились мальчишки, особенно старший, так и метавший взгляд на его кинжал. И где он его видел? Наверное, утром, в коридоре, когда поселялся в гостиницу. Лучше держаться от всех их подальше,

хорошо вообще не иметь дел с черкесами. «Взрослые, дети – все они одинаковы, прирежут и не пожалеют. И этот тоже, сидит, пыжится передо мной, вчера еще нищий-бессребренник, сегодня господин! Ловко обошел князя хаджи Берзегова, откровенно презирает Мурад-бея – повелителя Тырговиштского ущелья. Вот что значат эполеты и должность! Вчера с протянутой рукой ехал в Стамбул, а теперь сидит король-королем! Но с ним надо ухо держать востро, хотя он и простофиля: тратил на меня последние деньги, будучи нищим, мне и теперь не грех облапошить его еще раз. Надо прикинуться бедной овечкой, они любят благодетельствовать».

– Да, Зауаль, да, поздравляю, большую должность тебе дали.

– Не дали, а удостоили! – ответил, как отрезал Зауаль Баракетов.

– Да, да, по заслугам удостоили тебя большой должностью! – быстро поправился в словах Албан и, якобы переживая, вздохнул: – Вот только не знаю, что будет с нами...

– Кто эти «мы», ты или еще кто-то?

– Я, конечно, кто же еще? Неужели думаешь, что Мурад-бей, хаджи Берзегов и другие будут переживать?

– Где они, чьи имена ты назвал?

– Посчитали, что ты слишком долго находишься у Мустафы, и отправились в путь без тебя. Предлагали мне с ними поехать, но я отказался, как могу тебя не поздравить? Не о своей же голове печешься, о черкесах заботишься! Могли бы подождать, ведь ты теперь большой господин, начальник над ними и над всеми черкесами. Заодно и ты поздравил бы Мурад-бея.

– И салам их, и они сами не очень-то мне нужны... – Баракетов забылся, стал откровенничать с тем, кого, в сущности, мало знал. Припомнил обидные слова Берзегова, и, раздражаясь, продолжил: – Из-за моей должности они посинели от злости, не то что поздравить, добрым взглядом не удостоили. Не зная причины моего возвышения, поспешили долой с моих глаз. Пусть разбегаются, как

крысы. Бумаги, касающиеся дел адыгов, я соберу в течение месяца, тогда посмотрим, что предложит хаджи Берзегов.

– Хаджи Берзегов обнадежил тебя? Мне показалось, что он был не в духе.

– Он не получил, чего хотел, как же ему быть в духе?..– услышанные слова пришлись по сердцу Зауалю, он рассмеялся. Потом, вспомнив что-то, спросил: – Погоди, какая радость случилась у Мурад-бея, чтобы я поздравлял его?

– У него невестка черкешенка, сын его женился.

– У него же есть жена?

– По Корану каждый мусульманин вправе иметь четыре жены, Зауаль. И вас, черкесов, вскоре это коснется.

– Не коснется!

– Вы мусульмане?

– Да, мы мусульмане, но у нас нет такого обычая.

– Может, и нет, но за Раджеба вышла замуж ваша аульчанка Дарихан.

– Что ты говоришь! – поразился Баракетов.– Не может быть!

– Может, не может, но это так.

Зауаль Баракетов в волнении несколько раз прошелся по комнате, подошел к окну, постоял немного, обернулся к Албану:

– Бедный Масхаб... – произнес он искренне.

– В зажиточную, уважаемую семью попала его дочь.

– Замолчи! – прикрикнул на него Баракетов и опять отвернулся к окну.

– Хорошо, ничего говорить не буду... – согласился Албан. Потом, переживая за себя, повторил: – Не знаю, что со мной будет... Знал бы, что ты тут окажешься при таких высоких должностях, поехал бы с ними...

– И завтра будет день. С сегодняшнего дня я военнообязанный, но о твоей судьбе я подумаю. До сих пор мы были вместе, неужто теперь брошу тебя? Отправляйся к себе в комнату, успокойся и отдыхай, все будет хорошо.

Албан вышел довольный: как легко он снова смог разжалобить простачка Баракетова, даже высокая должность его ничему не научила.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Когда Мурад-бею сообщили о побеге Дарихан, у него подкосились ноги. Он присел на тахту, раздумывая, что делать дальше. Он был зол на сына и решил не жалеть его, пусть отвечает за свои проступки, как мужчина:

– Как ты допустил, что твоя жена сбежала!

– Выбрала момент, когда меня не было, сучка, и убежала.

– Не смей так называть ее, ты сам виноват! Лучше бы ты ее выгнал!

– Я могу как угодно называть жену, оскорбившую меня! – в тон отцу ответил Раджеб.

– Не тебя одного она оскорбила,– примирительным тоном сказал Мурад-бей.– Может, ты обидел ее?

– Да слишком баловал... Она ела мясо, когда другие косточки глодали. Ласки мои испортили ее, вот она и потеряла всякий страх.

– Что ты говоришь, бессовестный? Уйди с глаз моих! И позови свою мать.

В комнату вошла дородная величественная женщина, укутанная в белый шелковый платок. Из-под черного платья виднелись шаровары тонкой материи, чуть прикрывавшие крепкие щиколотки. Слегка расположившие ступни ног были обуты в мягкие позолоченные чувяки на низких каблуках.

– Ты почему такая разодетая? – строго спросил Мурад-бей, хотя самому понравилось, как одета старшая жена. И тут же уязвил ее в самое больное место: – Почему не привела остальных моих жен?

– Только прикажи, и такие же нарядные, как я, они мигом примчатся к тебе. Только я пришла сюда из-за беды, случившейся с нашим сыном,– жена даже закашлялась от испуга под грозным взглядом мужа.– Мы слишком потакали ей, старались не тревожить, думали пусть привыкает, а дочь черкесов оказалась такой неблагодарной! Сбежала, одев нас в одежду бесчестья.

– Ты старшая, но не мудрая жена, потому и оказалась в этой одежде. Не стой надо мной, садись.

– Хорошо, я присяду... Но с тем, что случилось, надо что-то делать.

– Если знаешь что делать, говори.

– Знаю – не знаю... Украденная разве могла принести радость?..

– Ты память-то освежи, себя вспомни! Будто тебя не украли... – язвительно усмехнулся Мурад-бей.

– Украсть-то украл, потом еще трижды женился. Зачем было красть? – с давней обидой в голосе произнесла Айша.– Было бы хорошо, чтобы эта девчонка попала в какое-нибудь затруднительное положение. Тогда она будет вынуждена прибежать назад и просить принять ее! О Аллах, прошу тебя, пусть у нее останется надежда только на нас.

Мурад-бей слушал жену и качал головой, она совсем не знала черкесов:

– Жди-жди, черкесы – не албанцы...

Перед его взором возникли Масхаб Багов, Хатам, Хаджирет – могучие, угрюмые, а за ними все мужчины Абадзеха, куда вернулась Дарихан.

Мурад-бей решил пока утаить от людей бегство невестки, вначале он встретится и обсудит свое дело с эфенди Хазретом. А если и узнают, то виновата должна быть Дарихан, которую муж выгнал из дома за какой-то проступок.

– А те что говорят? – обратился он к жене.

– Кто «те»?

– Твои три соперницы-болтуньи... Или они не признают того, в ком не течет их кровь и делают вид, что наш сын не от их мужа?..

– Хорошо, что ты это наконец-то понял... – раскрасневшаяся Айша подтянулась, сидя на стуле. Потом с показной гордостью недовольно закончила: – Разве есть моя вина в том, что они нарожали тебе девочек, не продолжив наш род?

– Что за бесстыдные слова ты говоришь! – прикрикнул Мурад-бей, вскидывая голову от услышанного. Он хорошо знал характер своей бездумной, безжалостной, острой на язык жены. Но сейчас, напуганная случившимся, она боялась гнева мужа, поэтому торопливо, стараясь снять вину с себя, сказала:

– Извини, если что лишнее скажу, но нам надо придумать причину ухода этой бесстыжей, чтобы оградить нашего сына от бесчестья. Скажем, что твои жены, завидуя нашему сыну, взъелись на нашу золотую невестку, не давали ей житья, потому она и покинула наш дом.

– Ты только что проклинала ее, а, оказывается, она была твоей «золотой невесткой»...– недовольно сказал Мурад-бей, но на самом деле зацепился за эту «причину».

– И еще скажу: у меня есть подозрения, что сбежавшая не знает того, что знаю о ней я... – Айша взглянула на мужа и отвернулась.

– Так что же ты знаешь о ней?

– Мне кажется, что она унесла с собой ребенка нашего рода.

Всю ночь Мурад-бей провел без сна, вспоминая свое прошлое. «За шестьдесят лет много бывало и хорошего, и плохого. А у кого в наше время совесть чиста? Конечно, я не святой, но не совершал таких постыдных дел, за которые меня упрекали бы всю жизнь. Злословить будут и богатые люди, завоевавшие доверие Мурад-бея, и простые крестьяне из окрестных селений. Попался на их язычок, терпи... А эти олухи, приставленные служить Мурад-бею, они-то куда глядели, как охрана проморгала ее побег? Взяли бы коней порезвее, людей побольше, прочесали бы дорогу и лес, все тропинки, все рытвины и канавы! Так нет, ограничились шумом и стрельбой, даже в черкесский кой не поехали, побоялись.

Мучительнее всего унижение. Не припомню большей обиды,– думал Мурад-бей,– причиненной нашему роду! Нет, не сына, это меня опозорили, как старшего рода. Я не хотел разлада с черкесами, думал, обойдется. Мало ли умыкают девушек? Не в бедняцкую хижину ее привели,

а в богатый, уважаемый дом. К кому теперь обратиться, кто сможет помочь, кого Багов выслушает, есть ли такой человек в Абадзехе? Похищение девушки приведет к обострению отношений между турками и черкесами, они откровенно презирают нас. Наурзов с Коблевым – друзья Масхаба, они на его стороне. Нет в живых и старика Чермита, к нему бы он прислушался. Хатам сбежал, Хаджирет – ветреник, дружит с гяуром-получеркесом Димитровым, им лучше вообще не попадаться на глаза. А что, если подкупить Димитрова и отправить к Баговым, может, уговорит их. Но сначала встречусь с эфенди Хазретом, если к нему не прислушаются, поговорю с Мустафа-пашой. Облагодетельствую его и попрошу надавить на Баракетова, чьим заместителем я назначен в нашем ущелье. Откуда на нашу голову взялись эти черкесы!»

При первых признаках зари Мурад-бей оделся и вышел из дома. В конюшне похрапывали от нетерпения застоявшиеся кони. Мурад-бей погладил их морды, лаская лучших своих скакунов. Наконец подошел к своему любимцу, верному другу и спутнику, не раз выносившему его с полей сражений. Он заботливо огладил коня, потом оседлал, вывел под уздцы из конюшни, и мелкой рысью пустил его в сторону ущелья. Уже на окраине Мавлюда заметил всадника, скакавшего за ним в отдалении, но не смевшего приблизиться. Это был Раджеб.

Мурад-бей придержал коня:

– Зачем ты увязался за мной?

– Не хочу, чтобы ты ехал один...

– И волк один, но его не крадут. Возвращайся домой, я недалеко. Надо повидаться с черкесом эфенди Хазретом из Махоша. Я решаю твои дела, и ты мне в них не помощник, так что сегодня нам не по пути.

– Как скажешь... – Раджеб, зная крутой нрав отца, повернул, но поехал не домой, душевная боль понесла его в сторону шума горной речки.

Окрестности Мавлюда остались позади. Мурад-бей доскакал до тенистых раскидистых могучих сосен, выросших из семян, каким-то ветром занесенных на Балканы,

проехал мимо набиравших цвет деревьев алычи, повисших над прохладной водой родничка.

Тут он остановился, соскочил с коня и бросил поводья. Конь потянулся губами к чистой воде. Сделав два-три глотка, отошел от нее и стал щипать траву на небольшой поляне, ожидая хозяина.

Мурад-бей отпустил коня, чтобы спокойно обдумать свои дальнейшие действия. Он неожиданно поймал себя на мысли, что встреча с эфенди Хазретом не принесет никакой пользы, ведь он не в ладах с Баговым. Мурад-бей так ясно представил лицемерно-сочувствующее лицо эфенди, что ему стало не по себе, хорош бы он был, склонивший голову перед Хазретом. Да и эфенди-то он никакой, произносит лишь молитвы из Корана, представляя себя знатным служителем ислама.

«И зачем султан сделал черкесов нашими соседями? Гяуры-болгары, да и сербы тоже, начали поднимать головы. А черкесы – мусульмане, они нашли приют у нас, почему бы не использовать их в борьбе против гяуров? Вот так и оказались рядом.

А наш сын сошел с ума от дочери Багова. Разве я предполагал, что черкесы поднимут такой шум? Ну, сбежала и сбежала, мало ли девушек в нашем ущелье, мечтающих выйти замуж?.. Поговорили бы и успокоились, если бы эта бесстыдница не была беременна нашим внуком... Если это правда, я не остановлюсь ни перед чем. Мои враги, будь то турки, болгары или черкесы не посмеются надо мной! Как я ошибся, какое зло себе принес, пойдя на поводу у своего сына».

Мурад-бей сел на коня и пришпорил его, принуждая перейти на бег. Скакал долго, пока конь не взмок. На его пути оказался другой родник, возбуждение Мурад-бея схлынуло, он соскочил с коня и стал разминаться. Пришло время утреннего намаза. Мурад-бей опустился перед родником, омыл руки, лицо, ноги и встал на расстеленный кафтан-коврик. Намаз принес ему успокоение, будто на сердце и не было раны. Вскоре к роднику подъехали еще два всадника, совершили амдез и также приклонили колени

в молитве. Мурад-бей закончил намаз, надел кафтан и в ожидании сел на камень. Он узнал всадников и посчитал, что сам Аллах послал их, чтобы помочь ему.

Ранняя балканская весна ежечасно меняла окружающий мир, лишь только пригрело солнце, как первоцветы выбросили бутоны ярко-синих, фиолетовых, оранжево-желтых цветов. Воздух был пропитан их стойким дурманящим запахом, от которого могла закружиться голова.

Мурад-бей отметил наступление весны в полусознании, как бы само по себе происходящее, его болезненная мысль вертелась вокруг одного-единственного вопроса: как сказать этим двум о своем позоре? Лучше было бы промолчать, но ведь шила в мешке не утаить, другие расскажут, да еще приукрасят, как водится. Наверное, они не случайно встретились здесь, у родника, да еще во время намаза.

Всадники окончили намаз. Это были Зауаль Баракетов и Албан. Мурад-бей встал им навстречу, а мысли все еще не отпускали его. Жизнь не предсказуема. Вчерашний бездомный Баракетов сегодня возвысился, стал главою всех черкесов. Едет к своим соплеменникам, чтобы покрасоваться мундиром и должностью, как снег свалившейся на его голову.

– Ты почему совершаешь намаз в лесу, Мурад-бей,– вместо приветствия спросил Зауаль.– Ладно, мы в пути, а ты почему не дома? У тебя что-то случилось?

– Этот мир нас испытывает, Зауаль, не все в нем так хорошо. Добро пожаловать, я тоже не думал, что с вами здесь встречусь. Великий Аллах устроил так, что пути наши сошлись. Я направлялся в Махош, к эфенди Хазрету, в пути пришлось утренний намаз совершить здесь. Албан, помоги Зауалю, привяжи коврик к седлу коня. Не возражай, Зауаль, ты глава, кого уважить, если не тебя. Поехали ко мне в кой, мои обрадуются. А дело, из-за которого я в пути, никуда не денется.

– Если не секрет, что за дело, Мурад-бей? Скажи, если считаешь нас достойными твоими попутчиками. Да, чуть

не забыл, поздравляю тебя с невесткой! Как говорят черкесы, пусть она принесет вам счастье, а своему роду оставит счастливый след.

– Спасибо, Зауаль,– изменившись в лице, проговорил Мурад-бей,– но дело обстоит не так.

– Почему? – спросил Албан.

– Убежала наша невестка домой...

Хотя Баракетову понравилась новость, но он спросил Мурад-бея с участием:

– Валлахи, это плохо, а Масхаб Багов что говорит? Отправлял к нему посланников?

– Что бы мы ни делали, как бы ни поступали, он с первого дня не хочет знаться с нами.

– А его пасынки Хатам и Хаджирет как себя ведут? – уже с возмущением спросил Албан.

– У них что меч, что язык одинаково остры.

– Я покажу им, какими острыми могут быть меч и язык!

– Албан, не говори лишнего,– одернул Мурад-бей друга.

– Мы будем сидеть, сложа руки? – не успокаивался Албан.– Нужно что-то делать. Наденешь форму турецкого офицера бинбаши, Зауаль, и пойдешь на переговоры к сородичам, пусть видят, что у тебя власть. Они, как миленькие отдадут невестку Мурад-бею, они вынуждены будут вернуть беглянку!

– Ты все сказал? – спросил Зауаль, вспомнив двух мальчиков, разносчиков чая в гостинице. Взгляд Баракетова упал на кинжал, висящий на поясе Аблана, кинжал отца тех мальчишек. Он вспомнил и египетского султана албанца, который давным-давно хитростью и ложным гостеприимством собрал адыгов-мамлюков в Каире и убил их.– Получается, Албан,– иронично заметил Зауаль спутнику,– ты все еще не знаешь черкесов. Они вынужденно покинули свою страну, но свободу души не утратили и не позволят диктовать свои условия, будь ты офицер, военачальник или даже сам царь. Чтобы помочь тебе, Мурад-бей,

я должен сам разобраться в этом деле. Ты по этому делу направлялся к эфенди Хазрету?

– Да, я надеялся на его помощь.

– Эфенди Хазрет не сможет быть посланником в Абадзех, особенно к Багову. Завтра будет день, встретимся с кем надо, поговорим. Если в вашу дружную семью такая беда пришла с нашей стороны, то не следует мне сейчас останавливаться в твоем доме. И еще: будет лучше, если я по приезду в Абадзех промолчу, будто ничего не знаю о бегстве Дарихан, послушаю, что скажут они. Я, собственно еду в селения, чтобы встретиться с уважаемыми людьми, к которым прислушиваются, по поводу черкесского отряда самообороны. Наш главком познакомил вас с черкесскими делами, а я даю месяц, чтобы все обдумать.

– Как я могу обижаться на тебя, человека, решающего государственные дела? Пусть милость Аллаха коснется тебя и одарит благодатью, Зауаль. Пусть поможет тебе благополучно решить дело, касающееся нас. Скажи ей, нашей невестке, что вся наша семья скучает по ней и надеется, что она вернется. А Раджеб и вовсе не находит себе места.– Мурад-бей говорил одно, а душу переполнял гнев: «Пусть только эта бесстыдница вернется в наш дом, она ответит за наш позор!» – В обычаях черкесов, наших единоверцев, возвращать беглянок.

– Мурад-бей, не волнуйся, как только что узнаю, дам тебе знать.

– Еще раз спасибо, мы надеемся на тебя.

– Тебя удостоили такой большой должности, Зауаль, не пристало одному возвращаться в Абадзех. Я поеду с тобой.– Албан повернулся к Мурад-бею: – Как ты думаешь, уважаемый?.

– Лучше поступить, как сказал Зауаль.

– Как скажете... – согласился Албан.

Едва доехав до поворота, Албан спросил Мурад-бея:

– Ты веришь ему?

– Я не вижу причины, чтобы не верить ему,– слукавил Мурад-бей.– А почему ты об этом спросил? Ты что-то знаешь?

– Да нет, не знаю...

– Не играй со мной, говори, что знаешь!

– С первого дня, как я с ним познакомился, этот черкес мне не нравится, я не доверяю ему. Как-то я говорил тебе об этом, но ты не услышал.

– Это было давно, сейчас что между вами?

– Между нами все хорошо, но черкесы мне вообще не нравятся. Ты же видишь, как ни с того ни с сего возвысили над нами нищего и бездомного. Я попросил его оставить меня рядом с собой, но он не услышал меня.

– Ах, вот в чем твоя обида,– ухмыльнулся Мурад-бей.– У черкесов кровная обида к гяурам, завоевавшим Кавказ, а русские теперь готовятся помочь своим единоверцам здесь. Вот где развернутся события кровников! И Баракетов очень пригодился туркам для того, чтобы собрать черкесский полк. Тебе этого, Албан, не понять, ты, как перекати-поле, нигде не пускаешь свои корни.

– Турция не одинока, Англия наша союзница. Надеяться на черкесов – глупость, ничего хорошего из этого не получится. Кроме того, Мурад-бей, я стал в Косово одиноким по вине того, чей кинжал ношу на поясе. А Зауаль все расспрашивал про этот кинжал, надоел со своими расспросами. Он что-то знает обо мне, может, ты рассказал ему?.. Знаешь, он обещает найти мне жену черкешенку, может, пошутил?

– До сих пор мы доверяли друг другу, Албан, но если ты так же где-то говоришь обо мне, то конец нашей дружбе! Я не раскрываю чужих тайн, и тебе не советую так поступать.

– Ну, да... Но все же я не верю этому черкесу.

– Хватит, не дай бог, кто-нибудь это услышит. Не забывай, что черкесы мстительны.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Зауаль ехал к сородичам в глубокой задумчивости. На него были возложены определенные обязательства – создание черкесского отряда самообороны. Но турки уже пытаются внести в его полномочия действия, не оговоренные ни султаном, ни военным ведомством. Именно так и случилось: ссылаясь на его чин и должность, Мурад-бей просит оказать давление на черкесов, чтобы возвратить Дарихан. Еще не приступив к делу, он оказался между двух огней, и многие с одной и другой стороны найдут, в чем обвинить его.

Обратить внимание на ситуацию, чтобы в дальнейшем такое не повторялось, он, конечно, может. Случай этот из ряда вон выходящий, но навести мосты между двумя пылающими берегами, как требуют Мурад-бей и Албан, едва ли он сможет. Его давление может лишь подлить масла в огонь. И надо ясно определиться, на чьей он стороне: Мурад-бея или Масхаба?

Еще неизвестно, как примут его возвышение сородичи, станут ли они, такие горячие и гордые, слушать человека, прежде равного с ними? Если бы они избрали его своим предводителем на всеобщем хасэ-собрании, тогда другое дело, а так в их глазах он выглядит самозванцем, ставленником турок. И вообще, сможет ли он убедить сородичей положительно решить вопрос, с которым едет в ущелье? Мнения турок и адыгов могут не совпадать, и тогда его миссия лопнет, как мыльный пузырь. И он лишится всего: и чина и должности, и жалования. Его провал может отразиться и на судьбе его дочери.

Нет, он должен всеми силами избегать двусмысленных ситуаций. Судя по настойчивой просьбе Мурад-бея и Албана, каждый турок теперь может надеяться, что если у них что-либо не заладится с черкесами, то Зауль Баракетов должен будет помочь им. Разве поймет кто-нибудь из них душу чужого народа? Что не из-за недостатка отваги черкесы оказались здесь, скорее, из-за ее избытка, что это

судьба так распорядилась ими. Черкесы еще не переболели своим горем, а турки уже позволяют себе подобные выходки,– нагло, бесцеремонно, во время тризны крадут приглянувшуюся им девушку. А теперь обижаются, что невестка оказалась своенравной, опозорила уважаемое семейство! Были бы благодарны Аллаху, что не пришлось встретиться с глазу на глаз с разгневанными черкесами, что не пролилась кровь!

От вспыхнувшего раздражения Зауаль подстегнул коня, и тот пошел крупной рысью. В военном ведомстве, конечно, спросят отчет Баракетова о поездке к черкесам: какие вопросы решал, настойчив ли был в их решении. И он серьезно задумался: может, настало его время, чтобы начать что-либо великое? Такое, с чего начнется путь черкесов домой, на родину.

Глухой топот копыт тонул в лесной чаще, даже птицы, сидящие на ветках деревьев, не вспархивали испуганно, а продолжали свою весеннюю перекличку. Им нет дела до сердечной боли человека, испытавшего потерю дочери и теперь с сочувствием переживающего боль другого. Масхабу сейчас не позавидуешь, но то, что дочь вернулась в дом отца – это огромное облегчение и радость. Вот эту радость Зауаль и разделит с ним. С этими мыслями Баракетов направил коня в Абадзех.

Дав ему отдых, пустил шагом. И снова мысли: он еще не стар, мог бы жениться, чтобы хозяйка встречала его ароматными лепешками, и весь дом был наполнен благостным семейным теплом. Разве он не может полюбить? И мужская сила кипит, и сердце томится, и смутные грезы возникают. У него и сейчас красивая мужская стать, узкое лицо, сросшиеся на переносице брови, прямой, с едва заметной горбинкой нос, распахнутые, карие до черноты глаза. Тонкий стан не огрузнел от забот, стал крепче, мускулистее. Он все еще в свои пятьдесят лет птицей взлетает на коня и скачет, не уступая молодым. Седина в густых кудрявых волосах скорее красит Зауаля, чем старит, аккуратно остриженная борода придает вид черкесского аристократа. А мундир, золотые эполеты и подавно

сведут женщин с ума. «Много вдовушек заглядываются на меня,– довольно улыбался Зауаль,– так почему бы мне не обратить внимание на беглянку Дарихан? Я черкес, и могу рассчитывать на благосклонность соотечественников. К тому же весьма завидный жених при их-то плачевном положении».

Неожиданный ветер всколыхнул кустарники, расшатал высокие кроны деревьев. Пошел дождь, но так же быстро закончился, из-за серой мешанины облаков выглянуло выспавшееся солнце. Оно потянулось своими длинными лучами к темному лесу, озарив его, да так и не спряталось больше. Счастливая жизнь человека, как это солнце – она наступает, и всем светло и тепло.

Конь шел спокойно, иногда потряхивая гривой, фыркал. Баракетов неожиданно вспомнил эфенди Магомета. Тот считает, что временный мир испытывает нас, что ж, видимо этот мир заслуживает ответного отношения. «Надо ли так трепетно вслушиваться в слова эфенди, может, он нас дурачит?» И вспомнил пословицу, которая остановила его: «Не говори, что в лесу тебя не видят и не слышат». Он суеверно огляделся по сторонам, будто кто-то действительно мог подслушать его крамольные мысли. Не приведи Аллах, если власть услышит хулу на религию, беды не оберешься. Настроение, которое так услаждало его, снова испортилось, он рассердился на себя. «Сколько раз я клялся не допускать мыслей, которые могут когда-нибудь мне навредить. Ведь что на уме, в любое время может сорваться с языка. Хорошо, что здесь нет никого, я ведь мог рассуждать вслух. Сколько раз так бывало, едешь и рассуждаешь, споришь сам с собой».

С двух сторон стояли горы, поросшие лесом, началось ущелье, рукой подать до Абадзеха. Зауаль убеждал себя: надо любыми путями найти язык взаимопонимания с адыгами, пусть они видят во мне сородича. А в мундире турецкого офицера мне будет легче защитить их интересы. Расскажу им, что ради моей дочки султанша Бике возвысила меня, сделала своим посланником к ним, своим детям – адыгам. Если она узнает, что они не приняли меня, то

очень огорчится. Ведь двери в султанский дворец ему открыты через миссию посланника.

Маленькой девочкой Бике попала в Турцию, смогла там прижиться и сохранить адыгское сердце. Судьба вознесла ее на вершину власти, сделала великой султаншей. Теперь великая мать турок представляет два народа, но адыги – дети ее сердца – должны прислушиваться к ее советам, тогда она сможет помочь им. Если бы не она, разве жившие в чагарнике, в окрестностях Ачкалы, выжили бы? Гошмаф говорит, что Бике не смогла убедить строптивого внука, султана Турции, оставить адыгов, и их увезли на Балканы.

Воспоминания волной накатили на него. Как худой сон, который повторяется с упорным постоянством, вставали картины морского берега Туапсе, Сочи, Пцамеза, Геленджика, Анапы: люди, штурмующие турецкие посудины, тошнотворный запах мертвых тел, которые остались без погребения, и непрестанный плач, слившийся в один трагический вопль.

Он снова пришпорил коня, пытаясь сбросить навязчивые воспоминания. В другое время Зауаль залюбовался бы иноходью коня, но сегодня сердце не успокаивалось. Он сам сейчас такой же конь, неожиданно приблизившийся к султанскому двору, к золотым погонам, чину и жалованию. Как в этом мире все обманчиво, как непостоянно, разве он не был нищим? Разве погоны и жалование – гарантии его благополучия? У простого земледельца будущее более прочное, чем у бинбаши турецкой армии Зауаля Баракетова. В его жизни разочарования случались часто, и он стойко переживал их, но сейчас многое зависит от ситуаций, которые надо умело использовать. И если говорить о деле Мурад-бея, то он встанет на сторону Масхаба и его дочери. Это будет первым актом сближения с соплеменниками, а туркам пусть это будет уроком.

Зауалю захотелось пить. Родника или ручья поблизости не оказалось, хороводом стояли молодые березки. Кинжалом надрезал ствол той березы, что покрупнее,

весенний сладковатый сок потек по стволу. Он припал к нему, пил долго и жадно.

Подойдя к коню, потрепал его по гриве:

– Не обижайся, мой добрый конь. Мне повезло, я уже утолил жажду, но скоро будет родник, напою и тебя. Поехали, хоть нас никто не ждет и никто не встретит, но все же не станем задерживаться в пути.

Зауаль легко вскочил в седло, тронул коня, и продолжил свои думы. «Прослышали ли сородичи о моих делах? Как встретят? Я еще толком не знаю ни болгар, ни сербов, ни других балканских народов, но вряд ли турки лучше их. Они как хищники на земле Балкан, поступают так, как с нами поступили наши враги. Хитростью делают из нас своих сторонников, мы же, забывая о том, что случилось с нами, молчаливо соглашаемся. Но если когда-нибудь здесь разразится война, они нашими руками будут убивать балканцев.

Остановись, Баракетов, даже если кто-то поделится с тобой такими мыслями, запрети ему думать так, иначе могут пострадать все соплеменники. А в первую очередь я и моя девочка, которая сейчас счастлива.

Тут идет большая игра, большая политика: туркам нужны Балканы без балканцев. Когда мы воевали за свою Черкесию, многие страны подстрекали нас против России. Но когда чаша весов качнулась не в нашу сторону, ни Турция, ни Англия не поддержали нас, а их обещания так и остались словами. Сколько раз наши послы обивали пороги Европы, а она, как старая лисица, только хвостом мела то в одну сторону, то в другую.

После нашего поражения Турция раскрыла нам свои ворота, но каков был этот прием? Мы поверили нашим единоверцам, но эта вера обернулась против нас, здесь мы обрели ту же несвободу. Ведь они нашими руками станут расправляться с таким же, как мы, угнетенным народом. Мы будем выполнять приказы, проливать кровь, но земля болгар, сербов не станет нашей. Что, кроме проклятий, посыплется на наши головы?.. Адыги, адыги! С нами еще будет беда, и это я везу вам войну... Посмотрим, что будет

дальше. Хаджи Берзегов взялся за дело сам, а он коварный и хитрый политик. И младший Карбатыр Заноков тоже где-то в Турции притаился».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

В доме Гаруна Коблева накрыты столы, на которых стояли блюда с угощениями и кувшины с хмельным медовым напитком. За столами сидели друзья и соседи Гаруна, пришедшие поздравить его с переизбранием главой Абадзеха, не спеша потолковать меж собой о предстоящих делах. А дела не сулили ничего хорошего, если верить долетавшим до аула слухам о поездке Баракетова в Стамбул. По всем признакам уже было видно, что грядут большие перемены. Согласно обычаям, жители Абадзеха пригласили к себе в гости и посланцев трех соседних аулов: бжедугов, махошев, беслинеев. Они приехали поздравить Гаруна, обсудить политику Турции в отношении их, поговорить о текущих делах. Адыги спорили между собой, и голос каждого звучал взволнованно, сливаясь с другими голосами, вспыхивающими то с одной стороны стола, то с другой, и вот уже образовался общий голосовой гул.

Музыканты – скрипач и трещотник – сидели у стены и, не вмешиваясь в споры, ждали своего часа. За их спиной, на стене висел коврик для намаза покойного старика Чермита, как напоминание о Черкесии.

У двери, как полагается, стояли молодые Хаджирет Багов, Касим Наурзов и другие юноши, готовые в любой момент переменить и подать на столы новые блюда, налить в опустевшие кувшины медовухи и, самое главное, послушать, что говорят зрелые, умудренные опытом мужчины.

В хачеще тепло, но рубашки, виднеющиеся из-под черкесок, застегнуты на все пуговицы, на тонких талиях – пояса, на них – кинжалы, на головах – папахи из овчины.

Рукава закатаны, чтобы они не касались еды, перед каждым положено маленькое полотенце для рук.

– Друзья мои, гости! За этим столом мы должны быть откровенны в своих чувствах, так требует обычай. И я хочу открыть вам свое сердце, скажу то, о чем никогда никому не говорил,– то ли в шутку, то ли в серьез, сказал разгоряченный медовухой Дзегашт Наурзов.– Знал бы я, что перед аулом придется держать речь, сделал бы все, чтобы моего старого друга Гаруна не выбрали вновь главой.

– Если б меня не выбрали, мой старый друг и мой вечный спорщик, я бы уважил тебя жирной овцой,– отшутился не любивший много говорить Коблев.

– Ты еле дотянул своих двух бедных овец до скудной весны. Где бы ты взял жирную овцу? Если только не своровал бы у старика Стефана... – подзадоривал друга Дзегашт.

– Надеюсь, до следующих выборов хотя бы одна из овец станет жирной.

– Нет, ты послушай, Масхаб, что он говорит. С нашей помощью его еле-еле выбрали,– все еще улыбаясь, продолжил Дзегашт,– а он – неблагодарный! Вот каков наш друг. Это, наверное, про такого, как он говорят: «Моя доброта – мое несчастье, сосед мой – враг мой».

– Если тебя не устраивает наш друг, кого бы ты хотел видеть главой аула? – спросил Масхаб и с интересом стал ждать, чье имя назовет Дзегашт.

– Мало ли мужчин в ауле, способных выполнять обязанности главы. Да и искать долго не надо, если Хатам опять не сбежит ...

– Наурзов, не говори лишнего! – сердито одернул друга Масхаб, видя, что Дзегашт привлек внимание всех гостей, и подал знак музыкантам подыграть ему. Те привычно настроили инструменты и полились слова песни, которую глухим голосом запел Масхаб:

Наша страна – прародина родная,
Носим тебя в нашем сердце.
В ущелье не гостим мы, живем,
А ты в наших снах.

Е-во-вой, прародина родная,
Ты в нашем сердце будешь всегда.
Куда не посмотрим, видим тебя,
Оглянемся, наша надежда на тебя.

Нескончаемым славословием далекой родине Багов воспламенил сердца мужчин так, что они не выдержали, подхватили припев. И вот уже родной напев вылился в широкий мужской хор, в котором звучали преданность родине, дружбе, вера в победу и уверенность в своих силах.

Женщины, хлопотавшие во дворе у очага, резавшие к столу сыр, хлеб, накладывавшие на большие тарелки горячие лепешки, услышав песню, потянулись поближе к дому. Сошлись на веранде, словно птицы в стае. Содрогаясь от сдерживаемых рыданий, смахивали невольные слезы: кто кончиком платка, кто сухой худенькой ладонью. Асиет Наурзова, различив в этом хоре голос своего мальчика, своего Касима, а следом и Хаджирета Багова, не сдержавшись, заплакала навзрыд. Она прижалась к Дарихан и их сердца слились в едином порыве сострадания.

Горы наши белоглавые,
Реки наши быстрые,
Поляны наши светлые
Не понимают чужой язык.–

Густой голос Масхаба очень подходил к словам песни, как только он заканчивал, мужчины подхватывали припев:

Е-во-вой, прародина родная,
Ты в нашем сердце будешь всегда.
Куда не посмотрим, видим тебя,
Оглянемся, наша надежда на тебя.

Хотя адыги разбросаны,
Живут в не своей стране,
Никто не скажет о них – не мужественны,
Мужскую честь всегда хранят!

Услышал песню и Зауаль Баракетов, въезжалвший в Абадзех. Он невольно натянул повод, с трепетом дослушал ее до конца, затем несколько раз повторил слова, запавшие в душу. Песня породила в нем гордость за свой народ, наполнила сердце радостью и светом.

«Никто,– думал Баракетов,– не скажет про адыгов, что они не мужественны. И хорошо, что сородичи собрались вместе в этот час, когда я еду на встречу с ними. Мы должны быть вместе, тогда свое мужество, свою человечность сбережем в любой стране. И землю родную сохраним в сердцах, потому что с ней связаны наши надежды. А что касается турок... Из-за их желаний мы можем оказаться заложниками их интересов. Получается, они нам не должны, а мы в долгу перед ними. Видимо, права адыгская пословица: «Гость – раб хозяина».

Наместник Балкан Мустафа-паша, отправляя меня с поручением в Тырговиштское ущелье, сказал: «Заморские гяуры взбаламутили своих сородичей на Балканах. Когда мы их успокоим и приведем в чувство, будьте уверены, вернемся на Кавказ». Что-то такое говорила и великая Бике. Возможно, их слова имеют смысл. И эту песню, которую я сейчас слышу, адыги сложили с надеждой на возвращение на родину. И в ней звучит уверенность».

За большими воротами дома Коблевых у коновязи стояли лошади. Зауаль привязал к ним свою и пошел в дом. Его тело от волнения сотрясалось мелкой дрожью. Он был сильно возбужден, что для человека его положения и натуры было состоянием необычным. Он чувствовал, как мозг его пылает огнем: что скажут сородичи? Произойдет ли объединение, о котором мечтают турки, ведь черкесы строптивы, у каждого из них есть свое мнение, каждый обладает своей мудростью, своим житейским опытом. Даже мое адыгское сердце не до конца согласно с турецкими настроениями, я не могу приравнять адыгов к туркам, несмотря на то, что мы единоверцы. С другой стороны, мы уже обожглись на молоке, впору на воду дуть. Станем ли мы все вместе решать наши задачи: как обустроиться, как жить с соседями, как сохранить обычаи предков для наших детей?

На веранде, среди множества женщин его глаза сразу увидели Дарихан. Кивком головы, как положено мужчине, поздоровался со всеми и стремительно вошел в хачеш. Страхи его развеялись в атмосфере вольного полета только что прозвучавшей песни, от грусти и печали не осталось и следа. И старшие, и младшие встретили его радушно, радость все еще светилась в их глазах, словно произошло рождение новой свободной жизни. Зауаль минуту назад был настолько охвачен тревогой, что радушие соотечественников его смутило. Усилием воли он подавил смущение и полностью овладел собой, хотя не утратил ощущения рискованной неизвестности.

Мужчины душевно поздравили Зауаля с возвращением, усадили на почетное место, дали оглядеться и привыкнуть к атмосфере торжества. От волнения его горло пересохло, и прохладный медовый напиток пришелся как раз кстати. Жизнь на чужбине бедна радостями, и такая будто бы незначительная причина встречи за большим столом превратилась в большой праздник, о котором многие мечтали в серых буднях дней. Наурзов терпеливо ждал, пока гость утолит голод и жажду, и после этого сказал:

– С добрым возвращением, Зауаль. Что ты там увидел, услышал? До нас доходили слухи о твоих делах, казалось, что ты забыл про нас. Но, скажу правду, мы ждали тебя, поэтому слухам не верили.

– Спасибо, пусть Аллах будет доволен вами. Разве я мог забыть, что в Стамбул меня отправили адыги Тырговиштского ущелья? Мне это даже не приходило в голову. Расскажу все по порядку: в Стамбуле я встретился с высокопоставленными людьми, которые могут и словом, и делом помочь нам. Они приняли нашу тревогу близко к сердцу, и, поверьте, в их словах звучали искренние милосердие и понимание. Теперь нам нужно принять окончательное решение относительно создания черкес-

ского отряда самообороны.– Зауаль Баракетов неожиданно прервал свою речь, увидев троих мужчин из другого аула. На какой-то миг он потерял нить своего повествования, но все же дух самолюбия вывел его из этой ситуации. Он обратился к гостям: – Это, кажется, Ибрагим, Пшикан и Калаубат? Простите, не сразу признал. Валлахи, я очень рад, что встретил вас здесь. Какие дела в ваших аулах, все ли спокойно и мирно? Хотя, где теперь найдешь мир и спокойствие. Но где бы мы ни жили, какие бы трудные времена ни переживали, нельзя забывать наше адыгство. Я следовал нашим вековым законам и в Стамбуле, куда вы меня направили, и в Белграде, где мне поручили заняться решением наших адыгских дел. На днях соберем посланцев адыгских аулов, и тогда я расскажу обо всем подробно.– И, сделав вид, что не знает того, что произошло с Дарихан, спросил: – На нашей стороне, в Абадзехе какие новости?

– И на нашей стороне, и в нашем ауле пока все спокойно,– ответил Гарун, хотя на языке у него вертелась новость о Дарихан.

Это было проявлением слабости, и он, злясь на себя, выразительно посмотрел на Дзегашта, пряча глаза от бедного Масхаба. Потом будничным голосом продолжил:

– Сегодня у нас был сход аула. Благодаря Наурзову и Багову мы без споров и шума провели выборы главы Абадзеха. А в целом, все заняты весенними огородными делами.

– Коблев! – перебил Наурзов вновь избранного главу Абадзеха.– Ты говоришь правду, хотя и без меня и Багова тебя избрали бы главой аула повторно. Но Зауаль Баракетов нам не чужой, поэтому нужно рассказать ему, как поступил Мурад-бей с дочерью Масхаба. Вы, ребята,– кивнул он Хаджирету и Касиму,– выйдите и закройте дверь. Гости из других аулов уже разделили наше горе. Жители этого ущелья: адыги, абхазы, чечены, турки, болгары тоже знают об этом. Я не стану ходить вокруг да около, расскажу без утайки: сын Мурад-бея Раджеб украл Дарихан, взяв ее себе второй женой.

– Разве так можно!..– воскликнул Зауаль Баракетов, поправляя кинжал на поясе.– Почему не обратились к властям?!

– О какой власти ты говоришь, Зауаль,– нарушил тяжелую тишину, установившуюся в хачеше Масхаб.– Разве в стране наших хозяев есть власть?!

– В том, что ты сказал, Масхаб, есть правда, но все же... Надо было обратиться к властям и назвать имена обидчиков,– стоял на своем Зауаль. Должность, о которой пока никто не знал, грела его сердце.

Как бы повели себя аульчане, покажись он в мундире майора с погонами и в папахе, да еще с бумагами от великой Бике и министерства турецкой армии? Пожалуй, такой теплой встречи не получилось бы. После некоторого молчания Баракетов продолжил:

– С завтрашнего дня я займусь этим делом, обидчики Дарихан должны понести наказание за свой поступок.

– Не стоит,– возразил Масхаб.

– Да, пожалуй, не стоит,– поддержал друга Дзегашт.– С первого дня мы не признали этот брак, не породнились, и не дали никакой надежды обидчикам.

А Дарихан умница: как только ей представилась возможность, сбежала. Этим она унизила Мурад-бея, унизила всю его родню, наложила печать позора на всех мужчин этого рода. Она вернулась в дом отца, как подобает черкешенке.

– Да?! – деланно удивился Баракетов, будто не видел Дарихан на веранде,– если она, не смирившись с унижением, поступила так, молодчина. Но все же... по распоряжению из Стамбула в Белграде меня удостоили должности... И в соответствии со своим положением, я должен довести до сведения властей, как несправедливо с нами поступают турки.

– Сказал же, не стоит!..– вскинул тяжелую голову Багов.– Да, они принесли несчастье нашей дочери, но жизнь на этом не заканчивается.

– Масхаб, должность меня обязывает, и я сделаю то, что положено.

– Баракетов! – покраснел от гнева Багов.– Я не знаю, что за должность у тебя, но даже будь ты султаном Турции, я не позволил бы тебе лезть в мои семейные дела. А теперь, если это не тайна, расскажи о своей должности. Может, она действительно послужит благом для адыгов.

Находящиеся в хачеще адыги переглянулись, было видно, что мирное равновесие между Баговым и Баракетовым висит на волоске. «Пока абадзехи не вспыхнули, как сушняк и не набросились друг на друга, надо бы уходить отсюда»,– подумал каждый из гостей соседних аулов.

– Не знаю, что вам сейчас рассказать. Я хотел объявить об этом на хасэ при представителях всех аулов ущелья. Да в общем-то могу и сейчас. У меня от вас тайн нет. Но,– замялся Баракетов,– будет лучше, если главнокомандующий Балкан Мустафа-паша представит меня в этой должности.

– Раз ты так считаешь, Зауаль, мы не будем настаивать,– согласился Ибрагим, дав понять, что им пора возвращаться к себе домой. Мы отправили тебя в Стамбул, ждали какое-то временя, подождем еще чуток. Мы хорошо посидели, спасибо за угощение, нам пора ехать.

Гарун Коблев поручил Хаджирету и Касиму проводить гостей и, вернувшись в дом, с удовлетворением увидел, что мужчины мирно беседуют. Когда убрали со стола остатки еды, Зауаль, пытаясь расположить к себе Багова, попросил:

– Пусть Аллах умножит каждый твой день на сто таких дней, Масхаб! Твоя песня сделала встречу людей праздником, это было время истинного торжества надежды на возвращение домой. Спой еще, дай мне возможность подпеть тебе. Кто бы ни сочинил эту песню, она доходит до самой глубины сердца, остается в нем радостью.

– Если бы горе не оставляло в сердце след, то о нем не говорили бы как о горе... – неохотно ответил Масхаб, отклоняя просьбу Баракетова.– Не будем еще раз возвращаться к страданиям, давайте поговорим о другом. Ты лучше расскажи, что хорошего услышал в поездке, что увидел.

– Валлахи, Масхаб, и то правда,– Баракетов сделал вид, что не обиделся,– что толку плакаться друг другу? Правду говорят, что лучшие качества человека проявляются в беде, когда трудно сохранять мужество и самообладание. Мы пережили немало, но Аллах помогает нам, потому что вместе с горестями у нас есть и радости. И тогда самая маленькая радость нам кажется большим праздником, и воздадим хвалу Аллаху за его милость к нам. Мы приспосабливаемся жить на чужой земле, но не забываем, что мы адыги. Что поделаешь? Нам надо уживаться с теми, чья земля нас кормит.

– И что нам делать? – в вопросе Наурзова было недовольство, ему не понравились слова Баракетова.

– Как, Дзегашт, я тебе это расскажу? Есть много способов. Раз мы живем на турецкой земле, я не говорю, что мы должны стать турками. Но мы должны найти с ними общий язык, быть терпеливыми и ждать своего часа, когда откроется дорога домой.

– Это не турецкая земля! – вспылил стоящий у двери Хаджирет.

– Парень, молчи! – не поднимая головы, одернул сына Багов.– Но есть правда и в твоих словах. А сейчас Хаджирет, Касим и женщины, оставьте нас.

Когда мужчины остались одни, Масхаб продолжил:

– Я понял, Зауаль, куда ты клонишь. Если ты религию считаешь причиной нашего единения с турками, то я не согласен с тобой. Она – одна из причин наших бед. Болгары, сербы, все славяне – христиане. Люди, живущие на Востоке, говорят, исповедуют другую религию. Называется она, по-моему, будда.

– А в Европе – католики,– сказал Наурзов, перебив Багова.

– Ну, да,– поддержал друзей Коблев, будто имел представление о предмете спора.– Говорят, кроме этих есть и другие религии.

Баракетова внутренне передернуло: практически вся община – кровники русских, неужели, пережив неимоверные страдания, они испытывают страх? Не

боязнь потерять жизнь, а те малые материальные блага, которые получили здесь. Другие признаки тоже свидетельствуют об этом: они становятся покладистыми и склоняются к мирной жизни. И это разозлило Зауаля. «Выходит, они ничего не знают о жизни,– зло думал он,– я же за последние несколько месяцев много всего пережил. Если бы они увидели великую Бике, дворец Топ-Капе, вытянутую физиономию Берзегова на приеме у Мустафа-паши, то представляю, как бы изменилось их отношение ко мне! Сидят на своих трухлявых пнях, а рассуждают о целом мире. Распоясавшийся Мурад-бей делает с ними все, что хочет, а они позволяют ему позорить себя и весь аул. Багов ведет себя так, будто я причина несчастья, случившегося с его дочерью. А Наурзов и Коблев, не имея своего мнения, повторяют его слова».

– Верно, Гарун, верно,– не стал обострять отношений Баракетов,– все так, как ты говоришь. Много разных религий существует. Но ислам, который проповедуют в Турции, большая сила для верующих.

– Для нас война закончилась на родине. На этой земле царят мир и покой, но кроме гяуров, есть ли еще, кто не верит в ислам? – Багов сосредоточил внимание на Зауале, точно судил его.

Гарун, который не первый раз слышал такие слова от друга, сделал вид, что поражен услышанным, он горестно покачал головой, не произнося ни слова.

– Есть! – вместо Зауаля ответил на свой вопрос Багов.– Такие, например, как Марзухаев. Его старший брат Бачир был хорошим человеком. А Магомет, не состоявшийся мулла, прислуживающий туркам эфенди, в ислам не верит! Вот чье имя я не хотел называть.

– Свою племянницу, единственную дочь Бачира, потерявшую двоих детей, он оставил на произвол судьбы. Так настоящий эфенди не может поступить... – поддержал Багова Наурзов.

– Ты имеешь в виду эту гяурку Нат-Нат? Ее, что ли? Так она воспитанница Бачира...

– Баракетов! – резко прервал Зауаля Багов.– Не наводи напраслину на женщину, которая не вернулась к сородичам, а осталась с нами. Это не она, а тот, кто без устали рассказывал о своих поездках в Мекку – гяур.

– Правильно, Масхаб, ты поправил меня,– тут же согласился Баракетов.– Ну и что, что он был в Мекке... Я тоже недолюбливаю этого фальшивого чтеца Корана. В Стамбуле, нуждаясь в помощи, я нашел его, но он не помог мне. А когда мои дела поправились, и он услышал, что мою Гошмаф воспитывает великая Бике, тогда вместе с Берзеговым разыскал меня, и я едва отвязался от него. Этих полумулл, полуэфенди не поймешь: умные они или глупые? Прячутся за Коран, надеясь обрести свое счастье. А вот насчет хаджи Берзегова не знаю, что и сказать. Он княжеского рода, имеет вес среди адыгов, хоть и заносчив. Каков он – не нужно объяснять Мустафа-паше, чьим заместителем меня назначили по черкесским вопросам.

Раздался голос муэдзина, объявлявший, что наступило время вечернего намаза. Его голос разнесся над аулом и над речкой, на берегу которой расположилось селение. В вечерней тишине он звучал уверенно, будто ничего в мире не осталось, кроме него. Набирая силу, поднимался в высоту, к облакам, висящим над горным ущельем. Потом, снижаясь, таился в задремавшем лесу, тихо пролетая над полянами, и застыл над горными вершинами.

– Уже наступило время вечернего намаза, не успеем дойти до мечети,– нехотя сказал Багов.

– Эй, парни,– позвал Хаджирета и Касима хозяин дома Гарун.– Приготовьте воду для амдеза.

– Нет, Гарун, время еще есть, мы пойдем домой,– поднялся Масхаб.– Пошли, Баракетов, целый день мы просидели у Гаруна, и если он не обидится, я стану твоим бысымом-хозяином. После вечернего намаза нам найдется, о чем поговорить. Да, да, Коблев, у тебя не холодный хачещ, но я думаю, у Баговых он еще теплее. Можешь мне не напоминать, Наурзов, я обещаю создать гостю покой. Всего вам доброго. Завтра вечером жду вас в моем доме.

Дарихан занесла в хачещ тазик и кумган. Баракетов заметил, что живот ее округлился. Да, Мурад-бей не обманул: Дарихан беременна.

Гость и хозяин совершили вместе намаз, уселись за столик, и только потом Масхаб сказал:

– Вот так, Зауаль, мы живем. По сравнению с прошлой осенью, живем лучше. После того, что случилось с нами, потом с моей дочерью мы приходим в себя, и по отношению к нашим обидчикам мы не хотели бы применять никаких мер, и на то есть причины. Хотя нас считают малодушными, но это не так, придет время, и мы преподадим им настоящий урок.

– В хачеще Коблева ты не согласился со мною, Масхаб. Но все же я поступлю с Мурад-беем так, как положено данной мне властью. Мне доверили ее, чтобы решать проблемы адыгов, и я воспользуюсь этим. Безнравственного человека я не потерплю рядом с собой и сделаю все, чтобы он забыл о своих офицерских погонах.

– Тебе и Мурад-бею поручили решение наших адыгских проблем?! – удивился Багов.

– Нет, не так. Я сказал, что в ущелье, где мы живем, Мурад-бей при мне будет исполнителем.

– Тогда хорошо... – Багов, каждое мгновение помнивший о беременности дочери, неожиданно согласился.– Я не хочу брать грех на душу, но если ты сможешь наказать его своей властью, я согласен. Можешь покарать его как хочешь, накажи и того, кто хотел быть моим зятем.

До поздней ночи Масхаб и Зауаль говорили об адыгских и турецких делах, о болгарах и русских, поддерживающих их. Говорили, соглашаясь друг с другом, считая себя единомышленниками, взвешивали все «за» и «против».

– Если говорить о прошлом, то все мы пережили беды и несчастья. Скажу прямо, мы думали о тебе, как о человеке, ослепленном жадностью, выслуживающимся перед турками. Ты готов был враждовать с друзьями ради выгоды, а унижение ради выгоды – это преступление. Зачем ты втягивал себя в подобный грех? Да, с тех пор, как мы попали на чужую землю, нам не нравились твои поступки,

и никто не скрывал этого, говорили и в глаза, и за глаза. Теперь я вижу, что многое пережив, многое увидев, получив должность, ты изменился. Хочешь правду? Твой отъезд в Стамбул нам казался подозрительным, мы не верили тебе. Но после того, что ты рассказал, мы должны благодарить тебя, ты сделал большое дело.– И, вздохнув, закончил: – И как хорошо, что ты отыскал свою дочку. А теперь спокойной ночи, Зауаль. Отложим разговор до завтра. Нам много о чем еще нужно поговорить.– Масхаб дошел до двери и, обернувшись, с душевной болью произнес: – Ты счастливый.

– Не знаю, счастливый ли я... – ответил Баракетов, и тут же понял, о чем говорил хозяин.– Да, да, спасибо. Если ты говоришь о моей дочери, я счастлив. А насчет создания адыгского самооборонного отряда подумайте, поддержать меня или нет. Я же сделаю все, что от меня зависит.

Зауаль задул лампу и, лежа в постели, думал о том, что он действительно счастлив. Пусть те, кто ворошат прошлое, презирают его. Ему, Зауалю, важнее любых досужих сплетен и соображений реальность. Он счастлив, что с его дочкой не случилось то, что случилось с Дарихан. Счастлив, что Гошмаф воспитывается в райском доме султана, где ее любят и лелеют, даже некоторые из сыновей султана заглядываются на нее. Что бы ни случилось, она под охраной великой султанши. Кто мог подумать, что красавица Дарихан станет несчастной? Не так страшно, что она ушла от мужа, мало ли разведенных женщин? Но она беременна, носит турецкое дитя. «Есть ли возможность избавиться от него?.. О чем я говорю?!.– Он пришел в ужас от греховной мысли.– Да, на Дарихан у меня были определенные виды, но теперь она мне не подходит. Лучше найти какую-нибудь скромную женщину, которая будет мне мила. А в каком ауле живет дочь Бачира Нат-Нат? У такого уважаемого человека, как я, жена должна быть красавицей и носительницей вековых семейных традиций. Нат-Нат получила правильное воспитание, родила двоих детей и, даже потеряв их, не утратила красоты. С

молодыми так легко поддаться обману, а Нат-Нат женщина целомудренная, верная. Конечно, даже в возрасте они требуют покровительства со стороны мужа и старших членов семьи. Воспитанные в добродетели, они сохраняют себя от греха, и именно такая женщина нужна мне. А Нат-Нат, когда увидит золотые погоны, с радостью станет моей! Придет время, я стану уважаемым, богатым и почитаемым человеком.– Зауаль довольно улыбнулся, представляя свое светлое будущее, перевернулся на бок и уснул крепким спокойным сном».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В Абадзехе все пришло в движение. С самого утра во всех домах обсуждалась главная новость: из Стамбула вернулся Зауаль Баракетов. Мужчины, сидевшие вчера у Гаруна Коблева в хачеще, вспоминали, как он хвастался должностью, которой его будто бы удостоила сама султанша Бике. Сидел с достоинством, гордо и даже как будто весело, не тушуясь перед своим извечным соперником Масхабом Баговым.

На душе адыгов и других беженцев с Кавказа, живущих в Тырговиштском ущелье было тревожно: Баракетов привез какие-то важные бумаги, но не сказал, что в них, мол, узнаете обо всем на хасэ. Жизнь только-только начала налаживаться, не принес бы он беды из турецких дворцов.

В гостиной Багова разговоры о том же. За столом сидели Дзегашт Наурзов и Гарун Коблев, которые пришли увидеться с Зауалем Баракетовым. Из соседнего бжедугского аула Чеченай приехал Пшикан Хотов. Масхаб не участвовал в разговоре, сидел в стороне, подбрасывая в очаг тонкие щепочки и вслушиваясь в каждое сказанное слово.

На женской стороне сидел, как на иголках, убравший со стола остатки обеда Хаджирет. Он нервничал оттого,

что не слышит, о чем беседуют старшие, и оттого, что Хатам опять сбежал неизвестно куда. Чтобы как-то успокоиться, он взялся плести плеть для верховой езды. В комнате светло и уютно, во всем виделась рука Дарихан. Легко на сердце в отцовском доме, радостен каждый день, нет тревоги и опасения, хотя люден и шумен бывает их дом. А Хаджирет доволен больше всех: хорошо, когда в доме есть хозяйка, с нею тепло, светло, сытно, уютно. Вернулась Дарихан, и ожил дом Баговых, день ото дня в нем становится спокойнее и веселее. Вот только несносный Хатам опять заставляет всех волноваться. Дарихан скрывает переживания, и чтобы отвлечься, она вяжет: быстро мелькают спицы, прямо на глазах растет, вывязывается шерстяной носок. Видя неуемную энергию младшего брата, его переживания, она улыбается краешками губ и прячет лицо, чтобы он не обиделся, заметив ее улыбку.

Хаджирет, прислушиваясь к звукам с улицы, услышал топот конских копыт. Он насторожился, вскинул голову:

– Это не конь Хатама... – произнес почти шепотом.

– Ну и что? – не прекращая вязания, спокойно спросила Дарихан,– один Аллах знает, где он находится.

– Вот пройдет хасэ, адыги примут важные решения, и я найду его! Где бы он ни был, найду.– Хаджирет хорохорился, стараясь выглядеть старше, показать себя мужчиной.– Он все винит себя, что не уберег, не смог защитить тебя от турок. Выходит, и я, признав свой позор, тоже должен был сбежать. Так, что ли?

– Что ты говоришь, Хаджирет? Что за позор? Зачем обвиняете себя? Разве вы вдвоем могли противостоять этим разъяренным животным? Не слушайте, что говорят люди с недобрыми сердцами. Мало ли что они скажут? Сорока тоже трещит, да толку от этого мало.– Дарихан вздохнула, с теплотой посмотрела на младшего брата.

Хаджирет отвел взгляд в сторону и заерзал на потертой козьей шкуре.

– Тебе, Хаджирет, спасибо, что не оставил отца одного. Я очень довольна тобой. А Хатам уже мужчина, и если он

решился на что-то, пусть Аллах поможет ему. Я уверена, он сел на коня не из-за обиды, он хочет восстановить свое достоинство, доказать, что на него можно положиться. Ты должен гордиться братом, он не может простить обидчиков. Честно говоря, за все это время он ни разу не поговорил со мной душевно, по-дружески, и в этом чувствовалась его задетая гордость. Пока не вернет свою веру в себя, он не возвратится. Его совесть чиста, но разум болен. И я желаю ему доброго пути домой, к нам.

Голос Дарихан сорвался от волнения, и, чтобы скрыть это, она закашляла.

– Да, да, Дария, наш отец вложил в нас душу, сделал наши сердца горячими.– Хаджирет назвал старшую сестру коротким ласковым именем, он с любовью и благодарностью смотрел на нее.– Где бы ни был Хатам, я его найду, и если ему понадобится помощь, то встану рядом, плечом к плечу!

– Отец тоже так говорит,– согласилась Дарихан и сменила тему разговора.– Хаджирет, посмотри, кто к нам приехал.

Хаджирет подошел к окну и удивленно произнес:

– Это Тодор с Парвановым, но идут сюда, а не в хачещ. Встречу их.

Дарихан в волнении сунула недовязанный носок под подушку. «Зачем они приехали? – недоумевала она.– Что это значит?» Но сердце подсказывало причину приезда молодых людей, хотя трудно было в это поверить. Сейчас, когда она носит под сердцем дитя, все в ней так полно, так ясно, она довольна жизнью в доме отца, а любые волнения лишали ее сил. Дарихан прислонилась к изголовью кровати, спрятав руки под фартук.

Вошли Тодор и Парванов. Тодор поздоровался на адыгском языке и обратился к девушке:

– Добрый день, Дарихан. Это Парван Парванов,– представил он своего попутчика.– Думаю, ты слышала это имя. Он мой старший друг, которому я доверяю. Бывал на нашей родине, знает адыгский язык.

– Добро пожаловать,– пряча свое замешательство, тихо ответила Дарихан.– Но ведь вы приехали встретиться с мужчинами, собравшимися в нашей хачещ-гостиной?..

– Позволь нам присесть,– смущаясь, сказал Тодор.– Мы пришли к тебе, Дарихан.

Когда была жива мать, она рассказывала, как ведут себя адыгские мужчины, пришедшие свататься. Вспомнив это, Тодор усадил Парвана на почетное место старшего, а сам сел недалеко от двери. По тому, как мужчины расселись, Дарихан окончательно убедилась в том, зачем они приехали. Не зная, что им ответить, она в сомнении встала у края кровати. Стесняясь своего живота, прикрыла его сложенными руками.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Солнце прошло зенит и начало медленно клониться к закату. Небосклон над лесом ярко светился, заполняя собой все пространство. Во всем чувствовалась весна, дышалось легко, полной грудью, радостно. На лесной поляне, где собрались представители нескольких адыгских аулов и посланники двух абхазских и чеченских аулов, велись жаркие споры. По всей окружности поляны были выставлены конные и пешие дозоры. Тут пересекались дороги всех адыгских родов, и было заметно, чем отличается это хасэ от тех, которые проходили на родине. Здесь было много бедных людей из разных племен, и никого из них не привела на хасэ корысть. Они все еще находились в отчаяньи и горе, хотя клялись отомстить за себя.

Среди бедно одетых делегатов хасэ ярко выделялось несколько фигур. Берзегов, важный князь, стоял, красуясь своей нарядной черкеской. Несмотря на возраст, который выдавала его белая борода, он держал спину прямо, что говорило о его благородном происхождении. Рядом с ним – Магомет Марзухаев в бело-зеленой чалме хаджи, кото-

рая очень ему к лицу. Здесь же Зауаль Баракетов в нарядном мундире бинбаши турецкой армии, новые погоны майора золотом блестели на солнце. Эти золотые погоны, должность и миссия, которую ему поручили в Стамбуле и Белграде, возвысили Зауаля Баракетова, и он чувствовал свое превосходство над окружающими людьми.

В центр, где стояли руководители хасэ, завели коня и предложили Зауалю сесть на него, но тот отказался: и так его увидят, услышат и, если захотят, поймут.

– О джамаат, пусть Аллах, к которому мы обращаемся в наших молитвах, будет вами доволен. Пусть его благословение коснется всех мусульман: и адыгов, и наших братьев абхазов, и чеченцев. Если разрешите, я от имени султана, посланника нашего пророка, открою первый адыгэ-хасэ в нашем ущелье. Без длинных предисловий сразу скажу: в течение многих столетий на турецких Балканах был мир. Но гяуры пытаются разжечь огонь вражды в своих соплеменниках, живущих здесь. Вы тоже знаете об этом. Что нам нужно сделать?

– Не спрашивай нас, говори, что считаешь нужным, а мы потом ответим тебе,– выкрикнул кто-то со стороны, где стоял Дзегашт Наурзов.

– Зачем прерывать, я еще не закончил,– сдерживая себя, сказал Баракетов. Затем, посмотрев в сторону убыхского князя Берзегова, продолжил: – Я скажу, что нам нужно делать. Если в каждом ауле соберем по группе всадников, мы сможем охранять себя.

– Баракетов, в хачеще у Масхаба Багова я тебя об этом уже спрашивал, но ответа не получил. Возвращаюсь к этому вопросу: от кого мы будем обороняться? Благодаря каким-то обстоятельствам из тебя сделали турка и повесили на плечи офицерские погоны турецкой армии. Но нам, адыгам, зачем служить в турецких войсках? Если мы в каждом ауле соберем всадников и создадим отряды самообороны, то в будущем это будет адыгский конный полк, не так ли?

– Ишь, чего захотел, куда клонит... – недовольно пробормотал Баракетов, но на дерзкий вопрос ответил

спокойно: – До адыгского конного полка, Пшикан, еще далеко. Мы пока говорим о конных дружинах самообороны.

– Есть правда в словах уважаемого Пшикана,– отозвался кто-то из группы стоящих в стороне молодых людей, и его поддержали одобрительным гулом голосов остальные.

– Если мы будем спорить, перебивать друг друга и выражать недовольство, то так и не придем к единому мнению по созданию адыгского отряда самообороны,– едва сдерживаясь, пытался остановить недовольство людей Баракетов. Затем обратился к хаджи Берзегову: – Князь, может быть, ты разъяснишь хасэ, в чем вопрос? Мне кажется, они не чувствуют угрозы, которая может быть не за горами, в воздухе уже пахнет порохом и кровью. Прошу тебя, встань рядом и выскажи свое мнение, ты тоже был в Белграде и слышал, о чем шла речь у Мустафа-паши, иначе хасэ воспринимает создание отрядов, как мои личные пожелания.

Берзегов по-княжески, не спеша подошел и встал рядом. Зауаль, как бы невзначай, напомнил ему о субординации:

– Я выполняю поручение наместника Балкан Мустафа-паши, при встрече с ним засвидетельствуй мои слова, ничего не прибавляя и не убавляя.

– Соплеменники мои, мусульмане, Аллах, сотворивший всех нас, пусть благословит наше собрание.– Хаджи Берзегов поднял левую руку и обратился глухим, но твердым голосом к делегатам хасэ: – Адыги, покинувшие свою родину и живущие в этом горном ущелье, послушайте меня.

– Мы не сами покинули ее, нас заставили те, которые облагодетельствовали тебя за твои услуги.

– Я никому не служил, Наурзов,– сурово ответил Берзегов.– Я боролся за адыгов, страдал, как и вы, не получал никаких выгод и тоже стал несчастным изгнанником.

– Прежде чем такое говорить, Берзегов, посмотри на нас и на себя,– поддержал Наурзова Ибрагим Бесленеев.–

С тебя нужно спросить и за то, что наши девочки, такие как дочь Баракетова, оказались в гаремах...

– И здесь ты продолжил свои неблаговидные дела... – опять не сдержался Пшикан Хотов.

– Не обвиняйте меня в том, в чем я не виноват,– хаджи Берзегов поднял глаза к небу, словно призывая его в свидетели.– Не гневите Аллаха, девочка Зауаля Баракетова, посланника Мустафа-паши, действительно любимая воспитанница великой султанши Бике и живет в ее доме. Об этом знает и эфенди Магомет Марзухаев, приехавший со мной из Стамбула.

– Мы не хотим даже слышать об этом безнравственном эфенди, имя которого ты называешь... – негромко, но так, чтобы многие услышали, сказал Масхаб Багов.

– Благословенный Аллахом джамаат,– продолжил убыхский князь свою речь.– Мы собрались сегодня здесь не для того, чтобы высказывать друг другу свои претензии. И я согласен с Баракетовым в том, что лучше дуть на холодную воду, чем обжечься горячим молоком. Все должно решаться своевременно, а не сгоряча. Создание отрядов самообороны должно решать многие вопросы адыгов, живущих на Балканах. Но если мы и тут не объединимся в своих усилиях, нас так и будут преследовать беды. У нас должна быть охрана, не все спокойно вокруг, как вам кажется, гяуры уже готовы перейти границы Балкан, чтобы поддержать своих единоверцев в борьбе с турками, но мы тоже мусульмане, поэтому тоже попадем под жернова царской армии и самих болгар. Подумайте над этим.

Берзегов закончил речь и отошел в сторону. Он был возмущен, но сдержал себя. Не первый раз сородичи бросают ему обидные слова, он слышал их и от адыгов, живущих в Трабзоне, на склонах Андолы, на равнинах Кони, у берега Средиземного моря в Анталии, в селениях, окружающих Дюздже, в Измире, в Бурсе. Эти горькие слова причиняли ему больше боли, чем раны, полученные на поле боя. Получается, все хорошее, сделанное для соплеменников, они сразу забыли, стоило

лишь раз им не угодить. Что из того, что он свою семью вывез на отдельном корабле? Любой из них поступил бы так же, имея на это средства. И следующая пришедшая на ум мысль ошеломила Берзегова: «Погоди, погоди, что же это получается? Я молча сношу обиды сородичей, стараясь угодить туркам. А они поступили продуманно и дальновидно: разбросали нас, определили разные места проживания, а зачем? Чтобы разорвать нашу целостность и единство, чтобы наши девушки увеличивали их рождаемость, а наш народ постепенно исчезал... Вот что они придумали!..»

Хаджи Берзегов очнулся от своих мыслей, услышав, что кто-то громко обратился к нему.

– Вот, Берзегов, смотри! – неожиданно откуда появившийся Хатам, пройдя круг охраны, вывел в центр поляны своего коня, на холке которого лежал связанный сын Мурад-бея Раджеб.– Мы хорошо знаем, от кого надо охранять аулы. Вы пугаете нас болгарами, на земле которых мы живем, а турки разбойничают, приносят нашим семьям беды, не меньшие гяурских. Не обижайся, тят,– обратился он к отцу,– я сделал то, что должен был сделать. А вы сами решайте, как с ним поступить.

Хатам скинул Раджеба с коня и спокойно направился в лес, откуда приехал.

– Хатам, парень, вернись! – пытался остановить сына Масхаб.– Ты опозорил меня перед всеми!.. Хаджирет, Касим, куда вы бежите? Будет жив, вернется сам, злосчастный. Гарун, вели убрать с моих глаз этого, пусть отвезут его отцу. Джамаат, мой старший сын без моего ведома и без ведома аула поступил так. Это месть и гнев, которые кипели в его сердце. Прошу простить меня, жители Абадзеха и присутствующие на хасэ за поступок сына. Теперь о деле, ради которого мы собрались: если вы считаете, что мы должны охранять себя, коротко скажу свое мнение. Мы, пришельцы, со всеми уживаемся мирно, нет у нас врагов. Но прав Баракетов, кто знает, что нас ждет? Если надо охранять аулы, я поддерживаю его и хочу, чтобы в группе всадников самообороны Абадзеха был мой млад-

ший сын Хаджирет Багов. Нужно будет, и я встану рядом с ним.

– Спасибо, Масхаб, Аллах будет доволен тобой.– Зауаль наконец-то облегченно вздохнул.

– Я считаю, это наше общее адыгское дело,– от группы мужчин отделился Калаубат.– Меня послал на хасэ аул Шапсуг, от имени его жителей я поддерживаю вас. Воюя с генералом Бескровным, Тугузко Кизбеч погиб сам, погибли и его сыновья. Был бы жив отважнейший из мужчин, он бы сказал так же. Но его счастье, что не дожил до сегодняшнего дня. А соплеменники генерала, попомните мои слова, и здесь достанут нас. Кто простит свою кровную месть, пусть не считает себя адыгом!

– Пусть каждый твой день, Калаубат, умножится на сто за то, что ты от имени шапсугов поддержал нас,– пожелал ему Зауаль Баракетов.– Таких правильных и справедливых слов мы еще не слышали.

– Да, да, благословенный Аллахом Зауаль, мы услышали слова шапсуга, чью райскую землю сожгли до тла! – воскликнул эфенди Магомет Марзухаев. Отбрасывая зеленые полы абы-рясы, он мелкими шажками засеменил к Баракетову, чтобы встать рядом, и продолжил: – Калаубат смотрит далеко и думает о многом. Он напомнил мне натухаевца, истинного адыга Сафербия Заноко. Жалко, что его сын Карабатыр совсем другой. Что ты говоришь? – не расслышав, переспросил он у выкрикнувшего из толпы.– Имя Карабатыра Заноко ты назвал с уважением? Так слушай: все, что он сделал для соплеменников – свел на нет их интересы в Турции. Его не волнуют наши дела, он ни во что не вмешивается, его все устраивает. Я лично встречался с ним, пытался пробудить в нем адыгство, но он остался глух. Тот, кто меня не услышал, и вас не услышит. Я хочу, чтобы вы знали, что есть среди нас и такие. Испытывающий нашу верность мусульманству в этом временном мире сейчас смотрит на нас. Вы Его не видите, но Его вижу я, Он дал мне свои глаза. По Его воле мы сегодня здесь собрались. Мы, мусульмане, слуги великого Аллаха, в чьих

мыслях вечный рай. Где бы мы ни жили, мы остаемся вечными врагами тех, кто гяурскими сапогами топчет нашу землю. Аллах не позволит оставить нашу мусульманскую, нашу адыгскую кровь не отмщенной, не смытой кровью славян-христиан. Я свидетельствую, что дело, решение которого предоставлено вам Берзеговым и Баракетовым – дело Аллаха.

– На собрании адыгского меджлиса-парламента он говорил то же самое... – Масхаб Багов, возмущенный услышанным, отделился от группы мужчин.

– Ты куда? – спросил Наурзов.

– Я недалеко... – шепнул в ответ.– Из-за этого эфенди-хвастуна я нарушил свой амдез.

– И я тоже... – заторопился Наурзов, но красноречивый взгляд Масхаба остановил друга. Дзегашт улыбнулся и остался на месте, но Хаджирет, увидев, что отец уходит, последовал за ним.

– А ты, парень, чего увязался за мной? – на ходу спросил его Багов.

– Ты ушел, и мне незачем там оставаться...

– Тебе что-то не по душе?

– Да, тот разговорчивый эфенди, он призывает нас к кровной мести, но разве такое написано в Коране?

– Не написано! – с досадой ответил Масхаб.– А о всадниках охраны что ты думаешь?

– Здесь я полностью согласен с тобой. Ты сказал, что разрешишь мне вступить в эту группу, это так?

– Разрешу, если поумнеешь. Как говорил мудрый Чермит, мы живем в чудесном, но жестоком мире. И если до сих пор не согнулись, устояли, будем и дальше жить.– Масхаб присел на ствол сваленного дерева и пригласил сына: – Не стой надо мной, садись.– Заметив его нерешительность, повторил шутливо: – Садись, садись, я никому не скажу, что ты сидел в моем присутствии.– И уже серьезно продолжил: – Да, парень, сплоховал ты! Почему не ослушался меня, не узнал, куда ушел Хатам?

– Перед всем народом ты запретил мне это делать, как я мог ослушаться?

– Это так... Но хорошо сделал твой брат, что этого урода не привез к нам убитым... А тебе нужно было быть с теми, кто повез его домой...

– Нет, это правильно, что я не поехал. Он нанес нам оскорбление, и я не удержал бы свой кинжал.

– Да, не узнаешь, от чьей руки он погибнет, но пусть это будешь не ты,– произнес Масхаб, которого сдерживала беременность дочери.

– Хорошо, если бы такой человек нашелся... – Увидев, что люди расходятся, сказал: – Видимо, хасэ закончилось.

– Если закончилось, пойдем и мы, я обещал Наурзову вернуться,– неохотно поднялся Багов.– Давненько я не видел Стефана, как его дела?..

Масхабу хотелось узнать от Хаджирета причину приезда к Дарихан Тодора и Парвана, поэтому и заговорил о старике-болгарине.

– Стефан здоров, вчера мы с Касимом встретились с ним у родника. Спросил о тебе, передал привет,– коротко ответил Хаджирет.

– А почему ты его привет не передал мне?

– Вы занимались делами хасэ, я не стал мешать.

– Добрый привет, парень, никогда не помешает, даже если ты очень занят.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Весть о всечеркесском хасэ облетела селения болгар. Создание черкесского отряда самообороны встревожило жителей ущелья, шли разговоры, что черкесы восстанут против них, что они заодно с турками и для болгар настают тяжелые времена.

Парван Парванов соскочил с коня у калитки Димитровых и хмуро сказал встретившему его Тодору:

– Хороших новостей нет. Подтвердилось то, что мы предполагали: черкесы тайно создают конные отряды.

– Черкесы не делают из этого тайны.

– Откуда ты знаешь?! – недовольно воскликнул Парванов.– Может, ты знаешь, кто убил Бориса Стефанова?

– Я уверен, что Бориски не коснулась рука черкеса. И дедушка его, Стефан, тоже так говорит.

– Что вы мелете!..– покраснел от гнева Парванов.– Вас, что, черкесы заворожили? Почему вы так верите им! Не хотел говорить, но тебя я понимаю: ты оправдываешь черкесов потому, что одной с ними крови. И еще есть одна причина – это дочь черкесов, по которой ты сходишь с ума! Ты заметил, что под сложенными руками она прятала живот? Ты видел это?

– Видел.

– А то, что у нее родится турецкий ребенок, тебя не останавливает?

– Не останавливает! – Тодор прикрыл калитку и твердым голосом сказал гостю: – Я доверял тебе, считал своим другом, но, выходит, ошибался. Садись на коня и уезжай!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Мурад-бей вышел в сад старого дворика, его мучила бессонница. Скинув мягкие, вытканные золотом домашние туфли, он вошел в беседку, прошелся по богатому бухарскому ковру, сел в плетеное кресло. Виноградные лозы уже зазеленели, и скоро беседка, увитая ими, станет защитой от яркого полуденного солнца. К осени созреют крупные янтарные гроздья, и надо будет слуге ухо держать востро, чтобы осы не попортили виноград. Осы, как люди, падкие на сладкое.

Лицо его было бледным, глаза уставшие. Вторую ночь ему не до сна, и время тянется бесконечно медленно. Улицы, еще безлюдные и тихие, успокаивали его. Хорошо, что не надо опускать глаза перед соседями, никто не задает

лишних вопросов, но внутри у Мурад-бея все кипит. В самом себе ему не уйти ни от вопросов, ни от ответов.

Когда из Абадзеха черкесы привезли его сына, это стало вторым ударом после побега Дарихан. Унижение огнем жжет его сердце, но в первую очередь он ненавидит себя. Ведь предупреждал Албан, чтобы мы не связывались с черкесами, не пускали их дальше порога. Нет, не послушался! Они опозорили весь его род! Люди будут смеяться над ними, хотя у каждого есть свои грехи. Сегодня Мурад-бей был готов проклинать землю, по которой ступали и турки, и болгары, и черкесы.

Много жизненных испытаний, выпавших на долю человека, он должен преодолеть. Природа управляет им, она его главный искуситель. Соединившись, мужчина и женщина должны идти рука об руку по этому пути, один без другого это лишь половина, и каждый должен исполнять свои обязанности. Так устроен мир, на этом держится семья, и нарушение этого закона приводит человека к противоречию с внешним миром, погружает его в уныние. «Я пошел на поводу своего сына,– думал Мурад-бей,– если разобраться, зачем нам нужна была невоспитанная черкешенка? Взяли бы турчанку из достойного дома, породнились бы с родовитой семьей, родились бы чистокровные внуки. А теперь?.. Но ничего, нашего внука мы заберем, всему свое время».

– Есть кто в этом доме?! – гневно воскликнул Мурад-бей.– Или не осталось никого, чтобы принести чай!

Он встал, зашагал взад-вперед, заложив руки за спину, и, нечаянно бросив взгляд в сторону восходящего солнца, увидел большой багряный диск, отчего сердце защемило еще сильнее. Мурад-бей невольно сжался: это солнце не принесет доброго дня.

Чтобы справиться с собой, он постарался думать о другом. «Да,– думал он,– с нашей семьей случилось несчастье, но я хорошо поступил, что не встретил черкесов, привезших моего сына, скандалом, не то набежали бы соседи, весь кой. А Раджеб оказался умнее меня, и я понимаю, что его сдерживает надежда... Видно, как он тоскует

по ней, рассказывал матери, будто ему снился ребенок в тонких шелковых штанишках, в рубашке до колен, и не по земле будто ступал, а плыл по воздуху. Не знаю, что он нашел в дочери черкесов? Она носит ребенка нашего рода, но мусульманские законы позволяют его забрать у матери, и черкесы не смогут сопротивляться. Пусть радуются, что мы пустили их жить на свою землю».

– Это ты?! – недовольно бросил он Айше, которая вошла вслед за слугой, несшим столик с легким завтраком.

– Я, конечно, кто еще разделит с тобой несчастье? Сидишь один, в окружении своих обид...

– Почему один? Вот и ты сидишь рядом.

– Ты пропустил утренний намаз, надо уповать на Аллаха. Хотя я рада твоему доброму слову.

– Аллах всегда со мной! – Мурад-бей приложил руку к сердцу, а после с хитринкой в глазах польстил жене: – А после Него ты, Айша-ханум.

Айша довольно заулыбалась, закутываясь глубже в шелковую цветную шаль. Не так часто можно слышать от мужа подобные признания, тем более сейчас, когда на них свалилось столько бед. Она пододвинула ближе к нему тарелку со сладостями, но Мурад-бей отмахнулся, не надо. Какое-то время они сидели молча.

– Скажи, жена, как Раджеб? Как он встретился с тем, кого не могли найти родственники?

– С Хатамом? Разве он скажет, ты, что, не знаешь нашего сына?.. Но мне кажется, он хотел попросить брата Дарихан, чтобы он помог им встретиться, хотел поговорить с ней.

– Имя какой невестки, какого брата ты так почтительно произносишь?

Мурад-бея рассердили ее слова. Еще не прошла боль, и каждое слово о невестке и ее родственниках ранило его. Не хотелось слышать их имен, даже брошенных вскользь. Он взял со столика стакан из тонкого стекла, подержал его в руке, потом отхлебнул горячий душистый чай. Айша застыла, почтительно прижав руки к груди. Она понимала

страдания мужа и боялась его обидеть. Мурад-бей в раздумье проговорил:

– Хотя, может, ты, жена, и права. Возможно, он еще надеется на ее возвращение.

– Мы его чрезмерно упрекаем, а он переживает, ушел в себя. Вспомни, каким ты был когда-то.

Мурад-бей снова взял в руки стакан с чаем, прищурился, видимо вспоминая прошлое, и это воспоминание доставило ему удовольствие. Он мечтательно проговорил:

– Какой сладкой девушкой ты была, Айша-ханум, тогда я тенью за тобой ходил! А теперь мы постарели, дорогая, и наши дети – наша боль! Не думай, что я не понимаю душевных мук нашего единственного сына. Дочь черкесов привязала его к себе, не может он ее забыть. Как мы можем исправить свою ошибку? Та, которая не стоит и нашего мизинца, считает себя оскорбленой за то, что ее украли. Вся в отца, и тот тоже хорош, не пошел на примирение, ни на какие уступки не пошел! Голь перекатная, а туда же, гонор показывают. Но самое невероятное, что они вернули Раджеба без единой царапины!

– Я тоже поражена,– снизив голос, почти прошептала Айша, и тут же, забыв о своем страхе, возмутилась: – Да, но как они нашего мальчика унизили перед всем народом на их сходе!..

– Не говори лишнего! – прикрикнул на жену Мурад-бей,– не дай Бог, услышат наши домочадцы. Не знаю, как это сделать, но хорошо бы встретиться с кем-то из ее братьев... Вреда бы от встречи с ними не было.

– Мурад-бей, ты глава этого турецкого ущелья. Неужели ты не можешь найти выход из положения?

Айша не поняла намерение Мурад-бея встретиться с кем-то из младших Баговых. Затем полушепотом застрекотала, как сорока, передавая мужу слухи, которые донесли до нее доброхоты вчерашним вечером:

– Говорят, у дочери черкесов, из-за которой пропал мир в нашей семье, появились женихи. Даже гяуры-болгары наперегонки бегают к ней. Да, да, не удивляйся! Бесстыдная она женщина, так о ней говорят. Я передаю

лишь то, что слышала, не веришь – открой двери, выйди из дома и сам спроси у людей.

Айша сама испугалась слишком откровенных слов и, чтобы не вызвать гнев мужа, приложила к увлажненным глазам платочек.

– Перестань! – слова жены как молнией поразили его,– Раджеб знает эту новость?

– Никто, кроме нас двоих, не знает.

– Отправь Раджеба в мою гостиную,– сказал он, поднимаясь с плетеного кресла. Сгорбившись, направился в дом, оставив жену в беседке.

– Ты же сам вчера отправил его с Албаном к эфенди Хазрету в Махош. Они еще не вернулись.

– Отправил, так пусть возвращаются, что они там застряли? Мир вокруг нас неспокоен, а они на свадьбу поехали...

Мурад-бей ворчал для успокоения, он сам отправил сына и Албана на свадьбу к эфенди. Передал от себя деньги да еще добавил десяток овец. Эфенди, чтобы породниться с турками, заставил своего сына-придурка жениться на турчанке. Уживется она с черкесами? То, что с нами случилось, должно было заставить его подумать.

Айша тоже направилась в свою комнату. В душе она сердилась на мужа, потому что он не замечал того, что видели все, замкнулся в себе. «Люди всякое говорят о нашем сыне,– думала она,– слухи летают от дома к дому, как опавшие листья на ветру. Тебе, Мурад-бей, никто не посмеет их пересказать, а матери все донесут с подробностями. И вместо того, чтобы спросить, правда это или ложь, ты отмахиваешься от меня, как от назойливой мухи. Зачем зовешь сына, если еще не решил, что делать дальше? Посоветуйся с его матерью, может, к чему-то и прислушаешься. Но справедливость должна восторжествовать, черкешенку нужно наказать! Меня тоже украли, но я живу припеваючи в богатстве и роскоши».

Айша жалела мужа, видела, как ему тяжело. Вместо того, чтобы думать о черкесских и турецких коях, навел бы порядок в своей семье, упрямец! «И этот ветреник

сын,– сердилась Айша,– довел нас до изнеможения. Теперь и первая жена Раджеба, несчастная бездетная Махнур, и та не хочет больше жить с нами. Я не сказала Мурад-бею, но наши родственники, ее родители уже послали ко мне гонцов».

Мурад-бей по военной привычке держал все под контролем, всегда был начеку и теперь был в напряжении: в мозгу затаенно билась мысль о напугавшем его солнце. Он приостановился, прислушался: вроде скрип колес кареты доносится с улицы. Но нет, все спокойно, это нервы расшалились, время обеда, пора намаза.

Мурад-бей закончил обеденный намаз, и обратился к Аллаху с молитвой о своих домочадцах: «Мой Аллах, я не могу по человеческому разумению управиться с бедами, свалившимися на нас. Ты, Всемогущий, развяжи клубок, который завязался в моей семье. Я знаю, что все дано Тобой, даже беды, упавшие на мою голову, и я готов вынести тяготы испытаний в этом временном мире. Но Ты знаешь, что сердце мое болит не за себя: ты подарил мне единственного сына, и я признаюсь, что с моего согласия он украл девушку. Это моя вина. Не могу сказать, что дочери черкесов не нравился твой раб Раджаб. Даже если бы между ними встали джины и шайтаны, они привыкли бы друг к другу, жили бы, радуясь ребенку, которого ты подарил бы им. Прошу тебя, сохрани невестку в чистоте, пусть никто не встанет между ней и Раджебом, пусть глаза и сердце ее никем не соблазнятся. Ведь она носит под сердцем нашего внука, смягчи ее душу. Прошу тебя, не допусти гяура-получеркеса к нашей невестке, ведь в таком случае наш ребенок станет гяуром! Ты видишь своим всевидящим оком, как я переживаю, поэтому если сказал что-то не так, мой Аллах, будь благосклонен к нам. У нас надежда только на Тебя. Ты спас черкесов от смерти, Ты поселил их на нашей мусульманской земле. Мы будем миролюбивы, постараемся забыть все плохое, совершенное нами друг против друга. Не допусти, чтобы вражда поселилась между турками и черкесами. Черкес Багов, не признававший нас, услышал Тебя и вернул нам живого и

здорового Раджеба. Я тоже встретил их сердечно, потому что Ты так захотел. Но, великий Аллах, я не могу быть милосердным к балканским гяурам! Болгары, опираясь на русских, хотят забрать у нас эту благословенную Тобой землю! Я не могу с этим смириться!»

Еще несколько минут назад Мурад-бей сидел на коврике и смиренно молился перед Аллахом, но последние слова возбудили в нем гнев. Он нервно встал, повесил на стену коврик, и в сердце снова пришла смута.

Небо за окном было чистым и ясным, солнце светило весело, ничто не напоминало о кровавом рассвете. «Показалось,– подумал Мурад-бей об утреннем страхе,– надо встряхнуться и заняться служебными делами. А какая необходимость мне решать черкесские дела, как государственные? Пусть их разбирает Баракетов, который получил власть и должность. Кстати, где его носит? В ущелье Тырговишты он назвал меня заместителем, а созывая в Абадзехе черкесское хасэ не поставил меня в известность. Туда я не поехал бы, но все же надо знать, где он и что делает».

Мурад-бей присел на мягкий стул, покрытый зеленым ковриком и, размышляя, машинально перебирал четки. Мысли как мыши в клетке, теснились в мозгу, но что делать, если в последнее время столько перемен! Он тоже посетил Стамбул, в котором не был два года, увидел воочию султанский дворец Топ-Капе, где султанша воспитывает дочь Баракетова. Вспомнил Балканы, узкие улочки Сплита, широкие мостовые Белграда, морскую набережную Варны. Запомнилось смешное название горы – Шипка. И где эта гора?

Слышал, что на той стороне Черного моря вдоль всего побережья располагалась Черкесия, она почти доходила до Чечни. За нею – Россия, с которой Турция воевала не один раз. Но в какой стороне находится Мекка, он может показать с закрытыми глазами.

Куда бы ни уходили его мысли, в конце концов все они снова возвратились в Мавлюд, к его нерешенным семейным делам. «Эти черкесы,– думал он,– откуда они

взялись на нашу голову? Принесли с собой только боль и обиду!..»

Вошел слуга, поклонился Мурад-бею:

– Обед готов.

Мурад-бей рад был освободиться от тоскливых мыслей. В столовой Айша-ханум раскладывала серебряные приборы, тарелки, расставляла китайские фарфоровые вазы с фруктами.

– Спасибо, Айша, стол ты накрыла хороший, но есть я не буду.

– Почему не будешь? Я никому не доверила готовить тебе обед, сама постаралась.

– М-м-м, тогда, наверное, это очень вкусно... – И, усаживаясь за стол, спросил: – Какие новости на женской половине? Наша первая невестка успокоилась?

– Куда там, еще сердится, и она тоже меня волнует.

– Почему?

– Вижу, что сердцем она уже в доме своих родителей... – Айша хотела рассказать то, что держала в секрете, но не решилась.

– Не знаешь, не говори,– спокойно сказал Мурад-бей, потом неожиданно вскинул голову: – О каком доме ты говоришь?

– Не знаю, но бездетная жена, как она останется...

– Только этого нам не хватало! – Мурад-бей вскочил, не успев прикоснуться к еде. Раскрасневшись от гнева, он тяжелым взглядом молча смотрел на жену.

– Не знаю, не знаю... – пролепетала Айша-ханум и выбежала из комнаты.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Ветер к вечеру успокоился, припал к земле. Белые облака, как положено весной, забрались высоко в голубое небо и там медленно плыли друг за другом. Заходящее за

горизонт солнце тонуло в дальней дали. Листья деревьев не колышутся, замерли вместе с ветром, уснули.

Сколько в мире тайн, не распознанных людьми? И в каждом человеке они хранятся, спрятанные в глубинах сердца.

У Хатама тоже был секрет: он понимал, что еще мальчишка, но как же хотелось в своих поступках выглядеть по-взрослому, по-мужски. Отстаивая свое достоинство, он опять поступил как мальчишка, сбежав из родительского дома и оставшись в лесу один-одинешенек. Уставший от блужданий по узким тропам горного леса, Хатам слез с коня. Держа в руках повод, присел у дерева, прислонился к стволу.

Сон сразу же сморил его. И снится ему горный лес, где он находится, солнце над ним, потом видится ночной месяц, звезды вокруг него. За спиной – родники и реки, впереди – горы и возвышенности, на которые он поднимается, потом падает в ущелья. Видит во сне поля, где нет ни травы, ни деревьев, бежит от разъяренного медведя, а оказывается, что это не медведь, а волк, потом волк оборачивается лисой, через некоторое время лиса оказывается зайцем. Он останавливается и сердится на себя, что убегает от зайца. И заяц, превратившись в мышку, убегает от него. Вдруг с неба на нее падает орел и уносит в своих когтях. Хатаму жалко несчастную мышку. Неожиданно перед ним встает мэзытль-леший с одним глазом, с одной ногой, с одной рукой и, улыбаясь, спрашивает: «У тебя два глаза, две ноги, две руки, но что ты за человек? Что тебя гонит по свету, чего ты не можешь решить? Ты блуждаешь в мире, где вас испытывают светом, тьмой, щедростью, скупостью, изобилием, голодом. Чего ты не понимаешь? Говори, проси меня, я сделаю так, что ты получишь все, что хочешь».

«Нет, получеловек, я уже попросил того, кто мог бы мне помочь, но он не понял меня...» «Мы с тобой поладим,– сказал мэзытль, считавший себя властителем мира,– если сделаешь то, чего я хочу. Я не могу всю жизнь любить весну, тосковать о лете, шептаться с осенью, застывать

зимой. У меня нет никого, кто согрел бы душу мою. Подумай о какой-нибудь женщине, с кем я мог бы поладить, пусть она не красавица, пусть разведенная или вдовица. Что улыбаешься? Думаешь, желаю того, чего не достоин? Ошибаешься, бедный человек, прежде чем потешаться надо мной, посмотри на себя, на свою жизнь...» – с этими словами мэзытль исчез. «Погоди, погоди!..» – крикнул ему вслед Хатам, но никто его не услышал. Он опять остался в лесу один.

Конское ржание разбудило Хатама. Его конь, навострив уши, прислушивался.

– Ты чувствуешь опасность, мой рыжий конь?

Не успел он сесть на коня, как перед ним появилось трое всадников: Зауаль Баракетов, хаджи Берзегов, эфенди Магомет Марзухаев.

– Что, Хатам, не узнаешь нас? – у Зауаля со встречи на хасэ болело сердце об этом неказистом парне.

– Как я могу вас не узнать... В нашем мире несложно узнать друг друга, но мы все странники в чужой стране. Если у вас добрые намерения, помолюсь, чтобы они исполнились. Если нет, разойдемся, пойдем каждый своей дорогой.

– Только с добрыми намерениями мы проделали столь длинный путь. Волнуясь за адыгов, наших соплеменников, с Аллахом в сердце, мы занимаемся их делами,– назидательно произнес эфенди Марзухаев.– Когда просишь у Него о ком-нибудь, не забудь назвать его имя. Если с заботой о людях ты живешь в этом временном мире, где тебя испытывают, то для тебя откроются двери рая.

– Эти твои речи об Аллахе, эфенди, я уже слышал, ты помнишь, о чем говорил нам на родине? И тут, где нас рассеяли по разным местам, ты говоришь то же самое.

Хатам говорил с улыбкой, без напряжения. Он видел, как перекосилось лицо Марзухаева, но не смутился, продолжил:

– Об Аллахе я слышал с детства. А когда потерял отца, мать, родственников и остался один, он не услышал меня. Только бедный Масхаб, которого я незаслуженно обидел,

помог мне, когда я оказался в тяжелом положении. Он приютил меня, защитил, не дал умереть от голода. Ни мне, ни твоим спутникам не нужны твои пустые проповеди.

И пришпорив коня, пронесся мимо эфенди, который еле удержался в седле. Изумленные всадники смотрели ему вслед, пока он не скрылся за поворотом.

– Вы слышали, благословенные Аллахом мусульмане?! – вскричал пришедший в себя эфенди.– Он шайтан! Этот черный заросший всадник – шайтан!

– Успокойся, Марзухаев! – прикрикнул на него хаджи Берзегов, он посчитал ниже своего княжеского достоинства обсуждать поступок одинокого всадника.– Бедный человек одичал в лесу, а ты не дал нам поговорить с ним.

– Ты того черного джина считаешь человеком? – ерзая в седле, с обидой в голосе спросил эфенди.– Он враг Аллаха, шайтан! Один в один похож на безбожника Масхаба Багова!

– Хватит, не говори лишнего... – остановил его Зауаль, а про себя похвалил Хатама за его прямоту, он знал, что и другие черкесы такого же мнения об эфенди.

– Что ж, я помолчу,– и эфенди Магомет замолчал, будто ничего не случилось.

– Да, да, сдерживай себя в религиозных рассуждениях. Беспомощные люди, потерявшие надежду будут больше ценить твои слова,– поддержал Зауаля хаджи Берзегов, которого в поездках всегда сопровождал эфенди.

– Да, зиусхан, ты справедлив. Аллах слышит наши молитвы...

– Поехали, поспешим,– прервал эфенди Баракетов,– махоши и эфенди Хазрет ждут нас.

Хатам не спеша ехал по горной дороге. Он думал о встреченных всадниках, вспоминал их разговор. Внезапно припомнился сон. «Интересно, что он предвещает? Что это был за мир, где я убегал от зверей? – думал он.– В конце концов, сон мало отличается от реальности, в которой я живу. Двуногие хуже четвероногих, а леший из сна? Он обратился ко мне с просьбой, но ничем не обидел, не оскорбил. А эти? В сердце у них одно, а на языке другое, так и живут, перекладывая все на Аллаха. Двуличный

Марзухаев призывает нас делать только то, что нужно ему. А те двое жаждут славы, потому и занимаются адыгскими делами, преследуя свою выгоду.

Да, но я не обижаюсь ни на одного из них, в таком мире живем. По сравнению с ними, наш отец живет, умываясь чистой росой. Переживает трудности и горести, старается воспитать нас справедливыми, как он сам. Кто же из трех всадников похож на ту незадачливую мышку из сна? Кто? Наверное, эфенди Марзухаев, хотя кто знает.

А, может, это я – невезучая мышка, попавшая в лапы орла? Нет! Я, скорее, орел, который Раджеба, как шкодливую мышку, принес на хасэ и сбросил на землю перед отцом! Но вместо того, чтобы позволить мне наказать его за содеянное, он перед лицом всего аула велел отвезти подлеца домой, не прикоснувшись к нему пальцем! Не понял я поступка отца и всех присутствовавших, поддержавших его. А ведь считают себя мудрыми! Как говорится в народе: «Лиши жизни того, кто тронет твой глаз». Почему отец забыл закон «Око за око, зуб за зуб»?

Из далекого далека текут мысли Хатама, вспоминается родина, где все было понятным, законы адыгэ хабзе исполнялись неукоснительно, а тут людей будто подменили! «Живешь пришельцем: чужим среди чужих, и чужим среди своих. Зачем заискивать перед турками, возвращать в отчий дом обидчика? Он надсмеялся над сестрой, и кто бы он ни был – это враг! Нет, я не собираюсь прощать врагу его преступление, все равно накажу его, придет время!

Нам показывают кулак, а мы, закрывая глаза, говорим им «молодец» и в ответ показываем большой палец. Что с того, что Баракетов стал турецким бинбаши? Чем он нам сможет помочь? На родине был в почете хаджи Берзегов, чем он может быть тут нам полезен? Великая султанша Бике тоже мало что может, все решает султан, а Бике забавляется с дочерью Баракетова, вспоминая, что сама тоже дочь адыгов. Такие, как эфенди Марзухаев, будь они турки, адыги, албанцы готовы произносить молитвы-дуа на любом языке и всюду они будут нужны. А как жить

нам? Только теперь мы поняли, что надо было примириться с нашими обидчиками, и сделать все, чтобы остаться на родине, на земле своих предков».

Птица, вспорхнувшая с ветки, возвратила Хатама в действительность. Он, уходя от своих мыслей, обратился к коню, навострившему уши:

– Успокойся, тревоги нет, но хочу поделиться с тобой своими мыслями: помнишь, когда я был один, рассказывал тебе о наших адыгских делах, но и теперь я думаю о них. Если бы кто услышал меня, посмеялся. Сказал бы, абрек одичал, заговаривается. Но это не так. Мы с тобой, белолобый, пережили много дней и ночей, полных раздумий, и пришли к решению, что нет с нами божьего благословения. Никто не скажет, что будет с нами завтра, послезавтра и все последующие месяцы и годы. С Раджебом, сыном Мурад-бея, не поступили, как он того заслужил, но перед людьми и отцом я выполнил свой долг, поэтому, мой дорогой белолобый, мы можем вернуться в Абадзех. Да, я против такого решения отца и сердцем не примирился с ним, но его слово для меня – закон. Только как смотреть в глаза сестре, которой я дал слово? Ну, а что касается Хаджирета, он всегда меня поймет.

Хатам в последнее время стал много размышлять о происходящем вокруг него, и выводы были неутешительные. Он думал о возможностях человека, от которого зависит многое, потому что он имеет выбор. На его совести его поступки. Он может ошибиться, но может и исправить свои ошибки. Но каков мир, в котором он живет? Обладает ли он такой же подвижностью, способен ли сознательно меняться или ему нужно приспосабливаться? Конечно, мир дает о себе знать, когда человек забывает о совести, преступает недозволенную черту, тогда он напоминает о себе бедами и природными катастрофами, чтобы человек опомнился.

Эти мысли беспокоили Хатама, но он думал не о себе, а о том, как мало стало в людях милосердия и как много в них жестокости.

Неожиданно на лесной поляне он увидел картину, которая заставила его содрогнуться: два болгарина тянули плуг вместо тягловых волов, а третий, старик, налегал на чапыгу. Рядом с ними на коне ехал адыг, омывальщик успопших, Шимах. Он плеткой подгонял несчастных, с которых градом катил пот.

– Какой позор, ты, что, не человек?! – Хатам налетел на Шихама и выбросил его из седла.

– Багов, ты сошел с ума?!.. Забыл, как их соплеменники поступили с нами?.. Я – человек, а они – животные, пусть пашут!

– Замолчи, бесстыдник! – Хатам своими большими ручищами схватил его за шиворот и, волоча к плугу, приказал болгарам:

– Освободите ярмо, я его запрягу вместе с его конем, пусть пашет, а вы свободны.

– Ты же мусульманин, а поступаешь со мной постыдно. Аллах накажет тебя, обязательно покарает.

– Да, я мусульманин, но к тому же еще и человек. Стань рядом со своим конем, безбожник, и паши для себя чужую землю!

Хатам встал за чапыгу, Шихам, стоявший в паре со своим конем, сделав несколько шагов, упал на колени:

– Сил больше нет...

– Хорошо, если ты понял, какой ты бессердечный, в чем я сильно сомневаюсь,– Хатам бросил плуг на пашню и, сев на своего коня, поехал неторопливым шагом.

Шихам крикнул вслед Хатаму:

– Прошу тебя, никому не говори, что ты впряг меня в плуг...

– Аллах видел нас, с меня довольно того, что он знает, как я с тобой поступил, – откликнулся Хатам, направляя коня к лесу, куда скрылись болгары. Ему вспомнился Тодор, и он резко повернул коня к Стефановке, потом, словно извиняясь перед ним за неожиданный разворот, похлопал по шее:

– Поехали, навестим Тодора.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Солнце было в зените, когда путники подъехали к Махошу. На поляне, где должен проходить сход-хасэ их встретил эфенди Хазрет. Зауаль окинул поляну недоуменным взглядом: он ожидал, что людей будет гораздо больше. Эфенди смущенно потирал потные ладони. Баракетов понял, что здесь что-то не так:

– Что, эфенди, делегаты еще не собрались?

– Валлахи, добрые тхаматэ, пусть Аллах благословит вас, не знаю, как и сказать. Вы же знаете, каковы эти махоши. Они и на родине были своенравными. Вы немного задержались, а они не стали ждать, сказали, что в весенний день грех бездельничать, у них много работы. Велели передать, что с любым решением хасэ они будут согласны. Вот так. Стоящие здесь мусульмане, после Аллаха, мои свидетели.

Эфенди Магомет заерзал на месте, услышав слова, противные исламу.

– Ты, наверное, забыл, эфенди, Аллаха не берут в свидетели.

– Да, эфенди Магомет, да. Аллах один, никто не сможет сравниться с Ним.

Чтобы произвести благоприятное впечатление на гостей, эфенди прочел молитву «Кулхолах», а потом снова обратился к Баракетову:

– Если вы довольны решением махошевцев, добро пожаловать ко мне, дорогие гости. К тому же у нас в семье радость, в дом пришла новая невестка!

Новость произвела хорошее впечатление, гости оживились, а хаджи Берзегов поздравил эфенди:

– Это событие – великая радость, эфенди Хазрет. Пусть по воле Аллаха невестка, пришедшая в ваш дом, принесет с собой счастье. Пусть она оставит счастливый след и в доме, который покинула.

Баракетов и Марзухаев поддержали его.

Эфенди Хазрет, довольный поздравлением, засуетился:

– Спасибо, пусть Аллах благословит их. Эй, махоши, где наш глашатай? Пусть созывает всех мусульман на вечерний намаз! Эфенди Магомет Марзухаев из Стамбула прочитает нам суры из Корана.

Пока созывали махошей на намаз, эфенди Хазрет упавшим голосом сообщил гостям неприятную новость:

– Сегодня Мурад-бей не смог увидеться с нами...

– Что с ним случилось? – спросил Берзегов.

– Вы, наверно, еще не знаете... От его сына Раджеба вслед за дочерью Баговых ушла и первая жена, первая невестка Мурад-бея. Не знаю, как помочь нашему другу.

Гости переглянулись, каждый из них по-разному воспринял эту новость, но никто не высказал своего мнения.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

В это же самое время в болгарском селении встретились Тодор Димитров и Хатам Багов. Тодор был немало удивлен приездом строптивого черкеса, каждый в округе знал о его поступке, но не все оправдывали его. Хатам выглядел как абрек: с заросшей до глаз бородой, в поношенной одежде, в папахе из овчины и кинжалом на поясе. Тем не менее Тодор с радостью принял его, накрыл стол, накормил гостя.

Потом пошла неспешная беседа двух малознакомых людей, чувствующих взаимное понимание.

Было тихо и солнечно, но вдруг погода внезапно испортилась: налетел порывистый ветер, темно-лиловые тучи с запада заволокли небо, молния прорезала их от края до края, пророкотал гром и полил такой сильный дождь, какой бывает только ранней весной.

Тодор подошел к окну, отодвинул занавеси, распахнул створки окна и вдохнул полной грудью воздух, наполненный силой стихии. Повернулся к гостю и душевным голосом проговорил:

– Вот так, Хатам, устроена сторона, куда вас привезли. У нас часто неожиданно меняется погода.

– Я это уже заметил... – вздохнул Хатам.– Но хочу сказать о другом. Пусть бы такая погода была всегда, только бы жить на родной земле... Как бы радовали меня ее небо, солнце, ветер, громы и дожди.

– Ты это серьезно говоришь? Хотя, понимаю, понимаю. Моей бедной матери очень хотелось увидеть соплеменников, но ваших несчастий она бы не пережила. Наверное, Бог решил на меня переложить все тяготы, от которых оградил ее.

– Твоя мать исповедовала христианскую религию?

– Как тебе сказать, Хатам... Когда была одна, читала молитвы на адыгском языке, просила о милости Аллаха. Когда мы с отцом шли в церковь, ходила и она с нами и так же, как мы, совершала крестное знамение.

– Что ты говоришь?.. Она носила такой же крестик, как у тебя?

– Нет, не носила, но когда умерла, ее похоронили по христианским обычаям и на могиле поставили крест. Если хочешь, когда-нибудь покажу.

– Нет, нет,– поспешно ответил Хатам.– Я не пойду на христианское кладбище. Не обижайся, Тод. Можно я так буду тебя звать?

– Почему же нельзя, можно, многие меня так называют, и мама – тоже.

– А меня мама звала Тамжий, маленький Там. А отец называл по фамилии, но гяуры отняли их у меня,– дрогнувшим голосом сказал Хатам.

– А моего отца отняли у меня турки, которые обманули и вас. От таких, как Мурад-бей, погибли мой дядя Бедрас, брат старика Стефана и его сын Борис, вся семья Парванова, которого ты недолюбливаешь. Черкесская беда тоже на совести турок. Похоже, Хатам, нам с тобой нечего делить, а мы стоим на разных берегах, грозя кулаками, не понимая, кому.

– Да, но меж этих берегов течет одна река, и мы, и вы пьем ее воду. Река дает нам жизнь, но мы не находим брода в ней, чтобы переходить по нему с берега на берег.

– Ты хорошо это сказал, меня волнуют такие же мысли.

Тодор действительно удивился созвучию слов гостя со своими размышлениями. До сих пор он не верил этому колючему парню, не мог до конца его понять, а теперь смотрел на него другими глазами. В то же время видел, что Хатам в своих поступках зависит от мнения окружающих его людей, страдает от одиночества и непонимания. А молодость и горячность этого честного парня приносят ему страдания.

Хатам о многом хотел бы поговорить с Тодом, но пока сдерживался, присматривался к нему. Внутреннее чутье подсказывало, что приехал он сюда не напрасно, здесь они могут обрести друг друга. Радушие хозяина располагало к откровенности:

– Если бы наши мысли не совпадали, я не пришел бы к тебе. Жил бы в лесу, пока совсем не одичал. Но мне кажется, что ты не до конца доверяешь мне. Кто сам не попадал в нужду, нуждающегося не поймет. Одиночество бывает и полезным, появляется много времени, чтобы подумать о жизни. Не я, ты сказал, что мы с тобой одинаковы. Да, в пережитых бедах мы похожи, но мы разные. Наши старшие тоже не верят туркам, нас обманули единоверцы, и никто не защитил нас. У вас же в борьбе за свободу есть союзники, наши кровные враги. Получается, мы с тобой находимся на разных берегах, мы противники.

– Вы, что, на стороне турок?

– Мне неизвестно, как поступят жители Абадзеха, но я решил не принимать ничью сторону.

– Наверное, ты слышал, что черкесы, живущие в нашем ущелье, создают военные отряды самообороны – конные и пешие. Не только тут, на всех Балканах, где они проживают.

– Не знаю, что происходит на Балканах, но мне известно решение наших хасэ. Мы ни с кем не хотим воевать, отряды самообороны нам нужны только для защиты.

– Вы уже несколько лет живете среди нас, можешь вспомнить хоть один случай, когда болгары нападали на вас?

– Не помню такого, но люди боятся.

– Туркам выгодно запугивать вас, и они делают все, чтобы нас рассорить. Наша страна находится под их владычеством, и борьба за освобождение только начинается. Может, и вам хватит им верить, сколько можно быть обманутыми?

– Разве Турция одна? Еще есть страна под названием Англия. Я слышал, как наши старшие говорили, что и она в союзе с турками обманула нас. Кто только нас не обманывал! Польский полковник Лапинский, называвший себя по-турецки Тефик-бей, и те, которых он к нам привел, разве не обманули нас?.. И Россия встала на вашу сторону. А мы и там, и здесь, оказались между молотом и наковальней.

– Вот смотрю я на тебя, Хатам, и удивляюсь. Какой же ты абрек, если так хорошо знаешь обо всем, что происходит в мире, о том, что привело твой народ к трагедии.

– Ничего удивительного, Тод, я уже взрослый человек. Времена не меняются, события, которые происходили на моей земле, назревают и здесь. Этого только слепой не увидит, а любая война приносит народам несчастья. Здесь палка о двух концах – и с одной стороны, и с другой бьет больно. Когда долгое время находишься в одиночестве, природа становится твоим собеседником и другом: и верховой конь, и деревья, родники, лесные тропинки, пригорки... Они не лукавы, как люди, с ними легко жить.

За разговором собеседники забыли о дожде, но грохот грома заставил Тодора вспомнить о коне гостя:

– Грех держать коня под дождем, пойду, заведу его под навес.

– Он пережил много таких ненастий, но если так, и я пойду с тобой.

– Не надо, промокнем оба, я скоро.

Хатам не усидел, подошел к окну, за которым разыгралась непогода. Тодор взял коня под уздцы, завел под

сухой навес, где лежали колотые дрова. Затем быстро побежал в дом: дождь лил, не переставая.

– Дождь не намерен останавливаться, а земля уже вся раскисла.

– Если не прояснится, плохо. Но мы уже увиделись, поговорили, я хочу с тобой попрощаться.

– Так в дождь и уедешь? И куда направишься?

– Мало ли мест в ущелье Тыргиште, куда можно поехать? Любое место, куда повернет мой конь, где остановится – там моя стоянка.

– Как ты сказал, Хатам?..– Тодор от души рассмеялся.– Каким интересным словом ты назвал ущелье Тырговишты.

– А что, разве ущелье Тыргиште, куда поселили адыгов, не так зовут? – беспечно рассмеялся и Хатам.– Сегодняшнюю ночь я проведу на своей стоянке.

– Нет, нет, даже не думай. Что, в доме места мало? Я думаю, мы еще не обо всем переговорили. Как говорила моя мама, приход гостя – его дело, а уход – хозяина. Я не думаю, что ты от скуки приехал ко мне. Можешь рассказать все, что тебя беспокоит, я постараюсь понять.

– Меня многое волнует, но больше всего то, что произошло с моей несчастной сестрой Дарихан. Ты слышал, как я поступил с Раджеб-беем? И о том, что мой отец простил его!

– Слышал. Не обижайся на Масхаба, твой отец поступил правильно. Твоя месть – это личное дело, а не дело хасэ. Нельзя убивать турка на глазах у селян, они могли наказать вас, прислать карателей! Ты хотел, чтобы весь аул стал участником расправы над Раджебом, поэтому привез его связанным на хасэ. Хотел, чтобы с ним поступили так, как ты хочешь.

– Я кругом виноват, а вы все справедливы и мудры. Если так, то я знаю, как поступить с этим турком, поиздевавшимся над моей сестрой! Но я слышал, что у тебя есть намерения по поводу несчастной Дарихан, это правда?

– Дарихан не несчастна, Хатам. Если ваша семья не будет против, мы с Дарихан будем счастливы вместе. Что

касается ребенка... Он – дитя моей любимой, будет и моим, выращу и воспитаю.

– А Дарихан что говорит?

– Это не секрет. Сказала: как решат отец и братья, так и будет.

– Так бы и сказал, пусть добро будет твоим спутником!..– Радостное восклицание Хатама прервало фыркание коня, донесшееся со двора. Багов прислушался.

– Что тревожишься? – спросил Тодор, зажигая керосиновую лампу.– Моя собака Чурка, если бы что услышала, залаяла бы.

– Погоди! Мне показалось, что-то побеспокоило моего коня...

Хатам выскочил из дома и увидел две фигуры, пытавшиеся увести его коня. Он узнал обоих конокрадов и радостно воскликнул:

– Хаджирет, Касим! Вы, что ли?!.

Хатам направился в дом, за нам поплелись намокшие под дождем Хаджирет и Касим. Тодор радостно встретил их:

– Добро пожаловать, нежданные дорогие гости!

– Они не гости, а конокрады! Чуть не украли моего коня.

– Кто знал, что это твой конь?..– оправдывался Хаджирет,– мы целый день следили за конем Парванова. Когда пошел дождь, подумали, что он мог остановиться здесь. Но, Тодор, у тебя нет хорошей собаки.

– Да, это плохая собака! – поддержал друга Касим.– Кинули ему кость, и он впустил нас во двор.

– Младшие братья мои, вы ошибаетесь,– засмеялся Тодор,– я свидетельствую, что моя Чурка не выпустила бы вас со двора. Но это уже не важно. Садитесь возле очага, сушитесь. За целый день, следуя за конем Парвана, вы вероятно, проголодались. Хоть чаем угощу.

– Оставь, Тод, сушить и кормить их! В такую погоду, не зная, куда они исчезли, весь Абадзех уже ищет их. Поехали, абадзехи, сядите за моей спиной. Я отвезу вас домой на коне, которого вы не сумели украсть.

Так, сидя на спине коня втроем, они доехали до окраины Абадзеха. Навстречу уже спешили мужчины аула во главе с Масхабом Баговым и Дзегаштом Наурзовым. Масхаб, увидев старшего сына, из-за спины которого выглядывали оба пропавшие, строго спросил:

– Где вы были, злочастные?!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Приемная наместника Балкан Мустафа-паши была полна людей. Среди них находились Зауаль Баракетов в форме бинбаши и отставной чавуш Мурад-бей Османов. С ними были два эфенди: Магомет и Хазрет, одетые в длинные серые абэ и зеленые чалмы. У дальней стены важно восседал белобородый, одетый в черную черкеску и каракулевую папаху хаджи Берзегов. Турки, также ожидавшие приема, с интересом разглядывали этих посетителей.

– Почему нас не вызывают? Уже прошло назначенное время... – прошептал на ухо Берзегову эфенди Магомет.

Берзегов кивнул, но сказал другое:

– Не разговаривай на нашем языке, им не нравится...

– Мы не знаем их языка, так как нам быть, не разговаривать, что ли?..– торопливо вступил в разговор эфенди Хазрет.

В этот момент открылись большие двери и черкесов пригласили войти. Мустафа-паша встретил их посредине кабинета, за его спиной стоял переводчик. Баракетов и Османов вытянули руки по швам. Остальные поклонились, выказывая свое уважение.

Наместник Балкан неспешно прошелся по кабинету, легко неся свое крепко сбитое тело и сияя золотыми погонами. Он старался произвести благоприятное впечатление на присутствующих. Те стояли, не шелохнувшись. Потом

указал на длинную тахту, стоящую возле стены, приглашая их садиться.

Сам сел напротив.

– Я вызвал вас, чтобы выслушать отчет о работе, проделанной вами за это время. Не скрою, вы составили хорошее мнение о себе. Начнем с вас, бинбаши, дело у вас было непростое, но вы, надеюсь, справились?

– В нашей стороне, великий Мустафа-паша, люди довольны светлейшим султаном Абдул-Азизом, посланником Аллаха. С именем султана в сердцах живут черкесы, ставшие здесь счастливыми, готовыми принять любое решение и поддержать страну, ставшую для них райским местом.

– Очень хорошо, что черкесы поняли наше милосердие, приняли его сердцем и поддерживают нас. Они без чьей либо помощи противостояли русской армии на Кавказе в течение ста лет. Черкесы мужественны, и грех напоминать о том, чего им не удалось сделать на родине. Но недалек тот день, когда они отомстят за их пролитую кровь. Сколько черкесских коев расселены в Тырговиштском ущелье?

– Пятьдесят коев.

– Сколько людей в них живут?

– В среднем в одном – до двухсот-трехсот человек.

– Я говорю о мужчинах, которые могут держать оружие.

– Это было вашим поручением, и мы узнали. В каждом селении около ста мужчин.

– Конечно, черкесы, пережившие войну, остались почти без мужчин... – в задумчивости проговорил Мустафа-паша,– но один такой боец стоит десятка воинов, названных тобой гяурами-болгарами. Они чувствуют поддержку русских, но это им мало чем поможет. Получается, что в черкесских коях, где вы были, наберется около четырех тысяч солдат.

– Через два-три года их количество удвоится.

– У нас впереди великие дела, поэтому мы и поселили черкесов к болгарам,– коротко ответил Мустафа-паша.–

Но дело черкесов, о котором мы говорим, еще не стало государственным, поэтому,– подчеркнул он,– предупреждаю: этот разговор не должен выйти за пределы этого кабинета. Князь, ты хотел что-то добавить? Слушаем.

Хаджи Берзегов, довольный, что к нему обратились, выпрямил спину и со значением произнес:

– Великий главнокомандующий, я тоже поддерживаю решение нашего светлейшего султана Абдул-Азиза, пусть Аллах будет милостив к нему. Мы, черкесы, всегда готовы к кровной мести.

– Если так, спасибо. На сегодня это все, а ты, чавуш Османов, останься.

Когда они остались одни, Мустафа спросил Мурад-бея:

– Ты доверяешь этим черкесам?

– По-разному. Иногда – верю, иногда – нет.

– Отвечай ясно и четко, что в них не нравится?

– Они слишком вспыльчивы.

– Это хорошо, это не недостаток. Дальше.

– Думаю, еще не до конца осознали свое мусульманство.

– Ничего, в Турции они очень скоро поймут, что без этой религии здесь нельзя. Что еще?

– Завистливы. Каждый из них хочет быть первым.

– Наверно, нет племен и народов, у которых нет зависти, а первенство и в нашем характере. Можешь наконец сказать о них что-нибудь хорошее?

– Они отличные войны, правдивы, им можно доверять.

– Вот то, что я хотел услышать. Но это не значит, что за черкесами не надо присматривать и не искать их слабые стороны. Не смотри, что у бинбаши Баракетова погоны намного выше твоих, ты турок, будь бдительным, следи за ним. Напоминаю тебе – он родственник султанши Бике, она всегда интересуется его делами. Хаджи Берзегова мы знаем не один день, доверяем ему. А тех двух эфенди, может они и полезные для нас люди, но не приближай их к себе до тех пор, пока не убедимся в их расположенности к нам.

– Я все понял. Ни один их шаг не упущу, даже в души загляну, чтобы узнать, что они там прячут. А сам подумал: «Решаю дела черкесов, а кто приведет в порядок мои семейные дела?»

Несмотря на это, чавуш Мурад-бей Османов вышел из кабинета, высоко подняв голову, и присоединился к своим спутникам.

Бинбаши Баракетов не мог успокоиться, ему очень не понравилось, что Мустафа-паша остался один на один с отставным чавушем Мурад-беем Османовым. Какие секреты у них?..

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

С пригорка вся округа видна, как на ладони. Вдали хорошо просматриваются вершины снежных гор, над ними ясное, голубое до синевы июньское небо, а внизу по зеленым холмам волнами растекается лиственный лес: буки, грабы, дубы, дикая груша, яблони, вишня. Фруктовые деревья только-только отцвели, листья уже набрали яркую зелень, мокрые от утренней росы травы потянулись к солнцу, цветы раскрыли бутоны, пчелы и бабочки перелетают с одного цветка на другой, громким разноголосьем щебечут птицы.

Сколько бы лет ни прошло, Мурад-бей с душевным трепетом наблюдал ежегодное пробуждение природы. Иной раз и проехать бы мимо, но каждый раз, доезжая до этой поляны, он останавливал коня. Сейчас он был не один, его сопровождал Албан. Небольшого роста, сутулый, всегда угрюмый, и даже здесь, в этом райском месте, на все это великолепие глядел исподлобья. Мурад-бею захотелось отделаться от него, чтобы побыть некоторое время в одиночестве, потому попросил спутника:

– Поезжай, отвези Раджебу радостную весть. Скажи, что путь из Белграда благополучно пройден, а полуденный

намаз я хочу совершить в одиночестве. Тут родник, он знает его, пусть не волнуется. Попрошу у великого Аллаха благословения и прощения за то, что иногда нам приходится поступать против своей воли. Белый свет, временный мир, с виду ты такой красивый, но внутри коварный и хитрый. Но как бы ты ни играл с нами своими красками, мы не дадим обмануть себя.

Во время амдеза мысли Мурад-бея кружили вокруг сына. Он думал о нем, пока не опустился на коврик, лицом к югу.

Закончив намаз, стал молиться так горячо, как не молился прежде никогда: «Мой Аллах, я сделаю все, чтобы выполнить поручения твоего слуги Мустафа-паши. Я получил их с твоего позволения, поэтому дай мне силы справиться. Черкесы еще не до конца стали мусульманами, я это знаю, но сделай так, чтобы у них не было другой надежды, кроме Тебя. Я решаю дела государственной важности, выступая против гяуров, населяющих нашу страну. Однако я слаб в решении семейных вопросов, не могу помочь единственному сыну, которого ты дал мне в этом временном мире. Прошу, сделай так, чтобы дочь черкесов по-доброму подумала о нас, чтобы проявила милосердие и вернулась к нам с нашим еще не рожденным дитем. Прошу, восстанови мир в нашей семье. Я никого не виню, кроме себя: ни семью черкесов, с которой хотел породниться, ни сына, ни его мать, ни бездетную, несчастную дочь турок, бросившую моего сына... Я виноват! Я! И теперь прошу тебя: возврати в мою семью благополучие, покой и понимание...»

Мурад-бей уже свернул коврик и приторачивал его к седлу, когда подъехали два всадника. Не оглядываясь, уставшим голосом произнес:

– Это вы?

– С добрым возвращением, отец – едва слышно промолвил Раджеб, соскочив с коня.– Пусть твоя нога с добром ступит на землю нашего коя.

– Спасибо. Есть ли какие новости?

– Есть две новости... – вместо Раджеба, втянувшего голову в плечи, ответил Албан.– Вот только не знаю, с какой начать. Начну с хорошей: ваша невестка Махнура сама вернулась домой.

– А что ей оставалось делать?..– все еще стоя к ним спиной, сказал Мурад-бей.– А другая новость, выходит, плохая?

– Может, для кого-то и хорошая, но не для нас. Дочь Баговых, бывшая ваша невестка вышла замуж...

Мурад-бей покачнулся, но ухватившись за седло, постоял немного, подышал, затем, резко развернувшись, почти закричал:

– Носящая не рожденное дитя Османовых, разве она имеет право выходить замуж!.. Кто посмел жениться на беременной женщине?!

– Получеркес Димитров...

Держа коня под уздцы, Мурад-бей, не поднимая головы, сделал несколько шагов вперед, затем, словно орел, схвативший добычу, взвился на коня.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Даже самая хорошая новость, попав на язык к завистникам, искажается, ведь каждый из них добавляет к ней что-нибудь свое. А то и вовсе – перевернут все так, что и себя в ней не узнаешь. Сплетники существовали с начала мира, потому добро и зло всегда идут рядом.

Сколько лет жили Баговы и Османовы, не подозревая о существовании друг друга, говорили на разных языках, следовали обычаям предков, молились Аллаху. И столько бы еще прожили, да беда адыгов свела их, поставила лицом к лицу, и теперь они не уступят друг другу ни в чем, тут уж, как говорится, кто кого.

Встала между ними дочь Масхаба Багова красавица Дарихан. Высокая, с точеной талией, высокой грудью,

черными живыми глазами, прямым аккуратным носиком и пышными волосами, вьющимися у висков колечками – такой была Дарихан.

Многие любовались ею, но ее природная скромность не давала женихам надежды, любовь в сердце девушки пока не зажглась, она жила заботами об одиноком отце, с которым разделила трагическую судьбу, гибель матери и бабушки. Они все потеряли: родину, близких, дом. Скитания принесли обиды и разочарования, но, в конце концов, они нашли приют, смирились и стали жить, разделяя выпавшие на их долю трудности. Хорошо, что Аллах смилостивился, послал ей названных братьев Хатама и Хаджирета, они помогали отцу вести их скудное хозяйство.

Турция приняла их неласково, измученных людей бросили, как пленников в болотистую местность на пустыре, окружили охраной, воды, и той вволю не давали. Потом оставшихся в живых переправили в Болгарию, выделили для них место в ущелье. Нелегко было немощным людям строить себе какое-то жилье, искать себе пропитание, обзаводиться хозяйством. Прошло десять лет, пока они обжились. Но одна беда не ходит. Девушку, еще не познавшую любви, турки умыкнули для худосочного и слабовольного Раджеба, сына главы Тырговиштского ущелья Мурад-бея.

Османовы – люди богатые и знатные, они пользовались известностью не только в Болгарии, Мурад-бей был чавушем турецкой армии, приближенным к Мустафа-паше. Как большинство родовитых, Мурад-бей был человеком заносчивым, спесивым. Он и представить не мог, что черкесы поднимут скандал вокруг кражи невесты. Было бы о чем беспокоиться! Наоборот, думал он, турки оказали честь голодранцам, девушка попала в хороший дом, знатную семью, она стала второй женой его сына. В результате оказалось, что бесстыдница сбежала и унесла в своем чреве внука Османовых, рождение которого они бы отпраздновали с султанской роскошью. Теперь Раджеб чувствовал себя глубоко несчастным, а гордость отца была уязвлена и раздавлена.

В округе сплетни не утихали. Судачили в основном женщины, которые завидовали Дарихан, они не понимали, почему она не захотела жить в роскоши, называли гордячкой, сулили нищенскую жизнь. Каждая из них мечтала выбраться из скудной на радости жизни и согласна была стать даже четвертой, разрешенной Кораном, женой. Эти женщины давно забыли, что есть на земле любовь, когда сердца тянутся друг к другу, им так опостылела семейная жизнь за кусок хлеба, что поступок Дарихан еще сильнее отравил им жизнь.

Были и другие, более счастливые люди, которые сохранили душевную чистоту и теплоту. Они жалели Дарихан, считали поступок турков безнравственным, от всего сердца сочувствовали молодой женщине, а когда она сбежала от турок, радовались вместе с семьей Баговых. Они в числе первых принесли Дарихан свои поздравления, ободрение и надежду, что все сложится хорошо.

Между тем, когда люди узнали, что Дарихан носит в себе ребенка, пошла новая волна разных нелепых слухов: одни говорили, что это ребенок Хатама, поэтому он себя так непонятно ведет, а Дарихан, боясь, что раскроется правда, сбежала от Османовых. Другие распускали еще более нелепые слухи, о которых стыдно было даже говорить.

Много ночей Дарихан пришлось провести в слезах, но на людях она держалась гордо, дорожила своей честью, только когда приезжали гости, уходила с глаз долой, чтобы не давать досужим людям пищу для разговоров. В душе была совершенно спокойна, потому что знала, что из-за нее никто из родных не пострадал, что ее свобода обошлась дорого только ей, и не позволяла спорить братьям, когда они пытались с нею обсуждать произошедшее. Она решительно пресекала любые разговоры со стороны любопытных, пытавшихся у нее вызнать что-нибудь, поражала их твердостью характера и воли.

И вот снова взрыв сплетен и разговоров – беременная Дарихан вышла замуж за получеркеса Димитрова! Она родит ребенка в христианском доме, чего не смела и не

должна была делать! И вместо понимания и сочувствия на дом Баговых опять обрушилась волна людского негодования. Но они жили, как ни в чем не бывало, ни Баговы, ни Димитровы не показывали вида, что знают и слышат все, что о них говорится.

– Что ж, переживем и это,– успокаивал Масхаб своих сыновьей,– как ночь сменяет день, так и слухи когда-нибудь смолкнут, а мир держится на доброте, вот она и победит.

Середина лета. Солнце медленно поднимается из-за леса на небосвод, согревая остывшую за ночь землю. Хутор Стефановка стоит на пригорке, за ним – лес и полянки. Все дома похожи друг на друга: сложенные из добротного леса, они стоят поодаль, и создается впечатление, что селение не жилое, брошенное людьми. Но на самом деле это не так: люди, занятые своими делами, прячутся от посторонних глаз во дворах, скрытых заборами. И если прислушаться, в хуторе слышны привычные звуки: где-то поют петухи, блеют овцы, коровы колокольчиками звенят, косы точатся для косьбы.

Тодор Димитров тоже не сидит без дела: колет на зиму дрова. Рубашка от пота давно взмокла, но он будто не замечает этого, машет и машет топором. Дарихан залюбовалась мужем: высокий, стройный, ловкий, красивый, сильный. Радостно на душе у молодой жены, родившаяся любовь лечит ее обожженное несчастьями сердце. Тодор тоже все еще не верит своему счастью, с первой встречи он полюбил Дарихан так, что дышать без нее не мог. И Бог услышал его молитвы, исполнил заветную мечту, соединил с любимой, сделал ее женой.

Как и всех болгар, только одно мучило Тодора – живут они на своей земле бесправными. Не сегодня это началось, не вчера, уже несколько столетий Балканы принадлежат Турции, как и другие страны, что находятся на востоке, западе и юге. Турция хотела прибрать к рукам и Кавказ, но русские братушки не дали. И она своей политикой подстрекала черкесов к войне с русскими и сделала все, чтобы они остались без родины. Затем расселила их по

всем балканским странам, а теперь натравливает на христиан, чтобы отомстить за кровь. «Если верить Парванову, то какой райской землей была Черкесия... Мое счастье, что я, как Парван, не оказался там. Если бы я поехал туда, пришлось бы воевать с черкесами, стать их кровником. А что теперь нас ждет, что будет с нами, с черкесами? Но какое счастье, что у меня есть Дарихан, она моя семья. Если бы это было возможным, увез бы мою горлицу далеко-далеко отсюда, в самый счастливый край, чтобы ни одно злое слово не коснулось ее. И ребенка воспитаем хорошим человеком, все самое лучшее вложу в него, моего малыша!»

Тодор вонзил топор в большой пень, на котором колол дрова. Рукавом рубашки смахнул со лба пот и, присев отдохнуть, огляделся. Его дом стоял на краю леса, давным-давно родители выбрали это дивное место, откуда всегда можно любоваться далями. В погожие дни первые лучи солнца достигают поляны и целый день можно наблюдать за его движением, пока не спрячется на противоположной стороне, за лесом. И даже в дни, когда с гор спускаются туманы, гремят грозы и бури ломают деревья, все кругом наполняется сказочной красотой. И нет ничего милее и дороже с детских лет, чем отчий дом, и иногда кажется, что в нем еще слышатся легкие шаги давно ушедшей мамы, твердая поступь отца, и от счастья в душе звучит колокольчик, подобный колокольному звону. Последние светлые мысли заставили его оглянуться. У окна стояла Дарихан и улыбалась своей ясной улыбкой. Он махнул ей рукой:

– Иди ко мне, Дарихан, вместе посидим на солнышке. Посмотри, как красиво вокруг, какой чистый воздух, тебе с малышом это необходимо.

– Не нам одним, Тод,– Дарихан подошла, улыбнулась мужу.– Ты тоже работаешь без отдыха, стараешься для семьи, так что отдыхай. Хатам и Хаджирет обещали не сегодня-завтра прийти. Они быстро переколют дрова и сложат в дровяник.

– Твои братья, конечно, сделают это, Дарий.– Он назвал жену ласкательным именем.– Но как я могу использовать труд тех, чьим зятем являюсь.

– Ничего с ними не случится! Отец их избаловал, оберегая от тяжелой работы. Погоди, что это? Твоя рубашка мокрая, а я сижу. Снимай, я принесу другую. Нет, нет, Тод, не удерживай меня, сам велел больше двигаться. Я сейчас.

Дарихан взяла мокрую рубашку и пошла в дом.

Перед Тодором лежала куча не колотых дров, рядом стоял пень с топором. Но он не видел их. Его мысли снова устремились далеко. Он смотрел вниз с вершины склона, его взгляд пронесся через плавни с камышами на поляну, где стояла осиротевшая кошара старика Стефана. Затем мысли перенеслись в Абадзех, откуда привел в свой дом Дарихан, он будто прошелся по единственной улице аула, поздоровался с каждым его жителем. Потом, неизвестно зачем, он оказался в турецком Мавлюде. Тодор вздрогнул, тряхнул головой, словно сбросил с себя все мысли, и продолжил колоть дрова.

– Тод! Ты опять колешь дрова? Мы же договорились, что тебе помогут Хатам и Хаджирет.

– Договорились, но в такой ясный день как можно сидеть без дела? Вот посмотри на это полено, видишь, какое оно корявое и с сучками. Расколю его, потом будем дожидаться твоих братьев.

– Что ты пристал к этому полену? Осторожно, береги ногу.

– Ты моя красавица! Думаешь, это полено одно такое? Таких здесь много. Если я его испугаюсь, люди посмеются надо мною. Это ты отойди.

Тодор и Дарихан, шутя и улыбаясь друг другу, опять присели рядом на солнышке. Они счастливо болтали обо всем и ни о чем. Дарихан положила голову на плечо мужа, Тодор, чтобы не спугнуть эту радость, не шевелился.

Черкесы вернули ему давно забытый мир. Даже природа ожила, когда в его доме появилась Дарихан: он слышал пение птиц, все краски вокруг стали яркими, необычными, ему казалось, что все должны быть счастливы, как он. Даже островерхая церковь Стефановки блестела куполом от счастья. Дарихан поднялась, взяла мужа за руки:

– Уже полдень, что это я сижу? Пойдем обедать, мой родной.

– Если полдень, то муэдзин должен объявить об этом. Но его не слышно.

– Тод, а почему церковь не звонит в полдень? Почему она звонит только по вечерам?

– В детстве, когда в Стефановке жило больше людей, она звонила чаще...

– В Абадзехе живет немного людей, но голос муэдзина пять раз в день призывает к намазу.

– Абадзехи-черкесы, так же, как турки – мусульмане. В Стефановке живут христиане, и звон их церкви не нравится туркам, поэтому здесь звонят лишь по воскресеньям.

– Не знаю, почему они так поступают. Отец говорит, что звон церкви доходит до глубины сердца, что он красив.

– Твой отец так говорит? – удивился Тодор.– Если эти слова услышат турки, будут называть его гяуром и не дадут покоя.

– И так мавлюдцы говорят, что он гяур! Пусть что хотят говорят. Отец, я и мои братья никогда не станем такими бездушными... Они пускают разные слухи о нашей семье.

– В такой солнечный день, Дарий, не будем вспоминать о плохом, будем думать только о хорошем. Посмотри, как красив болгарский мир, куда вас занесли ваши беды!

– Еще красивее была наша родина, где мы не стали счастливы.

Со стороны Абадзеха послышался голос муэдзина. После него раздался басовитый голос муэдзина бжедугского аула. Им тонким голосом отозвался муэдзин шапсугского аула. Они взывали к молитве, будто соревновались между собой.

Тодор, улыбаясь, встал:

– Пошли, Дарий, обедать.

Летнее солнце нагрело двор, стало жарко и душно. А в невысоком каменном доме с узкими окнами было прохладно. Липовый стол был выскоблен и вымыт, на чистом полотенце лежал нарезанный хлеб, в тарелках яркими пятнами красовались помидоры, огурцы, перец, разная зелень. Тарелки, вилки и ножи были накрыты чистыми холстяными салфетками. Из казана шел пар от вареной картошки. А из маленького глиняного горшочка разносился аромат лесной земляники, которую Дарихан собрала на полянке недалеко от дома. Эти яркие и душистые ягоды были выражением нежности Дарихан к своему мужу. Тот благодарно прижал ее руки к своей груди, а Дарихан смущенно обратила внимание мужа на стол:

– Это, Тод, молодая картошка, из той, что ты посадил весной. Овощи и зелень тоже из твоего огорода.

– Теперь, Дарий, это наш огород.

– Конечно, наш. Этот сыр Хаджирет на днях принес. А хлеб мы вчера вместе испекли! Что еще?

– А соль?..– пошутил Тодор.

– Она тоже из этого дома. Ешь, Тодор, на здоровье. В этом году мы едим эти овощи в первый раз, поэтому помолись Богу, так нам говорила моя бедная бабушка.

– Моя мама тоже так говорила.

Перед тем, как приступить к еде, Тодор и сам хотел перекреститься, но не стал смущать Дарихан, но та забеспокоилась:

– Погоди, Тод. О чем мы на днях договорились? Я скажу «бисмиллах», а ты перекрестись.

– Да, да, Дарий, пусть будет так, а дальше посмотрим, что будет.

– Все будет хорошо, Тод.

Тодор за свою холостяцкую жизнь не привык долго обедать. И сейчас он быстро поел и поблагодарил:

– Спасибо, Дарий, все было вкусно.

– На здоровье, Тод, на здоровье.

– Со вчерашнего дня мой конь без движения. Пойду, выгуляю его, напою водой. Я недалеко, пока уберешь со стола, вернусь.

Восьмой месяц беременности, но Дарихан не тяжело. Она проворно убрала со стола, потом собралась прилечь, но не решилась, не хотела, чтобы муж, вернувшись, увидел ее лежащей. В ожидании его она села в мягкое кресло. Вспоминая прошлое, спросила себя: «Счастлива ли я?. За двадцать шесть прожитых лет,– думала она,– несчастной я была лишь у Османовых... Даже когда шла война, горели аулы я не была такой одинокой. Когда нас согнали на берег моря я видела, как умирали люди, но у меня были живы мама и бабушка, и этим была счастлива. Отец был настоящим воином, я гордилась им, и тоже была счастлива. Со смертью матери пришли и другие беды: наше переселение, смерть бабушки... Нана всегда старалась поддерживать наш дух, искала и находила единственно правильные слова, поэтому находиться рядом с бабушкой тоже было счастье... Когда корабль подошел к берегу, отец, схватив ее в охапку, отнес на берег Аче, и тогда я была счастлива, потому что была жива, здорова... И когда чума и голод убивали людей на пустыре, когда милосердный отец привел к ним Хатама и Хаджирета, воспитывал, как родных сыновей, они все были счастливы... Какие бы трудности мы не переживали в этом ущелье, но пока я была в доме отца, была счастлива... Счастье закончилось в доме Османовых, когда распоясавшиеся наглецы против воли увезли меня и растоптали мою честь...»

Дарихан тогда казалось, что горе ее было без меры, без начала и конца, душа ее жила в гневе, в урагане чувств, она всегда мечтала сбежать в Абадзех, туда, где свободно дышала ее грудь, где вольный ветер ущелья, похожий на ветер родины, радовал ее сердце. Не было страха, и мысль ее, как легкий конь, летела к отчему дому, и когда представилась возможность, Дарихан не упустила ее, сбежала.

И вот она снова счастлива и свободна, в кругу любимых и близких людей, и теперь она замужем. Муж любит и боготворит ее, она это знает, но и ее чувства к нему глубокие и нежные. Любовь к Тодору слилась с любовью к малышу, с которым она разговаривала, будто он уже на ее руках, будто слышит и улыбается, понимая каждое ее

слово. Она стремилась к покою и тишине, ждала, когда это крохотное создание заполнит собою всю ее жизнь и жизнь Тодора.

Малыш словно услышал, что мать думает о нем, откликнулся, заворочался в животе Дарихан. Она улыбнулась и положила руки туда, где почувствовала пяточки ребенка. Не волнуйся, ты – мой, я тебя никому не отдам.

Чтобы стряхнуть с себя эти мысли Дарихан прошлась по дому, смахнула несуществующую пыль, еще раз протерла стол, поправила чистое полотенце, накинутое на тонкие лепешки. Несколько картофелин, оставшихся после обеда, переложила в глиняную миску. Еще раз подмела пол и взбила подушки из гусинного пера. Она скучала по мужу, когда его не было дома, вот и теперь посмотрела в окно: не идет ли?

И снова мысли, мысли...

Дарихан думала о своей судьбеа, о той девушке, которая мечтала о чистой любви, а ее унизили, растоптали. Но случилось так, что она неожиданно нашла свое счастье. Ей уже виделся ребенок, топающий босиком по траве, он несет ей веточки земляники, а Дарихан ягодка за ягодкой складывает их в корзинку. Тодор издали наблюдает за ними и улыбается, и всем хорошо, будто в корзинку она складывает не ягоду, а кусочки счастья. Слабый шелест листвы, кружащие над медуницей бабочки, щебетание птиц, журчание воды в ручье.

«Да, но ребенок не от любимого, более того, от насильника...» – В такие минуты Дарихан словно падала с небес на землю. Ее веселый, кроткий нрав сменялся на мрачные раздумья, жестокая память не отступала. По ночам она плохо спала, не давая спать и ребенку, он беспокойно ворочался, сердился на мать. Но кто услышит ее сердце, с кем она может поделиться своими тревогами и переживаниями? Вокруг нее одни мужчины, но они рассуждают по-своему, мол, нечего опасаться, все будет хорошо. Но так ли? Османовы грозятся забрать малыша, наши мужчины, конечно, не отдадут, как бы ни вышло войны... Она насмотрелась на нее, знает, что любое столкновение может привести к потере дорогих ей людей, а сейчас она дорожила ими, как никогда раньше. Как жаждет мира ее материнское сердце, как жаждет покоя и любви! Когда приходит вечер, земля затягивается туманом, все погружается в глубокую тишину. Такую, что хоть ведрами черпай – не напьешься! Как не потерять этого, как на мгновение остановить время, когда провожаешь угасающие звезды и встречаешь солнце? «Мы все растеряли на родине и по дороге сюда... Но теперь, когда мой муж с любовью делает колыбель малышу, с какой молитвой надо обратиться к Богу, чтобы мир на этой благословенной земле был сохранен, чтобы нам не потерять с трудом нажитое здесь? Пусть Тодор молится по-христиански, я буду по-мусульмански молить Аллаха, много молитв не бывает, пусть они защищают нас.

На окне стоят ранние июньские розы, это подарок Тодора. Конечно, это Аллах помог мне, униженной перед людьми, обрести свое счастье с чистым, как сама родниковая вода, парнем. Его дом светел, потому что здесь жили хорошие люди. Тодор оградил меня от бесчестья, очистил от греха, совершенного надо мною, презрел мнение друзей, которые не понимают его поступка. Скоро три месяца, как мы вместе, но никто, кроме моих родственников, не заходит к нам в дом... Были бы у него родственники, как бы они ко мне отнеслись? Теперь я его жена, и его дом помогает мне забыть прошлое. Тодор успокаивает меня, но я знаю, чувствую, что в нем самом живет глухое беспокойство, он тоже порою не спит по ночам. Мне говорит, что тревога присуща всем людям, но его тревога по другому поводу. Его беспокоят отряды самообороны черкесов, чтобы их ружья не обернулись против болгар...

Бабушка на корабле повесила мне на шею дуа-оберег, отец положил под подушку Коран, принадлежавший матери. Теперь с дуа-оберегом на шее и Кораном под подушкой я умоляю Тодора крестить лоб и не забывать своего Бога. А те, которые грозятся забрать у меня ребенка, сильные, на их стороне не только религия, но и все законы турецкого государства...»

Солнце клонилось к закату, но на улице было светло и жарко, воздух был напоен ранним летом, не умолкая, наперебой пели птицы, а сочная зелень трав так и просилась под косу. Дарихан услышала топот копыт гнедого коня Тодора. Она вышла из дома, чтобы встретить мужа и подышать вольным воздухом далей. Где-то в этой дали собиралась гроза, стихия закручивала на небе темные облака, слышались слабые раскаты грома, хотя молнии еще не проблескивали на далеком горизонте. Тодор, заботясь о жене, заметил:

– Иди в дом, Дария, скоро жара сменится ветром и дождем, а перед бурей порывы ветра бывают неожиданными и сильными, так что поторопись. Я подкину коню сена и тоже пойду в дом.

Дарихан, как это делала ее мать, встретила мужа приветствием:

– С добрым возвращением, Тод, с добрым возвращением. Ты долго находился на жаре. Выпей холодной воды, охладись.

– Холодная вода, это хорошо,– Тодор взял чашу из нежных рук Дарихан,– расскажи, как ваши дела?

– У нас? – Дарихан понимала, что Тодор имеет ввиду ребенка, и ее сердечко радостно забилось.– У нас все хорошо, если в мире все тихо.

– Утомленный от жары мир спит, окрестности пусты. Пока, как говорит Хатам, нет беды.

«Пока нет беды» – эти слова обеспокоили Дарихан, значит, беда все же не за горизонтом.

– Тод, ложись, отдохни чуток. Наверное, братья, которых мы ждем, сегодня не приедут.

– Я тоже так думаю. Но не я, а ты должна отдохнуть.

– Не беспокойся обо мне, я уже отдохнула.

– Я отсутствовал полчаса, когда же ты успела? Знал бы, что отдыхаешь, задержался бы.

– Нет, нет! Я скучала без тебя, хорошо, что вернулся!

– Знаешь, Дарий, что мы с тобой вместе будем делать? Будем брать коня под уздцы и прогуливаться, пока ты не

устанешь. Тебе нравится такое предложение? – пошутил Тодор, а Дарихан, как девчонка захлопала в ладоши.

– Нравится! Нравится!

Скоро Стефановку захватила летняя ночь. Гроза прошла стороной, лишь косыми короткими ливнями побилась о стены дома, но дружная семья уже крепко спала.

Во время утреннего чая Хатам и Хаджирет привезли Димитровым овцу. Сидя на одном коне с овцой наперевес, они постучали в калитку. За день до этого Тодор ходил с собакой Чуркой на охоту и принес большого тетерева, из которого Дарихан приготовила четлибж[1]. От ужина остались овощи, картошка, молоко, мед, на очаге кипел чайник, так что гости приехали вовремя.

Тодор встретил родственников радушно, Чурка обрадовалась не меньше, чуть с ног гостей не сбила. Дарихан вытирала руки о фартук, чтобы обнять братьев.

– Натрави на него свою собаку, Тодор, чтобы он больше не обманывал,– кивнул Хатам в сторону Хаджирета. Затем с достоинством, не спеша снял с холки коня овцу и обратился к хозяину: – Эту овцу отец передал вам. Велел сразу зарезать и освежевать.

– Не слушайте его, он, как всегда, недоволен. Я делал то, что мне полагалось: наточил нож, произнес молитву-дуа. Теперь пусть сам покажет зятю, что умеет. Да не забудь овцу положить головой на юг и сказать бисмиллах.

– Не шути так, а то твой старший брат рассердится...– предупредила его Дарихан.

– В этом большом дворе, надеюсь, найдется и для меня работа?..– переключился на другое Хаджирет.

– Стойте, остановитесь, братья! Вся работа после завтрака.

– Мы сыты, только встали из-за стола. Разве отец голодными выпустит нас из дома?

– А кто готовит вам еду, бедные вы мои?

– Ты забыла, что есть у нас мастер-кашевар? – кивнул головой в сторону брата Хаджирет.

[1] Ч е т л и б ж – жаренная курица в сметанном соусе.

– Не говори много, болтун, лучше приготовь дрова для огня.

– Запросто,– подмигнул сестре Хаджирет,– вон колотые дрова уже готовы. Надеюсь, у Тодора найдутся две рогатины и кирпичи?

– Не беспокойся, найдем и угли.

Через несколько часов овца была освежована и закопчена.

В воздухе снова запахло дождем. Чурка, сытая и умиротворенная, дремала под деревом. Братья засобирались в доругу, пока не полил дождь. Попрощавшись, вскочили на коня и поскакали в Абадзех.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

25 мая 1874 года. Санкт-Петербург, 12 часов дня.

В кабинете Его императорского величества Александра II проходит тайное совещание по поводу событий на Балканах. В славянских странах нарастало народное сопротивление против турецкого владычества, грозящее вылиться в народно-освободительное движение. Это не могло не тревожить императора, поскольку братские славянские народы обращались за помощью к Российской империи. Но Россия, потерпев поражение в Крымской войне, еще не была готова оказывать им ни военную, ни финансовую помощь. Общественное мнение оказывало давление на государя, но он и правительство действовали осторожно: рекомендовали активистам собирать пожертвования, а руководителям движения сопротивления – набирать отряды добровольцев. Со своей стороны Александр II велел министру финансов выделить десять тысяч золотых рублей в пользу восставших.

Совещание проходило в двух лицах, напротив императора сидел его младший брат великий князь Михаил Николаевич Романов. Михаил Николаевич был наместником Его императорского величества на Кавказе и с 1862 года жил в Тифлисе, который был стратегическим центром. 19 апреля 1864 года государь назначил великого князя главнокомандующим действующей армии, и мобилизованные солдаты перешли горный хребет, отделяющий европейскую Россию от южного Кавказа. После окончания Кавказской войны наместник выбрал своей резиденцией местечко Вардане близ Сочи.

21 мая 1864 года вошло в историю России как день долгожданного окончания Кавказской войны. Свершилось это событие на Красной Поляне, носившей тогда адыгское название Кбааде. В честь подписания манифеста об окончании войны был отслужен торжественный молебен, состоялся церемониальный марш войск и прогремел артиллерийский салют. Официальная часть торжества и последовавшее за ней празднество прошли, и теперь в тиши кабинета император с братом обсуждали сложившееся положение:

– Что ж, великий князь, военная кампания на Западном Кавказе закончилась для нас благополучно. За последние десять лет было потрачено столько человеческих и финансовых ресурсов, что нам потребуются многие годы для восстановления армии. Требуется ее реформа, перевооружение армии только началось. Так что, Михаил Николаевич, позвольте Вам предложить небольшой фуршет: бокал шампанского за Вашу блестящую карьеру на Кавказе.

– Благодарю, Ваше величество!

Учтиво склонив голову, великий князь встал и принял искрящийся гранями хрусталя фужер с шампанским. Едва пригубив, оба поставили фужеры на стол и вновь сели.

Михаил Александрович обратился к государю:

– Позвольте мне, Ваше величество, выразить, так сказать, с глазу на глаз, мое личное мнение.

– Прошу.

– За годы, прожитые на Кавказе, я понял, насколько свободолюбивы горские народы. Не думаю, что черкесы, высланные в Турцию, смирятся с турецкой властью. На

мой взгляд, нам необходимо было найти возможность не лишать их родины, оставить жить под протекторатом России. Ведь не все покинули Черкесию, были и те, кто остался. Боюсь, что балканские события столкнут нас с этой свободолюбивой стихией вновь, и турки могут использовать этот народ живым щитом против славян. К сожалению, черкесы тут потеряли, но и там ничего не приобрели.

– Да. Но у нас есть договоренность с Турцией не брать черкесов на службу в армию. А то, что они покажут туркам свою строптивость – это факт, несмотря на то, что они единоверцы. Они по природе разные народы, у них, кроме религии, разные ценности, так сказать. Ведь турки – это остатки золотоордынцев, завоевателей, а черкесы – древние жители гор, мирные племена, свободные и гордые, правда, промышляющие набегами...

– Как доносят наши агенты, турки расселили черкесов по всем балканским странам и создают из них отряды самообороны. Под шумок турки маскируются под черкесов, нападают на болгар, создавая очаги напряженности. Если на Балканах вспыхнет война, это коснется и России.

– Да, нам, похоже, не избежать участия в этой войне. На Балканах разыгрывается крупная игра, это будет большой международный дележ, уже идет борьба интересов между Австро-Венгрией и Англией. Европа отреагировала мгновенно, а потому мы тоже не можем оставаться в стороне. Сербский князь Милан уже посылает своих послов, но мы пока выжидаем, время еще есть. Турецкий султан не может допустить, чтобы славяне Балкан освободились, поэтому тайно вооружает черкесов. Нам это известно. А переодетых в черкесскую форму турок посылает на болгарские села и хутора, чтобы грабить их. Те обрушивают свою ненависть на черкесов. Эти столкновения носят отвлекающий маневр от основных событий, которые назревают на Балканах. Как Вы, Михаил Николаевич, смотрите на то, чтобы послать на Балканы, в Белград, нашего брата Николая Николаевича с частной поездкой? Так сказать, присмотреться, оценить ситуацию в целом.

– Думаю, это правильно, Ваше величество. Стратегия – мать войны, тем более у нас еще есть время.

– Благодарю за содержательную беседу, Михаил Николаевич. Кстати, Вы знаете, что представлены к награде? За окончание Кавказской войны Вы награждаетесь орденом Святого Георгия II-й степени. Я уже издал манифест о награждении, так что орден вы получите 30 июня на заседании Государственного Совета. Будучи наместником Кавказа, Вы придерживаетесь российских традиций, и я надеюсь, что и впредь это будет так.

Аудиенция завершилась, и император Александр на прощание по-братски обнял своего младшего брата великого князя Михаила Николаевича Романова.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Лето на исходе, заметна поступь осени. В августе зреют яблоки, груши, чуть позже созреет гранат, гроздья винограда наливаются янтарным соком. Сады турецкого султана, как и сады персидских царей – пышные, изобильные, ухоженные. Мраморные дорожки, предназначенные для султанских прогулок, охраняются сторожевыми псами с обрезанными для чуткости ушами, белые скамейки блестят чистотой, фонтаны с золотыми и серебряными рыбками дают прохладу, а вольеры с фазанами и крикливыми павлинами установлены в центре сада, который так любит султан. Садовников не видно, хотя они, конечно, не покладая рук трудятся в саду. Они обучены быть незаметными, особенно когда там, под шелковым шатром, на мягкой тахте отдыхает султан. Всюду стоят стражники, но и они скрыты от людских глаз, хотя видят все, даже упавший лист с дерева.

Султан Абдул-Азиз медленными шагами прогуливается по саду, в тишине и покое обдумывая создавшееся положение: сейчас нельзя пропустить момент, врагов надо

задушить в зародыше. Болгары, сербы, черногорцы, румыны – все как с цепи сорвались, каждый требует своего отдельного государства. Все, все хотят свободы. На Балканах занимается пламя. Даже выдворенные из своей страны черкесы хотят чего-то. Спорят на своих сходах, не зная к какому берегу прибиться.

Султан вернулся во дворец, прошел в залу, где на стене по ковру было развешено оружие бывших великих султанов-османов. Он любил эту залу, среди оружия великих висела и его сабля, она еще послужит ему на Балканах и покроет его голову неувядаемой славой.

Он шел вдоль стены, и гордость заполняла его честолюбивое сердце. Вот эта сабля принадлежала великому султану Мураду I, который завоевал византийский Адрианополь, эта – сыну Мурада, четвертому османскому султану Баязиду Молниеносному, он первым начал создавать военный флот. Эта – его преемника Баязида-Мехмеда I, который создал превосходную артиллерию. Следующая турецкая сабля-ятаган принадлежала султану Мураду II, который повел войска на Константинополь и подготовил план падения Византии. Турецкий султан Мехмед II Фатих Завоеватель окончательно покорил Византию и взошел на византийский трон. Константинополь стал Истамбулом, а Византия – Блистательной Портой. Этой саблей владел Баязид II Дервиш, воевавший с мамлюкскими султанами, а эта принадлежала его сыну Селиму-Явузу, завоевателю и правителю Балкан, победителю мамлюков, которому были переданы ключи от мусульманских святынь Мекки и Медины. Это принадлежало султану Абдул-Хамиду, который создал войско янычар, но упустил райские земли черкесов. Здесь же оружие и великолепного султана Сулеймана. Нет только сабли основателя османской династии Османа-паши, но с тех пор прошло пятьсот лет. А мое оружие, хотя и висит здесь, но какую цену оно имеет?

Предки-султаны, расширяя государственные границы пролили немало крови. Перед его взором снова предстали мятежные Балканы. С невидимой душевной раной, полу-

ченной от созерцания ковра с оружием славы предков, он снова вышел во двор. Стражи невидимой тенью двинулись следом, за ними также бесшумно последовали сторожевые псы.

Зачем народы поднимают смуту, зачем дикие племена, не имеющие государственного устройства, устраивают кровавую бойню? Тут же могущественные страны, как волки, чувствующие добычу, замирают в ожидании броска. Не живется народам в мире и благоденствии. Европа требует от турецкого султана реформ, чтобы христиане уравнялись в правах с мусульманами, но кто их ущемляет? Если они платят подушные налоги, так и мусульмане-скотоводы также платят. Нет, европейские страны волнует другое: как бы оттяпать кусок послаще, как бы развязать сегодняшнюю ситуацию на Балканах да повернуть ее по-своему. Но Аллах, который дал нам во владение этот удел, посмеется над затевающими зло! Нечестивые получат то, что они заслужили, а наследие останется в наших руках. Наши предки завоевали эти земли, они кровью заплатили за блистательную Порту от востока до запада. Неужели с меня начнется развал Османской империи?

Как красив мир, который мы зовем временным. Солнце светит, а жизнь дана всему живому на нашей земле, которую можно сравнить с раем! Море, горы, буйная растительность – все есть для счастливой жизни человека. Но человек сам превращает свою жизнь в ад.

Султану Абдул-Азизу страстно захотелось выпить бокал вина. С последними тревожными событиями он пристрастился к этому веселящему напитку, но Аллах против хмельного. Абдул-Азиз пил тайно, но разве от Него скроешься? Он в гневе своем может наказать, сокрушить султана, как разбившийся сосуд горшечника! Мысли путались в голове Абдул-Азиза, и он в который раз поклялся перед Аллахом, что оставит этот грех. Скоро встреча с бабушкой, султаншей Бике.

Султанша строго держалась со своим внуком, но в душе очень тревожилась о нем: ложилась и просыпалась с думами о султане. «Молод он еще,– думала Бике,– не

вошел в зрелость, во власть, как говорят на земле моих предков. Вразумлять его нельзя, он с детства не любит наставлений. А править надо с одной стороны – жестоко, чтобы народы жили в страхе и трепете, с другой – делать все, чтобы люди были сыты и благополучны. Надо, чтобы народ молился о повелителе, чтобы видел, что в его руках его процветание. А сейчас и внутри страны, и за ее пределами враги султана только умножаются. Гнев народа возгорается быстро, это плоды правления султана, а он, вместо принятия волевых решений собрал вокруг себя льстецов и лжецов».

Султан погрузился в мысли, настраиваясь на разговор с Бике. В душе он все еще оставался мальчиком перед ней, ну, что же, так устроен мир: внук до старости должен с почтением относиться к бабушке. «Она меня благословляет, душой болеет за меня. Недаром не любит моих визирей, их волнует только личная выгода, без стыда они говорят о женщинах грязное, похотливое. Где же мои глаза, почему я терплю их? Надо закрыть дома терпимости, притоны, скверны. И это можно сделать без особых усилий: созвать эфенди и высказать им свое намерение, что греховное дело должно быть остановлено. Их дело следить за угодными Аллаху делами, вот пусть и занимаются.

А с бабушкой нужно будет обсудить положение дел на Балканах, где каждый день случаются стычки. В арабских странах спокойно, там нет сторонников-поджигателей, как у балканских славян. Услужили черкесам! Спасли их от верной погибели как друзей, как единоверцев, а они вместо благодарности становятся зачинщиками междоусобиц в государстве. Одни упрекают нас в том, что их заселили в засушливые места, не дали плодородных земель. Другие грозятся вернуться в свою страну. Третьи требуют, чтобы мы их вооружили, они будут мстить соплеменникам гяуров – балканским христианам. Вот об этом и поговорю с бабушкой».

Великой Бике доложили о приходе султана, она поднялась с небольшого круглого дивана, чтобы приветствовать внука:

– Рада видеть тебя в здравии, посланник Аллаха! Как твои дела? На что благословляет тебя Всевышний? Не грешишь ли перед Ним? В последнее время ты избегаешь меня, какие есть для этого причины? Я молюсь, чтобы Аллах наполнил твое сердце миром, а сон спокойствием. Я сама призвала тебя, и ты, наконец, явил передо мною свое лицо! Благодарю, что утешил, наполнил мою душу радостью. Мне докладывают, что мир неспокоен, поделись со мной своими делами, может, я уразумею твою боль, пойму твои тревоги.

– Нет, великая Бике, я не грешен перед Аллахом, и если тебе доносят другое, не верь, я давно перестал даже думать о вине. После бесконечных государственных дел я, как ты знаешь, слагаю стихи. Хочешь, прочту тебе одно стихотворение?

– Потом, потом,– Бике поняла наигранные слова султана. Значит, ветер дует со злой стороны, внук продолжает грешить. Ложь видна сразу, и он меня не услышит, даже если я буду вопить. И перешла к делу.– Расскажи мне лучше о государственных делах.

– Наши государственные дела пошли наперекосяк. Балканы взбунтовались. Сербы и болгары шлют послов в Россию, чтобы она поддержала их. Россия – наш извечный враг, сегодня она отняла у нас Черноморское побережье и Черкесию, теперь ей нужны проливы и Средиземное море. Почему ты улыбаешься?

– Ты говоришь о Черкесии, будто она когда-нибудь была нашей. Что толку об этом вспоминать. А что, у нас нет сторонников?

– На нашей стороне Аллах.

– Хорошо, что Аллах у тебя в сердце и ты не забываешь о Нем. Он сторонник всех верноподданных. Но я спрашиваю о европейских странах. Они всегда были на нашей стороне, это наши вековые союзники.

– Да, есть и такие страны, как Англия, Франция...

– Не забудь про Персию.

– И что нам это дает?

– Почему у тебя такое упаднические настроение, солнцеподобный?

– Потому что европейские страны, если Турция проиграет, первыми набросятся на Балканы. Они не наши с тобой союзники, их привлекают Босфор и Дарданеллы, к которым рвется и Россия. В этом заключается большая игра! А Турция – разменная монета, выиграет – дела пойдут так, проиграет – иначе.

– Но другие страны, не поддерживающие русское оружие, присоединятся к нам, не так ли? Англия спасла Турцию при заключении Адрианопольского соглашения, когда нам пришлось за нашу целостность рассчитаться Черкесией. А ты лучше за своими визирами-министрами хорошенько проследи, пусть занимаются делами как положено. Зашли всюду агентов, пусть докладывают обстановку во всем враждебном мире вплоть до текущего дня, так поступал твой отец. Перетряхни все министерство, если мы на пороге войны, накажи всех визиров-беззаконников, всех нечестивцев! Сам проверь состояние армии, ее боеготовность, пусть все знают беспощадность твоих воинов, пусть боятся турецких янычар. Как говорил твой отец: порох всегда должен быть сухим. Искорени всех, говорящих тебе ложь и лесть, ты же знаешь дела тех, в чьих устах нет истины. Накажи их так, чтобы остальные знали, что их ожидает! Откажись от них сам, пока они не предали тебя. Да хорошенько приструни непослушных черкесов, привлекай к себе самых надежных, сделай из них султанский эскорт, позаботься, чтобы у них всегда была хорошая добыча. А о возвращении на родину пусть они забудут.

– Ты лучше меня знаешь своих соотечественников. Они самих себя не послушаются.

– Те, кто не повинуется, будут наказаны. Напомни им об этом! – Великая Бике задумалась на минуту, потом снова обратилась к султану: – Да, Абдул-Азиз, сейчас самая главная проблема – Балканы. У наместника Балкан Мустафа-паши уже нет прежней силы, нет того авторитета, который нужен в условиях войны. Не мешай Баракетову

и Берзегову, пусть они соперничают между собой, это нам на руку. Они начали серьезное дело, пусть делают его. Ты же веди дело тонко, поощряй их, хвали, но держи в строгости, на расстоянии. Теперь у меня есть к тебе предложение, если ты согласишься со мной его обсудить.

– Конечно, соглашусь, великая.

– Султан, созови съезд муфтиев. Пригласи в султанскую мечеть первых эфенди вилайетов, особенно тех, которые живут на Балканах. На султанском совете пусть они расскажут, что там происходит. А я посижу наверху, на месте совершения намаза женщинами, и послушаю их. Эфенди любят поговорить, из их болтовни можно многое узнать. Так ты за день узнаешь положение дел на Балканах, узнаешь имена зачинщиков беспорядков и накажешь их. С благословения Аллаха, Балканы – часть великого Османского государства, и мы их никому не отдадим.

– Россия пока выжидает, но как узнать, каковы ее намерения?

– Видишь, как плохо работают твои послы. Зачем ты держишь посольство в России, если не знаешь, какие там настроения? А газеты русские ты читаешь? Что в них пишут про Балканы? Устрой международный прием, пригласи и русских послов, расставь всюду агентов-толмачей, пусть потом доложат обо всех разговорах между ними.

Через неделю собрался съезд муфтиата в Стамбуле, в мечети султана. Делегаты прибыли со всех уголков Турции, в том числе и с Балкан. Съезд открыли обеденным намазом во главе с султаном. После совершения намаза султан обратился к присутствующим с речью:

– Мы пригласили вас, благословенных Аллахом, сотворившем весь мир, чтобы решить один очень важный вопрос. Это проблемы волнений на Балканах. Много веков мы были для Балкан носителями милосердия и благородства. Там всегда было спокойно, но теперь христиане поднимают свой голос, требуя уравнивания в правах с мусульманами! Вы хорошо знаете обстановку на местах, поэтому я, султан Абдул-Азиз, приглашаю

вас к разговору. Расскажите нам обо всем, что вы видите своими глазами и слышите своими ушами. Осудите их нечестивые дела, как подобает священнослужителям-мусульманам, пусть заговорщики падут от своих же замыслов, потому что они восстали против своих покровителей. Вам знакомы подстрекатели, вы знаете их имена. Нам известно, что делегаты от сербов посланы к русскому императору с просьбой о помощи. Россия пока воздерживается от вмешательства, но нам надо упредить врага, чтобы сохранить спокойствие и мир на подвластной нам территории. Еще нас волнуют дела черкесов. Нет, наверное, среди нас никого, кто не знал бы об их беде. Они обратились к нам с надеждой на нашу помощь. Ярость и боль еще не утихли в их сердцах. Они не наши соплеменники, но наши единоверцы, часть нашей мусульманской семьи, и мы призываем их стать нашими союзниками в решении турецких проблем. Делайте для них все, что в ваших силах, помогайте им в делах, чтобы здесь они обрели вторую родину и у них не было желания вернуться. Прошу всех приступить к обсуждению круга вопросов, председателем съезда назначаю верховного эфенди Турции.

– Я иногда горжусь своим внуком, султаном Абдул-Азизом.– Великая Бике с удовлетворением щелкнула пальцами в серебряных кольцах и шепнула Гошмаф: – Как мастерски он говорит! Вот только не знаю, поймут ли наше беспокойство собравшиеся делегаты.

Гошмаф, державшая великую Бике за руку, лишь улыбнулась.

Первым взял слово эфенди Асхад и обратился к султану, хотя это было не по этикету.

– Если позволишь, посланник Аллаха, я спрошу вот о чем: у нас, что, не осталось войск на Балканах, которых убоялись бы его жители?

Верховный эфенди недовольно скривился, но ответил:

– Остались, благословенный Аллахом эфенди Асхад. Но войско – это сила для войны, а мы на съезде муфтиев решаем, как избегнуть ее. Нам нужны мирные балканцы,

для чего нам надо активнее вести миролюбивую политику и при этом выявлять зачинщиков заговоров.

– Если так, как ты говоришь, думает и великий султан, мы принимаем твой обстоятельный ответ, эфенди. Пусть Аллах поможет султану умножать достаток в нашей райской стране, пусть растет к нему любовь народа, пусть по всему миру разносится слава о ней. А мы должны жить с добрыми мыслями о солнцеподобном.

Султанша Бике едва сдерживалась, чтобы не вмешаться. Опять эти эфенди лгут и лицемерят, при таком повороте разговор, на который она надеялась, может не получиться. Нужно как-то разговорить их, пусть обсуждают все, что им вздумается, только бы узнать главное – как на самом деле обстоят дела на Балканах! Она послала Саида, чтобы он тихонько передал эфенди просьбу подняться к ней наверх. И зачем султан тянет время, почему не уходит со съезда, они же не раскроют рта при нем! О, Аллах, наполни сердце мое радостью, пусть все совершится, как задумано. Саид ушел с поручением, но разговор уже вошел в нужное русло:

– Великий султан Абдул-Азиз, мы, черкесы, твои верноподданные. Я эфенди черкесов, разреши мне от их имени передать тебе нашу бесконечную благодарность.– Одетый в черкеску эфенди Магомет Марзухаев встал и поклонился султану. Вместо черкесской папахи у него на голове была закручена белая чалма.– Ты сказал добрые слова о черкесах, которые нашли прибежище в твоей стране, и я еще раз благодарю тебя. Спасибо и низкий поклон от всех черкесов.

– Хорошо. А теперь прошу меня извинить, у меня много государственных дел, поэтому продолжайте съезд без меня. Эфенди, пусть ваше сердце будет открытым, расскажите все, что происходит на местах. Верховный эфенди позже доложит мне ваш разговор во всех подробностях. Надеюсь, ваше собрание будет плодотворным.

Султан Абдул-Азис встал, вскочили и муфтии, склонив головы, пока султан быстрой походкой проходил мимо

них. Верховный эфенди, получив весточку от Бике, спешно обратился к собранию:

– Прошу вас собраться с мыслями, а я вернусь через несколько минут.

Делегаты остались одни, они так и не поняли, что от них требуется. Негромко переговариваясь между собой, называли имена болгар, сербов, греков, румын, несогласных с какими-то решениями властей. Среди них сидели и те, кто скрупулезно запоминал эти имена, чтобы вечером на столе у султана лежал поименный список всех заговорщиков. Бике видела, слышала все это и благодарила Аллаха, что тот услышал ее молитву.

Верховный эфенди, получив наставления султанши, повел с делегатами более откровенный и подробный разговор. Он правдами и неправдами вытянул из людей все, что они могли только знать. Съезд завершили благодарственной молитвой-дуа.

После окончания съезда муфтиев, к министру иностранных дел Турции пригласили посла России и вручили ему ноту протеста о том, что его страна вмешивается в дела Балкан. Новость эту напечатали в турецких газетах, и несколько дней об этом объявляли глашатаи в турецких городах и селах.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

– Мурад-бей, готовь подарок за хорошую весть! – Айша вне себя от радости, распахнув настежь дверь, стремительно вошла в комнату.

– Какой еще подарок, когда у нас столько бед? – Мурад-бей привык к пустым шуткам жены, и сейчас, точа кривой турецкий ятаган, отнесся к ее радости с безразличием. Но потом понял, что за словами Айши кроется что-то серьезное. Он оторвал голову от ятагана и переспросил:

– И какую хорошую весть ты принесла?

– У нас родился внук! Говорят, что он очень похож на Раджеба. И еще чуточку смахивает на меня! Аллах мой, ты поранился, у тебя с пальца течет кровь!..

– Об этом ли забота? Я немало крови потерял за последние два года. Где Раджеб?

– Где может быть бедный мальчик, услышав новость? Сел на коня и ускакал.

– Найдите его срочно, не наделал бы глупостей!

Люди в недоумении смотрели вслед Раджебу, когда он на коне галопом проскакал по улицам Мавлюда. За один рывок конь донес его до опушки леса. Секунда – и он оказался бы в лесу, но Раджеб вдруг остановил коня. «Что случилось со мной, почему я не владею собой? – его сердце бешено колотилось, будто не конь, а он сам пронесся до околицы.– Неужели все, у кого рождается ребенок, так счастливы? Нет, нет! Я и счастлив, и несчастлив одновременно, но никто не был в моем положении. Посмотрел бы я на них, окажись они на моем месте. Я еще мог бы смириться с тем, что красавица-черкешенка вышла замуж за полукровку-гяура. Но она подарила ему моего сына, моего первенца! Не надо было слушать отца, а прибить его как бешеного пса. Она унизила меня трижды: сначала убежала, потом вышла замуж, еще и родила сына в его доме. И это не конец моим унижениям: его окрестят в христианской церкви, назовут гяурским именем. Я знаю, чего они заслужили: я должен убрать их обоих и получить своего сына! Албан мастер решать такие дела, он не сегодня-завтра вернется из Косово...»

Раджеб Османов успокоился, развернул коня и трусцой направил его в Мавлюд. Пока ехал, укрепился в последней мысли.

– Раджеб, ну-ка, зайди в дом,– окликнул подъехавшего сына Мурад-бей.

Раджеб спокойно отдал коня дворовому, не показывая вида, что знает о рождении сына подошел к отцу.

– Ты где был, где бродил?

– Я здесь, недалеко, выгуливал в окрестностях коня.

– Ты так заботишься о своем верховом коне, это хорошо,– пряча улыбку, похвалил сына Мурад-бей.– Поздравляю тебя с новостью, дошедшей до нас.

Он видел мучительное состояние сына, видел, в какой он ярости, и понимал, что тот готов на самый отчаянный поступок. Потому тихо, но твердо предупредил:

– Без моего ведома не принимай никаких решений. Ты понял? Если понял, постарайся ладить с той, которая обратно прибежала к тебе. Делай так, как я скажу, пока у нас не окажется наш сын и внук.

– Как скажешь, но все же...

– Никаких «все же»! Это – мое дело!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Более недели Албан кружил по Тырговиштскому ущелью. Весело рассказывал каждому встречному последние новости, шутил, кому-то сочувствовал, с кем-то спорил. Но у каждого, кто попадался ему на пути, интересовался, не видал ли тот Парвана Парванова? Иногда ему говорили, что Парванова видели там-то. И он, следуя за ним повсюду, утомил и коня, и сам устал. Было бы хорошо спросить о нем Тодора Димитрова, но так, чтобы он не насторожился. Но как встретиться с врагом друга, с отчимом чужого ребенка, которого он сторожит днем и ночью как своего родного.

Албан остановил коня у родника и, охлаждая лицо холодной водой, вспомнил Мурад-бея. «Я много лет его знаю, но до сих пор многое понять не могу,– размышлял он.– Если бы он доверился мне, сказал, зачем ему нужен этот треклятый Парванов, я бы давно исполнил это поручение. Но он скрывает, что-то выгадывает для себя. Я помню золото и серебро черкесского князя, семью которого мы истребили. А Мурад-бей не поделился со мной, сказал, что его обокрали. Но ведь я знаю, чую, что он всю добычу

спрятал. Я не говорю о половине, но десятой частью он мог бы поделиться? Поэтому и не доверяю ему, иначе давно бы выполнил поручение, которое он хочет поручить Парванову. Сам не хочет марать рук, но рано или поздно все откроется, и черкесы узнают, что на этом богатстве их кровь. Знать бы мне, куда он спрятал золото, я тот час отправил бы его в ад, к праотцам. А пока выполняю его поручение, ищу Парванова. Только где мне найти его? Кто-то говорил, что он может быть в Стефановке, в заброшенной кошаре старика Стефана. Говорят, ее разграбили черкесы. Поеду туда, пока не наступили сумерки, может, там и заночую».

Топот копыт навевает тоску, но думы Албана и без того темны как ночь. Вспомнил он двух мальчишек, разносчиков чая, которые с гневом глядели на него. Тогда и Баракетов спросил: «Что ты сделал им? Мне кажется, они ненавидят тебя». «Да, они, наверное, знают, как я поступил с их отцом, что убил его, но мне захотелось иметь его кинжал... Сегодня я тоже преследую жестокую цель, здесь замешаны мусульманская и христианская кровь... Аллах, Ты сотворил этот мир, заселил его людьми, дал им разные языки и религии, Ты испытываешь их в нашем временном мире. Каждый в свое время мы все предстанем перед Тобой с грузом совершенных грехов и будем держать ответ. Я прошу Тебя, не дай мне совершить еще один грех, они тоже Твои люди. Если Ты меня слышишь, дай им знать, чтобы они вместе со своим ребенком убирались подальше от Мурад-бея. Мне нужно бежать отсюда...Стой, о чем я говорю! – рассердился на себя Албан.– Если я сейчас так поступлю, получится, что зря столько лет прислуживал тому, кто прибрал к своим рукам мою часть золота и серебра! Нет, сначала я должен получить свою долю, а потом – будь что будет. А если Парванов не согласится?.. Для решения своих проблем ему нужны деньги, он согласится. Пусть сначала сделает дело, а потом узнает, какой конец его ожидает... Не сомневаюсь, что придет и мое время, Мурад-бей поступит так же и со мной, я слишком хорошо

его знаю! Что поделаешь, в таком мире мы живем, или ты, или тебя...»

Размышления Албана прервали Хатам и Хаджирет, ехавшие ему навстречу на одном коне. Мысленно посмеиваясь, радушно обратился к братьям:

– Валлахи, мне приятно, что я встретил вас! Как вы, как ваш отец, жив ли, здоров? Давненько я его не видел.

– У нас все нормально, и отец наш жив-здоров,– неохотно ответил Хатам.

– Самое бесценное в нашем мире – здоровье. Я слышал, у вас родился малыш, ваш племянник, поздравляю! Следовало бы поздравить и бедного Масхаба, но знаете...

– С чего ты взял, что наш отец бедный? Может, это твой хозяин Мурад-бей бедный?

– Успокойся, Хаджирет,– одернул брата Хатам,– добро пожаловать, Албан.

– Спасибо, меня к вечеру ждут в Шумле. Не обижайтесь на меня, вы, наверное, едете к сестре. Передайте ей и вашему отцу: в том, что с вами случилось, нет моей вины. И зятю вашему от меня – салам. Он хоть и болгарин, но поступил как настоящий мужчина. Да, я забыл, он же по матери черкес, в нем течет ваша кровь.

Всадники разъехались. Выехав на дорогу, ведущую в Шумле, Албан оглянулся. Баговы исчезли в лесу, и он понял, что они направились в Стефановку. Албан рассуждал: «Оба брата крупные, аж конь прогибается. Небогато они живут, во дворе пусто, зато в турецких и болгарских дворах много всякой живности. Хоть и скромно живут Баговы, но доброжелательны, приветливы, готовы хлебом и солью встретить гостя, уважительно относятся и к друг к другу. А вот сестра их посмела встать против турецкой семьи, привыкшей получать все, что захочет, поэтому они любыми способами хотят наказать ее. Мурад-бей не понимает, что если прут согнуть, он распрямится и ударит тебя...»

Рассердившись на Мурад-бея, Албан повернул коня и приехал обратно в Мавлюд. Мурад-бей встретил его непривычно радушно.

Албан, не понимая причины его радушия, мрачно произнес:

– Я не нашел Парванова, он как сквозь землю провалился.

– Это хорошая новость.

– Почему? – удивился Албан.

– Я подумал, что мы в любое время сможем убрать болгарина-получеркеса. Но зачем нам брать грех на душу, лишая мать своего ребенка? У черкесов есть хорошая пословица: «Доброе слово ослабляет печаль». И у нас есть такое слово. Я по-другому поступлю с Баговым-старшим, не захотевшим стать моим родственником. Да, два наших рода враждуют, но у нас появился, по воле Аллаха, ни в чем не повинный ребенок. Он смягчит наши сердца. С нашей и их стороны выберем по одному мудрому мужу и поедем поздравить их с внуком. Неужели они переступят свои черкесские обычаи, не пригласив нас в дом?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

С улицы послышался мужской голос, и по тому, что Чурка не залаяла, Тодор понял: пришел кто-то свой. За калиткой, не спешиваясь с коня, его ожидал Парван Парванов. Тодор обрадовано протянул руки, приветствуя друга:

– Добро пожаловать, Парван, заходи в дом!

– Я тороплюсь, Тодор, но на днях обязательно загляну к тебе. Как Дарихан, как ваши дела? Может, помощь какая нужна? Ты все еще в обиде на меня? Не гневайся, пусть наша дружба, как и прежде, будет искренней.

– Забудем обиды, друг, когда это было? А сейчас раздели с нами радость, Парван, у нас родился сын – Стефанка, назвали в честь Стефана Стефанова. А почему тебя не было на его похоронах?

– Тут нет моей вины, Тодор, я был на Балканах у сербов, боснийцев, черногорцев. Славянские Балканы, брат, проснулись и недалек тот день, когда наступит их свобода. Русские братушки не забывают нас. Об этом и о других болгарских делах завтра поговорим, подъезжай к месту схода к часу дня. Жалко, что Стефан не дожил до этих дней, но я рад, что вы назвали мальчика его именем.

– Хорошо, Парван, я обязательно приеду.

– Извини, Тод, у меня сегодня еще несколько встреч. Завтра, после собрания, поговорим о твоих семейных делах, подумаем, как и что... До меня дошли плохие вести, поэтому будь осторожен и береги свою семью.

Тодор понимал, что только со стороны Мавлюда могут исходить подобные угрозы, но исполнить задуманное им будет трудно: мы не одни, и на открытый конфликт турки не пойдут. Хатам и Хаджирет приезжают почти ежедневно, Османовы это наверняка знают. Дарихан тоже тревожится, и это заметно, хотя внеше хочет казаться веселой и благодушной, но по-настоящему расслабляется лишь в присутствии своих братьев.

Тодор вошел в дом. Дарихан, что-то тихо напевая, собирала на стол завтрак. Стараясь уйти от тревожных мыслей, Тодор подошел к колыбельке и улыбнулся малышу:

– Что, тесно тебе в люльке, Стефанка? Мать привязала тебя на совесть. Разорви все завязки и встань рядом со мной, как мужчина.

– Что, появилась какая-то опасность? – с лица Дарихан сошло все напускное благодушие, она стала похожей на раненую птицу.

– Нет, нет, я просто разговариваю с сыном.

– Зачем приезжал Парван, почему ты не пригласил его в дом?

– Как говорит Хаджирет,– рассмеялся Тодор,– у Парвана на хвосте коня горит огонь. Завтра будет собрание, и он пригласил меня, вот только не знаю, что делать.

– Почему не знаешь? Раз пригласили, надо ехать.

– Ты слышишь, Стефанка, что говорит твоя мать? Она понимает, что болгарское дело – это дело всех болгар, и

больших и маленьких. Поэтому и ты, и я помолимся Богу, чтобы он помог нам избавиться от турок. Смотри, Дарий, он понял меня, смотри, улыбается. Да, сынок, ты родился в несвободной стране, но придет время, и все изменится.

– Ты так уверенно говоришь, Тод, будто знаешь день, когда это будет.

– Если бы я знал день нашего освобождения, я был бы самым счастливым человеком на земле. Моя мама говорила: «Имея доброе сердце, достигнешь своей мечты». Я верю, что достигну. Хватит, мы долго терпели это насилие – пять столетий живем под турками! Теперь, когда все народы поднимаются, когда вот-вот вспыхнут Балканы, Россия не останется в стороне. Наши братушки придут на помощь! Говорят, что сербы послали к русскому царю делегацию, завтра услышим все новости.

– У нашего народа не было сторонников, некому было нам помочь... – печально сказала Дарихан,– мы, как говорила бабушка, сгорели в огне войны тех самых братушек. Не обижайся, Тод, я сказала правду. Вы тоже ненавидите своих завоевателей.

– Как я могу обижаться на правду? Если бы в этом мире все происходило по нашему желанию. Да, в этом мире с каждым народом что-то случается, но вас, говорят, турки продали России? Ты говоришь, что в войне у Черкесии не было сторонников, но ведь наши соплеменники-поляки воевали на вашей стороне. Слышала о полковнике Лапинском?

– У этого Лапинского было турецкое имя Тефик-бей. Ты говоришь, что поляки воевали за нашу свободу? – глаза Дарихан сузились от гнева, будто не Тодор, а Тефик-бей сидел перед ней.– Они были подстрекателями и делали все, чтобы мы воевали с их врагами. Отец говорил, что поляки всегда противостояли русским, поэтому стравливали нас с ними. А ты слышал о Сафербие Занокове?

– Парван, когда воевал в Черкесии, слышал многое о нем. На Балканах делами черкесов занимаются Баракетов и хаджи Берзегов. Говорят, сын Сафербия Занокова Карбатыр помогал хаджи Берзегову в создании Черкесского

парламента – меджлиса, но здесь об этом никто и не вспоминает. Что поделаешь, как говорят габровские насмешники, и такое бывает.

Тодор задумался над словами Дарихан, он понимал, что всякий раздор начинается с недовольства, из малой искры раздувается пламя вражды. Как хорошо соседствовать в мире и согласии. Но если приходит война, в ней нет правых и виноватых, все сгорают в этом огне.

– Вдруг ваши братушки, изгнавшие нас с родной земли, приберут к рукам и вашу страну?

– Нет, Дарий, они так с нами не поступят, мы одной веры,– спокойно возразил жене Тодор.

– Ну, если так, то хорошо. А что будет с нами?

– Дарий, что может с нами случиться? С нами будет то же, что и со всей страной, которая будет принадлежать нам.

– Я говорю не о нас троих, я говорю обо всех черкесах, абхазах, чеченцах, вынужденно оказавшихся тут.

– Если говорить о кавказцах, то, что будет с нами, то и с ними. Знаешь, я привык вместо «адыги» говорить «черкесы».

– Меня не волнует, что нас зовут черкесами. Пусть зовут как хотят, лишь бы мы как народ не исчезли. Я хочу...– голос Дарихан сорвался. Она коснулась подушечки спящего младенца, поправила платок на голове, вытерла невольно выступившие слезы, потом улыбнулась мужу,– может, я говорю слишком много, облегчая свою душу? Только теперь я начинаю понимать, Тод, какое горе у вас. Но вам легче, вы живете в своей стране, а мы в горе и страданиях вдали от своей. Как я хочу хоть один разок увидеть родник у нашего дома. Бабушка называла его «Счастливой водой». Знаешь, родник в конце нашего огорода напоминает мне тот. Но лишь напоминает... Черкесы видят во сне другую сторону морского берега. По тому, что ты рассказываешь о своей матери, я понимаю, что она тоже мечтала о родине и никогда не забывала о ней. Наверное, ты с молоком матери впитал в себя ее чувства и переживания, и память о ней свела нас. Теперь

в нашей жизни появился этот маленький мальчик, который еще не знает какого он рода-племени, он просто спокойно спит.

– Ну-ну, Дарий, не все так плохо! – Тодор прижал к себе жену, ласково взглянул на сына,– у нас с тобой есть Стефанка. И спасибо, что ты вспомнила о маме. Она, помня родину, делала все, чтобы я полюбил и Болгарию, страну моего отца. Я здесь родился, это моя земля, но мое сердце разрывается надвое, когда нужно принять одну из сторон, но не стать врагом для другой стороны, я должен быть единым и с нею. Нужно уметь не разрывать свое сердце, а, наоборот, объединять обе его половинки, как это делала моя мать. Когда ее не стало, я поставил над ее могилой крест, хотя она нашу веру сердцем не приняла. Но когда я родился, сама настояла, чтобы меня окрестили, и я стал православным. И крест над могилой – это выражение праведной жизни, какой жила моя мама.

– Скажи, Тод, тебя не упрекали твои братья-болгары в том, что твоя мать исповедовала турецкую религию?

– Эта религия – ислам, Дарий, турецкой религии нет,– поправил жену Тодор.– Когда был мальчишкой, мы, как все дети, дрались, тогда бывало кто-нибудь в пылу гнева называл меня черкесом-басурманом. Когда стал взрослым, а моя мать уже покоилась на болгарском кладбище, об этом никто не вспоминал. И, знаешь, больше всех меня обижал Парван! Стефан все время мирил нас, а мы снова дрались.

– Скверный! – скривилась от обиды за мужа Дарихан.– Я подозревала, что он скверный человек!

– Нет, Дарий. Много раз он выручал меня из беды! Мы были, как Хаджирет и Касим, как говорится, и вместе тесно, и врозь скучно. Он по характеру горячий, все время чем-то озабочен, вот и теперь неутомимо занимается решением болгарских дел.

– А разве все люди, занимающиеся делами соплеменников хороши? Баракетов тоже занимается делами черкесов по заданию турецких властей. Вооружает черкесов, чтобы они воевали против русских, если те придут.

– Это для нас уже не секрет. Но Парванов борется за свободу болгар.

– Поэтому он на стороне наших врагов воевал на нашей земле?

Вопрос Дарихан застал Тодора врасплох, он понял, сколько невидимых преград между ними. В глубине их любящих сердец много вопросов, на которые они не знают ответа, и это постепенно может разъединить их. И вдруг он испугался, что такое может произойти. У каждого народа своя правда, своя боль, и эта боль может пересилить любовь. Дарихан, его любимая Дарий, может выбрать судьбу своего народа и встать против него.

– Знаешь, Дарий,– обеспокоенно сказал Тодор,– ты должна разобраться в своем сердце. Я не могу решать за тебя те вопросы, которые касаются боли твоего народа. Я могу лишь любить тебя горячо и искренне, как любили друг друга мои родители. Боль моей матери была не менее сильной, чем твоя. Может, даже сильней: она была здесь одна, без соплеменников. И я боюсь, что твоя боль может разрушить нашу любовь. Тебе придется что-то с этим делать.

– Прости меня, Тодор. Я знаю, что ты не воевал в Черкесии, тебя не в чем упрекнуть. Да, мое сердце болит, но я изо всех сил стараюсь его успокоить. Но когда я подумаю, что наши кровники станут твоими союзниками, придут в наш дом, будут делить с нами наш хлеб, я не могу сдержать своих чувств. Мне кажется, что я предам могилы своих предков. Я не знаю, как поступят мои братья и отец. Прости, но это так.

В это время проснулся малыш, он заплакал так жалобно, что сердце Дарихан, которое минуту назад было каменным, стало мягким и нежным, она заворковала над ним:

– Мой мальчик, мой Стефанка, мы с отцом рядом, сейчас мы тебя накормим, успокоим, согреем... Наш маленький, наш любимый...

– Давай, Дарий, я подержу сына,– Тодор привлек к себе крохотное существо, самое родное на свете. Все тяжелые мысли оставили его, сердце наполнилось неизъяснимым счастьем. Мурлыкая болгарскую колыбельную, он ходил с ним по комнате, раскачивая на руках, ласково касался его розовых щечек. Дарихан притихла: она так любила этих двух родных ей людей, что жизнь бы отдала за них.

Тодор вышел из дома, чтобы мать спокойно покормила ребенка, и мысленно возвратился к прерванному разговору. Да, все непросто... Конь, заслышав шаги хозяина, заржал, Тодор подошел, потрепал его гриву, погладил по морде, заглянул в преданные глаза. Конь любил, когда хозяин разговаривал с ним, тряс в ответ головой, будто соглашался или возражал. Тодор, зная это желание любимца, проговорил:

– Что, скучаешь? В яслях лежит корм, вода тоже есть, Чурка рядом лежит, так что набирайся сил, отдыхай.

Чурка услышав свое имя, забегала вокруг хозяина, потом припала к его ногам. Все живое требует любви и ласки, и только человек может разрушить свое счастье, свой покой и мир. Как это жестоко, как несправедливо! Мысль о предстоящей войне пронзила его сознание, она стала для Тодора ненавистной, противоестественной и чужой.

«Люди должны научиться жить в мире,– думал Тодор,– ладить, помогать друг другу. Ведь Бог всех сотворил по образу своему и подобию. Люди, когда-то обитавшие на этой земле видели перед собой эти ближние и дальние горы, как и мы, живущие сейчас, видим их. Родники, о которых говорила Дарихан, текут из-под земли для всех. Солнце светит на небе, белые облака несутся наперегонки. Болгарские, турецкие селения соседствовали рядом, теперь к ним добавились черкесские, абхазские и чеченские. Люди живут, присматриваются друг к другу. Над ними одно небо, одно солнце, один ветер, дождей и снегов хватает всем, как и сверкающих молний и грома. Но есть те, кого это не устраивает, надо, чтобы все это было их собственным. И люди тоже подчинялись бы только им».

На следующий день Тодор решил никуда не ехать, но жена напомнила ему:

– Тод, ты опаздываешь.

– Я никуда не поеду.

– Почему? Там тебя ждут люди, которых ты обнадежил!

– На этот раз обойдутся без меня, ничего не случится.

– Это будет нашим позором, Тод.

– А ты тут причем? Тебя эти дела и вовсе не касаются. Просто я не хочу вас одних оставлять дома.

– Не хитри, Тод. Ты не умеешь кривить душой. Ты решил ради меня отступить от своих убеждений, тебя не волнует судьба своей родины? Ты забыл, что случилось со мной здесь, в Тырговиште? А что они творят с черкесами, готовя поставить их живым щитом в случае войны? Я многое испытала, и знаю, что такое война. Но, Тодор, если будет надо, я встану рядом с тобой ради жизни нашего ребенка. Я тебя не предам, можешь положиться на меня. Турки – мои враги, хотя они единоверцы. А ты – мой муж, данный Аллахом, с которым моя судьба связана навек. И Болгария станет моей второй родиной, какой она стала для твоей матери. Это – и моя земля, потому что здесь живет мой муж, здесь родился мой сын. После всего, что со мной случилось, я поумнела, как говорит мой отец, «адыг поздним умом крепок»,– сквозь слезы рассмеялась Дарихан.– Открою тебе секрет: когда тебя нет дома, я кладу под подушку кинжал, подаренный мне Хаджиретом, а в кармане ношу ножницы. Так что не бойся за нас. Будь уверен, что я смогу защитить наш дом. Испытания, через которые я прошла, сделали меня сильной. И эта сила победит любого, кто с худыми намерениями переступит этот порог. А мы, Стефанка, проводим твоего отца на собрание болгар и попросим Бога, чтобы он благополучно возвратился.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

У коновязи Баговых остановились три всадника. Хаджирет, увидев их, пришел в замешательство:

– Отец, приехал Мурад-бей с двумя всадниками!

– Пригласи их в дом, разве ты не адыг?

– Я растерялся, отец, не знаю, как поступить.

– Встреть их, прими коней, проводи ко мне. Где Хатам?

– Он встречает нежданных гостей.

– Иди, не позорь нас перед аулом. Приготовьте что-нибудь к столу и позовите Наурзова с Коблевым.

Вот и случилось то, чего так боялся Масхаб. Когда гости вошли и поздоровались, он пригласил:

– Добро пожаловать, проходите, присаживайтесь.– И обратился к приехавшему с Мурад-беем эфенди Махошу: – Давно, Хазрет, мы не виделись, как ваши дела, как живете?

– Да, Масхаб, с нынешней весны не виделись, пусть каждый твой день по милости Аллаха умножится в сто раз. Наши селения недалеко друг от друга, но встречаемся не часто, а наш временный мир, как ты знаешь, имеет свойство укорачиваться. Как вы поживаете? Всего ли у вас достаточно, не имеете ли в чем нужды?

– Мы все живем в одном мире, все проходим испытания, но не ропщем, не ждем почестей, не совершаем постыдных поступков,– не обращаясь вроде бы ни к кому, ответил Масхаб.– От дальности и близости сел не зависят встречи. На родине у нас были причины для встреч, здесь, на чужбине, их нет. Но и тут мы не забываем завещанные нашими предками обычаи.

– Да, Масхаб, да,– эфенди согласно закивал головой,– где бы мы ни были, даже находясь в раю или в аду, мы не должны забывать, что мы адыги, мусульмане. Это у нас в сердце. Но нам в этом временном мире все удары судьбы приходится получать от гяуров, среди которых нас расселили здесь.

Вошли Дзегашт Наурзов и Гарун Коблев. Они, как Масхаб, не подали гостям руки, хотя те встали, приветствуя их. Просто поздоровались и сели у стены напротив Мурад-бея и Албана. Следом вошли Хатам, Хаджирет и Касим. Они занесли два анэ – круглых столика и поставили их рядом друг с другом.

Эфенди Хазрет сказал:

– Валлахи, мы не думали усаживаться за столы, но, по нашим обычаям, отведаем угощение. После, с позволения Аллаха, выполню порученное мне дело, как бы тяжело оно ни было. Скажите «бисмиллах» и приступайте к еде.– Сделав несколько глотков чая, эфенди продолжил: – Нелегко рассудить неблагопристойное дело, произошедшее между двумя известными семьями. Мурад-бея знают не только в этом ущелье, которое по воле Аллаха стало местом нашего жительства, но и далеко за его пределами. По его просьбе я обращаюсь к вам: мы, мусульмане, верны исламу и Корану, и по законам нашей религии вы не должны препятствовать Мурад-бею забрать своего внука, сына Раджеба в дом своего отца, к своим родным. Мы сказали свое слово, что вы на это ответите?

Масхаб знал, что ответить, он давно ожидал этот вопрос, но сейчас не торопился. Он посмотрел на Дзегашта, потом перевел взгляд на Гаруна, будто сверяя с ними свои мысли. И, едва сдерживая ярость, обратился к эфенди:

– Разве ты не адыг, Хазрет? Ты забыл, что сидишь в доме адыгской семьи, которую опозорили и унизили?

– Семья, в которой я сейчас нахожусь, чью пищу ем,– эфенди Хазрет через силу улыбнулся,– для меня не только адыгская семья, она еще и мусульманская. Священная религия Аллаха, которой я служу, не делит семьи на адыгские, турецкие и другие народы. И для меня, служителя Аллаха, одинаковы и Баговы, и Османовы. Вы же знаете: мусульманский закон предписывает, чтобы ребенок воспитывался в семье отца.

Молчавший до сих пор Коблев не выдержал:

– Мы преклоняемся перед Аллахом, мы его верноподданные. Но все это должно соответствовать укладу жизни

и обычаям народа, исповедующего ислам. Я не знаю никакого «мусульманского обычая». И я не понимаю, почему молчит тот, по чьей вине все это произошло.

– Да,– поддержал его Наурзов.– Сторона, унизившая нас, пусть хоть что-нибудь скажет в свое оправдание.

– Хорошо,– согласился эфенди Хазрет, едва сдерживая свой гнев.– Мурад-бею есть что сказать, он не пришел к Масхабу Багову молчать. Но насчет мусульманского закона, Коблев, ты не прав. Не нужно спорить, не читая Коран и не зная арабского языка. Но если твои слова услышал Аллах,– эфенди многозначительно поднял глаза к потолку,– то твое счастье, если он простит и благословит тебя. Ты сейчас попроси его об этом, а мы присоединимся к молитве за тебя. Аллах великодушен, он охраняет нас, и больше наставляет, чем укоряет. С его благословения мы пришли к вам. Смягчите свои сердца. В этом деле есть и виновные, и невинные, имейте терпение и милосердие. Если мы преступим Его решение...

– Эфенди, успокойся! – втянув голову в плечи, остановил его Наурзов, затем тихо, но грозно проговорил: – Вы, что, пришли к Баговым рассказать о мусульманской религии, о милосердии Аллаха? Мы услышали песню, которую ты, эфенди, поешь для того, на чьей арбе катаешься.

– Ты слышишь, Масхаб, как твои благородные друзья ни во что нас не ставят? И вместо того, чтобы преклониться перед Аллахом, унижают меня?

– Насчет Аллаха, это ты хватил, эфенди,– откровенно улыбаясь, произнес Масхаб.– Я согласен с тем, что говорят мои друзья. И так как среди гостей мы с тобой старшие, я без лишних слов скажу: Мурад-бей Османов – враг рода Баговых, но пока он не покинет нашу околицу, он, как гость, будет в безопасности. Но самое главное – он не получит того, что хочет. Теперь слушаю вас, если есть что сказать.

– Я имею представление о черкесских обычаях,– заговорил наконец Мурад-бей,– и скажу, зачем я пришел. Если

вы не признаете религиозный закон, то мы обратимся к закону Турции, страны, которая дала вам кров. И с помощью этого закона заберем ребенка, в нем течет наша кровь, у него наши корни.– Мурад-бей встал, дошел до двери и, обернувшись, добавил: – Я не позволю воспитывать нашего ребенка гяурам-болгарам, не позволю, чтобы он носил их фамилию.

– Счастливого пути,– пожелал вслед гостю Масхаб Багов,– вот только сомневаюсь, что ты получишь желаемое. Хатам, вы где? Проводите как полагается этих незваных гостей.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Под вечер, когда хозяева с болгарского селения гнали с пастбищ коров, из леса неожиданно вылетели пятеро всадников, одетых в черкески. Размахивая саблями, они налетели на мирно идущих людей, после чего умчались в сторону аула Шапсуг. На лесной опушке остались лежать истерзанные тела мужчины, трех женщин и двух мальчиков. На отчаянные крики обнаруживших их женщин, из Стефановки на конях прискакали болгары. Увиденная картина потрясла их своей жестокостью, мужчины в гневе проклинали черкесов, грозя кулаками в сторону их аула, женщины громко оплакивали убитых, дети в испуге жались к подолам матерей. Среди болгар был и Тодор Димитров. Он видел горе людей, рыдания родственников содрогнули его сердце, и он почему-то почувствовал себя виноватым перед ними. Спустя некоторое время послышался тревожный колокольный звон, созывавший людей к храму.

– Что здесь случилось?! – Парванов на ходу выскочил из седла.

– Ты, что, не видишь? Черкесы уже убивают болгар,– горестно ответила женщина, сидевшая над убитым мужем.–

Черкесы, которых Россия выгнала с Кавказа, создали вооруженные отряды и теперь мстят нам за это. Ты почему, Димитров, смотришь на меня недобрым взглядом? Наверное, потому, что ты сам наполовину черкес? Или из-за того, что отнял у турка его жену-черкешенку и теперь живешь с нею?

– Мы понимаем твою беду, но надо как-то сдерживаться. И ты, Иван, сдерживай себя, будь мужественным,– сказал Парван болгарину.

– О каком мужестве ты говоришь, я остался один с четырьмя малыми детьми!..– Иван наклонился над женой и заплакал.

– Кто-нибудь видел всадников-убийц? – Тодор, не позволяя обиде взять верх, стал подробно расспрашивать об этом людей.

– Я видел,– отозвался мальчик-подросток.– Я спрятался за этим кустом, поэтому хорошо разглядел их лица. Они не разговаривали, но их старший что-то сказал им на черкесском языке.

– Откуда ты знаешь, что это черкесский язык?

– Я не знаю его, турецкий немного понимаю, но по одежде это были не турки, это я вам точно говорю.

– Как тебя зовут, парень?

– Николка.

– Николка, ты бы узнал этого черкеса, если бы увидел его? – спросил Парван, перебивая Тодора.

– Если бы сейчас посмотрел, узнал, но через некоторое время, не знаю, смогу ли. Он с усами и бородой, смуглый, худой...

Тодор и Парван переглянулись, они заподозрили, о ком говорит Николка. Когда стали увозить убитых, Тодор сказал Парвану:

– Я подозреваю... но об этом мы знаем далеко не все.

– Да, тут надо подумать... Похоже, турки стравливают нас с черкесами... – Парванов помолчал, потом напомнил Тодору: – Помнишь, как они в прошлом году стравили сербское и албанское селения? Турки придумают и не такое...

– Парванов! – Иван, шедший за арбой, на которой лежала его убитая жена, обернулся и гневно прохрипел: – Вы рассказываете нам турецкие байки, а в это время басурманы-черкесы вырезают нас! Пусть я погибну, но не оставлю в живых ни одного черкеса в нашем ущелье!

– Не отвечай обидой на обиду, в горе она тебя не услышит,– тихо попросил товарища Тодор.– Я то же самое сказал бы...

Парванов вспомнил, как воевал в Черкесии: «Получается, что та война аукнулась мне здесь, в Болгарии. Казацкие станицы и черкесские селения там тоже соседствовали, но казаки и черкесы ненавидели и убивали друг друга. Победители, на стороне которых была власть, объявляли виновными побежденных... Я тоже вместе со своими соплеменниками, не выпуская саблю из рук, воевал и попал в плен к черкесам. Вот и теперь вынужден встать опять против черкесов. А кто здесь виноват, кто прав – не знаю...»

– Тодор, с кем дома осталась твоя семья? – неожиданно прервал свои размышления Парванов.

– С ними Хаджирет. Почему ты спрашиваешь?

– Если Дарихан с братом, это хорошо, мало ли что может быть. Я побуду здесь, с людьми, а ты возвращайся домой. И как мы с тобой договаривались, спрячь их на какое-то время, не откладывай. Если далеко не хочешь отвозить, пусть она останется в Абадзехе, там отец и братья, которые смогут ее защитить, соседи присмотрят, да и аульчане в случае чего помогут.

– Спасибо, Парван, я прислушаюсь к твоему совету. Посмотрим, что будет дальше. Я тоже не хотел далеко уезжать, оставлять дом и подворье своих родителей. Да и куда я пойду? Сейчас поедем в Абадзех и там узнаем, черкесы ли налетели на нас и принесли столько горя?

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Известие о трагедии, случившейся в Стефановке, с молниеносной скоростью распространилось по всей Болгарии: от ущелья Тырговишты до Шумли, Варны и Софии. Не успели люди опомниться от этого злодеяния, как совершились еще три подобных случая, только теперь убитых оказалось гораздо больше. Все говорили об одном и том же: всадники в черкесках нападали, убивали, при этом не трогали личного имущества, одежды, денег, не угоняли скот. Теперь болгары в каждом селе стали собирать дружины, чтобы охранять дома, поля и пастбища.

Власти, узнав о нападениях, начали официальное расследование, но никто из болгар не надеялся, что кого-то найдут и накажут, у турок с черкесами круговая порука: они единоверцы. Тут, как говорится, ворон ворону глаз не выклюет. Болгары, несмотря на то, что в округе рядом с ними проживали и чеченцы, и абхазы, и карачаевцы, и осетины, виновными считали адыгов-черкесов, и те, никому ничего не доказывая, стали записываться в конную и пешую охрану, покупать оружие и верховых лошадей.

Народно-освободительное движение в ущелье во главе с Парваном Парвановым тоже создавало отряды самообороны, которое состояло из патриотически настроенных болгар. Это движение походило на народную армию, люди видели свою страну независимой, свободной от турецкого владычества. Турецкие селения, уверенные в поддержке властей, не обращали внимания на волнения, происходившие на Балканах. Они жили своей обособленной жизнью, после Аллаха уповали на своего светлейшего султана и думали лишь о сегодняшнем дне. У них были самые плодородные земли, тучные пастбища, лучшие леса, базары, магазины, хлебопекарни, водохранилища, и все доходные места. И вот теперь, когда турки и болгары должны были столкнуться не на жизнь, а на смерть за свои интересы, между ними появилась третья сила – черкесы,

которые своими зверствами вызвали у болгар такую же ненависть, как и турки.

Черкесы оказались между двух народов во время их активного противостояния. Недавно они сами проливали кровь на Кавказе, воюя за свободу своей страны, поэтому хорошо понимали, какой пожар занимается на Балканах. Освободительная война лишила их родины, и что теперь будет с ними на чужой земле? И тут новая беда: их обвиняют в страшных преступлениях против христиан-соседей.

Мысли кружили в голове, не давая покоя Дзегашту Наурзову. Он вышел из дома, подошел к ограде, прислонился к ней грудью. Вспомнилась адыгская сказка о змее и лесном кабане, которую рассказывал дедушка: «...Тревожный визг лесного кабана привел охотника на поляну. Видит: огромная змея обвила его и душит. И кабан, и змея опасны для человека. Кому из них помочь? Кабан – жертва, змея напала на него. Помогают попавшему в беду... Охотник выстрелил в голову змеи и освободил лесного кабана...»

Дзегашт задумался о смысле сказки. В этой борьбе змея была носителем зла, насилия и убийства. Кабан оказался жертвой и нуждался в помощи. Поэтому охотник убил змею и освободил кабана. Но на кого похожи мы, адыги, живущие в чужой стране? На змей, которые помогают туркам истребить народ, или охотников, помогающим болгарам освободиться? Когда мы воевали на своей земле, мы были кабанами. Теперь турки хотят, чтобы мы, как змеи, помогали им задушить болгар, требующих свободы, они вымещают на них всю злобу за свое поражение русским. А если Аллах поступит с нами, как охотник со змеей? Здесь ни турки-змеи, ни болгары-кабаны не могут быть охотниками. Получается, и мы в беде, и болгары, которые уже несколько столетий не свободны. Два бедствующих народа, они только-только начали находить общий язык, дружить, родниться, и тут появились «черкесские всадники». Конечно, это переходит границы добрососедства, но я не могу поверить в это. И не верит этому не только старшее поколение, но и молодежь, такие, как Хаджирет, Касим. Тут что-то не так.

– Плохие новости, Дзегашт,– возволнованно проговорил подъехавший к калитке Коблев,– несколько болгарских всадников, таких же неизвестных, как и черкесские всадники, в ауле Шапсуг убили несколько человек!

– Ну, как так можно!..– вскрикнул, словно от боли Наурзов.– Как узнали, что они болгары?

– Очевидец сказал, что они были одеты в болгарские одежды. Поторопись, эфенди Абу, и люди, собравшиеся ехать на соболезнование, ждут нас у мечети.

– Опять те же приметы: «Одеты в черкески, одеты в болгарские одежды»!..– Я уже готов! – Дзегашт вскочил на своего верхового коня, и они тронулись в путь.

– Когда случилось несчастье?

– Ночью,– ответил Гарун.– На окраине аула вырезали три семьи и скрылись.

– Кто видел убийц?

– Старушка, она умерла от нанесенных ран. Ранили одного из всадников, с него слетела болгарская шапка, она осталась во дворе.

Около тридцати всадников Абадзеха выбрали короткий путь и через час достигли аула Шапсуг. Там уже приступили к похоронам одиннадцати погибших, среди которых были женщины, мужчины, старики и дети.

К обеду печальную церемонию закончили, произнесли молитву над последней могилой, и мужчины вышли из кладбища. В этот момент появилась делегация соболезнующих адыгов и турок. Приехали эфенди Хазрет, Мурад-бей и Албан. Эфенди со своими спутниками встали лицом к кладбищу, произнесли молитву, и Мурад-бей обратился к адыгам с горячим призывом:

– Великий и недосягаемый Аллах, сотворивший этот мир, пусть увидит ваше отчаяние и благословит вас, джамаат! Мы скорбим по безвременно ушедшим и соболезнуем вам. Мы, мусульмане, обязаны уничтожать гяуров, принесших вам беду! Теперь вы поняли, своими глазами убедились, что они могут сделать с вами.

– Погоди, верноподданный Аллаха Мурад-бей, не спеши,– эфенди шапсугов Калаубат поднял руку.– У входа

на кладбище не будем беспокоить почивших. Вернемся в аул, пособолезнуем семьям погибших, соберемся в мечети и поговорим, обращаясь к Аллаху, испытывающему нас в этом временном мире.

Вернувшиеся с кладбища мужчины выразили соболезнование семьям погибших. Вместе с ними эфенди Хазрет и его спутники-турки направились в мечеть. Только они отъехали, как появились всадники из Стефановки. Спешившись, Парванов обратился к адыгам:

– Нас привела к вам беда, в которой, как говорят, вы вините болгар. Но мы не виноваты перед вами, соседи, вместе с вами склоняем голову перед погибшими. Просим Бога, пусть этот печальный день будет последним и в вашей, и нашей жизни.

– Спасибо вам, соседи, что разделяете нашу беду.

Мурад-бей изменился в лице, услышав ответ аульского эфенди. «Да что же он прислуживается перед этими гнусными болгарами?» И, едва сдерживая себя, откровенно неприязненно обратился к Парванову, знавшему турецкий язык:

– Эта кровь на вашей совести, а вы, не стыдясь, прибыли к семьям погибших от ваших рук и выражаете им соболезнования. Ваше счастье, что черкесы уважают гостя и их обычай не позволяет сейчас же убить вас.

Турки улыбнулись, довольные речью Мурад-бея, адыги, не понимающие турецкого языка, переглянулись друг с другом, а болгары, сдерживая возмущение, молчали. Издали, с окраины аула, доносился плач, который трогал сердца всех искренне соболезнующих горю.

До сих пор молчавший Масхаб не выдержал:

– Объясните, что он говорит?

– Они,– ответил Парванов,– приехали сюда не соболезновать, они хотят решить свое дело.

– Не понял, что ты хочешь сказать... – пытался улыбнуться Албан.

– Ты очень хорошо понял, что он сказал,– вместо Парванова ответил Албану Тодор.– Сейчас мы в таком

месте, где спор неуместен. Но если ты не понял, мы скоро разъясним тебе.

Мурад-бею не понравились ответы болгар, он втянул голову в плечи и оглянулся на стоящего чуть позади Албана. Эфенди Хазрет взглядом призвал к спокойствию их обоих.

Эфенди Калаубат сказал:

– Успокойтесь, джамаат. Великий Аллах видит и слышит нас. Он справедлив к своим верноподданным, милосерден. Давайте не будем бросать друг другу обвинения, пока дело не прояснится до конца. Попросим Его о том, чтобы земными делами ушедших к нему сегодня Он остался доволен.

Эфенди Калаубат поднял худые руки, дотронулся до своего лица, то же самое сделали мусульмане, а христиане перекрестились. Мурад-бей локтем толкнул эфенди Хазрета и глазами показал на болгар, мол, смотри, как они пачкают нас своим крестом!

После окончания молитвы эфенди произнес:

– Пусть наша молитва достигнет Аллаха.

Мурад-бей не выдержал:

– И крестное знамение гяуров тоже?

Люди, переживавшие горе, вместе обращавшиеся к Богу, пришли в смятение от этой откровенной грубости. Эфенди Калаубат, опять успокаивая всех, громко произнес:

– Раз Аллах сотворил этот мир и дал народам разные языки и религии, то твой вопрос не законен, и я не согласен с тобой. Только великий Аллах, чьими поданными мы являемся, может разъяснить тебе это, и я обращаю Его внимание на твои слова.

В это время к мечети подъехали Зауаль Баракетов и Хаджирет Багов. Зауаль Баракетов на самом деле не слышал о бедах, случившихся в Стефановке, Абадзехе и других адыгских и болгарских селах, но выразил соболезнование и тем, и другим и, будто зная о бедах, случившихся здесь, важно сказал:

– Находясь в Стамбуле, в Белграде и Софии мы знаем обо всем, что происходит в стране нашего светлейшего султана, посланника Аллаха. Все происходящее становится сразу известным ему, а он, защитник своего народа, заботится о добре и противостоит злу. Я передаю салам от наместника Балкан Мустафа-паши и от его имени докладываю, что скоро мы найдем и обнародуем имена тех, кто злочинствует в ущелье Тырговишты. Теперь скажу, что беспокоит нас больше всего: вы организовали отряды самообороны, но они не выполняют своих прямых обязанностей: ложатся с заходом солнца, встают с его восходом. Ваши аульские мухтары не лучше их, многие из них беспечны, и от этого ваши беды.

– Баракетов, я хочу, чтобы все услышали о том, что меня волнует,– сказал Багов.

– Слушаем, Масхаб, слушаем.

– Турецкие кои остаются нетронутыми, а в адыгских и болгарских селениях убивают людей, как это может быть – не понимаю. Интересно и другое: в зависимости от того, на какое селение нападают всадники, они одеты то в черкески, то в болгарские одежды. Как говорят свидетели, всадники, налетевшие на Шапсуг, увезли с собой раненого.

Мурад-бей и Албан украдкой переглянулись.

Мурад-бей злобно бросил в толпу:

– Турки и болгары веками жили в мире, не влезайте между ними!

– Что ты хочешь этим сказать, Мурад-бей? Что черкесы и болгары в своих одеждах, чтобы их непременно узнали, нападают друг на друга? Парванов,– обратился он к болгарину,– поищите среди ваших людей человека с раной от кинжала.

– Хорошо, Масхаб, мы объедем все села, если найдем – не пожалеем, привезем к вам. Но просим и вас присмотреться к своим людям, поговорить с ними откровенно.

– Да, да, джамаат,– согласился Зауаль Баракетов,– будем сдержанны, не надо вносить раздор между двумя народами, пока все не выяснится. Над твоими словами, Масхаб, нам нужно поразмышлять. Подумаем и над словами Мурад-бея. Будьте терпеливы и мудры, избегайте сплетен, наш светлейший султан тоже призывает нас к этому. Ты что думаешь, эфенди Калаубат?

– Я согласен с тобой и тоже призываю всех к терпению и мудрости. И давайте на этом завершим наш траурный сход. От имени шапсугов мы благодарим всех, кто приехал к нам разделить наше горе. Пусть Аллах добром ответит на ваши хлопоты.

Абадзехские всадники покинули Шапсуг. Масхаб, не оглядываясь на ехавших за ним сыновей, спросил Хаджирета:

– Парень, как получилось, что ты стал спутником Баракетова?

– Он подъехал к нашему дому и спросил, где вы, не мог же я отправить его одного.

– Ты правильно поступил,– сказал Наурзов, ехавший рядом с Баговым.– Но вот только Баракетов забыл, что он адыг.

– Если ты о том, что Зауаль сейчас остался с турками,– быстро ответил Хаджирет,– то он вернется к нам. Его бурка и другие дорожные вещи остались в нашем доме. Смотрите, он уже едет в нашу сторону.

– Как красиво ты произнес его имя,– буркнул Хатам и попросил старших: – Если разрешите, мы поедем вперед.

– Ты кого-то поучаешь, а сам нарушаешь обычаи: не надо бросать тех, с кем оказался в пути,– строго посмотрел на Хатама Масхаб,– вместе выехали из аула, вместе и вернемся.

– Да, но он оставил Дарихан и Стефанку одних дома...

– Не оставил! – возмутился Хаджирет – Я отвел их к соседям. И Касим обещал присмотреть за ними.

– Так бы и сказал, пусть добро будет твоим спутником... – Хатам еще что-то побурчал себе под нос, но на брата уже смотрел по-доброму.

Всадники, вернувшиеся в Абадзех с похорон, разошлись по домам. Масхаб Багов с сыновьями и Зауалем Баракетовым спешились во дворе. Зауаля пригласили в гостиную, чуть погодя туда вошел Масхаб:

– Валлахи, Зауаль, пришло такое время, когда встречаемся только по скорбным случаям. Но что поделаешь, в последние несколько лет несчастья наши только умножаются. У шапсугов мы не смогли толком поговорить. Расскажи, как живешь, как твои дела?

– Когда мои соплеменники в беде, разве я могу спокойно жить? Вы попали в трудное положение, мы занимаемся разрешением этих дел. На Балканах тревога, все беды, происходящие здесь, связывают с нами. Ты доверился мне, я надеюсь, что и мои слова останутся между нами. Видишь, нас стравливают с болгарами.

Багов улыбнулся:

– Ты только сейчас это понял, Зауаль?

– Я давно это понял... – честолюбивому Баракетову не понравился вопрос Багова. Он огляделся, хотя в комнате, кроме них никого не было, потом продолжил: – Ты помнишь, в каком безвыходном положении мы оказались? Чтобы спастись, нам пришлось бежать в Турцию, а теперь мы вынуждены выполнять их поручения. Здесь, на Балканах, развиваются точно такие же события, какие были у нас на Кавказе. Расшатывание турецких корней на Балканах началось не сегодня, и то, что мы сейчас видим, ростки семян, посеянных в прошлом.

– Я живу в Абадзехе, но тоже имею какое-то представление об этом,– задумчиво произнес Багов.– Парванов со своими сторонниками надеется на русских, и мой зять болгарин-адыг говорит, что в восстании заинтересованы многие страны. Они ждут этого пожара, потому что хотят вернуть себе земли Черногории, Герцеговины, Сербии. Говорят, даже Англия, обманувшая нас, их сторонница. Так что балканцы из одного омута могут попасть в другой.

– Не знаю, Англия их сторонница или нет, но нет сомнения в том, что Россия заинтересована в Болгарии, здесь живут ее соплеменники. Но, как говорит султанша Бике, Англия сообщница всех.

– Хорошо, что ты вспомнил о Бике, я сам хотел о ней спросить. Как дела у великой султанши? Она не забыла

о нашем существовании? Я слышал, что она против возвращения адыгов на родину.

– Если слышал,– улыбнулся Зауаль,– значит, не забыла о вас... Но, если хочешь знать правду, она действительно так думает. Мне не делает чести судить ту, которая воспитывает мою дочь и помогает мне, но я точно знаю, что с ее подачи султан озвучил эту мысль на съезде муфтиев. Извини, Масхаб, но я спрошу тебя: куда мы вернемся? Кто нас там ждет?

– Мы, Зауаль, совершили грех по отношению к земле предков, к нашим горам, родникам, нашим усадьбам, подворьям, кладбищам, бросив их на произвол... Что мы должны делать, как должны поступать, если нас здесь обвиняют в убийствах? Я уверен: в этом нет вины ни адыгов, ни болгар. Я подозреваю, кто виновен в этих зверствах, думаю и у тебя есть на этот счет предположения.

– И многие так думают, как ты, Масхаб? – перед мысленным взором Баракетова предстали Мурад-бей и Албан. Он вспомнил: весной Мустафа-паша после совещания оставил у себя Мурад-бея, и они тайно о чем-то говорили. Зауаль, конечно не знал, о чем, но сомнение, закравшееся тогда в сердце, вернулось.

– Не я один так говорю: и Наурзов, и Коблев, и другие тоже. Могу назвать имена.

– Кто же эти другие?

– Другие открыто не говорят, но Парванов и Димитров...

– Я смотрю, своего зятя Димитрова вы уже приютили в своей семье...

– Зауаль! – Масхаб вспылил, услышав эти слова.– Неужели я, забыв наши обычаи, приведу своего зятя в дом? Как я буду жить с ним под одной крышей? Пока он найдет другое жилье, его семья будет жить у нас в доме. А дальше будет видно. Наверно, ты услышал какие-то сплетни о нас?

– Мы много чего слышим, если верить всему... Разве я не рад счастью Дарихан? Ведь у меня самого дочка, которую я чуть не потерял... Это жизнь, Масхаб, пусть

дети создают свои счастливые семьи. Твой зять хороший парень, работящий, правдивый, в нем течет наша кровь. Но не спрашивай его мнение о тех, кто дал нам кров, и о своих родственниках турках тоже.

– Я не понял, Зауаль,– Масхаб удивленно посмотрел на гостя.

– Не удивляйся, я немного приоткрыл тайну, и ты услышал то, что должен был услышать. Пока, Масхаб, не будем выяснять кто прав, кто виноват, будь уверен, что я узнаю правду, возможно, в этих набегах участвуют турки. Времена тревожные, поэтому, если считаете нужным, я, минуя Мустафа-пашу, поговорю обо всем с великой Бике и с ее согласия доложу султану.

– Ты думаешь, они не знают, что происходит в их стране?

– Обо всем знает только Аллах. А с султанами, военачальниками и другими мы не зря работаем. Но я хочу поговорить с тобой о другом. Не знаю, согласишься ли ты, но твоего младшего сына Хаджирета я бы хотел взять к себе. Думаю, из него выйдет хороший офицер. Мы с тобой много трудностей пережили, хочу вам помочь.

Масхаб задумался. Прошло более десять лет с тех пор, как адыги покинули родину, сколько скитаний, боли, неудач пришлось пережить Масхабу и его семье... Он не знал, что ответить Зауалю, потом тяжело проговорил:

– Я не знаю, что тебе ответить. Мне приятно, что ты заметил моего сына, что у тебя сложилось хорошее мнение о нем, но не думаю, что Хаджирет согласится.

– Сегодня я намекнул ему об этом, и он ответил, что решение зависит от тебя.

– Да?..– Масхабу было приятно услышать это. Он улыбнулся и позвал Хатама: – Найди своего младшего брата, и зайдите к нам.

Хатам и Хаджирет вошли в комнату и встали у двери. Масхаб спросил Хатама:

– Ты знаешь, что наш гость Зауаль предлагает твоему младшему брату службу в турецкой армии?

– Знаю.

– Тогда скажи свое мнение.

– Если Хаджирет будет под присмотром Зауаля, я согласен. Так же говорит и наша сестра.

Еще несколько минут назад Масхаб и подумать не мог, что его сын, его ершистый мальчик, сможет обрести свою судьбу и выбраться из этой беспросветной тьмы, в которой они все оказались. Наверное, за его добрую чистую душу Аллах решил вознаградить Хаджирета. Волнения у Масхаба не было: Хаджирет – мужчина, а каждый мужчина, прежде всего, воин. Сколько раз он мысленно представлял будущую жизнь своих детей, но такого поворота не ожидал. У Масхаба свалился камень с души, и он кивнул головой:

– Раз вы все согласны, я тоже соглашусь. Иди, мой мальчик, но не делай поступков, за которые я стыдился бы тебя.

А про себя подумал: как это решение примет зять?

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

На пороге – осень. И в это время года каждый уголок земли по-своему прекрасен: и там, где снега, где пустыни, оазисы и леса. И счастлив тот человек, которому дано видеть эту красоту, наслаждаться и утешаться ею. Тырговиштское ущелье, где много гор и лесов, особенно красиво. Зимой, весной, летом, осенью по-разному проявляется его красота. А если ты родился не здесь, а в другом, далеком отсюда месте, так ли остро она ощущается?

Дарихан, сидя на открытой веранде отцовского дома размышляла о своих семейных делах. Усадьба пахнет яблоками и скошенной травой. У привязи мирно пасутся кони, они всхрапывают, отбиваясь хвостами от назойливых мух. Хатам с собакой ушел на охоту, отец чинит зимнюю обувь, Хаджирета тоже нет, уехал с Баракетовым в Белград. А Тодор... Тодор одиноко приводит свое подворье в поря-

док, но каждое утро навещает их с сыном, потом уезжает домой, в Стефановку.

На руках у Дарихан спящий Стефанка. Глядя на ребенка, она с тревогой думает о том, что его ждет. Что бы ни случилось, они с Тодором все сделают, чтобы малыш был счастлив, а почему нет? У него есть мама, отец, дедушка, два дяди! Он окружен любовью и защищен такими заботливыми и сильными мужчинами! Дарихан с замиранием сердца прислушивалась к спокойному дыханию малыша.

Но ее беспокоило не только будущее малыша, но и их судьба. Каждый день в доме старшие мужчины говорили о неизбежности войны, все обсуждали только эту тему, так как понимали, что война коснется каждого. Многие адыги записывались в добровольческие отряды самообороны, со стороны болгар тоже создавались такие отряды. Обсуждение положения дел всегда сводилось к вопросу: как действовать черкесам? Они снова попали между молотом и наковальней, но они знают, что такое война и чем она может закончиться, они уже имели горький опыт поражения. Молодые парни завидовали Хаджирету, у него есть определенность: он будет служить в турецкой армии, а им – неизвестно что предстоит... Они мечтали покрыть себя славой героев, но их отцы знали горькую правду войны, а потому их разговоры были далеки от романтики юности.

Со времени дерзких убийств все говорили только о поимке бандитов, виновных в преступлениях, но и тут все заканчивалось только разговорами. Правда была покрыта мраком, но каждый склонялся к тому, что для бандитов смертной казни мало.

Дарихан, слыша разговоры старших, тоже переживала предстоящую войну, потому что знала, какие это страшные времена: потери, кровь, сожженные аулы, убитые женщины и ползающие по ним малыши, такие, как Стефанка...

Неожиданно ее размышления прервал скрип калитки: вбежал Хатам и опрометью ринулся в дом.

– Аллах мой, что ты так бежишь? Неужели снова принес плохую весть?!

– Отец дома?

– Слушаю тебя, парень,– вышел из дома Масхаб.

– У меня новость, отец, не знаю, хорошая или плохая... – Хатам посмотрел в сторону Дарихан.

– Что бы ни было, говори.

– В семье Мурад-бея Османова покойник.

– Кто?

– Умер его сын, ранение которого держали в тайне.

– Когда сказали, что в Шапсуге какой-то болгарин-разбойник потерял шапку, я подозревал его.

Стефанка заплакал, Дарихан пошла в дом. Хатам последовал за сестрой. Увидев, что Дарихан плачет, и в тоже время успокаивает ребенка, он сказал:

– Твое милосердие, сестра, люди не поймут, успокойся.

– Я плачу не по тому, кто умер от своей жестокости, я оплакиваю свою судьбу и неизвестность, которая ждет этого ребенка.

– Хатам, иди-ка сюда... – позвал сына Масхаб.– Что будем делать, парень?.. Как бы мы не относились к нему, умер ведь отец мальчика.

– Отец!..– Хатам вскрикнул и тут же смягчился.– Решай сам, я в этом деле тебе не советчик.

– Парень, не забывай обычаи. Пойди, приведи ко мне Наурзова и Коблева. Посоветуемся, спросим и нашего эфенди. Даже сына, убившего отца, прощают.

– Хорошо, отец, что бы вы не решили, я буду с вами. Но не думаю, что наше милосердие Мурад-бей поймет.

Внутри Хатама все клокотало. Он не понимал всепрощение отца и его друзей. Враг не знает милосердия, он наносит такие удары, от которых трудно бывает оправиться. А в этой борьбе они бьют насмерть. Но он послушает отца, встанет с ним рядом и будет нести свою честь до конца. Прощать сына, убившего отца?.. Это выше понимания, если и такое преступление религия оправдывает, то что же тогда не прощается?

Масхаб тоже думал о произошедшем, но мудрость позволяла ему видеть все гораздо глубже: «Беда Мурад-

бея только ускорит его страстное желание заполучить внука, ведь он лишился наследника рода. Надо подумать, как уберечь Стефанку, Дарихан и Тодора...»

Пятеро всадников, ехавших на соболезнование, достигли окраин Мавлюда. Перед тем, как заехать в турецкий кой, Масхаб Багов еще раз обратился к спутникам:

– Вы хорошо знаете тех, к кому мы едем на соболезнование. Как бы они нас не встретили, призываю вас быть сдержанными и терпеливыми. Не отвечая ни на какие их выходки, выразим, как положено, соболезнование Османовым и уедем.– И коротко приказал сыну: – Ты не заходи во двор, останься с конями.

Османовы удивились, увидев черкесов, приехавших выразить им соболезнование. Они зашли во двор, произнесли молитву для усопшего. Затем эфенди Абу коротко сказал по-адыгски:

– Умерший безвременно – это большое горе для семьи. Пусть этот день станет для вас последним днем беды. Пусть милосердный Аллах простит все его грехи, если они у него были. Просим Его благословения родным почившего, счастья и здоровья им.

Адыги уже покидали двор, когда услышали женский крик. Айша, выбежавшая на открытую веранду, вырываясь из рук какого-то мужчины, проклинала уезжавших:

– Пусть Аллах нашлет черную беду на вашу черкесскую семью! Вместо того, чтобы приехать на соболезнование, верните нам нашего ребенка! Если бы не вы, мой сын был бы жив! Я не оставлю у вас единственное дитя, оставшееся после смерти моего сына! Не разрешу воспитывать его гяуру! Ты видишь, Мурад-бей, что с нами сделали проклятые Аллахом черкесы-пришельцы...

Группа всадников, проявляя выдержку и человечность, села на коней и отправилась в обратный путь.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Хатам рано лишился родителей, сначала не стало матери, потом на турецком корабле умер отец. И если бы Масхаб Багов не проявил к нему милосердие и не подобрал на пустыре Ачкалы, он бы погиб. С тех пор в благодарность за это он носит его фамилию, потом в их семье появился Хаджирет, этот ершистый мальчишка, не знавший согласия, любивший со всеми поспорить, даже со стариком Чермитом. Конечно, Хатам не забыл фамилию своего рода, помнит родителей, но Масхаб вложил в него свою душу, как вкладывает в своего ребенка родной отец.

Когда у него родится свой сын, он расскажет ему и о роде Брантовых, пусть он гордится этими двумя родами, к которым принадлежит Хатам. Но есть черные души, которые приносят только зло, и одна из этих душ охотится за Дарихан и маленьким Стефанкой. Хатам не позволит этому свершиться и сделает дело, как положено мужчине.

Дела человека суетны, и он не думает, что может в любой момент предстать перед Всевышним, вот и Мурад-бей Османов все кружит и кружит по своим делам. Хатам давно выслеживает его, но с ним всегда находится Албан. Но пришел тот час, когда Османов оказался на тропинке один на один с Хатамом, и этот час для Мурад-бея стал последним.

Хатам впервые убил человека, и в душе у него ничего не дрогнуло. Наоборот, ему стало легко: Дарихан свободна! «Сколько его знаю,– думал Хатам о Мурад-бее,– он всегда был источником зла, не помню, чтобы о нем говорили что-то хорошее. Он достоин умереть только за то, что они сделали с Дарихан. Его сын Раджеб, погибший из-за своего вероломства, не продлил свой род. Наш Стефанка из рода Баговых».

Фырканье османовского коня вернуло Хатама в реальность, он очнулся от мыслей и обратился к стоявшему перед ним буланому жеребцу:

– Что ты смотришь на меня, думаешь, я поступил нехорошо? Успокойся, тебя я не возьму, ты возил проклятого людьми Мурад-бея. Если ты так предан ему, я привяжу его к твоей спине, отвези его жене, проклинавшей нас, пусть видит, что проклятие пало на ее же голову.

Будто не совершив никакого греха, Хатам вернулся домой к полудню. Дарихан, увидев брата, сказала:

– Вернулся как раз к обеду.

– Отец пообедал? – спросил Хатам, тщательно отмывая руки.

– Да, и ушел узнать, как там наши овцы.

– А Стефанка?

– Спит, должен уже проснуться.

– Тод не появлялся?

– Нет, хоть бы он быстрее забрал нас к себе.

– Мы тебе надоели?

– Как мне может надоесть отчий дом, я просто переживаю за Тода.

– Мне кажется, что вы вместе скоро соберетесь в Стефановке.

– Да сбудутся твои слова во славу Аллаха,– сказала Дарихан и спросила: – ты, что, Хатам, знаешь что-нибудь? Почему так говоришь?

– По тому, как идут дела, думаю, так и будет... Я устал, пойду отдохну.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Вестей из дома Хаджирет не получал, да и кто мог ему что-либо сообщить, если никто из родных так далеко из Абадзеха не уезжал. О трагических событиях, произошедших в Тырговиштском ущелье, Хаджирету рассказал Баракетов перед самым их отъездом в Стамбул. В этот день Хаджирет впервые надел на себя форму с погонами и получил должность адъютанта Баракетова.

Зауаль вернулся из штаба армии взволнованный:

– Я, Хаджирет, получил, плохие вести: нет в живых Мурад-бея и его сына Раджеба.

– Как такое может быть?... – встревожился Хаджирет, он понимал, что эти события могли отразиться на судьбах Дарихан, Тодора и Стефанки.– Что случилось с ними?..

– Помнишь, Чермит говорил: «Будешь творить зло – оно настигнет и тебя». Вот это с ними и случилось, никто не может знать свою судьбу заранее.

– Да, наш отец тоже так говорил,– задумчиво ответил Хаджирет.– Он часто напоминал нам эту пословицу.

– Ваш отец – мудрый человек и очень искренний. Под его кровом живут мир и благодать: двух неродных сыновей вырастил, дочь замуж выдал, всех сдружил, всех объединил в одну крепкую семью. Он иногда укоряет и осуждает меня, но я не обижаюсь. А настроен против меня из-за того, что адыгам трудно пришлось в Ачкале. Не буду таить, скажу, как есть, тогда каждый выживал, как мог. Я не раз поступал против совести, эти поступки Масхаб помнит и не может мне их простить. Кажется, Наурзов с друзьями тоже против меня. Но я все же по-доброму отношусь к Масхабу. Именно поэтому, минуя солдатскую службу, я выхлопотал для тебя погоны турецкого чавуша! Да, Турция надеется на тебя, и я – тоже. Есть еще одна пословица, которая многим не нравится: «Поет песню того, на чьей арбе едет». Лично я не вижу ничего дурного в том, чтобы петь песню того, кто тебя везет. Ты услышишь, что скажут недруги, увидев твои погоны. Не думай о них, не думай об Османовых. Не делай людям зла, если хочешь добра. Вероломство, которое они совершили, вернулось к ним. Не станем горевать, Хаджирет, нам предстоит дальний путь, пусть Аллах благословит нас и поможет в дороге.

Зауаль говорил, а Хаджирет сидел молчаливый, суровый и беззащитный одновременно. Он переживал за благополучие своей семьи, за их покой, который могли нарушить мстительные враги, они все равно будут искать

виновников. Он смотрел на горы, размышляя о том, что конца их бедам, наверное, не будет никогда.

Карета катилась по улицам Белграда. Баракетов хоть и не показывал виду, но тоже глубоко переживал случившееся в Мавлюде. Он сожалел, что разоткровенничался с молодым человеком, надо было вначале поговорить с Албаном. Хаджирет – парень неплохой, сообразительный, послушный, но он из семейства Баговых – врагов Османовых. Как он воспринял известие? Молчит, переживает за сестру, это понятно. Зауаль присматривался к нему и все больше склонялся к тому, что сделал правильный выбор. Мальчишка честолюбивый, расторопный, преданный, понимает, кто именно направил его по пути, о котором он не мог и мечтать. Так почему же теперь возникают сомнения в его преданности? «Погоди, погоди, Баракетов,– остановил он себя,– вместо того, чтобы ворошить угли железными клещами, ты начинаешь грести их голыми руками. Во-первых, мы живем в мире, где невозможно полностью доверять кому-либо. Разве Мустафа-паша не приставил ко мне Мурад-бея, чтобы тот тайно следил за каждым моим шагом? Великая Бике тоже наблюдает за моими действиями. А с Мурад-беем нужно всегда держать ухо востро. Конечно, вместо Хаджирета можно было бы взять Касима Наурзова, тот тоже смекалистый парень, видный. Но мне он не подходил потому, что у него есть отец. А у этого вроде он есть, и в то же время нет. Если у Баговых нет кровной связи, то и привязанность, я думаю, не так сильна. Следовательно, есть возможность разорвать их узы. А если такое произойдет, то нет ли опасности, что придет время, и он переступит через тебя? Конечно, Хатам более опытный, видеть его ординарцем более выигрышно в сравнении с юнцами. Но его не скрутишь, как хочешь, он не гибкая лоза, а крепкий, кряжистый ствол...»

– Хаджирет, почему ты молчишь?

– Что говорить, старший? Я не знаю, что думать о гибели Османовых...

– Тебе жалко их?

– На твой вопрос можно ответить по-разному.

– Ты, наверное, хочешь сказать, что и они люди?

– И это тоже. Об умерших плохо не говорят, но Аллах меня поймет. Они считали себя людьми, но на деле были нелюдями.

– Не только ты, Хаджирет, так думаешь о них. С помощью Албана отец и сын сами рыли себе могилы. Хорошо, что в это время нас там не было.

– Да, но вдруг в этом убийстве обвинят нашу семью? О нас люди многое говорят.

– Не думай об этом. У каждого человека есть свои секреты, свои грехи, за которые наказывает Аллах. Взять Мустафа-пашу, думаешь у него нет врагов? Даже я знаю кое-что такое, чего хватило бы за глаза для мести. Тот же Албан столько знает об Османовых, что это, как говорят, поместится не в одну сапетку. Более высокопоставленные лица, чем Османовы, более высокие чины, даже приближенные к власти погибают на Балканах, и из-за этого с Балканами ничего не происходит, они остаются землей подданных Турции. Хаджирет, радуйся жизни, ты – турецкий воин, чавуш, посмотри, как красивы Балканы осенью. Посмотри на далекие белоголовые горные вершины, на разноцветные леса, на парящих орлов, на белые облака! Природа очень похожа на покинутый нами адыгский мир. Что теперь терзать свое сердце? Даст бог, я познакомлю тебя с султаншей Бике и мы с честью послужим стране, в которой оказались.

Хаджирет смотрел из кареты на природу, на небо, на горы, но душой и сердцем был далеко отсюда. На родине белоголовые горы выше, леса шире, небо голубее, у рек и родников их серебряные струи ярче, орлы дольше и выше парят под облаками, осенний ветер теплее. От воспоминаний детства у него сильно забилось сердце. Интересно, что сейчас происходит на родине? Огонь войны уже не горит, но пороховой дым, наверное, еще не рассеялся. Звучат песни, но они не наши. Все еще находясь под впечатлением, Хаджирет ответил с печалью в голосе:

– Землю, где ты родился, не вырвешь из сердца и не сотрешь воспоминания о ней. Извини, если я не смог правильно высказать свои мысли.

– Ты сказал о том, что тебя волнует, не надо извиняться. Наш возница – серб, он не знает нашего языка, поэтому никому не передаст разговор. Но мы живем в мире, где нельзя говорить обо всем, что на сердце. Аллах испытывает нас в этом временном мире. Испытывают и те, кто стоит над нами, их в свою очередь испытывает наш светлейший султан. Между тобой и мной не должно быть секретов, но с другими не откровенничай, об этом я тебя предупреждаю и себе напоминаю.

– О правде и лжи, уважаемый, ты, наверное, знаешь пословицу: «Сколько правду ни уничтожаешь, она всегда поднимается, а ложь все время падает, как ни стараешься ее поствить».

– Валлахи, Хаджирет, с этой пословицей ты попал в точку. На этом можно завершить наш разговор о правде и лжи.

Зауаль похвалил Хаджирета, но в душе остался недоволен его рассуждениями. «Да, этот парень – далеко не гибкая лоза, его не так просто скрутить. Но мы и не таких сгибали, а нет – из него получится хорошее кнутовище».

– Ты, как я посмотрю, правдолюб.

– Не знаю, какой я, но это слова моего отца.

– Да, Масхаб Багов по сравнению с нами, его ровесниками, мудрый, справедливый. Спасибо, воспитал и вырастил вас такими же, как сам. Вот только не знаю, чем вы отблагодарите его, бедного.

– Не говори так, Зауаль, если отец услышит, обидится,– возмутился было Хаджирет, забыв, что он ординарец Баракетова.– Извини, старший, наш отец считает себя счастливым, он доволен нами, внуком своим Стефанкой и его отцом Тодором.

– Что ты говоришь?! – удивился Зауаль,– про вас и ребенка Дарихан я согласен, но, выходит, Димитровым он тоже доволен? Ну да ладно, не будем об этом, это ваши семейные дела. Как говорят наши уважаемые старшие,

семья хранит свои тайны за тремя замками. Давай, чтобы дорога нас не утомила, сыграем в загадки. Если отгадаешь, все Балканы тебе отдам. А загадка такова: «Пояс тонкий и длинный, обвяжешь им свой стан, попадаешь в трудное положение».

– Запросто,– улыбнулся Хаджирет,– но что мне делать с Балканами, чужими для нас? Лучше предложи мне какой-нибудь уголок нашей далекой земли, мне это будет в радость.

– Хорошо, если тебе больше нравится Черкесия, с удовольствием отдам тебе горный хребет и вершину Оштена.

– Добавь еще что-нибудь.

– Ставлю рядом гору с вершиной Фишт.

– Если ты так щедро раздаешь, назови еще какую-нибудь гору.

– Я щедрый, а ты ненасытный, поэтому добавляю горное плато Лаго-Наки.

– Если добавишь еще Шхагуаше, Пшиш, Псекупс, Кужипс, Фарс и другие реки, небо над ними, всю землю Абадзехии, я соглашусь.

– Погоди, погоди, жадина, а если не угадаешь, что ты мне отдашь?

– Даю тебе чужую для бедных адыгов Турцию.

– Слава Аллаху, для меня это великий дар. Если ты так хорошо знаешь загадки, отгадывай!

– Пусть все, что ты дал мне, станет моим! Я отгадаю ее: тонкий пояс, из-за которого попадаешь в трудное положение – это змея.

– Откуда ты знаешь отгадку? Многие ее не знают.

– Сказать? – глаза Хаджирета заблестели искорками веселья.– Эту и многие другие загадки я слышал от Хатама. Если не будешь сердиться, я скажу, кого он считал похожим на змею. С одной стороны, это гяуры, живущие сейчас на нашей родине, с другой – мусульманская Турция, в которой мы оказались.

– Так говорит Хатам? И старшие аула тоже так считают? Конечно, в этом есть доля правды, но только доля.

И я с твоим братом не согласен. Турция протянула нам руку помощи, и протягивает до сих пор.

Баракетов замолчал. Ответ ординарца был явно не по душе турецкому каймакаму[1], и в нем вспыхнуло едва сдерживаемое раздражение: «Вот, оказывается, что они говорят! Что бы ты им ни сделал, как бы ты ни озолотил их, даже если отдашь за них жизнь – не угодишь. Ни Багову, ни Наурзову, ни Коблеву, ни Хатаму, забывшему свои корни, ни этому, сидящему рядом со мной. Вынули их из огня полумертвых, перевезли через море, дали землю, создали селения – и все равно не угодили... Один Аллах знает, о чем они говорят между собой. Если до султана дойдут их разговоры, я попаду в беду. И так мы живем на земле болгар против их воли».

Хаджирет тоже почувствовал, что сказал лишнее, но ершистый характер не позволял до конца понять, что своей откровенностью он может навредить другим людям. Его молодость и желание доказать правоту, за что его журил старик Чермит, могли стать причиной неприятностей для родных и близких. Кажущаяся мягкость Зауаля, его разговор «на равных» расслабил Хаджирета: его ответы – это мнение отца, а оно для Хаджирета было непререкаемым.

Баракетов, видя, что парень снова что-то обдумывает, решил воспользоваться его откровенностью:

– Хатам прав, говоря о тех, по чьей вине мы оказались здесь, но на счет этой мусульманской страны не ошибитесь! Чей бы ни был колодец, в него плевать нельзя. Как бы турки к нам ни относились, нельзя забывать о том, что когда мы погибали от рук неверных, именно они пригласили нас в свою страну, дали землю под аулы. За добро нужно платить добром, не стоит это забывать. И нам, Хаджирет, надо отомстить за нашу кровь, за кровь всех погибших. Пока мы это не сделаем, не будет нам покоя.

– С недавних пор я это понял, но...

– Что, «но»? – резко прервал его Баракетов.– Мы с тобой договорились, что между нами не будет недомолвок и тайн, поэтому говори откровенно, Хаджирет.

[1] К а й м а к а м – подполковник.

– Здесь нет никакого секрета,– быстро сориентировался Хаджирет,– только я не понимаю, кому нужно мстить за нашу кровь.

– Как говорит твой отец Масхаб, пусть добро будет твоим спутником. Но почему даешь повод сомневаться в тебе? Считать, что зря тебя удостоили офицерского звания, которого жаждут многие твои сверстники. Когда придет время, узнаешь, кому будем мстить и как. А пока приготовимся к остановке в маленьком городке Ново, там же совершим намаз и заночуем, а утром поменяем карету и отправимся дальше.

– Как скажешь, Зауаль, я всегда готов.

– Вот это слова настоящего воина. На том и порешим.

В гостинице они вместе поужинали. Когда Хаджирет ушел к себе, Зауаль не стал совершать намаз, сразу лег в постель. День в пути, неприятности с Османовыми, разговоры с Хаджиретом утомили его настолько, что он не мог заснуть. Мысли кружились и кружились в голове. «Интересно,– подумал он,– сделал ли намаз Хаджирет? Да пусть не делает, лишь бы воспринял то, что я ему сказал. Вначале его рассуждения меня напугали, но потом, видимо, он все обдумал и понял, как надо себя вести. «Как скажешь, я всегда готов» – это был правильный ответ. Или польстил мне? Молодость изворотлива, может и лукавит, если почувствует в чем-то свою выгоду. Этот парень развит не по годам и в чем-то похож на меня: умный и хитрый. Но если бы я не был таким, разве достиг того, что имею?» – так, размышляя, он незаметно для себя уснул.

На второй день, после обеда показалось Косово. Баракетов разбудил дремавшего в карете ординарца:

– Вот, Хаджирет, Косово, край, за который борются между собой албанцы и сербы. Поднимемся на пригорок, увидим небольшой городок Приштин, а невдалеке от него несколько адыгских аулов. В ауле Лаба живут два брата – Аслан и Каплан, года на три-четыри моложе тебя. У них из родственников осталась только старенькая бабушка.

Было бы хорошо заехать к ним, но не сегодня, заедем на обратном пути из Стамбула. Кстати, Албан, которого ты знаешь, тоже из этой стороны.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

В доме Димитровых закончилось чаепитие.

– Хатам! – раздался чей-то голос с улицы. Тодор подошел к окну, потом снял со стены ружье и вышел из дома, оставив Хатама, который после еды приводил в порядок усы и бороду.

– Ты перепутал дома Димитровых и Баговых?..– недружелюбно спросил Тодор сидящего на коне Албана.

– Я еще в своем уме, Димитров,– ответил всадник.– Если ты не украл этого верхового коня, то мне нужно увидеть его хозяина, Хатама.

– Добро пожаловать, почему не спешился? – включился в разговор Хатам, подходя к калитке.

– Хозяин, встретивший меня с ружьем, не знает, что надо пригласить гостя в дом. В дом Баговых я бы зашел. Но у меня к тебе дело, Хатам, поезжай за мной.

– Что за дело? – спросил Тодор по-адыгски Албана.– Ты разве черкес, чтобы он приказывал тебе ехать с ним?

Албан будто не услышал замечание Тодора, продолжил:

– Жду тебя возле водопада.

– Никуда не поедешь! – Дарихан выбежала из дома со Стефанкой на руках.– Ты, что, не знаешь, кто он?!

– Знаю! – в Хатаме заговорил адыг,– если он позвал, значит, я ему нужен. Понимаю, что он зовет меня не к девушке, как друг жениха. Но если я не поеду, какой я адыг? Вы, что, не понимаете?

– Понимаю, Хатам,– нехотя согласился с ним Тодор.– Я помню, моя мама говорила: «Поступай по-мужски или

умри». Не все разбойники без совести, Дарий. Если ты ему нужен, поезжай, но будь осторожен.

Недалеко от водопада, на одном из двух скальных камней сидел Албан. Хатам сел напротив, Аблан обратился к нему:

– Спасибо, что проявил мужество и пришел. Я не стану много говорить, только не перебивай. Тебе известно, что случилось с Османовыми. С Мурад-беем, которого безвременно отправили на тот свет, я был давно знаком. Как говорят турки, был его псом. Эти несколько лет, что вы живете в ущелье, я был его глазами и ушами. Я знал его лучше всех, даже лучше, чем его жены. Он вмешивался во все дела, происходившие и здесь, и далеко отсюда. За золото и серебро он содержал властьимущих в Варне, Шумле, Тырговиште, даже Мустафа-пашу. Золото и серебро мы добывали разбоем на дорогах. Он не признавал Баракетова, но делал вид, что советуется с ним. Хотел убрать с дороги тебя, Хаджирета, вашего отца, твою сестру и Димитрова, а внука забрать себе. Конечно, чужими руками. Но не получилось, кто-то его опередил.

– Почему ты мне все это рассказываешь?

– Не перебивай! Дай мне облегчить душу. Из всех, кого я знаю, только ты можешь меня понять, поэтому своим отчаянием я делюсь с тобой.

Он опустил тяжелую голову, посидел некоторое время, потом продолжил:

– Я не знаю, кто убил Мурад-бея, гяур или мусульманин, но убийство открыло для него врата рая. Что мне делать в этом ущелье, где я не видел ни капли счастья? Я отправлюсь в Косово, где я родился, думаю, найду там и покой. Только не знаю, как меня там встретят. Для меня было бы хорошо, чтобы на Балканах началась война, другую жизнь для себя не представляю... Раз ты встал, Хатам, и ты младше меня, принеси мне сумку, привязанную к луке моего седла. Нет, нет, я сам!..– Албан вскочил, пошарил в сумке и вытащил оттуда широкий женский пояс.– Когда украли твою сестру, он был у нее на поясе, не хочу греха, верни ей. Успокойтесь все, со стороны рода Осма-

новых опасности уже нет. Пусть Аллах не даст нам больше встретиться, Хатам.

«Какой несчастный человек...» – думал Хатам, глядя вслед уезжавшему всаднику.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

Муэдзины Стамбула перекликаются разными голосами, призывая мусульман к вечерней молитве. На время намаза пустеют улицы, закрываются магазины, смолкают базары. Не слышно голосов мальчишек, разносчиков чая и воды, уменьшилось количество карет на улицах. Только кони, запряженные в карету, в которой едут Баракетов и Хаджирет быстрой рысью несутся по городу, спешат довезти их до центра города, чтобы путники успели сделать намаз.

– Смотри, Хаджирет, вот большая мечеть, которая четырьмя минаретами поддерживает четыре стороны света. Называется она Айя-Софья.

– Это мечеть, где эфенди Марзухаев читает Коран?

– Да. Но не знаю, читает ли он его до сих пор. В том дворце Топ-Капе живут султан, великая Бике и Гошмаф.

Хаджирет с замиранием сердца смотрел на великую мечеть и дворец султана, их красота заворожила его.

Зауаль обратился к широкоплечему вознице на турецком языке:

– Провези нас мимо мечети.

– Вы адыги?- спросил возница по-адыгски.

– Да, мы адыги,– испуганно проговорил Зауаль, ведь этот возница мог слышать их разговоры,– почему ты до сих пор молчал, не сказал, что ты адыг?

Возница не ответил.

Тогда не смолчал Хаджирет:

– Ты, что, стыдишься, что адыг? Что с тобой случилось?

– Я слышу, что вы разговариваете на адыгском языке, но кто вы, что собой представляете, я не знаю. Я – адыг, как и другие пережил все беды, которые выпали на нашу долю. Моя семья – вот она: два коня и я, занимаюсь извозом, на это и живу. Наверное, было бы лучше, если бы я был курдом. У них нет государства, но живут на своей земле.

– Ну, ну, мой сородич, почему ты говоришь слова, недостойные адыга? Мы тоже пережили немало бед. Не бросай камень в наш стеклянный недостроенный дом. Я – Баракетов, он – Багов. Ты сказал, что сожалеешь, что ты адыг, и все же, из какого ты рода?

Плечистый возница, втянув голову в плечи, рассмеялся:

– Вам не понравилось, что я согласен быть курдом, не хотите, чтобы я бросал камень в ваш стеклянный дом, так зачем же, Баракетов, тебе знать, из какого я рода?.. Скажи, куда вас отвезти.

– Если ты не спешишь на вечерний намаз, отвези нас в какую-нибудь недорогую гостиницу.

– Пусть турки с курдами делают намаз... – все так же хмуро пробормотал возница и показал на двухэтажный дом.– Эта гостиница вас устроит?

– Хаджирет, заплати двойную цену за извоз не назвавшему себя.

– Баракетов,– обиделся возница,– не унижай меня, мне не нужна милостыня, я не из тех, которым ее подают! Когда-то и у меня была челядь, по Бжедугии меня возили в фаэтоне, склоняли передо мной головы.

– Теперь ты здесь возишь тех, которые там возили тебя? И они не склоняют головы! – Баракетов покинул карету и бросил вознице через плечо: – Такие, как ты, князья и полукнязья делили нас на бжедугов, темиргойев, абадзехов, шапсугов, кабардинов и довели до великой беды. Здесь он, видите ли, хочет стать курдом! Твое счастье, зануда, что ты не видел нас при погонах!

– Как нагло повел себя бжедугский князь, будто это мы лишили его былых княжеских почестей,– возмутился

Хаджирет.– Попадись он в другом месте, меня не остановило бы старшинство, я бы с ним расквитался.

– Может, когда-нибудь так и будет.

В номере стамбульской гостиницы Баракетов закончил намаз молитвой на арабском, но остался сидеть на коврике, чтобы продолжить молитву на своем языке.

Молитва на родном языке полилась ручейком, будто кто-то из сердца нашептывал ее Зауалю: «Будь благосклонным ко мне, Аллах, не лишай своей милости. В этом временном мире, где Ты меня испытываешь, я знаю, как часто совершал плохие поступки и по своей, и по чужой воле. Я знаю, что Ты видишь и слышишь все, все наши дела известны тебе. Я готов искупить свои грехи, пройти через тяготы и испытания, которые Ты дашь мне в наказание. Я должен рассказать, что случилось с моей дочерью Гошмаф и ее матерью на берегу моря. Я не оправдываю себя, но хочу, чтобы Ты меня услышал. Бедная жена, держа меня за руку, отдала Тебе душу, но я ее не похоронил. Оставил еще теплое тело в надежде, что кто-нибудь, гяур или мусульманин, ее похоронят. В сутолоке спешил сесть на корабль и потерял единственную дочку. Так, в отчаянии и одиночестве я прибыл в страну, не зная, что здесь меня ждет. Турция, принявшая адыгов, по языку, обычаям и законам далека от нас. Но она удостоена Твоего благословения. Здесь по Твоей милости со мной происходят чудеса: я нашел свою дочь, получил чин и содержание, сама султанша расположена ко мне, так пусть благословения и благодать не покинут меня. Прошу Тебя, не отпускай мою руку, направляй каждый мой шаг. Я хочу быть мудрее моих недругов, чтобы злые языки не касались моей семьи. Возможно я переступил черту смиренности в своей просьбе, прости меня, мой Аллах...»

Хаджирет, закончивший намаз, осторожно приоткрыл дверь в комнату Зауаля, но увидев, что тот еще молится, вернулся к себе.

Баракетов слышал скрип двери, но продолжил усердно молиться: «Разве в мечтах о хорошем есть какая-то корысть? Пойми меня, мой Аллах, у меня не было другой

возможности, я был в безвыходном положении, поэтому совершил такой поступок по отношению к своей жене. Я осознал это и вернулся под Твое крыло. Прошу Тебя, определи ее в рай. Но не только о ней прошу. Открой врата рая погибшим в бою, ушедшим от гяуров и умершим на морском берегу, от болезней и голода в Турции. Смягчи сердца турок, сделай так, чтобы они прислушивались к нашим словам и просьбам. Разбойные нападения на адыгские, турецкие аулы, сербские и болгарские села начались из-за меня и Мустафа-паши, это была его придумка. Теперь, когда Мурад-бея нет в живых, я хочу, чтобы об этом никто не узнал, особенно моя дочь. Ты знаешь, что я дал обет отомстить тем, из-за кого мы попали в беду. Чтобы исполнить его, я буду выполнять все приказы и поручения стоящих надо мной турок, помоги мне. Сделай так, чтобы я стал своим в этой стране на зависть недоброжелателям и на радость тем, кто по-доброму относится ко мне. Да, мой великий Аллах, Ты услышал меня и вернул мне Гошмаф. Спасибо Тебе. Все девушки мечтают выйти замуж, помоги ей найти мужа, который сделает ее счастливой. Если я сказал что-то не то, извини, но сделай так, чтобы хорошее исполнилось...»

Опять услышав за спиной скрип двери, Баракетов с легкостью поднялся с колен.

– Заходи, Хаджирет. Ты хорошо сделал, что не потревожил меня во время молитвы. Сверни коврик для намаза и положи на место. Тебя что-то волнует?

– Мы проделали большой путь, я подумал, что ты после намаза отдыхаешь и не впустил к тебе настырного разносчика чая.

– И это ты сделал правильно. Вот так бережно мы, попавшие в беду соплеменники, должны относиться друг к другу и не будем обращать внимание на таких, как наш возница, который захотел стать курдом. Если чай не остыл, попроси настырного разносчика принести его. А ты уже пил?

– Как я могу раньше тебя? – удивился Хаджирет.– Дарихан звала нас к столу только после того, как накормит отца.

– Да, Дарихан и хорошая хозяйка, и красавица. Османовы наказаны за грех, который они совершили. Но что поделаешь, их кровь течет в ее ребенке.

– Зауаль! – едва сдержал себя Хаджирет. Потом спокойно проговорил: – Извини меня за резкость, будем считать, что я не услышал этих слов.

– Да, Хаджирет, да,– поспешил согласиться Зауаль.– Дарихан ваша сестра, как ей не помочь. И я, хотя не ваш родственник, забочусь о ней, как о дочери моего старого друга, настоящего адыга. Кроме того, мы соплеменники. Если мы, адыги, не будем оберегать друг друга, ни мусульмане – турки и албанцы, ни гяуры – сербы и болгары не помогут нам.

Хаджирет вышел из комнаты за чаем. Зауаль хмыкнул ему вслед: «Надо же, как он защищает свою неродную сестру, болгарскую невестку. И не только он, но и тонкоголовый сын Наурзова, которого я знаю с детства, и большой колючий Хатам, которого можно испугаться. Он, видите ли, охраняет гяурскую семью. Лучше бы женился, создал свою семью, чем готовить и прислуживать отцу, который и не отец-то вовсе. Мы говорим: кровь, порода, а на деле часто выходит по-другому. Взять Масхаба и Хаджирета – ведь что забавно – пасынок повторяет отчима, точно родной сын. Кто зажег в нем этот огонь непримиримости? Выходит, Масхаб. Да и Хатам такой же. Кто захочет выйти замуж за лохматого медведя? В адыгском мире осталось так мало мужчин, что трудно винить наших женщин, выбирающих в мужья иноплеменников. Но правильно ли поступила дочь Баговых, выйдя замуж с ребенком от другого? Просто помог случай, адыг вряд ли женился бы на ней, а у ее мужа оказалась толика нашей крови и болтает он по-нашему, но разве он адыг? Одинокий человек, как говорят – полчеловека, глядя на красавицу, он завидует ее мужу. Если бы я встретил какую-нибудь богатую турчанку, красивую и уважающую себя, я был бы не против жениться. Хорошо, если бы адыгам, как туркам, согласно Корану, разрешалось иметь четыре жены. Тут и сам

будешь молодцом! Женская душа, как масло, тает под руками мужчины. Да, пришло время Гошмаф выходить замуж, не знаю, что ее ждет...»

Вошел Хаджирет с низким столиком, на котором стояли чай и сладости.

Баракетов, довольный увиденным, сказал:

– Ты хорошо сделал, что не дал кому-то принести мне чай. Спасибо, что принес сам. Налей мне и ступай, у тебя свои дела. Постой, возьми плату за чай.

– Я уже заплатил.

– Да? И это хорошо, я потом тебя отблагодарю.

Зауаль Баракетов, уставший с дороги, спал спокойно. Если бы лучи утреннего солнца его не потревожили, он бы спал дольше. Крепкий сон прибавил настроения, хотелось действовать, и Зауаль, накинув мундир на плечи, прошелся по комнате, выглянул в окно, посмотрел, как суетится оживший утренний мир. Потом рассердился на ординарца: спит, наверное! Подошел к двери и сердито окликнул его:

– Хаджирет! Ты где? Я давно встал и жду тебя.

– Думал, отдыхаешь, не хотел будить.

– И то правильно, но все же в твои обязанности входит забота о нуждах своего командира. Мы с тобой, я еще раз тебе напоминаю, офицеры турецкого султана. Ты понял?

– Понял, каймакам! – вытянулся перед ним Хаджирет.

– Хорошо, что не забыл, кто я. Сейчас мы наденем нашу форменную одежду, дела сегодняшнего дня требуют от нас блестящего внешнего вида. Иди, одевайся.

Спустя полчаса два адыга, одетых в военную форму, разглядывая друг друга, остались очень довольны своим внешним видом. Зауаль Баракетов с подполковничьими погонами на плечах, подтянутый и стройный, откровенно любовался собой. По крайней мере, так казалось Хаджирету, который стоял перед командиром навытяжку и ждал приказаний.

Баракетов удовлетворенно сказал:

– Тебя трудно узнать. Что сказал бы Масхаб Багов, увидев тебя таким бравым офицером? Обрадовался бы.

Знаешь, адъютант, что мы сейчас сделаем? В гостиницах еда, вплоть до чая, дорогая, поэтому позавтракаем в одной из уличных харчевен. Потом поедем к месту нашей военной службы. А завтрашний день, возможно, принесет нам более приятные хлопоты. Торопливые люди быстро стареют. Мы с тобой поступим так, чтобы о нас не сказали: кто не торопится, тот опаздывает.

Стамбул с рассвета жил своей суетной жизнью, все в нем вертелось-крутилось. В воздухе витали запахи пряной еды, которую продавали на каждом углу. В казанах что-то кипело, из глиняных печей уже вынимали круглые лепешки, сновали мальчишки, разносчики чая, в лотках носили восточные сладости: рахат-лукум, халву, шербет, орешки и виноград в меде, засахаренные ягоды и вяленые дыни. На длинных прилавках лежали фрукты: хурма, гранаты, груши, виноград, персики и апельсины. От этого изобилия у Хаджирета кружилась голова, потому что сладости он ел давным-давно, еще в детстве.

Еще он увидел вереницу верблюдов, которых вели караванщики; толстых турок, ехавших на ослах и мулах, подгоняя их пятками; увидел важных господ, разъезжавших в золоченых каретах, и тех, кто победнее – в наемных экипажах. Стамбул своими домами и улицами, базарами и харчевнями, людьми и буйной растительностью заворожил Хаджирета, он всей душой влюбился в этот город. Солнце уже поднялось, когда они вошли в харчевню, сели под навес на плетеные стулья и заказали еду, которую мгновенно принесли в больших круглых глиняных тарелках.

Рядом с харчевней сидели чистильщики обуви и уличные гадалки, они зазывали к себе прохожих, чтобы кому-то почистить сапоги, другим – предсказать судьбу.

– Позавтракали, теперь наймем извозчика. Недалеко идти, но не станем жалеть нескольких монет. Такие офицеры как я, вон видишь, развалившись, сидят в мягких каретах. Мы тоже, даст Бог, приобретем собственную карету.

– Тогда остановим одну их проезжающих...

– Не будем останавливать, наймем одну из тех, стоящих.– Баракетов вспомнил бжедуга возницу и предупредил Хаджирета: – Увидишь вчерашнего возницу, не обращай на него никакого внимания. Пусть видит, кто мы такие, пусть завидует.

Как ни высматривал Зауаль Баракетов вчерашнего бжедуга, не увидел его и нанял другой экипаж. Хаджирет открыл дверцу, Зауаль важно уселся на кожаное сиденье.

Перед входом в здание каймакам остановился и обратился к ординарцу:

– Ты подождешь меня в комнате, куда тебя отведут. Таковы правила. Если быстро освобожусь, будет хорошо. Но мы люди подневольные, государственные дела требуют времени для их решения, сейчас на Балканах неспокойно, поэтому меня могут задержать.

У Зауаля Баракетова не было большого государственного дела, как он представил это Хаджирету. С первого дня своей службы Зауаль каждые два месяца возил родственнику Мустафа-паши бинбаши Юсефу взятку. И сегодня он привез ее в очередной раз.

Каймакам Баракетов широко распахнул дверь и вошел в кабинет Юсефа. Такая уверенность Зауаля насторожила Юсефа, но он, не показывая беспокойства, встретил его наигранно приветливо:

– Добро пожаловать, Зауаль. Садись, дорогой каймакам.

– Не запирай дверь на ключ, я не буду садиться. С сегодняшнего дня мы прекращаем прошлые отношения.

– А Мустафа-паша знает об этом?

– Нет.

– Тогда как это понимать? – опешил бинбаши Юсеф.– Как говорят черкесы, чья собака тебя укусила? – Затем, как бы понимая, кто за ним стоит, плюхнулся в свое кресло.– Да, да, я подозревал, что все так и будет... Надеюсь, ты не воспользуешься своим положением, чтобы навредить мне. Я верну тебе все, что ты мне приносил, и еще добавлю.

– Нет! Я не из тех, кто забирает отданное, это твое. А сейчас ты с почтением проводишь меня из кабинета, и работаем с тобой дальше, не упоминая о подношениях.

Два турецких офицера вышли из здания, будто между ними не было неприятного разговора, и, по-приятельски пожав друг другу руки, разошлись. Баракетов важно, чуть насмешливо сказал Хаджирету:

– Видишь, как меня встречают и провожают на службе? Дослужишься до каймакама, и тебе будут кланяться высокие вельможи. Хотя такие, как вчерашний полукнязь бжедуг и ему подобные, не поймут этого. Видели бы меня наши аульчане, особенно волком глядящий на меня исподлобья Наурзов. Приедешь, расскажи о том уважении, которое мы получаем от турок. Хаджирет, о чем ты думаешь, ты меня не слушаешь?

– Слушаю, конечно, слушаю. Увидев Юсефа, вспомнил Ачкалу, где мы жили... – отозвался Хаджирет, причисляя и Баракетова к жившим на пустыре.– И сейчас он выглядит хорошо, такой толстый, что его погоны кажутся игрушечными.

– Выглядит хорошо, потому что бездельник... – буркнул Баракетов.– А ты забудь все, что мы пережили, смотри только вперед. Жизнь человека коротка, как зимний день, поэтому будем вспоминать только хорошее. И я много чего пережил, а то немногое, что мне осталось, хочу прожить как человек.

На следующий день Баракетов нанял дорогую карету, и после полудня они подъехали к воротам дворца, где жила султанша Бике. Ему доложили, что во дворце его ждет эфенди Саид, к которому он заезжал в Пазар-кой по дороге в Стамбул.

В сопровождении стражников по мраморным ступеням они поднялись в просторную залу, где их встретила другая стража, которая повела в приемную султанши.

– В этом доме, как я говорил тебе, живет великая Бике, ставшая бабушкой Гошмаф,– чуть понизив голос, быстро проговорил Зауаль.– Сейчас нас встретят так, как встречают царей, но какое бы уважение тебе ни оказывали во

дворце, не забывай свое место. Не забывай, что ты мой аскер-ординарец.

Хаджирет Багов стоял за спиной каймакама Баракетова и смотрел поверх его головы. Он рассматривал огромный дворец, переливающийся золотом и серебром, и не находил, с чем можно было сравнить такую красоту. Наверное, подобное называют раем. Слуга, стоящий сбоку громадной двери, назвал имя великой Бике. Эфенди Саид, каймакам Баракетов и чавуш Хаджирет встали, слегка наклонив головы.

– Добро пожаловать, Зауаль,– поздоровалась Бике и тихо сказала девушке, стоявшей рядом с ней: – Подойди и обними своего отца, дочка.

Гошмаф с трепетом обняла отца, потом подошла к султанше, усадила ее на стул и встала рядом с правой стороны.

Выдержав паузу, Бике обратилась к каймакаму:

– Мы знаем о том, что происходит на Балканах. Как дела наших соплеменников, все ли живут спокойно, нет ли в чем нужды, не обижают ли их болгары? Стоящий над ними Мустафа-паша не оправдал нашего доверия, он допустил распри между соседями. И сам, кажется, оказался замешанным в грязной истории.

– Наши соплеменники, живущие на севере Балкан, всем довольны. Пусть Аллах в сто раз умножит твои благодеяния, великая султанша, и даст тебе возможность еще много лет делать их для нас.

– Нашим бедным соплеменникам я мало чем помогла, но если они довольны, как ты говоришь, я рада. Пусть не падают духом, великий Аллах с нами, поэтому беспокоиться не о чем. Кто этот молодой аскер, стоящий за тобой, каймакам, по виду он наш соплеменник?

– Он, мать турок, адыг. Служит со мной в армии, мой ординарец Хаджирет.

– Из какого ты рода?

– Я из Баговых.

– Если ты Багов, тогда ты из темиргоевских дворян...– У Бике перехватило дыхание, но она быстро овладела

собой: – Баговы когда-то жили в нашем ауле... Саид, Гошмаф, не дайте скучать нашим гостям. Покажите султанский дворец, угостите обедом. Я чуть погодя присоединюсь к вам. Отнеситесь с почестью к дворянину Багову, несмотря на его малый чавушский чин.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

С утра шел дождь, затем неожиданно повалил мокрый снег, и осенний мир во всей округе стал грязно-белым. В Абадзехе тихо, казалось, что в нем не осталось ни души. Собаки не лаяли, коровы не мычали, петухи не пели, даже птицы, и те смолкли.

День еще только начинался, а Масхабу казалось, что ему нет конца. С тех пор, как Хаджирет уехал с Баракетовым, он не находил себе покоя: они совершили ошибку, разрешив Хаджирету оставить семью. Если бы сейчас мальчишка приехал в аул, то остался бы дома. Какими бы безнадежными ни были условия адыгов, они должны оставаться верными адыгству, а не подчиняться турецкому влиянию. Масхаба удивляло, как быстро, не обдумав, они приняли такое серьезное решение, будто шайтан нашептал.

А теперь обстановка полупустого дома удручала Масхаба, и за что бы он ни брался – все валилось из рук. Хатам часто отлучается, Дарихан живет своей семьей, одиночество и тишина поселились там, где всегда было шумно и людно. У каждого свои заботы: проезжающие мимо всадники поднимут руку в приветствии и исчезают, чтобы скорее оказаться дома. Так устроен мир: у каждого свой очаг и ответственность за близких.

Из серых облаков падают и падают снежинки, кони и люди протоптали в белом снегу грязные слякотные дороги, а дальние леса не узнать: все изменил снегопад.

Масхаб то выходил из дома, то опять заходил, то постоит у окна, будто высматривая кого-то. Не обращая

внимания на Хатама, возившегося с очагом, кружил по комнате, вертел в руке кнут, будто собирался куда-то ехать, но, передумав, снова вешал на стену.

– Тят, тебя что-то тревожит... – не выдержал Хатам, хотя не полагалось спрашивать старшего. Он готов был бежать на край света, только чтобы помочь отцу.

– Почему спрашиваешь, парень? – Масхаб, дойдя до двери, обернулся, подошел к очагу, сел на свое место и, словно оправдывая свое поведение, продолжил: – Маюсь, наверное, из-за того, что я сегодня без дела.

– Нет, тебя что-то тревожит.

– Мир такой жестокий! Тут еще снег выпал, небо затянуто тучами. Все мне не по нутру. Говорят, что все случается к лучшему, но всегда ли так? Я не нахожу себе места из-за того, что отпустил Хаджирета с Баракетовым. Он еще совсем молодой, неопытный, а Зауаль хитрый лис, так окрутит, что не найдешь концов. Вы с сестрой так быстро согласились и поддержали мальчика, что я тоже поддался вашему настроению. Мне кажется, что мы поступили опрометчиво.

– Хаджирету можно доверять, тят.

– Не перебивай! Ты разве не знаешь, какой человек Баракетов?!..

– Не может быть, отец, чтобы он переступил через адыгство.

– О каком адыгстве ты говоришь?.. Мы начали терять его еще у себя на родине, а когда покинули ее, то потеряли окончательно. Да, парень, не смотри так на меня. Я не оговорился, сказав «на родине, которую покинули». Не удивляйся. Мы не решаемся признаться: в том, что с нами случилось, есть и наша вина.

– Не понял, тят.

– Не понял, что ты здесь никто? «Зло заставляет дружить с добром», говорят. Я тебе напоминаю эту пословицу. Разве все, кого побеждают, покидают свою страну?

– Извини, тят. Тогда, выходит, вы зря воевали, проливали кровь свою и тех, кто силой заставил нас уйти?

– Сила на силу, это как коса на камень. А от встречной силы можно было себя оградить.

– Хорошо, я это понял. Но я не согласен с твоими словами про адыгство и человечность. Даже одно то, что ты сделал для меня и Хаджирета, говорит, что наши обычаи крепки...

– О чем ты говоришь, парень,– прервал его Масхаб,– как ты можешь сравнивать то, что я сделал для вас, с нашими ошибками? Было бы лучше, если бы мы примирились с теми, кто нас одолел... Все, хватит болтать! Кажется, снег перестал идти. Если не знаешь, чем себя занять, поезжай к сестре и привези мне маленького Стефана. Мать пусть от него отдохнет, а мы развеем с ним скуку.

Хатам, довольный тем, что отец посылает его за племянником, быстро надел кафтан и папаху, сел на верхового коня и легкой рысцой потрусил в соседнее село. «Пусть идет дождь, падает снег, лишь бы отец был спокоен,– думал он,– а когда отец веселый, то огонь в очаге горит ярче и жарче».

Снег совсем перестал падать. Земля, деревья, ограды – бело-серебристые, а из-под копыт коня летят брызги слякоти. Осенний лес под тяжестью мокрого снега скидывает последние огненно-рыжие листья, в остывшей речке отражаются сумрачные кусты, притихшая округа пуста. Из конца в конец, от Абадзеха до Стефановки путь недлинный. Зазевавшаяся птичка неожиданно вспархивает из-под ног коня, спеша перелететь в безопасное место. Но Хатам, погруженный в себя, ничего не замечал: его не отпускали мысли об отце. Как бы хотелось Хатаму видеть его снова веселым, но, как говорится, не все происходит так, как нам хочется. Хатам плеткой поторопил коня, и он плавно понес всадника, радуясь возможности разгорячить застоявшуюся кровь.

Хатам, как его буланый конь, бежал от мыслей, но они догоняли его. Память цеплялась за прошлое, оживляла забытые картины, возвращая к тому, как они оказались на турецком берегу. «Мы уже несколько лет живем здесь,–

думал он,– за это время отец ни разу не говорил, даже не намекал о том, что они не сделали никаких попыток остаться в Черкесии. После отъезда Хаджирета он стал угрюмым, раздражительным. Раньше он критиковал и Марзухаева, и эфенди Махошева, и хаджи Берзегова, Баракетова... Ему не нравились их поведение и поступки. Но впервые я слышу от отца недовольство тем, что мы не примирились с теми, кто воевал против нас. «Зло примиряет тебя с добром»,– говорит отец, но я знаю, что зло и добро противостоят друг другу, и не понимаю, что он хотел этим сказать. Как можно примириться с бедой? С детства мы слышим советы мудрых стариков, но остаемся бестолковыми. Отец сказал, что не все, кого побеждают, покидают свою страну. Да, тят, да, я с тобой согласен! Турки победили народы, живущие на Балканах, но те не покинули своей страны!»

Хатам вошел в теплую комнату, Стефанка, увидев его, кинулся было к дяде, протянув тоненькие ручонки, но потом оглянулся на отца. Тот расплылся в улыбке, приветствуя гостя, тогда малыш бросился к любимому лохматому дяде Хатаму. Хатам, как обычно, потрепал племянника по кудрявой головке и несколько раз подбросил к потолку, потом бережно прижал к груди:

– Ну-ка скажи, Стефанка, тебя кто-нибудь обижает?

Стефанка тоненьким пальчиком указал на мать и ответил, перемежая адыгские и болгарские слова:

– Нана! Она не разрешает сидеть на полу.

– Я разберусь с ней. А отец что говорит?

– Отец грозит пальцем.

– Так не пойдет, Тод. Вы плохо относитесь к единственному внуку таты, он даже жалуется на вас.– Хатам сделал вид, что отчитывает зятя, и повернулся к Стефанке: – Собирайся, я отвезу тебя в Абадзех, к тате.

– Поехали! – с готовностью отозвался Стефанка и обнял дядю за шею.

– Вот и договорились. Я отдохну чуток, и поедем.– Хатам посадил мальчика к себе на колени и обратился к

сестре и зятю: – Дедушка соскучился по внуку и прислал меня за ним.

Потом, подумав, поделился с зятем своими тревожными мыслями:

– Тодор, я не хотел беспокоить вас, но вижу, что отец не находит себе места с тех пор, как Баракетов увез Хаджирета. Плохо спит, мало ест, почти не выходит из дома. Если кто заходит к нам, для него любой разговор в тягость. Закончились его счастливые дни.

– Отец услышал о каких-то плохих поступках Хаджирета? – встревожилась Дарихан.

– Нет. Он не способен на такое. Наоборот, до нас дошли вести, что он хорошо ладит с Баракетовым, нашел общий язык с сослуживцами. Мустафа-паша доволен им. Говорят, что он встречался с султаншей Бике, воспитавшей дочь Баракетова.

Дарихан от волнения поправила косынку на голове и с сомнением спросила брата:

– Отец пожалел о том, что разрешил Хаджирету служить в турецкой армии?.. Наверное, мы тоже поспешили, не было времени обдумать все.

– Мне тоже так кажется. Не забывай еще, что отец не очень-то доверяет Баракетову, опасается, что Хаджирет может перенять высокомерие турецких чинов. Он даже слышать не хочет о его службе в турецкой армии. Вы слышали, Баракетов набирает аскеров? И знаешь, Дарихан, что сказал отец? Он считает, что мы не должны были бросать свою родину, что не все, кого побеждают, покидают ее.

Дарихан и Тодор переглянулись, видимо, эта тема не раз обсуждалась между ними. Обескураженный увиденным, Хатам молчал. Возникшую тягостную тишину нарушил Стефанка, он притащил Хатаму свои кожаные чувяки и шубейку:

– Меня дедушка ждет, поехали.

– Подожди, сынок, дай нам с твоим дядей поговорить, это важно! – Тодор погладил сына по головке и обратился

к Дарихан и Хатаму: – Если ваш отец заговорил об этом, наверное, глубоко обдумал все случившееся...

– Тод! – прервала мужа Дарихан,– в словах отца, вероятно, есть правда. Но я, Хатам, подумала вот о чем: Хаджирет уехал, у меня своя семья, тебя тоже дома нет. Ты убегаешь, неизвестно куда, и возвращаешься, когда захочешь. Потом, не вечно же тебе быть одному.

Хатам засмеялся:

– Да, за мной водятся такие грешки, и я не в обиде на твои слова. Быть одному, наверное, плохо, но свобода дороже всего. Захочешь сесть – садишься, захочешь встать – встаешь, хочешь ехать – едешь, не хочешь – сидишь дома...

– Слышишь, Тод, слова Хатама? Он оправдывает наши подозрения.

Хатам посерьезнел и, чеканя слова, сказал:

– Мне кажется, Дарихан, нашему отцу не дает покоя одиночество. Не знаю, как ты на это посмотришь, было бы хорошо, чтобы мы кое в чем помогли ему.– Хатам на секунду задержался и, решившись, продолжил: – В соседнем ауле живет одинокая женщина. Я объясню, кто она. У эфенди Марзухаева был старший, уже покойный брат, Бачир, отец всегда с уважением вспоминает его. Так вот она его дочь.

– Это та, которую зовут Нат-Нат? – не дала закончить Хатаму сестра.– Я слышала о ней, Нат-Нат хорошая женщина. Не знаю, как отец отнесется к этому, но я была бы рада, если бы он встретил женщину, с которой найдет душевный покой. Но не втягивай меня в это дело, и так злые языки обвиняют нас бог весть в чем. Помнишь, Тод, я как-то говорила тебе о ней? Маленькая русская девочка, которую Бачир Марзухаев нашел в верховьях реки Фарз. Но, Хатам, у адыгов не в обычае искать отцу жену. Поэтому посоветуйся с Дзегаштом и остальными старшими. Если отец согласится и спросит мое мнение, я скажу «да». Ту, с которой он найдет душевный покой, я буду любить как мать... – Дарихан смахнула набежавшую слезу. Стефанка,

увидев, что мать плачет, соскочил с колен Хатама и бросился обнимать ее.

Абадзех находился в нескольких верстах от Стефановки. Тодор и Дарихан поехали в одноколке, Хатам взял Стефанку к себе на коня. Вскоре показался Абадзех, во влажном воздухе селения висел запах печного дыма. Они свернули на улицу, где стоял дом Масхаба, который вышел во двор встречать долгожданного внука. Стефанка, оказавшись на руках деда, расчихался, чем вызвал веселый смех. Наконец-то дом Баговых ожил, Масхаб распрямил спину и понес в крепких руках сладкого для его сердца мальчонку.

После обеда Тодор, оставив своих домочадцев у Баговых, уехал в Стефановку.

Стефанка в связанных руками Дарихан штанишках и белой рубашке до колен бегал по дому. Белолицый, с большими серыми, как у матери глазами, с черными курчавыми волосами, он обличьем ничего не взял от рода Османовых.

Отсветы очага струились по лицу Масхаба, казалось, он боялся шелохнуться, чтобы не спугнуть нахлынувшую радость. А когда Стефанка, легко скинув чувяки, уверенно вскочил к нему на колени, будто прыгнул в седло коня, дед от души рассмеялся:

– Ты настоящий адыг, Стафанка! Ублажили вы меня, пусть добро будет вашим спутником! – сказал Масхаб счастливо.– Приезжайте почаще, я извел Хатама своим недовольством. Да еще не знаю, где находится злополучный Хаджирет.

– Теперь чаще будем приезжать, отец,– обнадежила его Дарихан.– А куда денется Хаджирет? Он же твой сын и наш брат, он не забудет нас. А ты не живи затворником.

– Куда мне идти? Кому я нужен? Я надоел Наурзовым, хотя когда навещаю их, они стараются показать, что рады мне. Раньше люди жили по-другому. Теперь каждый печется о себе, своей семье. Где Хатам?

– Пошел кормить скотину.

Дарихан не сказала отцу правду: Хатам в тот момент находился у Наурзова. Он пересказал Дзегашту сегодняшний разговор с сестрой и зятем. Наурзов ответил сразу:

– Я тоже думал об этом. Быть одиноким, это то же, что одному коню везти повозку. Пока Масхаб поднимал вас на ноги, ему было не до себя, он не думал, тяжело ему или легко. Теперь только ты остался у него, а кто знает, куда ты завтра повернешь коня. Может, как Хаджирет, покинешь его.

– Дзегашт, извини, но ты обижаешь меня...

– Я знаю, ты не о своей голове печешься, заботишься о судьбе отца, поэтому успокойся и послушай, что я тебе говорю. Легко сказать – создать семью, но на старости лет это трудно сделать. Где сейчас найдешь женщину, которая его поймет? Если знаешь, скажи.

– Такая женщина, если мы не ошибаемся, живет в Махоше. Хорошая женщина, отец ее знает, да и ты тоже.

Дзегашт Наурзов, уже понимая о ком идет речь, заулыбался в усы:

– Вероятно, ты говоришь о дочери Бачира Марзухаева Нат-Нат? Если о ней, ты не ошибся. И твой отец, и я с Коблевым знаем ее. Женщина пережила большое горе, потеряла семью. Хатам, может, вы с отцом договорились и проверяете меня? На днях Масхаб неожиданно сам спросил меня о ней.

– Первый раз слышу... – удивился Хатам.– Если так, хорошо, Дзегашт. Но меня волнует, что скажут люди? О нас и так распускают разные слухи, мы стали часто попадать на их языки.

– А что скажут о вас? Не вы первые, не вы последние, люди женились и будут жениться.

– Правильно, Дзегашт, но я говорю о другом... Как бы правильнее выразиться... Я боюсь, что люди скажут: дочь Баговых, принеся несчастье туркам, стала женой гяура, но этого им мало, они привели гяурку и в дом.

– Трусливый боится, как бы ему не выбили глаз. Хатам, я соглашался с тобой, понимая, что ты беспокоишься об отце. Но не хочу слышать последних слов, они ни к чему.

Пока мы с Коблевым не поговорим с Масхабом, нам не следовало бы с тобой обсуждать это дело. Не стоит сомневаться насчет Нат-Нат. Бедная женщина пережила много бед, так что не греши на нее.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

Несмотря на разницу в возрасте и чинах, время объединило и сблизило Зауаля Баракетова и Хаджирета Багова. Их дела в Стамбуле завершились благоприятно, они жили в хороших гостиницах, ездили на приемы, получали жалование, обменивались приветствиями с высокопоставленными особами, и Хаджирет постепенно втягивался в эту жизнь. Он не задавал Зауалю лишних вопросов, подчинялся приказам, в выполнении их был услужлив и вежлив, при этом сохранял достоинство, не свойственное простолюдинам. Даже после личной встречи Зауаля с султаншей Хаджирет оставался спокойным, не выказывал личной заинтересованности.

Каймакам Барекетов с глазу на глаз докладывал султанше положение дел в аулах, о численности черкесских отрядов на случай большой войны на Балканах. В целом, если посчитать количество мужчин в черкесских аулах Тырговиштского ущелья, то может набраться больше четырех тысяч человек. Но не каждый из них был готов встать под ружье, семья выделяла одного-двух сыновей, которые по наказу старших собирались защищать свои аулы, поэтому отряды с самого начала были названы оборонительными. Угроза войны становилась реальной, а черкесская конница могла бы порадовать султаншу достойным войском. Бике была недовольна Мустафа-пашой, Мурад-бей убит, так что теперь все свои надежды она связывала с Зауалем Баракетовым.

«Обещать легко,– размышлял Баракетов,– но как это сделать? Основная масса адыгов не хочет связывать свои

интересы со страной, приютившей их, не хочет сплотиться с ней для защиты общих интересов... На сходах-хасэ они продолжают настаивать на том, что хотят остаться свободными, жить по своим законам, не вмешиваться в чужие дела. И на хасэ приезжает все меньше людей, на которых можно опереться Баракетову, чтобы выполнить наказ султанши. И только провокации, подобные тем, которые они устраивали с Мурад-беем, в какой-то мере заставляют их сплотиться против болгар».

Для Зауаля оставалось загадкой молчание Хаджирета. С того дня, когда Бике выразила ему свое расположение, Хаджирет не изменился, не вознесся, как это бывает с молодыми людьми. Стараясь разговорить ординарца, Зауаль хотел расшевелить его душу, вытащить на поверхность то, что лежало в ее глубине, он не мог быть спокоен, пока не поймет причину его молчания. Когда человек обнажается, ты знаешь, с кем имеешь дело и чего от него ожидать. А молчание Хаджирета раздражало Зауаля: будто милости и подарки Бике для него привычны и обыкновенны. И знакомство с его дочерью, девушкой, какую надо поискать, для него оказалось событием ничем не выдающимся, заурядным. Зауаль начинал разговор о Бике, потом потихоньку переходил на Гошмаф, но Хаджирет восхищался и удивилялся только тому, что увидел во дворце султана, а когда разговор касался Гошмаф, он замолкал.

«Масхаб, взявший мальчика с пустыря и воспитавший его, поступил милосердно и благородно. Багов-старший сделал великое дело: он воспитал Хаджирета по законам адыге-хабзэ, парень держится с достоинством, содержит себя в чистоте. Я учу его военной жизни, этикету,– рассуждал про себя Баракетов, присматриваясь к Хаджирету, который теперь постоянно носил офицерскую форму,– и он неожиданно оказался способным парнем. И какой скрытный! Но почему он ничего не говорит о моей дочери? Может, стесняется? Многие бы отдали последнее, чтобы получить расположение султанши, а Хаджирет выражает только благодарность и смущение. А она в этот раз была со мною строга, почти не улыбалась, а ему наговорила

много добрых слов. И прежде чем нам уйти, подозвала его и погладила по лицу. А этот мальчишка делает вид, будто ничего не произошло. Неужели ждет, когда я начну разговор по этому поводу?»

Послышался стук в дверь, вошел Хаджирет.

Зауаль пригласил его к столу:

– Мы здесь одни, не стой у двери, садись.

Хаджирет возразил:

– Спасибо, каймакам, я останусь здесь, на своем месте.

– Ты проявляешь излишнее рвение. Ты заметил, как мать турок и адыгов великая Бике встретила нас? Оценил, что она отнеслась к тебе как к родственнику?..

– Да. Видел и их райскую жизнь...

– Тогда почему ничего не говоришь? Тебя это не радует? Мало кому оказывают подобные почести. Что ты об этом думаешь?

– Не знаю, что и сказать...

– Не возвышай себя, Хаджирет! Не ты – она тебя выделила, она облагодетельствовала. Они такие же люди, как и мы. Но именно их выделил Аллах и вознес над нами. И в этом можно им позавидовать.

– Я не завидую, я знаю свое место, кем я был, тем и остался. Милости султанши – это сказка, как те, которые мне рассказывала мать,– тихо сказал Хаджирет. Перед его мысленным взором пронеслась жизнь адыгов на Балканах.– Извини, если я чем-то обидел тебя.

Со стороны улицы послышался шум подъезжающих карет. Привратник со скрежетом отворил ворота гостиницы, впуская в гостиничный двор две султанские кареты. Во дворе сразу собралась толпа зевак, наблюдая, кто выйдет из роскошного экипажа.

Баракетов засуетился, обрадовался:

– Ну вот, наша Гошмаф приехала! Идем, идем, не будем заставлять красавицу ждать нас в карете.

Турецкий каймакам в нарядной военной форме вышел из гостиницы вслед за Хаджиретом, который нес поклажу. Гошмаф, не обращая внимания на прислугу, открывшую

ей дверь кареты, пошла навстречу отцу. Не останавливаясь, приказала охраннику:

– Возьмите у чавуша вещи и отнесите их в карету.

Люди, увидев султанскую карету, разглядывали ее из окон. Гошмаф, привыкшая к вниманию толпы, не обращая внимания на зевак, обняла отца, спросила:

– Как ты себя чувствуешь, тат? Только увиделись, а вы уже собираетесь в дорогу...

– Что поделаешь, дочка? Мы люди военные, выполняем приказы и не знаем, что ждет нас завтра. Но, как говорит твоя нана, великая Бике, не надо печалиться. Аллах с нами, надеемся, что в пути Он будет к нам благосклонен.

– Да, тат, мы надеемся на Аллаха, Он в нашем сердце. Нана передает вам салам. Эти четыри всадника будут сопровождать вас до Балкан. Вчера нана не открылась, что она из рода Баговых. Теперь же, Хаджирет, она передает через тебя гостиницы для Баговых. Счастливого пути, пусть Аллах дарует нам еще много добрых встреч.

Гошмаф села в другую, приехавшую следом, карету, привратник открыл ворота, и кареты разъехались по сторонам. Гошмаф приложила надушенный платочек к глазам, а Зауаль, восседая на темно-коричневом кожаном сидении под бархатным балдахином с кистями, горделиво поглядывал на всадников, сопровождавших экипаж.

Когда выехали за город, солнце вошло в зенит. Дорога была пустынной, и только мерное постукивание копыт да скрип кареты нарушали наступившую тишину. Зауаль Баракетов ехал молча. Он обдумывал слова дочери, сказанные Хаджирету о подарках, лежащих в карете. Нет, он не решался попросить Хаджирета показать их, но думал о том, что великая Бике оказалось из рода Баговых.

«Масхаб, услышав такую весть,– рассуждал Баракетов,– не даст нам жизни, он очень настырный. Сделанное мною добро всегда возвращается злом. Почему? Кто знал, что великая Бике окажется однофамилицей Масхаба Багова? Он и так открыто говорит, что думает, а что теперь будет? А разве у адыгов есть однофамильцы? Все, носящие

одну фамилию, родственники! Э-э, адыги, вас так мало, что поместитесь на одной ладони! Вы живете на этом свете в разных местах, но не забывая прошлого. Да и Хаджирету, бывшему сироте, улыбнулось счастье – он оказался однофамильцем Бике. Я не говорю уже о дочери Баговых Дарихан. А Хатам? Тот давно забыл, что он Брантов. Скажешь, бросится с кулаками. Со всеми враждует. Может, напомнить Хаджирету его настоящую фамилию? Нет, нет, я не могу оставить тень сомнения в сердце султанши. Как забыть, что она воспитала мою дочь? Это может погубить меня!»

Впереди и позади кареты ехали по двое всадников. За их спинами блестели новенькие ружья, красные форменные костюмы дополняли малиновые фески. Впервые в жизни Баракетову была оказана честь ехать в сопровождении султанской стражи. И кому он обязан этими почестями, уж ни Хаджирету ли Багову? А он молчит, и не знаешь, что у него на уме.

– Ты опять ничего не говоришь, Хаджирет. Тебя ничего не удивляет, не радует. Что ты за человек, не пойму.

– Все хорошо,– ответил Хаджирет спокойно, будто ждал этого вопроса.

– Что «хорошо»? – рассердился Зауаль, затем натянуто улыбнулся,– конечно, хорошо, если великая султанша оказалась твоей родственницей! Бедный Масхаб, когда услышит эту новость, наверное, не будет таким неразговорчивым, как ты. Он очень обрадуется.

Хаджирет, услышав слово «бедный», вскинул голову. Кое-как свыкнувшись со своей службой, он научился ладить с Баракетовым, знал его слабые и сильные стороны и никогда не ошибался в поступках. Он старался быть неуязвимым для каймакама, чтобы у того не возникало причин в чем-то упрекнуть или унизить его. Но как сказать ему, что признание султанши в родстве с Баговыми он воспринял спокойно, потому что это родство к нему не относилось. Это его отец – Масхаб Багов может считать родство удачей или нет, а он – приемыш, хотя отец разделит с ним последнее, как и он с ним. Хаджирету понравилось, что Баракетов как-то сник, не пыжится перед ним, в другое время немало требовалось заслуг, чтобы получить такое отношение. А тут вышло все само собой. Пусть Зауаль забудет слово «бедный» по отношению к отцу и держит свой язык за зубами.

Баракетов это уже понял:

– Да, да, как твой отец может быть бедным, когда у него два таких сына. Я оговорился. Сейчас я задам тебе вопрос, и прошу ответить искренне. Гошмаф пора выбирать спутника жизни, что ты об этом думаешь? Как она тебе показалась? Понравилась? Говори прямо, я не обижусь.

Вопрос, поставленный так открыто, смутил Хаджирета. Как может он, простой парень оценить такую девушку? Для него Гошмаф – это птица в небе, а он земной человек. Если откровенно, то Гошмаф понравилась ему, но разве он признается в этом?

Зауаль ждал, что Багов ответит просто: «хорошая девушка», но Хаджирет молчал. Соблюдая достоинство, Баракетов переспросил:

– Ты почему ничего не отвечаешь?

– Мне показалось, что Гошмаф воспитанная девушка. Она достойна хорошего мужа, такого же, как сама. Думаю, султанша Бике найдет ей подходящую пару, и ты можешь на этот счет не беспокоиться. Пусть Аллах даст ей счастья, чтобы ты был спокоен и радовался за нее.

– Спасибо, что ты так оценил мою дочь. Я прошу Аллаха, чтобы не только мы, но и ты с нами был счастлив. Да, да, Хаджирет, не удивляйся.

– Я не удивляюсь, потому что жизнь связала меня с тобой, но Гошмаф... Мне за ней не угнаться.

«Каким предусмотрительным оказался этот мальчишка! Не доходя до брода закатывает штанину! Или набивает себе цену, или действительно думает так? Другой бы от радости звезды хватал с небес, а этот – гордец, как и Масхаб.– Баракетова возмутил ответ, но он не подал вида.– Хорошо, пусть не таясь говорит обо всем, что его волнует, так будет лучше. Он толковый парень, из него выйдет хороший муж для Гошмаф. Девочке он тоже

понравился: как ни таилась, глаза ее выдали... Как бы то ни было, я не хочу, чтобы Гошмаф вышла замуж за турка, и буду рад, если она выберет в мужья Хаджирета. Надеюсь, моя мечта сбудется. У всего есть начало и конец, так что посмотрим, чем все это закончится. Я открылся Хаджирету и дальше не стану хитрить, прямо скажу, что я думаю о нем».

Солнце уже шло к закату, уставшие кони храпели, и путники свернули к ручью, чтобы передохнуть. Всадники подтянули коням подпруги, поправили стремена и седла. Передышка позволила путникам размять затекшие ноги, и через некоторое время они продолжили путь.

Баракетов с достоинством продолжил разговор:

– Я понимаю, тебя смутили молодые люди из окружения Гошмаф. Но как тебе сказать, они, понимаешь ли, не мужчины в обычном понимании. Только носят фески... Такие мужчины во всех султанских дворцах. А эфенди Саид с благословения султанши Бике стал для Гошмаф братом, об этом ты знаешь... Погоди, Хаджирет, вдруг опять окажется, что возница знает наш язык.

– Ни одного слова он не знает,– успокоил Хаджирет Зауаля,– когда мы остановились возле родника, я обратился к нему по-адыгски. Он ответил, что не понимает меня и попросил разговаривать с ним по-турецки.

– Хорошо, что ты обратил на это внимание. А если обманул?

– Пусть обманывает, мы ничего плохого не говорим.

– Я знаю, но извозчики любят прислушиваться к разговорам, держат ухо востро. Остерегайся, парень, чужих ушей...

– Я понимаю, Зауаль, поэтому и спросил его. Теперь нельзя доверять никому – ни своим, ни чужим.

– Ну, так тоже не пойдет,– сказал Баракетов, не показывая, что эти слова могут относиться и к нему.– В твоих словах есть правда, но ты излишне осторожен.

– Может, и так, но об этом говорил Чермит.

– Чермит был мудрым стариком, не то что его сын Гарун. Но и он иногда излишне осторожничал... – Баракетов неожиданно спросил шутливо: – Ты знаешь, о чем я сейчас думаю? О том, что тебе совсем не любопытны гостинцы, переданные твоему отцу. Останови в каком-нибудь укромном месте карету, посмотрим, какие там подарки... Нет, нет, не надо. До Приштины уже недалеко, в гостинице спокойно посмотрим. Помнишь, я когда-то рассказывал тебе о двух ребятах, работающих там? Застанем их, познакомишься. Если не застанем, еще лучше, меньше времени проведем в пути.

– Если их не будет, Зауаль, встретимся с их бабушкой, передадим ей какой-нибудь гостинец, порадуем ее.

– Правильно, можно и так поступить... Но не будем заранее загадывать, пока не узнаем, что за подарки послала Бике.

– Ты старший, как скажешь,– удивляясь любопытству Баракетова, ответил Хаджирет.

Через час Баракетов передумал останавливаться в гостинице Приштины, он решил заехать в маленький аул Лаба и, не задерживаясь, ехать дальше. В ауле были похороны: умерла бабушка Аслана и Каплана.

Зауаль Баракетов остановил карету невдалеке от двора мальчиков. Следуя адыгским обычаям, вошли в открытые настежь большие ворота. Они были в турецкой военной форме, но люди поняли, что перед ними адыги. После того, как эфенди произнес молитву, Баракетов сказал:

– Мы просим Аллаха для женщины, покинувшей этот мир, открыть врата рая. Если у нее были грехи, просим Его быть благосклонным и простить ее. Пусть для оставшихся родных это горе будет последним, пусть Аллах даст им силы пережить его. Я – Баракетов, а это – Багов. Я знаком с Асланом и Капланом – внуками этой женщины. Услышав о горе, постигшем их, мы свернули с дороги и заехали выразить соболезнование. В этом временном мире нас всех испытывают, но я прошу Аллаха, чтобы Он посылал нам испытания по силам.– Зауаль Баракетов закончил речь, подошел к повзрослевшим братьям, обнял их и, протягивая деньги, сказал старшему, Аслану: – возьми эту малость, они понадобятся вам для поминок.

Затем Баракетов, сожалея, что не может остаться и поговорить с мужчинами аула, сказал:

– Я – заместитель наместника Балкан Мустафа-паши по адыгским делам, служу в Белграде, если кому нужен буду, найдете меня там.

Зауаль и Хаджирет покинули аул, состоящий из нескольких десятков домов. На Кавказе их аул стоял на берегу реки Лаба. Переселившись сюда, они в память о нем назвали свое вынужденное прибежище аулом Лаба, и речку, протекавшую рядом, назвали так же.

Карета проехала каменный мост и поднялась на пригорок. Только тогда Баракетов заговорил:

– Вот таковы наши дела... По численности нас гораздо меньше турок, но куда бы мы ни поехали, везде встречаем адыгов... Но на востоке, юге, и в центре страны адыгские аулы окружены турецкими и болгарскими селами. Адыгам нужно сплотиться, чтобы помогать друг другу, иначе мы исчезнем, растворимся среди других народов. Как хорошо мы поступили, Хаджирет, что заехали в этот богом забытый аул, что дали братьям немного денег. Это оценили те, кто увидел наш поступок, и будет приятно тем, кто услышит о нем. Я с прошлого года не видел мальчиков, даже не узнал, горе сделало их взрослее. И это правда, они уже не мальчишки. Мы надеемся на таких, как они, это наше будущее. И кто знает, как пойдут твои дела. Может, станешь влиятельнее, чем я...

Слова Зауаля больно прошлись по сердцу Хаджирета, но он ничего не ответил.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Шестидесятилетний Масхаб Багов по меркам адыгов еще не старик, но и не молодой, такой возраст называют зрелым. Его решение жениться на Нат-Нат Марзухаевой было одобрено друзьями. Как жить, как вести хозяйство

одинокому мужчине, когда взрослые дети разлетелись по разным сторонам? Пришла пора ехать за невестой в селение Махош.

Махош и Абадзех находились на расстоянии десяти рывков коня. По ровной дороге пешком можно дойти за час, на коне еще быстрее. На арбе путь осилишь за полдня. Да кто ездит за невестой на арбе? Кареты в ауле нет. Правда, бывает, когда невесту привозят на коне, но это тот случай, когда молодые пришли к согласию, а родственники против их женитьбы.

Нат-Нат Марзухаева не была знакома с Масхабом Баговым, но много хорошего слышала о нем, потому сразу дала свое согласие на замужество. Она знала, что его сыновья еще не женаты, но все говорили, что они характером похожи на отца. Нат-Нат ждала гостей, чтобы раз и навсегда изменить свою жизнь. Была ли она готова к этому? Сколько раз она просыпалась от боли одиночества, когда за окном хлестал дождь, выла метель, когда некому было рассказать о своих страхах. Пережила она упреки и осуждение безжалостных людей, а сколько их было за ее жизнь... И некому было защитить, она терпеливо и со смирением приняла свою судьбу. Никто не знает, сколько бессонных ночей она провела в слезах и жалости к себе, и слова, сказанные сватами, обожгли ее душу, но сердечко забилось ровнее и увереннее. Сейчас наступает время ранних морозов, их сменят теплые метели, но что бы в мире ни происходило, у нее будет крепкое, надежное плечо.

– Для поездки за невестой воспользуемся одноколкой Тодора,– предложил Наурзов.– Правда, вчетвером мы в ней не поместимся, поэтому Коблев будет возницей Нат-Нат, а мы с тобой на верховых конях последуем за ними.

– Если доверяете, я готов быть возницей,– быстро согласился Гарун Коблев.

– Вы, что, на старости лет сошли с ума? Как я поеду на одноколке зятя за невестой?!.– прикрикнул на друзей Масхаб. Он прошел к очагу, прикидывая что-то в уме, потом обернулся к Коблеву: – А разве у эфенди Калаубата из Шапсуга карета без колес?

– Ну, да, я и забыл... – вскинул голову Коблев.– У него хорошая карета.

– Ты весь в этом, Коблев: «забыл», «не заметил», «не сегодня-завтра». Так же исполняешь и свои обязанности главы-мухтара. После женитьбы Багова сложишь с себя обязанности главы аула. Хватит, сколько бездельничал.

– Если вы считаете, что я должен это сделать, то готов хоть сейчас. Вот только не знаю, кого поставите?

– Зато я знаю: моя жена Асиет хорошо с этим справится. Она так гоняет меня, да при этом вас вспоминает! Нет мне от нее покоя. Но это оставим на потом, а сейчас мы должны все сделать так, чтобы не опозориться перед женщиной, которая ждет нас. Как я понял, Багов, ты не поедешь к ней на одноколке зятя. Тогда, если ты не передумал жениться, поедем в аул Махош верхом. Ты посадишь возлюбленную на коня впереди себя, а мы встанем с двух сторон от тебя. Так, на зависть тем, кто нас увидит, вечером возвратимся в Абадзех. Коблев, ты, как мухтар, разрешишь нам так поступить?

– Я на все согласен, кроме одноколки зятя и свадебных песен, лишь бы ты завтра не забрал у меня обязанности главы аула. Но наш друг, подстригая усы, слишком укоротил их, и это заметно...

Масхаб понял, что друзья подшучивают над ним, на самом деле карету они уже приготовили.

– Вот я слушаю вас и удивляюсь, какие вы болтуны, как вы надоели мне!.. Я напрасно связался с вами, пусть добро будет вашим спутником. А вот и карета шапсугов подъехала, не стоит заставлять нас ждать. За все твое притворство, Наурзов, будешь нашим возницей.

– Как скажешь, Багов. Пусть Аллах сделает нашу дорогу быстрой, легкой и с добром возвратит нас домой.

– Но есть одно непременное условие, друзья: пока не сделаем до конца наше дело, никто не должен знать, зачем мы поехали в Махош.

Когда карета подъехала к дому Нат-Нат, она отдавала последние распоряжения соседке: просила присмотреть

за телкой и курами, пока все не утрясется. Дом и хозяйство она также оставила на нее, мало ли что?

Свадебный экипаж недолго простоял у домика невесты. Как было уговорено, Дзегашт Наурзов был за возницу, слева от него расположился Гарун Коблев, а Масхаб открыл резную дверцу кареты и бережно помог Нат-Нат устроиться на мягком сидении, потом осторожно сел рядом.

Карета тронулась и покатилась из Махоша в Абадзех. Масхаб, державший руку Нат-Нат, почувствовал ее смятение и дрожь. И он, будто всю жизнь знал ее, уверенно и проникновенно сказал:

– Не беспокойся, Нат-Нат. Все будет хорошо.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

Короткая балканская зима осталась позади, наступила ранняя весна, и все вокруг преобразилось: небо стало синим, земля зазеленела травой и первоцветами, покрылись белыми цветами вишни, розовыми – персики. И люди оживились: крестьяне возделывали землю, извозчики весело понукали своих лошадок, харчевни приглашали людей закусить и перекинуться здешними новостями. В них становилось людно и даже тесновато: сюда сходились и воины, и служащие, и слуги. У каждого из них были свои привычки, и еда не отвлекала от беседы, а сопутствовала ей.

Хаджирет уже привык к Белграду, своим наметанным глазом он примечал особенности новой для себя жизни. Другой на его месте интересовался бы, что да как. Но молодой офицер старался сохранять адыгское достоинство, которое предписывало слушать, смотреть и делать выводы. Он уже неплохо говорил на турецком языке. И болгарский язык давался ему без особого труда, да и сама служба в армии не была для него обременительной. И если в первые месяцы он еще сомневался в правильности своего выбора,

то теперь втянулся и привык, тем более что Баракетов, его начальник и командир, не был взыскательным и властным. Служба поглощала все его личное время, Баракетов занимался, главным образом, подготовкой к войне и созданием черкесского конного полка.

Зауаль Баракетов открывался для Хаджирета новыми сторонами характера: в глаза туркам хвалил их страну, за глаза критиковал ее. Такие же его выводы звучали и в адрес адыгов, дескать, война грозит в первую очередь им, потому что будет идти на болгарской земле. И тогда в Хаджирете возникала тоска по родным: отцу, Стефанке, Дарихан, Хатаму. Несмотря на то, что служба ему нравилась, возникали вопросы, которые волновали его: зная Баракетова, зачем он прислуживает ему, надо ли находиться в турецкой армии, зачем адыгам черкесская конница? Им бы строиться, развивать ремесла, выращивать сады, жить в мире с соседями, создавать семьи. Но тут такой клубок завязался, что сразу его не размотаешь: три народа здесь переплелось, и доля у всех разная. Но Хаджирет лукавил, он знал главный ответ на свои вопросы, но таил его на самом дне души: быть рядом с Баракетовым для Хаджирета означало быть ближе к Гошмаф.

И Хаджирет понял, как глубоко в его сердце вошли две женщины: великая Бике и ее воспитанница Гошмаф. Чем бы он ни занимался, мысль о ней не покидала его, но он знал, как далеки их судьбы, поэтому никогда не тешил себя надеждой. Подарки Бике, переданные для его семьи, все еще ждали своего времени, это выводило Хаджирета из себя, иногда выдержка и терпение и вовсе покидали его.

Когда он вспоминал родных, свой Абадзех и бедственное положение адыгов, в памяти всплывал райский дворец султана, в котором у каждых дверей стояла стража, правительственные приемные с вальяжными вельможами, чванливые посетители, дожидавшиеся встречи с султаном, дворцовая челядь, в поведении и повадках носившая отпечаток хозяйских палат. Тут не было проголодавшихся,

продрогших, изможденных людей, как и людей смешливых, радостных, искренних. Все это приметил Хаджирет, и если Баракетову в той обстановке было вольготно и независимо, то ему хотелось подойти к простому очагу, где варится варево, снять шапку, кафтан и сапоги и растянуться на теплой кошме неподалеку от огня.

Весна набирала силу, и помимо воли Хаджирета набирала силу его любовь к Гошмаф. Это было наваждение: на кого из девушек не взглянет, видит ее. Он ненавидел себя за это, но ничего не мог с собой поделать. «Не успели увидеться, как вы уезжаете...» – в этих словах Гошмаф слышалось искреннее сожаление, неужели и она думает о нем? Нет, нет, это сожаление она высказывала отцу, а не ему.

Тишину пятничного утра разорвал крик: «В этой гостинице всякий раз что-то случается! Скорее бы достроили наш дом, чтобы мы смогли там жить!..» Этот истеричный голос вывел Хаджирета из раздумий, он сорвался с места и бросился в комнату Баракетова.

– Что случилось?

– Не знаю! Я прибежал к тебе, чтобы узнать, все ли с тобой в порядке.

– Что обо мне тревожиться, неужели я не постою за себя?

По коридору шли разносчики чая Аслан и Каплан, Баракетов обеспокоенно спросил их:

– Что там за крик?

Аслан, бросив на брата выразительный взгляд, тихо, как бы по секрету сказал:

– Говорят, нашли мертвым какого-то мужчину. Одни говорят, что сам умер, другие – будто зарезали. Тут и дня не проходит без происшествий. Сегодня, Зауаль, у нас хороший чай.

– Я знаю, у вас всегда хороший чай. Но в гостинице покойник... А что делать? Такая наша жизнь, поэтому смягчим наши души чаем со сладостями.

Тем временем Хаджирет пошел узнать подробности происшествия, а когда вернулся, грустно сказал:

– Албана зарезали в его постели.

– Что ты говоришь?! – это известие обожгло Баракетова. Он вскочил, затем бросил подозрительный взгляд на братьев. Те спокойно поставили поднос с чаем и сладостями на стол.

– Албана ведь не было в гостинице? – спросил он Аслана.

– Говорят, он ночью подъехал, дверь в его номер была заперта.

– Ведите туда!

Братья повели Баракетова и Хаджирета на третий этаж, в комнату, где лежал труп. Албан лежал на кровати, в его груди торчал кинжал. Он спросил Аслана:

– Вы знаете, кому принадлежит этот кинжал?

Аслан промолчал, вопросительно взглянув на брата. Тот пожал плечами, давая понять, что они ничего не знают ни об убийстве, ни о кинжале.

С двумя полицейскими появился Сулей, хозяин гостиницы. Старший по званию обратился к присутствующим:

– Кто из вас знал убитого?

– Я,– ответил полицейскому Баракетов и представился: – Моя фамилия Баракетов, я заместитель наместника Балкан по черкесским вопросам, живу в этой гостинице. Убитого звали Албан. Он был другом покойного Мурадбея, жившего недалеко от Тырговишты. Сам Албан из Приштины, был одиноким.

– Каймакам Баракетов со своим адъютантом живет в нашей гостинице,– подтвердил Сулей.– Эти два парня – разносчики чая, как и тот, который нашел убитого. Я заверяю вас, что никто из них не мог такого сделать. Также подтверждаю и то, что сказал каймакам Баракетов.

– Я не из тех, чьи слова нуждаются в подтверждении! И не из тех, кого надо охранять! Если ничего не исчезло из комнаты убитого, то не стоит покойника-мусульманина оставлять долго лежать. Отвезите его в Приштину, там у него есть родственники. А прав он или виноват – рассудит великий Аллах, перед которым он предстанет.

Полицейский, обыскав комнату, доложил:

– Из комнаты ничего не пропало. Сумка на месте, только не знаю, что в ней.

Полицейский осторожно открыл и вытряхнул на стол содержимое сумки. Все ахнули: на столе лежали золотые и серебряные ложки, вилки, ножи, женские кольца, сережки, ожерелья и браслеты...

Зауаль Баракетов, понимая, откуда это богатсво у Албана, спокойно дал указание стражам порядка:

– Все это, в том числе и кинжал, которым его убили, оформите надлежащим образом, составьте опись и подпишитесь. Потом отправьте наместнику Балкан Мустафа-паше, он сообщит по инстанции выше, и там определят, как с этим добром поступить.

Так, благодаря Баракетову, дело не стали предавать огласке, тело Албана переправили в Приштину и там похоронили.

Через месяц все уже забыли о происшествии в гостинице, когда Мустафа-паша пригласил к себе Зауаля. Баракетов недоумевал: зачем его вызывает начальство, что случилось? Он всегда с рвением относился к службе, вины за собою не знает, ничего особенного за это время не произошло. И все же какая-то внутренняя тревога не отпускала.

Перед кабинетом остановился, одернул мундир, поправил на голове феску и открыл дверь. Мустафа-паша читал какое-то письмо, увидев Баракетова, он с дружелюбной улыбкой поднялся со стула, приветствуя его, как старого друга:

– Салам алейкум, Баракетов, проходи, садись.

Баракетов еще больше удивился, потому что знал – Мустафа-паша никогда не упускал возможность отчитать подчиненного за существующие и несуществующие ошибки, а обнаружив упущение по части службы, писал на виновника рапорт. А тут такая любезность! Прошло несколько напряженных минут, и стала понятна причина его миролюбия: он достал из кованого сундука сумку Албана и положил ее перед Зауалем:

– Вот повод, по которому я тебя пригласил. Он прошел к своему столу и взял в руки письмо, которое лежало перед ним: – Не один я тебе доверяю, Баракетов. Многие ценят службу, которую ты несешь во славу Турции, а потому награда не заставила ждать себя: тебя повысили в звании, получи погоны маралая-полковника!

Мустафа-паша вынул из сундука золотом шитые погоны с золотой бахромой по кругу. Зауаль поклоном с прижатой к сердцу рукой ответил:

– Мы, слуги Турции, стараемся сохранять ей верность и преданность.

– Редко мы видимся, Зауаль, чаще надо бы. По поводу этого золота и серебра я написал в Стамбул, и вот какой пришел ответ.– Он вернулся к столу, взял циркулярное письмо и, важничая, показал Зауалю оттиск печати султана: – Эти богатства оставили нам, чтобы мы использовали их для создания черкесского полка. Получим за него деньги, скупщиков много, они не станут особенно любопытствовать, откуда оно, кто захочет с нами спорить? С позволения нашего светлейшего султана сформируем полк, а скажем, что это воля черкесов. И беда может обернуться радостью, говорят турки и черкесы. Как думаешь, Зауаль, мы с тобой заслужили вознаграждение за благополучное разрешение того события в гостинице?

Зауаль понимал, куда клонит Мустафа-паша, даже взмок от напряжения, но что он мог сказать? Чтобы ни сказал, решение все равно принимать не ему. Лучше промолчать. Он просто кивнул в знак согласия головой.

Мустафа-паша улыбнулся:

– Выбери из этого богатства то, что тебе по душе. Я же возьму женский пояс и вот этот браслет для дочери. Их делал один мастер, это видно сразу, видишь, как они подходят друг к другу? Моя дочка будет довольна подарком. А ты что стоишь, выбирай!

– Я высматриваю серебряный кинжал, которым убили Албана, но не вижу его...

Мустафа снова подошел к сундуку и вынул из него кинжал:

– Этот кинжал ты хочешь? Конечно, тебе, черкесу, хочется иметь кинжал. Бери. Честно говоря, я хотел приберечь его, чтобы позже подарить тебе по случаю твоей первой победы над гяурами. Но вернемся к письму нашего великого, светлейшего султана.

Мустафа прошелся по кабинету, дожидаясь, пока улягутся чувства Баракетова, хотя сам с нетерпением ждал его дальнейшей реакции:

– То, что тут написано, возможно, тебя обрадует, а может, и огорчит. Чавуш Хаджирет Багов поступает в распоряжение военного министерства вооруженных сил Турции. Он будет нести службу в султанской гвардии при дворце. Надеюсь, ты понимаешь, кто вызывает его на службу в Стамбул?

Он прошел к окну, давая возможность Баракетову осмыслить приказ военного министерства. Мустафа-паша наметанным глазом примечал все эмоции, вспыхивающие в душе миралая. Но достоинство адыга взяло над Баракетовым верх, не позволило высказать вслух то, что пронеслось в голове. А там бушевала буря: мальчишка, которого он вытащил из грязи, попадает в князи! И все потому, что оказался родственником султанши! Как к этой новости отнесутся Баговы? Теперь гордость Масхаба вырастет до небес. А он, Баракетов, разве не горд этим? Возникла мысль о дочери, и он понял, что задумала султанша, и тогда по крови, мгновение назад наполненной ядом, растеклась радость. Его мечта осуществится, и у девочки будет прекрасный муж, благодаря мудрости великой Бике!

– Это хорошая новость, Мустафа-паша. Благодеяние нашей великой госпожи, обласкавшей Хаджирета в Стамбуле, не знает границ. Эфенди Саид помогает молитвами, читая ей Коран, Гошмаф своим присутствием доставляет радость жизни, а Хаджирет будет их охранять. Это случилось по воле Аллаха.

В гостиницу Баракетов вернулся в приподнятом настроении. Ему не терпелось сообщить Хаджирету эту новость, но хотелось сделать это обыденно, просто. Он старался казаться равнодушным, даже расстроенным,

чтобы в мальчишке не возникла спесь. Ведь разговор будет о деле, о котором не приходилось даже мечтать! С другой стороны, Хаджирет может стать его зятем, значит, если не покажешь искренней радости, испортишь праздник. Зауаль задумался: как бы ему приподнести эту новость, чтобы он всегда помнил, кому обязан своим счастьем. кто вывел его в люди. Обдумав разговор, Зауаль, сменив погоны, позвал своего ординарца.

Едва прозвучало его имя, в коридоре послышались торопливые шаги Хаджирета, он давно знал о прибытии командира и ждал вызова. Он стразу заметил новые погоны на мундире Баракетова.

– С благополучным возвращением, миралай! Все ли сопутствовало твоей удаче? Здесь все в порядке, пусть добро будет твоим спутником!

Баракетов смотрел на ординарца и улыбался в усы:

– Спасибо, Хаджирет. А теперь послушай меня. Чтобы держать меч, рука должна быть крепкой, чтобы держать страну – воля должна быть мудрой. У каждого человека свое назначение: одному держать меч, другому править страной.

Баракетов сел за столик, подтянул к себе китайскую фарфоровую чашку с остывшим чаем. Хаджирет двинулся было с места, чтобы позвать разносчиков, но Зауаль остановил его:

– Сядь!

Это слово было сказано в форме приказа, но Хаджирет не сел, а присел на краешек стула напротив миралая. Зауаль в упор посмотрел в его глаза. Хаджирет слегка склонил голову, но глаз не отвел. Баракетов довольно прищурился:

– Я ехал очень быстро от наместника Балкан, хотелось поскорее доставить тебе хорошую новость. Мы, мой адъютант, прошли-проехали вместе не одну дорогу. Но пришла пора проститься, как мне ни жаль. Пришел приказ о переводе тебя на службу в султанскую гвардию. Служить будешь при дворце, рядом с великой Бике и Гошмаф. Беспокоиться не о чем, там тебя не посмеют обидеть. Готовься, завтра отправляешься в путь.

– Зауаль! Ты же обещал мне отпуск, чтобы съездить домой! – Хаджирет сжал губы, будто пытался сдержать поток рвущихся на свободу слов. Губы стали тонкими, глаза сузились, в них закипали не то ярость, не то слезы.

Баракетов пытливо всматривался в ординарца:

– Разве тебя не радует служба при дворце рядом с Бике и Гошмаф?

Губы Хаджирета разжались в едва уловимую улыбку:

– Когда я думаю о них, мне всегда хорошо, миралай.

– Ты еще молод, Хаджирет, поэтому так привязан к дому. Но служба есть служба, мы должны выполнять приказы, поэтому иди, собирай вещи. Скоро прибудут сопровождающие, Бике позаботилась о твоей безопасности. Я сам поеду в Тырговиште, отвезу подарки твоей семье, об этом не беспокойся. И возьму подарок за хорошую новость о тебе, обрадую Масхаба.

За свои годы Хаджирет хлебнул немало горя. Баракетову следовало бы считаться с его желанием и дать отпуск для поездки домой. Почти год он не видел семью, не слышал отца, его друзей, а это было очень важно для него, он уже иногда замечал, что тоже стал думать как Баракетов. Стал реже внутренне сопротивляться ему, стал, не задумываясь, исполнять его волю. Многое надо было в себе исправить, но тут, как на грех, возник перевод в Стамбул. «Это хорошо, что нас разъединили,– подумал Хаджирет,– я буду свободен от Баракетова. Великая Бике, прожив свою жизнь в Турции осталась черкешенкой, а Зауаль очень быстро стал истинным турком! Теперь я буду еще дальше от родственников, зато Гошмаф будет рядом, каждый день можно будет видеться, перекидываться двумя-тремя словами».– Он вытер выступивший на лбу пот, выпил воды.

Неожиданно для себя он услышал голос, который различил бы из хора голосов. Хатам! Он бросился к окну: во дворе стоял Хатам, а с ним рядом – Аслан и Каплан.

Хаджирет чуть было не выпрыгнул из окна:

– Хатам, Хатам!.. Я сейчас!..

Через мгновение братья обнимались, смотрели друг на друга, снова обнимались:

– Ты откуда взялся, Хатам? Как хорошо, что Аллах прислал тебя, так во время!

– Зачем шумишь, братишка?

– Как я могу молчать? Пусть все слышат: ко мне брат приехал!

– Как ты вырос, возмужал, и военная форма тебе идет! Погоди, погоди, ты почему смахиваешь слезы? Что случилось? У тебя все в порядке?

– Как тебе сказать... – в голосе Хаджирета действительно дрожали слезы.– Обо мне потом, рассказывай, как там наши?

– У нас ничего не изменилось. Все тебе передают приветы. Отец жив, здоров. У Дарихан, Стефанки и Тода тоже все хорошо. Соседи живы, в ауле спокойно. Правда, не знаем, что завтра будет.

Братья вошли в гостиницу, Аслан и Каплан принесли чай. Хатам умылся с дороги, снял пыльный кафтан, шапку и искал глазами, куда бы присесть. Хаджирет засмеялся над робостью брата, усадил его в кресло под белым чехлом и сам присел рядом на диван. Аслан пододвинул им столик, Каплан поставил чай и сладости. Эти сироты почувствовали в братьях старших, очень дорогих себе людей. Они так радовались их встрече, что ни на минуту не хотели их покидать. Но тех ждал серьезный разговор, и молодые люди удалились. Хатам не отводил взгляд от Хаджирета, будто не верил своим глазам:

– Как ты, как твои дела, Хаджирет? Почему так долго не приезжаешь? Отец измучился неизвестностью и, не выдержав, отправил меня к тебе. Они с Нат-Нат передали тебе нашу еду: курамбий, губат, щелям, халюж. Еще немного денег, их мало, но они тебе понадобятся. Ты помнишь Нат-Нат?

– При чем тут Нат-Нат?

– Скажу, брат. Отец вновь создал семью.

– Как?..

– А что, тебе не нравится, что отец женился?

– Что ты! Я рад, что он теперь не один. Я помню Нат-Нат, она хорошая женщина. Если бы я узнал раньше, отпросился бы и приехал.

– И теперь не поздно, Хаджирет. Если это зависит от Зауаля Баракетова, я попрошу его. Если нужно, попрошу кого-то, кто стоит выше. Вместе поедем в Абадзех. И отец, и Нат-Нат, и соседи обрадуются. Я уже не говорю о Стефанке и сестре. Дарихан, иногда задумавшись, называет меня твоим именем.

– Меня бы отпустили, Хатам,– у Хаджирета вновь появились дрожащие нотки в голосе,– но мне поменяли место службы...

В этот момент дверь распахнулась, в комнату вошел Зауаль Баракетов:

– Добро пожаловать, Хатам! Ты словно знал, что твой брат завтра уедет. Хорошо сделал, что приехал.

– Куда уедет?..

– У чавуша Хаджирета Багова поменялось место службы. Твой брат будет служить во дворце султана.

– Чем же он это заслужил?

– Не каждого, Хатам, кто служит в армии, приглашают на службу в султанский двор. Спроси брата, он тебе ответит, чье это благоволение. Сейчас я спешу, вечером увидимся, посидим, поговорим. Расскажешь, как дела в Абадзехе, как живут в Тырговиште, Шумле болгары, черкесы и турки, как уживаются между собой. У нас сейчас очень много дел, встают задачи, которые предстоит решать. Ты один из людей, в которых мы нуждаемся. Так что до встречи.

Баракетов вышел мелкими торопливыми шагами, во дворе его уже ждал наемный экипаж. Хатам проводил миралая недоуменным взглядом и повернулся к брату:

– О чем это он? И не надо мне говорить, что случайных людей не приглашают в султанский двор. Не только я, но и моя папаха это знает. Баракетов не втягивает тебя в какое-нибудь сомнительное дело?

– Нет, Хатам. Служащих в армии иногда приглашают в Стамбул. Не с меня началось, не мной закончится. Там

целая гвардия таких, как я. Солдат должен выполнять приказы.

– Тогда о чем волноваться? Служи хорошо, выполняй приказы, не подводи отца и свой Абадзех.

Потом он помял папаху в руках и, глядя в глаза брату, прямо сказал:

– Хаджирет, ты уже долго рядом с Баракетовым, должен был к нему присмотреться, узнать его ближе. Ни для кого не секрет, что он ничем не побрезует, добиваясь своего. Мне кажется, он и сейчас преследует какую-то личную выгоду. Как говорит наш отец, он готов наступить на голову лежащего. Нет, младший брат, я тебя одного в Стамбул не отпущу. Иначе отец будет мной не доволен. Я лично должен убедиться, что с тобой будет все в порядке, знать, как устроился в Стамбуле и какие намерения у дворца насчет тебя. И не смотри так, это окончательное решение. Будь спокоен, у меня в кармане деньги, которые я получил от продажи турецких овец, их хватит на дорогу, еще и останутся.

– Хатам! – засмеялся Хаджирет,– ты же говорил, что перестал воровать?..

– Перестал, но только не сейчас! Не мог же я приехать к тебе с пустыми руками? Даю слово – это в последний раз.

Хаджирет от души рассмеялся, потому что «последний» случается всякий раз, когда появляется крайняя нужда. Хатам понял, о чем подумал брат и тоже рассмеялся:

– Хорошо, что я не взял с собой Касима. Он очень хотел тебя увидеть. Но ты же знаешь наших старших: если бы я даже позвал его в дорогу, Наурзов не пустил бы. Сказал бы, что пропадет.

– Дзегашт Наурзов не такой, как Гарун Коблев. Когда Зауаль предложил мне службу, он первым поддержал его и уговорил отца отпустить меня. Не знаю, почему ты так говоришь о нем?

– Говорю, что знаю. Если бы вместо тебя Баракетов выбрал Касима, ты бы услышал ответ Дзегашта. Привязал

сына к себе и не отпускает. В Абадзехе распустили слух, мол, не родной ты сын, потому Масхаб и отпустил.

Хаджирет громко расхохотался, рассмеялся и Хатам.

– Хатам, за время службы я узнал много такого, о чем никогда бы и не подумал, живя в Абадзехе. Так что Касим, в сравнении со мной, сущий ребенок.

А про себя подумал, что если бы отец удержал его дома, он бы не узнал Гошмаф, не увидел бы красоту и величие султанского дворца, не ощутил заботу Бике. Он крепко обнял Хатама, потом встряхнул его за плечи, будто сваливая с него груз:

– Недоброжелатели и не на такое способны. Меня мало волнует, кто и что говорит. Касиму передай привет и скажи: если у меня все в Стамбуле сложится, то я выполню его просьбу.

– Не понял, ты хочешь, чтобы он тоже вступил в турецкую армию?

– Раз ты не хочешь служить в турецкой армии, то Касим Наурзов хочет, и должен же ему кто-то помочь.

– Кто знает, Хаджирет, может, твой старший брат тоже когда-нибудь вступит в армию. Вот только в какую?..

Как было обещано, Зауаль Баракетов вечером пригласил братьев в кальянную комнату гостиницы. Сидели за накрытым столом, говорили и об аульских делах, и делах государственных. Хаджирет внимательно слушал старших, но больше говорил миралай Баракетов. Хатам о большой политике в Тырговиште или Шумле, конечно, не слышал. Он говорил о том, что беспокоило людей в адыгских и турецких селениях, о том, что адыги, турки и болгары не могут ужиться мирно. Вспоминал покинутую родину.

Зауаль Баракетов мыслил шире, но больше говорил о создании черкесского полка:

– Вот ты, Хатам, все время вспоминаешь покинутую родину. Но даже если мы всё забудем и станем хорошо относиться к гяурам, они нас все равно не полюбят. Так же, как и мы их. Они под любым предлогом хотят попасть на Балканы, но мы должны сделать так, чтобы их нога не

ступила на болгарские земли. Если они сюда придут, поймите, ни одного из нас здесь не оставят.

– Что они сделают с нами, Зауаль?.. А если мы сговоримся с болгарами и встанем на их сторону? Замиримся с ними?

Не первый раз Баракетов слышал это высказывание. На Балканах, в Стамбуле, в других селениях адыги тоже задавали этот вопрос. Зауаль ответил:

– Если мы так поступим, Хатам, не получится ли, что наши старшие зря воевали сто лет? Что ты на это скажешь?..

– То, чего наши старшие не достигли за сто лет войны, мы смогли бы сделать за один день, если бы смирились.

Баракетов выпустил изо рта кальянный дым. Сощурившись одним глазом, спросил Хаджирета:

– А у тебя какой взгляд на прошлое адыгов?

– В словах брата я не услышал ничего плохого, я с ним согласен.

Хатам понял, что Баракетов хочет выведать у брата его заветные мысли, и продолжил свои размышления общими фразами:

– И птицы весной возвращаются в родное гнездо, Зауаль. Мы, адыги, тоже мечтаем вернуться на землю, которая принадлежала нам и нашим предкам. Я не говорю, что это может произойти сегодня или завтра, скорее всего, мы родного берега уже не увидим, но те, кто моложе нас, надеются на возвращение. И в этом нет ничего удивительного.

– В мире, Хатам, много чего случается,– улыбнулся Зауаль.– Мы не должны сидеть, сложа руки, в ожидании будущего. Мы, что, так и будем жить на чужой земле, есть чужой хлеб, пить чужую воду под недоброжелательным взглядом хозяина?

– Не понял, Зауаль, о чьей земле ты говоришь? Как я слышал, на Балканах испокон веков жили сербы, болгары, румыны. Или я еще кого-то не назвал? Балканы – их территория, но турки поселили нас туда. Почему они не оставили нас в своей стране? Почему выбрали для нас чужую землю?

Зауаль едва сдерживал свое возмущение:

– Я тебе, Хатам, говорил когда-то, и еще раз повторяю: не ищи себе головную боль, не надо умничать.

– Да, я это уже слышал, но еще раз повторю: Турция такая же захватчица, как и Россия. Согласись, Балканы – ведь не их земля?

– Хатам,– Зауаль заговорил мягко, назидательным тоном: – Хаджирет, твой брат, служит в армии. Не дай бог, если твои высказывания услышат те, кого ты назвал захватчиками, они не простят тебе этого. Завтра вам рано отправляться в путь, поэтому закончим встречу. Не во всем сегодня сошлись наши мнения, но я завидую вашим братским отношениям. По-доброму вспоминаю и вашего отца Масхаба. Как его дела, как он живет?

– С благословения Аллаха, наш отец жив-здоров, женился.

Зауаль, сам давно думавший о женитьбе, всплеснул руками:

– Во-вий! Хатам, что ты говоришь? Кто же осчастливил его?

– Ты, наверное, ее знаешь: это Нат-Нат, дочь Бачира Марзухаева.

– Валлахи, ты меня обрадовал, Нат-Нат женщина, о которой можно сказать только хорошее. Пусть Аллах дарует им много лет семейной жизни. Да, ваш отец обрел счастье на старости лет. Что ж, счастливого пути, когда вернешься, Хатам, встретимся, как договаривались. Мне тоже нужно поехать в Тырговишту, возможно, станем спутниками.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Имея доброе сердце, легче смотреть на мир по-доброму. Такое сердце не различает национальностей и языков, на которых говорят люди. Оно просто любит, и как часто бывает, на любовь отвечают любовью.

Было похоже, что Нат-Нат на роду было написано страдать: от рождения до сорока пяти лет она испытала столько лишений, что другая бы не вынесла. Бачир Марзухаев рассказывал, как нашел ее возле мертвой матери на берегу реки Фарз, маленькую, едва начинавшую ходить. Ни возраста, ни имени, ни фамилии. Лепетала одно слово: Нат-Нат. Бачир и Джаншир, ставшие девочке родителями, не стали ей менять имя – Нат-Нат, так Нат-Нат. Так беда поселила русскую девочку в адыгском мире. Мире великой трагедии.

Приемные родители делали все, чтобы она была счастливой. Ее полюбили, как родную, берегли и лелеяли, но она потеряла и эту семью, остался только дядя по отцу. С ним она связывала свои надежды, но он предал ее. Кому нужна лишняя обуза, тем более в такое тяжелое время?

Нат-Нат часто в мыслях возвращалась к последним пятнадцати годам жизни на чужбине, а когда думала о родителях и семье, то на глаза накатывали слезы. Вспоминала дядю Магомета, который во время переселения бросил ее на полдороге. До сих пор она слышит его слова: «Подожди меня здесь, я вернусь». И не вернулся, занялся устройством своей жизни на чужбине. Но Нат-Нат давно простила его, все же он брат отца, в детстве сидела на его коленях. Как можно такое забыть? К тому же она тоже носила фамилию Марзухаевых.

Когда в Черкесию пришла война, Нат-Нат не осталась на родине, она разделила беду с теми, кто ее вырастил и воспитал. С ними она попала в Турцию, затем переселилась на Балканы, где жили ее кровные соплеменники – болгары. Жила в Махоше, соблюдая законы адыгэ хабзэ.

Масхаб Багов тоже прожил нелегкую жизнь. Не считая босоногого детства, как он сам говорил, и юности у него не было ни одного счастливого дня. А потом наступило время, когда каждый день стал опасен, люди, встречаясь на тропе, настороженно вопрошали: кто ты, откуда? Война, длившаяся много лет, была беспощадной, гибли сотни и тысячи людей на полях сражений.

Масхаб воевал до пятидесяти лет, защищая свой дом, аул, околицу и родную землю вместе с дедом Ибрагимом, отцом Асланбечем, Чермитом Коблевым. Плечом к плечу со своими ровесниками – Дзегаштом Наурзовым, Гаруном Коблевым, Заурбеком Кудаевым, Зауалем Баракетовым. Воевали с хорошо вооруженной армией, зная, что не смогут ее одолеть. Проливали кровь и на последнем клочке земли, пока их не выселили и с нее. Шрамы на теле – безмолвные свидетели тех баталий. Рана заживает, скорбь – нет. Те страшные события, оставшись в воспоминаниях, не оставляли Масхаба Багова.

Но сейчас в его жизни появилась Нат-Нат, его супруга. Круглолицая, чернобровая, голубоглазая, высокая, статная, веселая.

– Что поделаешь, такова наша жизнь... – вслух подвел итог своим воспоминаниям Масхаб, любуясь женой.

Нат-Нат приподняла голову, продолжая вязать шерстяные носочки для Стефана, спрятала выбившиеся из-под платка русые волосы:

– Тебя что-то волнует, Масхаб?

– Нет, Нат, нам пока не о чем беспокоиться. Воспоминания о том, что случилось с нами и с такими, как мы мучают меня. Мой дед Ибрагим говорил: «Не надо думать о том, что невозможно изменить». Но когда наваливаются воспоминания о прошлом, обида захлестывает меня.

– То же самое, Масхаб, говорил и мой отец. Пусть Аллах простит ему грехи и одарит раем. Он очень хотел, чтобы я была счастлива, хорошо, что не увидел, что стало с нами.

Масхаб снова залюбовался Нат-Нат: «Через неделю после женитьбы Наурзов спросил меня, как бы шутя: «Как новая жена»? Тогда я тоже отшутился, мол, как можно сравнивать первую жену со второй? Но я вижу, что Нат-Нат мудрая и чуткая женщина. За полгода замужества она полюбила мою семью. Никогда не скажешь, что не она родила Дарихан, они близки, как мать и дочь. И маленький Стефанка вьется вокруг ее юбки: нана, нана. Она не видела Хаджирета, но каждый раз вспоминает и беспокоится о

нем. А теперь переживает за Хатама: как он в дальней дороге, как бы чего не случилось. Молится и просит Аллаха о его благополучном возвращении».

Масхаб зажег жирник, за окном опускалась ночная тьма. Жена стала собирать на стол ужин. Откинувшись на подушку, которую ему подтолкнула под спину Нат-Нат, Масхаб наблюдал, как ловко она расставляла посуду, как резала большими ломтями свежеиспеченный хлеб, наливала в миску мед, накладывала сливочное масло. В большое блюдо выложила курицу в соусе, достала соления. Он чувствовал: от всего, чего касались руки жены, исходила любовь. Нат-Нат засмеялась:

– Масхаб, ты на мне дырки просверлишь глазами! Прошу, дорогой, садись к столу, ужин готов.

– Давненько, Нат, к нам не заходили гости, жены Коблева и Наурзова. Не скучаешь по подружкам? Может, сама к ним сходишь, развлечешься?

– Мне не скучно, Масхаб. В этом доме моя душа так отдыхает, что за дверь не хочется выходить.

– Знаешь, Нат, я не знал твоего отца Бачира, но слышал о нем много хорошего. Ты права, его счастье, счастье моих отца и деда, что они не увидели бедствий, которые мы пережили.

– Да, Масхаб, моя нана говорила: «Если пальцы в масле, проведи ими по волосам». Если до сих пор мы не теряли надежду, то и сейчас будем крепки духом. Будем жить так, чтобы наши соседи не видели в нас своих врагов.

– Валлахи, Нат, как ты хорошо сказала! Старик Чермит, отец Гаруна, тоже говорил: «Пальцы не одинаковы, но вместе стреляют и попадают в цель». Ты напомнила мне его слова. Конечно, мы будем стрелять в одну цель вместе с народами, среди которых оказались. Больше нельзя допустить, чтобы мы снова оказались выброшенными из своих домов. Скажу правду, меня беспокоит семья Дарихан. Что будет с нашим зятем Тодором?..

Недосказанные Масхабом слова Нат-Нат отнесла и на свой счет: у нее заныло сердце. Откуда могла знать

девочка, что привело ее мать на черкесскую землю, где шла война? Что случилось с ней на берегу реки?

Бачир высказывал предположение, что мать Нат-Нат могла отправиться на поиски мужа солдата, от которого не было известий. Но при мертвой женщине не было никаких документов: кто она, откуда?

Сама Нат-Нат помнила только, как приемная мать сделала ей тряпичную куклу, как отец за руку водил по двору, как дядя Магомет приятным голосом читал Коран, как их собака радостно встречала ее, как их большой красивый петух, вытягивая шею, кукарекал. Счастливое детство, юность, семья, дом. Потом – одни беды и несчастья.

Она погрустнела не только от воспоминаний, но и от того, что в новой семье часто вспоминали прошлое, которое ранило ее сердце. Раньше она отгоняла прочь тяжелые мысли, старалась найти радость в сегодняшнем дне. Так было легче душе, хотя прошлое лежало грузом на дне ее колодца. Разве можно забыть то, что с ними было? Но постоянно бередить рану, чтобы она кровоточила – это сверх ее сил. Теперь Масхаб беспокоится о судьбе Тодора, на чьей стороне он окажется в случае войны?

«Я создала новую семью в чужой стране,– думала она,– будет ли для меня счастливым этот шаг? Разве меньше бед пережил Масхаб, с которым я связала свою жизнь, которому поверила? Он благородный человек, воспитал двух неродных сыновей, неужели он предаст меня? Нет, нет. Я связала свою жизнь с Масхабом и буду с ним рядом и в радости, и в горе. Из сорока пяти лет я двадцать была одинокой, вдовой. Хватит. В ауле Махош остался мой пустой дом, вот женятся Хатам и Хаджирет...»

– Ты спросила, Нат, что волнует меня, но я вижу, что тебя саму что-то тревожит?

– В нашей жизни много вопросов, Масхаб. В ауле Махош я оставила дом и двор. Вот думала, что с ним делать...

– В Махоше много вдов, у которых нет ни дома приличного, ни двора. Мне было бы приятно, если ты отдашь их кому-то из них.

– Да, это хорошее предложение, но когда Хатам и Хаджирет женятся, он может им пригодиться.

– Спасибо, что ты волнуешься за них, но я не хотел бы отпускать их далеко. Хаджирет, младший, когда вернется из армии, останется в нашем доме. Старший, когда создаст семью, пусть живет в Абадзехе под нашим присмотром.

– Хорошо, Масхаб, поступим так, как ты сказал. Я согласна с тобой. В Махоше живет одна очень бедная вдова. Поедем в аул и отдадим ей мой небольшой домик. Попросим Аллаха, чтобы этот дом стал для нее счастливым.

– Хорошо, Нат, хорошо. Вот вернется Хатам и отвезет нас туда.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Новость о новом назначении Хаджирета вызвали в Хатаме досаду, которую он старался скрыть от брата. Предстоящая поездка в Стамбул не беспокоила его, но разговор с Баракетовым о войне растревожил в душе Хатама с большим трудом погашенный костер. Он теперь отчетливо понимал, насколько правы отец и его друзья, утверждавшие, что адыги снова оказались между молотом и наковальней, но теперь по вине Турции. Только сейчас разыгрываются Балканы, как когда-то Кавказ. Все повторяется: народные волнения в стране, их подавление и вмешательство России в защиту братьев-славян.

До жителей Абадзеха доходили слухи, что пламя народных волнений разгорается в Герцеговине, Черногории, Сербии и оттуда распространяется по всем Балканам. И самое горькое в этой истори было то, что Хаджирет оказался втянутым в эти события.

Если бы Турция выделила адыгам земли внутри своей страны, все бы сложилось хорошо. Но она продумала заранее, что защитить ее должны черкесские полки, создаваемые на Балканах. И многие адыги уже точат свои кинжалы и сабли, готовя их к бою.

Хатам пока скрывал свои мысли от брата, нужно было продумать разговор с ним.

С раннего утра они в пути, и, согласно адыгскому этикету, Хатам сидел в карете с правой стороны от брата. Она катилась легко, кони горячили бегом свою кровь. Дорога была пустынной, и никому не было дела до проезжавшей кареты, только изредка сторожа виноградников, приложив руки ко лбу с интересом посматривали на нее.

Несколько дней пути в карете не были утомительными. Они останавливались на отдых и в придорожных харчевнях, и в гостиницах, где меняли экипажи. Ближе к Стамбулу картина изменилась: все чаще стали встречаться экипажи, груженые арбы, крестьяне, ехавшие на осликах, кареты вельмож в сопровождении двух или четырех всадников, купцы, везущие товары на навьюченных верблюдах, их охрана. Торговые пути ближе к городу становились похожими на судоходную реку.

Хатам вглядывался в проплывающую мимо чужую жизнь и не уставал удивляться, насколько ярка и удивительна природа людей, как должны быть дороги мир и покой, чтобы текла эта пестрая река. Как похожа природа Балкан на кавказскую! Здесь такие же плодородные земли, густые леса, высокие горы, синее небо... Постепенно он отошел от сравнений, мысленно пересек море и оказался в родных местах, где провел свое детство и юность, увидел родную Черкесию. Перед его взором предстали широкая поляна посреди аула, где играли дети, большое поле за околицей, на котором проходили скачки. Потом увидел их в пороховом дыму, в огне войны. Услышал раскаты орудий, «ура» казаков, плач, крики женщин и детей. Увидел тысячи и тысячи беженцев у берегов Черного моря. Стараясь освободиться от этих видений, избавиться от размышлений об удручающих событиях, Хатам стряхнул головой и посмотрел на младшего брата. Хаджирет сидел с закрытыми глазами.

– Ты, что, спишь?

Тот открыл глаза и потянулся:

– Карета подобна колыбели, верно, вздремнул.

– А я, сидя в карете, побывал на нашей родной стороне.

Хаджирет добродушно взглянул на брата и вспомнил, как когда-то сказал Баракетову, что смотрит на Балканы, а видит Черкесию.

– Что, Хатам, интересного ты увидел?..

– Много чего, Хаджирет.

И братья снова замолчали, погрузившись в свои думы. Потом Хаджирет неожиданно сказал:

– Меня волнуют дела отца.

– Какие именно?

– Уживутся ли они...

Хатам от души расхохотался:

– Первые дни меня это тоже беспокоило, но правду говорят, что милосердие смягчает сердца. Нашего отца не узнать: доброта и сердечность вновь озарили наш дом.

Потом Хатам поделился своими сокровенными мыслями, он хотел, чтобы Хаджирет знал о них:

– Я ехал и мысленно был не в ущелье Тырговишты, которое не стало еще частью моего сердца. Я был там, за морем, на нашей родине.

Хаджирет видел, что Хатам всю дорогу погружен в себя, и не хотел ему мешать. Им так редко приходилось быть вместе, что теперь радовался возможности просто находиться рядом. Но слова Хатама вызвали острую боль, которую Хаджирет тщетно пытался спрятать в себе. Он решился высказать свое мнение, но так, чтобы не обидеть брата.

– Ты в ту сторону часто не смотри, Хатам. Чермит говорил: «Если долго смотреть на море, на волнах увидишь кровь». У нас больше нет той родины, постарайся ее забыть.

– Ты, что, проповедник или мудрец? Зачем говоришь мне такие предательские слова, что значит «забудь»?

От резкого движения Хатама карета покачнулась:

– У тебя, что, нет больше адыгского сердца, его тоже подменили на турецкое, как Баракетову?! Если решил

забыть свои корни, то я, несмотря на твои золотые погоны, быстро напомню, кто ты!

– Ты, что, Хатам?! Уличаешь меня в предательстве? До такого бесстыдства я еще не дошел: знаю, кто я, и помню, где родился.

– Если это так, то хорошо, брат.

Слова Хаджирета успокоили Хатама, но, с другой стороны, он вдруг обнаружил его крепкий характер. Они с отцом до сих пор считали его мальчишкой, оказавшимся в глупых, если не сказать случайно созданных временных условиях. Но теперь он увидел, насколько возмужал брат, заняв свое место в этом чуждом мире. Отец строго соблюдал неписанные законы адыгства, прививал безропотное подчинение младших старшим, учил обращаться к ним со смирением и послушанием. Все это было в Хаджирете, но уже был заметен и опыт другой жизни. Он стал решительным и самостоятельным в своих действиях, которые не допускали семейного покровительства.

Хатам, осторожно подбирая слова, старался увести Хаджирета от влияния Баракетова:

– Если ты настоящий адыг, Хаджирет, то и на этом месте будешь помогать своим соплеменникам. Понятно, что мы врастаем в ту землю, где живем, но наши корни навсегда связанны с Черкесией.

На несколько минут в карете установилась тишина, затем Хаджирет с болью произнес:

– Не обижайся на меня, Хатам. В этом мире у меня никого нет, кроме нашего отца, тебя и Дарихан. Но турки не разрешают нам быть адыгами, несмотря на то, что мы их единоверцы.

Хатам обнял брата, видя его незащищенность:

– Как говорит отец, они хотят, чтобы мы, играя на своей зурне-накире их турецкую мелодию, танцевали бы под нее. Есть среди нас подобные танцоры. Но мы будем петь свои песни и танцевать свои танцы. Одним словом, останемся адыгами до конца своих дней. Так, Хаджирет?

– Так-то оно так, Хатам. Но мы сами не любим себя, завидуем, норовим поставить друг другу подножки. Скажи, разве так мы можем себя защитить?..

Перед взором Хаджирета пронеслись последние месяцы жизни: всадники, одетые в болгарские одежды, устроившие резню в ауле Шапсуг. Зауаль, просящий отца отпустить Хаджирета на службу в турецкую армию... Белград... Мустафа-паша... Пехота и конница, охраняющие подступы к городу... Стамбул... Штаб турецкой армии... Золотой дворец султана Топ-Капе... Великая Бике и Гошмаф... Хаджи Берзегов... Албан... Аслан и Каплан из Приштины... Зять Баговых Тодор Димитров и предводитель болгар Тырговишты и Шумле Парван Парванов... Чермит Коблев, Стефан Стефанов и Бориска, друзья отца Наурзов и Коблев...

Карета, в которой ехали братья, поднялась на пригорок. Вдали показался Стамбул, раскинувшийся между проливами Босфор и Дарданеллы, соединяющими Черное и Средиземное моря. Хатам попросил брата:

– Останови карету. Хочу взглянуть на Стамбул со стороны. Да, турки с легкостью разоряют чужие гнезда, но свои вьют исправно. Какие здесь дворцы, какие мечети с полумесяцем из золота, не город, а райское место! Пусть для тебя и для всех адыгов Аллах сделает его счастливым городом.

Хатам отошел от кареты и, гладя коренника по лбу, подумал: «Но не думаю, что этот огромный город станет для нас, адыгов, счастливым...» Потом, постояв немного, сел в карету и велел вознице трогать:

– Поехали. Как говорит отец, зачем тревожиться, не зная, что нас ждет? Если есть время, давай проедем на берег моря, туда, где нас, адыгов, в тот злополучный год высадили с кораблей.

Неожиданно Хатам запел песню-плач адыгов, изгнанных в Турцию:

Впереди туман клубится,
Вершины гор укутаны облаками,
Родину нашу отнимают,
О-уи-ии!

Колеса старых арб скрипят по дороге,
Родственники зовут, но нас не находят,
С родной земли нас выгоняют,
О-уи-ии!

Трубы кораблей вздымаются высоко,
Нас, несчастных, вывозят в Стамбул,
Мы оставляем родину,
О-уи-ии!

Хатам пел негромко, но с душой. Внезапно он прервал песню и упрекнул брата:

– Почему, Хаджирет, я тебя не слышу?

– Я сердцем пою с тобой, Хатам.

– Это хорошо, но я хотел, чтобы ты пел голосом.

– Да, но, Хатам... – Хаджирет вспомнил бедствия, через которые прошел, и голос его сорвался от волнения.

– Да, да... Я тебя понимаю, но мы не должны забывать случившееся.

– Разве забудешь, если душа болит... Но будет ли от этого толк?.. Надежда возрождает к жизни, горе же убивает.

Хатам снова изумленно взглянул на брата: «Как правильно он говорит! Да, горе убивает, но если мы потеряем прошлое, нашу родовую память, растворимся среди турок и болгар, то будем жить, как перекати-поле... Получится, что проживем жизнь с заботой о животе. А если так, то адыги зря пришли на эту землю. Прав отец, нам нужно было примириться с завоевателями там, в Черкесии, они бы не выгнали нас. Живут же болгары? Ну, ничего, мы раздуем угасший огонь, но остались ли для этого искры? В нартах сказано, что когда-то огонь адыгов украли великаны, но его вернул нарт Саусруко. Неужели среди нас не найдется такого героя? Хороши плоды с чужого дерева, но сладок лишь тот, который вырос в своем саду».

Хаджирет, породнившийся с Хатамом на чужой земле, тоже ехал с раздумьями о себе и брате: «На наши судьбы выпали одинаковые бедствия: и в Черкесии, и на корабле, и в Болгарии. Масхаб разделил тепло своего сердца между

нами, никого не обделил, не обидел. Но почему Хатам, видевший только аул и лес, чувствует боль соплеменников острее, чем я? Почему во мне стала угасать эта память с тех пор, как я покинул Абадзех? Почему сердце перестало возгораться, как прежде, и болит не так, как у Хатама? Когда он пел, мое сердце откликалось, но без боли, как прежде... Может, спросить Хатама?»

Словно подслушав мысли Хаджирета, Хатам мягко, будто сам себе, сказал:

– Мы не должны все время себя оплакивать... Но как бы мы ни жили, что бы с нами ни происходило, мы должны помнить свои корни.

– Хатам, если ты думаешь, что твоя рана и моя болят по-разному, ошибаешься. У нас с тобой одна боль.

Карета подкатила к пирсу, где когда-то пристали корабли с беженцами из Черкесии. Хатам и Хаджирет некоторое время стояли на берегу. Они смотрели на море, ставшее еще солонее от адыгских слез, потом опустились на колени и омыли в нем разгоряченные лица, успокаиваясь. И, не говоря ни слова, вернулись в карету.

Утром, после завтрака в гостиничном номере, Хатам рассказал брату о своих планах:

– Пока ты будешь в министерстве турецкой армии, я встречусь с эфенди Магометом Марзухаевым.

– Нет, Хатам, жди меня в гостинице, отдыхай. Когда вернусь, сам отвезу тебя к Марзухаеву, если у тебя есть к нему дело.

– Это что за новости? Тебя кто научил перечить старшим? Мое дело касается Марзухаева, а не тебя. Я, что, не смогу найти его сам, ты за руку меня поведешь? Я не заблудился в болгарском лесу, так с чего ты взял, что я здесь не найду дорогу!

– Извини, Хатам, я не хотел тебя обидеть. Просто есть причина, о которой я не говорил, думал сказать позже. Видишь ли, оказывается, великая султанша Бике из рода Баговых, а потому все придворные и вельможи считают нас с ней в родстве. Она послала подарки для отца, тебя и Дарихан, которые увезет Баракетов. Именно поэтому

Бике так относится ко мне: вызвала в Стамбул, имея свой умысел, какой, правда, не знаю. Но Марзухаев при встрече с тобой непременно упомянет про это родство, и я не хочу, чтобы это тебя смутило.

– Ты, что, забыл, что я – Брантов! Думаешь, я позволю Марзухаеву насмехаться над собой, выдавая себя за другого?

– Нет, Хатам! Я опасаюсь за твой горячий характер. Тут другие законы, которые нарушать не положено. Разве Баракетов в родстве с султаншей Бике, если его дочь ее воспитанница? И да, и нет. Да, потому что султанша называет ее внучкой. Кто оспорит ее желание? Никто! Все будут считать Гошмаф внучкой, а Баракетова – родственником. Она сама возвышает его, а другие оказывают ему должные почет и уважение. Так и тут, если Бике сказала, что Баговы из ее рода, значит, они все ее родственники – и приемные, и родные. Кто это оспорит? Ты? Ты возразишь Бике, если она скажет, что ты, приемный сын Багова – ее родственник? Пусть даже однофамилец! Это собьет с ног любого турка. Баракетов об этом знает и ведет себя соответственно.

– Ну, Хаджирет, задал ты мне задачку! Конечно, то, что Бике сама признает родство с адыгами, это хороший знак, значит, она ищет нити, связывающие турок и адыгов. Видимо, у нее есть свои соображения на этот счет, и я не буду противоречить ей. Но и принимать высокое родство с дворянами Баговыми всерьез тоже не стану. Я помню, какого я рода-племени. И посмотрю, как Марзухаев встретит меня, если все так, как ты говоришь, будет потеха. Кроме этого, я не намерен ни одного лишнего дня оставаться в Стамбуле, пропитанном ослиной нечистью. Это издали он видится раем.

В это время на улице громко закричал осел, ему откликнулся другой. Услышав перекличку ослов, Хатам улыбнулся:

– Слышишь, ослы, как муэдзины, напоминают, что подходит время намаза.

– Ослов слышу, Хатам, но то, что ты сравниваешь с ними муэдзинов, никуда не годится. Не забывай, что мы живем в исламской стране.

– Ты посмотри, он снова меня поучает! Я, что, мальчишка?

– Я предостерегаю, мало ли с кем ты встретишься...

– Я знаю разницу между белым и черным джином! Так где, ты сказал, обитает Марзухаев?

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Гостиница, в которой остановились братья Баговы, находилась невдалеке от большой мечети Айя-Софи. Хатам не стал нанимать карету и через три квартала вышел на площадь перед мечетью.

Закончилось время утреннего намаза, верующие тихо расходились по сторонам, во дворе мечети усердно работал дворник. Это был бедно одетый парень, который поливал из ведра пыльные камни и сметал случайный мусор.

Хатам обратился к нему по-адыгски:

– Где я могу найти эфенди Магомета Марзухаева?

– Ты адыг? – обрадовался дворник.

– Я-то адыг, если и ты адыг... Нас и мало, и много. Куда не пойдешь, всюду встречаешь адыга, чуть ли не спотыкаемся друг о друга.

– Нас много разбросано по чужой стране, что тут удивительного. А эфенди Магомет, про которого ты спросил, отдыхает после утреннего намаза.

– Это отчего же он устал? За день не сделал и шага, а уже отдыхает. Поработал бы в поле, попахал землю, тогда бы знал, что такое отдых. Пойди и передай ему, что его ждет Хатам Багов.

– Он тебя знает?

– Ты, что, не адыг, зачем спрашиваешь?! Сказал тебе – зови, иди и зови!

Пока дворник побежал исполнять поручение, Хатам осмотрелся. По словам и поведению парня он понял, что тот недолюбливает эфенди.

У открытого окна в белоснежной рубашке показался эфенди Магомет. Белый цвет рубашки выгодно оттенял темную кожу Марзухаева, выглядел он молодо и благополучно. Магомет крикнул:

– Кто это поднял переполох во дворе святой мечети?

– Я, если меня помнишь... Хатам Багов из Абадзеха, что находится в ущелье Тырговишты.

– Кто-кто?

– Я не из адыгов, приближенных к власти, Марзухаев, но напомню тебе, кто я. Вспомни, как когда-то я привез на коне связанного сына Мурад-бея и сбросил его перед присутствующими на хасэ. Я – Хатам, Масхаб Багов – мой отец, Дарихан – моя сестра. Хаджирет Багов, которого ты знаешь – мой младший брат.

– Так это ты?! Так бы и сказал! А я, забыв адыгэ хабзэ, по которому мы живем с позволения великого Аллаха, стою тут. Подожди, я сейчас. Добро пожаловать в мой дом. В дом-мечеть, который предоставлен мне с позволения Аллаха. Что ты стоишь, дворник, пригласи моего гостя по адыгскому обычаю.

Чтец Корана эфенди Марзухаев засуетился, стараясь показать свое радушие и лично встретил Хатама. И будто всю жизнь ждал его, пригласил в личные покои. Несмотря на то, что гость был моложе, эфенди усадил его в мягкое кресло, куда никого раньше не усаживал.

Затем распахнул дверь и велел проходящему мимо мулле:

– Заварите самый лучший чай и принесите сладости. Вот так мы живем, Хатам. Конечно, я помню и тебя, и твоего отца Масхаба. Отец зря поругал тебя тогда, в тот день ты совершил мужество... Ты по делам приехал в Стамбул? Я слышал, султанша Бике пригласила Хаджирета в Стамбул, в султанскую гвардию. Это великая милость

и честь, и мы с уважением должны относиться к вашей семье. Как вы живете? Как ведут себя болгары-иноверцы? Спокойно ли вам среди них?

– После прожитых трудных лет мы постепенно начали приживаться на этой земле. С болгарами, про которых ты спрашиваешь, мы тоже находим общий язык. А вот с нашими единоверцами-турками... Одетые в черкески, они разбойничают в болгарских селах, а те в ответ устраивают нападения на нас. Мне кажется, таким образом они сеют раздор между болгарами и адыгами...

– Чем вы можете подтвердить эти обвинения? Или это беспочвенные утверждения?

– Трудно установить их участие в разбоях, получается, что это голословные утверждения.

– Как бы то ни было, если вы, исповедующие мусульманство, не найдете общего языка с единоверцами-турками, то великий Аллах, давший святую религию – ислам, вас не благословит. Между гяуром и мусульманином не может быть согласия, как между водой и огнем. Мне кажется, что война газават начнется с Балкан, и мы должны быть готовы отомстить за нашу пролитую кровь и кровь наших предков. Хатам, ты мужественный, умный, не в пример сверстникам, мудрый. Аллах создал тебя таким с особой миссией, надеюсь, что ты станешь предводителем одного из отрядов пехоты или конницы. Аллаху акбар!

«Ты посмотри, что говорит этот эфенди. Используя религию, он и ему подобные привели народ к гибели. Но он и тут поет свою песню,– подумал Хатам и резко отодвинул от себя чай и сладости, едва сдерживаясь, чтобы не взорваться негодованием.– Пепел, оставшийся после продолжительной войны еще не осел, а он втягивает нас в новую войну!.. Может, выплеснуть этот чай ему в лицо?.. Нет, Багов, нет, ты пришел сюда не воевать. Плюнуть бы ему в лицо... Но сдержусь, хотя бы ради младшего брата сдержусь».

– О чем ты говоришь?.. Есть же решение на какой-то срок не призывать адыгов в турецкую армию. О какой коннице и пехоте идет речь? – спросил Хатам.

– Сколько лет прошло с того времени, как мы живем в мусульманской стране великого Аллаха? Сколько лет мы получаем помощь от Турции, пьем святую воду с источника «Замзам», едим ее хлеб? – важно, повернувшись лицом к Хатаму спросил Марзухаев, и сам же ответил: – Если не ошибаюсь, мы приехали сюда больше десяти лет назад, есть и прибывшие раньше нас.

Хатам готов был не только плюнуть, но и ударить это лоснящееся лицо.

– Вот смотрю я на тебя, Марзухаев, и вижу твою сытую жизнь: упитанный, комната светлая, стол ломится от яств, за дверью – послушный слуга, готовый выполнить любую твою прихоть. У тебя все хорошо, а тысячи бедных адыгов блуждают по чужой стране. Они ни разу не пригубили воду «замзам», привезенную из Каабы.

– Погоди, погоди, Хатам,– поспешно перебил гостя эфенди.– Не обвиняй меня в том, в чем моей вины нет! Здесь виноватым пощады нет, поэтому не говори таких необдуманных слов. Мы – служители ислама, верноподданные Аллаха, стоим перед его лицом, он слышит и видит все. Эй, ты, закрой дверь,– прикрикнул он на слугу, приоткрывшего дверь, затем мягко продолжил: – Послушайся меня, не руби с плеча, не говори опрометчивых слов перед Аллахом. Как говорится – береженого Аллах бережет! Скажи: амин, и вместе произнесем молитву.– Марзухаев поднял руки и поднес их к лицу, то же самое сделал и Хатам. Он понял, что, потеряв контроль над собой сделал то, о чем предупреждал его Хаджирет: обнажил свою неприязнь к туркам. Автоматически подняв руки к лицу, он молча сидел, ожидая, когда эфенди закончит свое обращение к Аллаху.

Эфенди Магомет завершил молитву и вновь обратился к Хатаму:

– Теперь, когда наши сердца смягчились, спрашиваю тебя: что тебя привело ко мне? Может, тебе нужна помощь в решении какого-то вопроса? И мне приятно, что ты знаешь, откуда доставляют воду «замзам».

– Я пришел к тебе не за помощью. Моего младшего брата Хаджирета пригласили на службу в Стамбул. Я его сопровождал, но не смогу вернуться домой, не задав тебе два вопроса.

– Да, да, я слышал добрую весть о Хаджирете Багове. И ты хорошо сделал, что соблюдая старшинство, сопроводил его. Надо, надо блюсти адыгэ хабзэ, Хатам! С позволения Аллаха, служба его продвинулась, в султанской гвардии будет легче выполнять свой долг. Такие милости простому солдату не оказывают, значит, в Хаджирете есть то, что продвигает его по службе. Хорошо, что среди наших соплеменников есть такие, как Баракетов и твой брат. Пусть Аллах благословит тебя, Хатам, я слушаю, задавай свои вопросы, отвечу на них, как смогу.

Марзухаев говорил торопливо, будто старался словами убедить несговорчивого Хатама согласиться с собой. При этом мысль его работала совсем в другом направлении: «Ни гостеприимство, ни угощение не останавливают его. Ведет себя так, будто я у него в долгу. Интересно, с какими вопросами он пожаловал? Заранее предвижу: ничего серьезного, пустая болтовня. Выскажется и пойдет вон. Это в крови Хатама – представлять из себя больше, чем он есть на самом деле. Подумаешь, Багов! Но мы-то знаем, что ты – Брантов, и не надо морочить людям голову! Но, увы, пока жива Бике, нам придется встречать эту челядь, как достойных людей. Если ты, Хатам, не сошел с ума в лесу, постараюсь ответить на твои вопросы, попытаюсь обойтись без ссор и скандалов. Далеко ли находится мой слуга? Зря я приказал закрыть дверь. Неслышно и дворника. До времени полуденного намаза еще далеко...»

Хатам Багов тянул время, он прихлебнул остывший чай, наблюдая за поведением эфенди, заставляя его нервничать. Вопросы давно вызрели, но ему хотелось подержать его в напряжении хотя бы еще несколько минут. Так шли минута за минутой, эфенди нервничал, не зная что предпринять, пока не нашел повод позвать слугу:

– Эй, чем ты занимаешься?! Позакрывали здесь окна и двери, от жары дышать нечем! Поменяй нам чай! А ты, Хатам, задавай свои вопросы, я готов ответить на них.

– Если ты готов, эфенди, то первый мой вопрос такой: ты веришь в то, что Аллах существует и что он сотворил нас?

– Что ты говоришь?! – испуганно замахал руками Марзухаев. И гневно прикрикнул на слугу, вошедшего в комнату с горячим чаем.– Чего стоишь, уйди с глаз и закрой дверь!

Он был напуган и раздавлен вопросом Хатама, не знал, что ему ответить, тут простыми словами о религии не отделаешься. И решил схитрить:

– Ты этого не говорил, а я не слышал.

– Да, но нас услышал тот, чьим посланником ты являешься. Не так ли? Зачем кривить душой и обманывать Его?

– Ты слышишь, мой великий Аллах, эти слова, они звучат в стенах твоей святой мечети, во-ви-и!..

– Не распинайся, Марзухаев, тебя не услышит Аллах, в которого ты сам не веришь. И не только тебя, он и меня не слышит. И благодеяния адыгского народа ему тоже неизвестны, мы заслужили только гнев Аллаха, потому что такие лживые люди, как ты, привели адыгов на грань гибели.

– Что он говорит, что он говорит...

– Я говорю тебе это от своего имени, от имени рода, чьим последним потомком являюсь! Это правда, в которую я верю, и в которой нахожу успокоение. Не думай, что я отрекся от Аллаха, нет! Он живет в моем сердце каждое мгновение моей жизни: с ним ложусь спать, с ним встаю, с ним провожу день. Все лучшие надежды на будущее я связываю не с тобой, не с армией, не с властью, а с Ним. И как бы я ни прожил свой день, я прошу Его послать мне завтрашний день, а с ним и добрые вести.

– Теперь, Хатам, ты меня успокоил.

– Чем, эфенди? Ведь у меня в сердце не тот Аллах, который у тебя на языке.

– О-о! – застонал эфенди.

– У меня в сердце Аллах, который слышит мои молитвы и не слышит твои.

– Как это понять?..

– Нам не дано, эфенди, понимать друг друга. О чем бы мы не говорили, мы слышим каждый свое и призываем в свидетели Аллаха, доказывая правоту своих слов! Но ты призываешь его по привычке, как обучен. Твой Бог живет у тебя на языке, а потому это пустые слова и призывы. Аллах не слышит тебя. И не нам с тобой рассуждать о Нем, и пусть Аллах, находящийся над нами, рассудит нас.

– Хорошо, Хатам, что ты пришел к такому выводу. Пусть Аллах будет тобой доволен.

– Я тоже доволен, что сказал тебе прямо в лицо то, что меня волновало. Только жаль, что сказал все это не перед людьми, которых ты обманывал и обманываешь до сих пор. Но ничего, кто знает, может, такая возможность еще представится.

Марзухаев, пытаясь внешне сохранить спокойствие, внутри сотрясался от гнева и беспомощности: «Меня еще никто так не унижал,– горячился он,– и что за народ эти адыги? Ни на кого из них нельзя положиться. Этот парень еще зеленый, он только пыжится быть справедливым, а вот его отец суров по нраву. Но как их запугать, как запрячь в арбу, чтобы покорно везли свой воз? Сегодня в лице Хатама мой дом посетил черный джин. Соблюдая адыгэ хабзэ, я усадил Хатама за свой стол. Если бы не его младший брат, которому приберегли во дворце хорошую должность, я бы его и на порог не пустил! А пока надо терпеть, не показывать своей неприязни, на этом бы и закончить спор, но у него есть еще вопрос. Спрошу, и дело с концом».

Время подходило к обеду. По дальним склонам гор клубились облака, собирая короткие летние дожди. Ветерок порывами поднимал на улице пыль, гонял опавшие листья. Воздух за окнами был влажным и парким, но в жилище Мурзахаева, как и во всей древней мечети, было

прохладно. Магомет, перебирая четки, семеня мелким шагом, расхаживал перед гостем. Его голубой шелковый халат переливался и шуршал, а золоченые туфли с загнутыми носами слегка приминали высокий ворс персидского ковра.

– Теперь, Хатам, задавай свой второй вопрос, надеюсь, он не связан с религией. Я слушаю.

– На второй вопрос, думаю, ты ответишь быстро. Не стану тянуть: помнишь Нат-Нат?

– Кого?..– услышав имя племянницы, Марзухаев перепугался. Он остановился перед Хатамом сгорбившись, будто тот хлестнул его плеткой. Небольшого роста, полный, он и вовсе превратился в шар. Лицо его скривилось от едва сдерживаемой досады, усы, коротко постриженные над верхней губой, встопорщились, уголки губ опустились.

– Нат-Нат, которую нашел твой старший брат Бачир на берегу реки Фарз. Я говорю о той, которая стала дочерью Марзухаевых.

– Ты говоришь о той неблагодарной, которая была когда-то дочерью бедного Бачира? В ней текла кровь неверных, из-за которых мы попали в большое несчастье. Когда они совершили набег на Тамбийхабль, она переметнулась к ним. Чего еще можно было ожидать от нее, это зов крови.

Марзухаев говорил, а перед глазами стояла другая картина: берег Черного моря, оставленная им Нат-Нат, и он, уносящий чужое золото... Теперь Хатам пришел требовать долю Нат-Нат? Магомет набычился, ноздри его расширились, он, будто зверь, почуявший потерю добычи, уперся руками в стол. Лицо потемнело, глаза сузились: «Что еще нужно этому проходимцу?»

– Нат-Нат Марзухаева, которую ты звал Нафисет, ни к кому не переметнулась. Она разделила с адыгами их великое бедствие. Переселилась в Турцию и жила до сих пор в Махоше. Ты знаешь этот аул.

– Что ты говоришь! – деланно всплеснул руками Марухаев, хотя не в первый раз слышал об этом.– Хатам, ты принес благую весть! Правду говорят, что на кончике

языка у человека сплетня. Наверное, обманули меня. Если ее нет в Махоше, где же она теперь? Не стоит обижаться на русскую, которая пережила с нами столько бед. Что, придя в себя, она возвратилась к соплеменникам-болгарам?

– Нет! Она теперь живет в Абадзехе, она жена нашего отца.

– О-о! Более поразительной новости я не слышал за последний год! Пусть Аллах одарит их счастьем и взаимопониманием. Получается, что Марзухаевы и Баговы породнились!..– Он вспомнил теперь, как видел Нат-Нат на свадьбе сына эфенди Хазрета. Тогда эфенди Магомет сделал вид, что не узнал ее.– Откуда я мог знать, что она вместе с адыгами переселится в Турцию? Ты помнишь, как мы покидали нашу землю. Все нажитое потеряли, приехали сюда с пустыми руками, и если бы я не читал Коран, то ходил бы с протянутой рукой. Она, наверно, обижается, что я не искал ее, как подобает дяде, но что я мог ей предложить, когда сам живу при мечети?

– Может быть, и обижается, но не показывает обиду. Вспоминает о тебе, говорит, что ты единственный остался у нее на этой земле...

– Да?.. Пусть Аллах будет доволен ею, значит, она меня не забыла. Вот освобожусь от дел и навещу ее. Пусть в ее жилах течет не наша кровь, но мой старший брат и невестка воспитали ее, она жила у нас в доме. Но, Хатам, прошу тебя: все, о чем мы говорили здесь с тобой, никому не пересказывай.

Ему сразу стало легче, когда понял, что Хатаму нужно высказать свои обиды, он ничего не знает о золоте. Остальное все пыль, труха, перемолотые камни его души. Золото останется в его тайниках!

Хатам поднялся с кресла:

– Я задал тебе вопросы, получил ответы, хотя мог бы и не задавать их, я знал ответы сам. Мне нужно идти, пока мой беспокойный брат не пришел за мной.

– Хаджирет знает, что ты пошел ко мне?.. Я не хочу, чтобы и он знал о нашем разговоре... Погоди, Хатам, я отвезу тебя.

– Отсюда до нашей родины далеко. До гостиницы ближе, я пешком доберусь.

– Передай Хаджирету от меня привет. Я помолюсь за него, попрошу Аллаха легкого продвижения по службе и исполнения всех его желаний.

Хатам, не прощаясь, вышел из комнаты и стремительно покинул пустой двор мечети.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Эфенди Марзухаев быстрым шагом покинул мечеть. Поддерживая рукой полу халата, он взобрался в первую попавшуюся карету, поторопив дремавшего возницу:

– Хватит спать! Быстро отвези меня на улицу Бердым!

– Как скажешь, эфенди Магомет, только отблагодари моих коней.

– Ты узнал меня?

– Кто в Стамбуле не знает черкеса – чтеца Корана? Разве только мои кони, они даром не повезут. И если их не подкармливать, быстро не побегут.

– Валлахи, вы, кучеры, все одинаковы: хотите высекать деньги копытами коней. Но вы же мне не платите за каждую прочитанную суру из Корана...

– Ты, эфенди, говоришь нам о временном мире на этой земле и готовишь нас к загробному миру. Кто знает, как нас там встретят...

– Если хочешь быть готовым к загробной жизни, пройди испытания в этом временном мире: твори добро, за умерших родственников раздавай милостыню, помогай больному, работай так, чтобы дети твои не нуждались, уважай старость, воспитывай молодежь. Если сумеешь так прожить, для тебя откроются врата рая.

– Но, эфенди, в нашем временном мире мы эти заветы не всегда выполняем. Вот сейчас, например, я прошу с

тебя плату за пробег своих лошадей, а ты не согласен. Как мы найдем общий язык?

«Вы хотите досыта кушать каждый день, а мы должны питаться одним воздухом? Вам эфенди должны платить, а вы эфенди – нет?» – Марзухаев намеревался бросить эти обидные слова в лицо вознице, но сдержался, опасаясь его грубых слов.

Возница остановил лошадей:

– Вот улица Бердым, тебе выходить здесь или дальше?

– Здесь, здесь, приехали. Возьми плату: эти монеты за карету, а эта – за быстрый бег твоих лошадей.

– Возьму только за карету, эфенди. За бег лошадок не возьму, пусть это будет тебе моя плата за чтение Корана.

– Да? – обрадовался эфенди Магомет и быстро спрятал деньги в кошель.– Аллах услышал тебя, он благословит тебя за это добро, умножив его.

Через дорогу стоял большой, в турецком стиле, дом с плоской крышей, каменным забором и широкими воротами, в которые въезжали каретные экипажи. Марзухаев взялся за большое кольцо и постучал в ворота. Он стоял, сцепив руки за спиной, как отяжелевшая от сытости птица со сложенными крыльями.

Эфенди приехал к хаджи Берзегову, зная его быстрый ум в решении дел, чтобы рассказать о приезде Хатама, который перевернул его душу. Коль хочешь померяться силой со львом, надо проверить на крепость свои ребра. Для этого есть только один способ – найти себе союзника. Нужно было вместе обдумать, чего ждать от Баговых.

Дворовый медленно открыл широкие ворота и спросил:

– Чего изволите, господин?

– Я хочу видеть хаджи Берзегова. Если он дома, передай, что приехал эфенди Марзухаев.

– Сейчас доложу хозяину.

Эфенди Магомет остался ждать у высоких ворот, закрывшихся перед носом, будто ударивших его по лицу. Не первый раз он видел такое пренебрежение к людям, слуги часто несли на себе отпечаток своих хозяев. И чем

богаче хозяин, тем надменнее слуги. «Что поделаешь,– вздохнул эфенди,– как говорил мой брат Бачир, одному все дозволено, другой от запретов сохнет. Я не завидую, мой Аллах, богатству Берзегова, у ворот которого стою. Он, конечно, для вида поругает дворового, когда выйдет встретить меня, что ж, людям свойственно делиться по рангам. Это для Аллаха что всадник, что пеший, и тех, и других Он испытывает в этом мире. Среди них и я, и Берзегов, Баракетов, Хатам, возница, турецкий султан, его бабушка Бике и другие его рабы... И каждый со своими запросами, со своим высокомерием. С Твоего одобрения я наказал перешедшего все нормы приличия Мерзабеча... Ты знаешь, мой Аллах, что у меня есть золото и серебро, поэтому я не стану прибедняться, но и не откроюсь людям. Я намеренно утаил их от Нат-Нат, в жилах которой течет гяурская кровь. Как некстати она сейчас появилась в моей жизни! Ведь Масхаб и Хатам могут пронюхать о моем богатстве... Я не могу себе позволить жить так широко, как Берзегов, у ворот которого стою. Открывшись, я притяну к себе зависть и проклятия. Но я знаю, как поступить с этим богатством...»

– Сколько раз тебе говорить, нерадивый,– послышался за воротами негодующий голос хаджи Берзегова,– что такого дорогого гостя, как эфенди Магомет, не нужно оставлять на улице! Добро пожаловать, эфенди, добро пожаловать. Он поступил с тобой неблагородно, тем унизил и меня. Где твоя карета, или ты пришел пешком?

– Меня доставили к твоему дому, зиусхан, не беспокойся. Зачем мне карета, когда чтец Корана привязан к мечети служением. Я отпустил возницу, не оставлять же мусульманина без заработка.

– Валахи, эфенди Магомет, справедливый посланник Аллаха, это плохо, что ты до сих пор не имеешь собственной кареты. Пусть бы стояла в конюшне и ждала своего часа. Давай присядем в беседке, в прохладе двора, у фонтана, здесь легче дышать.

Возле строения широко раскинула свои корявые кряжистые ветки чинара, хрупкая айва серебрилась

бледно-зелеными листьями на ветках с тяжелыми плодами, были тут и орехи с куполообразной кроной, под которыми расположилась беседка, увитая плющом и разросшимися кустами барбариса. Рядом с беседкой журчала вода в фонтане изумительной работы восточного мастера.

Они присели на мягкую тахту друг против друга. Между ними стоял столик с чашками для чая, на глиняной расписной тарелке лежали изысканные сладости.

Хаджи Берзегов, наливая гостю чай, продолжил начатую мысль:

– Да, эфенди, если бы каждый, кто приходит на намаз, услышав твое чтение Корана, заплатил бы тебе по копейке, а такие, как я – по рублю, ты стал бы богаче всех в Стамбуле. Конечно, не считая султана и его родню. Мы тоже виноваты. До сих пор оставляли это без внимания, не помогали. «Не ходи в гости туда, где тебя знают»,– сказано о нас. Но все же подумаем, как тебе помочь.

– Нет, нет, мне ничего не нужно, спасибо, что побеспокоился,– эфенди Марзухаев вспомнил свою сумку, полную золота и серебра,– я не за этим к тебе пришел. Для меня уже богатство то, что ты назвал меня «справедливым посланником Аллаха». Бог, стоящий над нами, свидетель чистоты моих слов. Богатство, что роса, приходит и уходит.

– Справедливо говоришь, эфенди, добавлю к твоим словам еще одну адыгскую пословицу: «Богатство, что роса, а душа человека – вода».

– Да, зиусхан, ничто не сравнится с человеческой душой, она, как вода «замзам» из Каабы.

– Валлахи, эфенди, ты в точку попал, поэтому тебя любят и уважают мусульмане, которым ты служишь. Вся слава, исходящая от Аллаха, прежде всего, касается тебя. Хотя среди мусульман сейчас много готовых вцепиться в более удачливого собрата или примкнуть к более сильному, чтобы объединиться с ним против своих врагов. Но ты, наверное, пришел ко мне по делу? Говори, дорогой, я внимательно слушаю.

По телу Марзухаева пробежала дрожь: откуда Берзегову известны его мысли? Ведь это он думал о том, что нельзя надеяться на всех этих баговых, наурзовых, коблевых, которые, как шакалы, кусают его за бока! Только имея острые клыки можно подчинить их себе, но пока эти клыки у них.

– Я не могу сказать, зиусхан, что большая проблема привела меня к тебе,– начал эфенди издалека, потом резко сказал: – Я принес тебе весть, о которой ты еще не знаешь, но она тебя удивит.

– В мире много такого, чего мы не знаем,– хитро улыбнулся Берзегов. Он помолчал, оставляя эфенди в нерешительности, потом продолжил: – Говори, какую новость ты принес?

– Баракетов опять перехитрил нас.

– Он, что, собрал стотысячную конницу? Ведь не будет же он перечить султанше? А может, ты говоришь о женихезяте, которого Баракетов нашел для своей дочери, воспитаннице Бике?

Эфенди отирал пот, катившийся с его полного лица. Он смотрел на Берзегова так, будто перед ним сидел еще один джин, только не обличал, как джин Хатама, а пророчествовал.

– Откуда ты это знаешь? – чуть ли не заикаясь, спросил Марзухаев.

– Мы, что, в лесу живем, эфенди? Стамбул – город больших возможностей, тут слышно даже то, о чем говорят в Тырговиште. У нас всюду глаза и уши, власть должна быть жесткой, другого пути нет! Это Баракетов ничего не может добиться от адыгов, турецкий мундир да погоны носит, а конские хвосты для адыгской армии так и не выросли. Мне кажется, скоро все изменится, и свадебный отряд, сопровождающий Багова, станет значительно меньше, больной султанше до этого уже нет дела. Посмотрим, что принесет нам ближайшее время. Ее смерти нетерпеливо ждут родственники: кровавая вражда между наследниками трона продолжается, и попомни мои слова: когда закроются ее глаза, мы освободимся и от султана-по-

эта, и от певца. Наши мечи готовы: до конца своих дней я не забуду сожженный парламент-меджлис и покинутую родину. Балканы велики, каждому хочется урвать свой кусок, но в этой битве будут участвовать и черкесы.

У эфенди снова защемило сердце, ему казалось, что наступает время его неминуемой гибели, краха такой отлаженной жизни. Но мог ли он, Магомет Марзухаев, остаться в стороне от дележа? Неужели он так и останется чтецом Корана? Неужели его клад будет греть только руки, но не сердце?

– Угощайся, эфенди, пока чай не остыл. Ты любишь пахлаву? Слива еще кислая, достигнет сладости, угощу. А тебе, эфенди, кто принес эту новость?

– Никогда не догадаешься, зиусхан, трудно в это поверить, если даже назову его имя.

– Вероятно, твой утренний сумасшедший гость Хатам Багов?

– Откуда ты это узнал?.. Кто тебе сказал?..

«Пустая моя голова! – с досадой подумал эфенди,– как я мог не догадаться: он ведь сам сказал про «глаза и уши». Точно: тот старательный дворник – соглядатай Берзегова...»

Хаджи Берзегов рассмеялся от души:

– Зачем тебе знать моих людей, это их работа. Я еще со вчерашнего дня знал, что ты сегодня будешь у меня. Да и Хатам еще не открыл рот, а его слова мне уже доложили. Вот такие они, друзья джинов.

– Все джины, ненавистные Аллаху, шайтаны,– заключил Марзухаев, а про себя подумал, что надо остерегаться их зорких глаз и чутких ушей.

Почти одновременно они достали серебряные часы и откинули крышки циферблата:

– Близится время полуденного намаза, хаджи.

– Моя карета готова, я тоже поеду в мечеть.

Они сели в узорчатую карету, переливающуюся золотом и серебром, на мягкие, покрытые синим бархатом сидения. Через некоторое время Марзухаев, помня уроки Берзегова, отметил:

– Я, зиусхан, другими глазами взглянул на Хатама, моего сегодняшнего гостя. Простолюдины обычно стоят в стороне от борьбы за власть, а бьются за веру, за родину, за свой клочок земли. В момент опасности они решат, к кому примкнуть, и выберут того, с кем сойдутся их личные интересы. Хатам один из них. Он не разбойник, как мы о нем думаем. Правда, мысли его переходят из одной крайности в другую, но сила воли в нем крепкая, да и мудрости он не лишен.

– Ты, эфенди, хочешь сказать, что он не зря прятался в лесу, надвинув на глаза старую потную папаху Масхаба Багова? Может, набрался мудрости от шелеста листьев?

– Возможно, зиусхан, возможно. Встретишься с ним, поговоришь и тогда поймешь, каков он.

– О чем мне с ним говорить? Десятки таких, как он, я вижу каждый день. И каждый из них приносит мне только головную боль, больше ничего.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

В Стамбуле раздались призывы муэдзинов к верующим на совершение полуденного намаза. Улицы опустели, жители города скрылись в домах, и только извозчик-грек клевал носом в карете, давая отдых понурым от жары лошадям. Закрылись лавочки, харчевни, базары, исчезли с улиц чистильщики обуви, разносчики чая и воды, и лишь редкие крики ослов нарушали городское безмолвие.

Хатам Багов возвращался в гостиницу в смятенном состоянии: с одной стороны он был доволен тем, что высказал в лицо Марзухаеву о его лицемерной вере, с другой – упрекал себя за то, что не совершает всеобщий намаз. «Все же я мусульманин,– думал он,– и это нехорошо, будто у меня нет Аллаха в сердце...»

Он сокрушался и по поводу того, что после разговора с Марзухаевым не зашел в расположенную невдалеке

мечеть, чтобы совершить намаз. В саду и у входа сновали муллы, имамы, дервиши и другие люди в белых и зеленых чалмах. Мимо прошел важный, высокий и краснощекий, с Кораном в руках, наверное, главный мулла. Хатама поразила торжественность, с какой правоверные мусульмане спешили в мечеть, он не знал, что они спешили занять место поближе к чтецу Корана, будто оно было ближе к Аллаху.

Стамбул не понравился Хатаму с его сказочными раскидистыми садами, искусственными фонтанами, пресыщенной жизнью жителей города. Он тосковал по тихому Абадзеху, который стал частью его жизни, как и руины аулов, оставленных за морем.

Свернув за угол, увидел среди лужайки фонтанчик. Он присел возле него, совершил амдез, положил вместо коврика для намаза свою черкеску и опустился на колени. После молитвы почувствовал успокоение, с легкостью поднялся на ноги и продолжил путь.

Пешеходы снова наводнили улицы, жизнь вернулась в город, он стал шумным, веселым, разноцветным. На узких улочках сталкивались экипажи, извозчики бранились, растаскивая лошадей по обочинам, султанские нукеры, размахивая направо и налево плетками по зазевавшимся пролеткам, освобождали дорогу.

Хатам шел по тенистым улицам, вдоль которых росли фруктовые деревья. Такого множества людей он никогда не видел, особенно шумно было на базарах, которые тянулись вдоль узких и длинных переулков и выходили на главные улицы и площади. На одной из них расположился город мастеров: кузнецы, ткачи, чеканщики, оружейники продавали здесь шерсть, шелк, пряности, кинжалы, сабли, ружья и арбалеты. И все это сопровождалось невообразимым шумом: продавцы громко кричали, зазывая покупателей, мимо проносились разносчики чая, сладостей и воды.

По лицу Хатама струйками стекал пот, но он не обнажил голову, не снял верную спутницу адыга – папаху. Она была низко надвинута на глаза, рубашка, выглядывающая

из-под черкески, застегнута наглухо, на тонком поясе – кинжал. На ногах – обувь, верх которой из той же кожи, что и пояс. Тонкая кожа красиво обтягивала икры ног, доходила до щиколотки и заканчивалась чуть вздернутым носком обуви.

Черкесская одежда всегда привлекала внимание прохожих, она выделялась и среди самых ярких, и самых непримечательных мужских костюмов. Хатам чувствовал восхищенные взгляды турок, но они не волновали его, он думал о Хаджирете: как он провел день, как пойдут его дела в этом суматошном городе? Добротой и участием светились глаза Хатама, когда он представлял будущее Хаджирета в окружении семьи, где все просто и понятно. И сурово сужались от мысли, если Хаджирету предстоит жить рядом с Марзухаевым и ему подобными лицемерными людьми.

Конечно, эфенди Магомет донес уже хаджи Берзегову о встрече с Хатамом, иначе не может быть. С Баракетовым у эфенди отношения натянутые, зато с Берзеговым они единомышленники. Он не на шутку встревожился, просил даже Хаджирету не говорить о теме разговора, вне всякого сомнения, он струсил. Кто гарантирует, что разговор о вере не станет всеобщим достоянием, и он не лишится должности чтеца Корана? Тем более что у парней Баговых такие покровители, что впору кланяться им в пояс.

«Хаджирет, Хаджирет! Сколько волнений ты нам доставил, да и себе тоже,– вертелось, в голове Хатама,– во всем виноват наш отец и Баракетов. Да и мы с Дарихан одобрили твой отъезд, не продумав все до конца. Что ты будешь делать в турецкой армии? Как приживешься в этом большом суматошном городе, где тебя никто не знает, кому будешь нужен, если окажешься в трудном положении? И у нас в Абадзехе немало работы. В этом году добрый урожай кукурузы, картофеля, фасоли, тыквы. На деревьях много фруктов. На пригорке до сих пор лежит в копнах скошенное сено, его надо свезти во двор и сложить в стога. Крыша сарая прохудилась, до начала осенних дождей ее надо перекрыть. Но самая

большая боль – нет согласия и мира в ущелье, где живут люди разных народов. Только-только устанавливается шаткое перемирие, как кто-то совершает разбойное нападение, которое приводит к роковым последствиям. Горестные события заставляют соседствующие народы хвататься за оружие. Уже опасно посещать городской рынок... Сколько несчастных людей уже погибли!»

Хатам попытался отогнать от себя тяжкие мысли. «А что, собственно, произошло? У меня хватит сил, чтобы не раскисать, и брата всегда сумеют здесь защитить, так что причин для тревоги быть не должно. Пришло время возвращаться домой, он спит и видит во сне землю, на которой стоит дом его отца. Тревожные сообщения, приходящие из глубин Балкан, сделали свое дело, волнения пока еще не перешли границу Болгарии, но грабежи и убийства, угоны скота и захваты имущества говорят о том, что скоро зашевелятся и их соседи, и тогда может понадобиться немедленная помощь для защиты близких.

Поэтому мы будем спокойнее, зная, что Хаджирет будет служить в Стамбуле, в султанской гвардии. Ведь надвигающиеся события – не временные междоусобицы, а начинающаяся война, она многих разведет по разные стороны. Хаджирет может оказаться в передовых частях турецкой армии, воевать на земле болгар. А там Тодор, наши соседи, а где окажется сам Хатам? На какой стороне? Может ли такое случиться, что они встретятся лицом к лицу с Хаджиретом на поле боя? Баракетов возомнил себя великим полководцем, но чего стоит его величие? Сегодня дочь Зауаля считается внучкой султанши Бике, которой почти девяносто лет. Но кто знает, что будет завтра, послезавтра? Пока она жива, адыги в чести, она осыпает почестями даже такого человека, как Баракетов. Как говорится, заслуги и уважение надо зарабатывать всю жизнь, а лишиться их можно в одно мгновение. Так случилось с Баракетовым на родине, когда он бросил, не предал земле умершую жену и потерял дочь. Адыги такое не прощают, прошлое уважение теперь надо заслужить. Да, в его отряды записываются, но кто? У кого нет ничего, кроме своих

рук. Некоторые отдают туда сыновей в надежде, что они добьются лучшей доли».

Хатам думал, что при султанском дворе нет ни одного чужака. Кто допустит их к должности? Улыбаясь и провожая своим «бердым-сырдым», там приживаются одни турки. Удивительно, что Бике не затерялась среди них и смогла подняться так высоко. Неужели только из-за красоты? Но нет, как говаривал старик Чермит: «Ничем не подкрепленная красота, что лошадиная нога»; видимо, в султанше, кроме красоты, была природная мудрость, которую она умело использовала, находясь рядом с султаном. Ведь в гареме было немало красивых женщин, но великой султаншей стала Бике. Она не забыла свой народ, свой язык, свои обычаи и законы, хотя столько лет жила среди чужих.

Хатаму вспомнилась Нат-Нат, которая была малышкой, когда Бачир Марзухаев нашел ее на берегу реки. Бачир не отвез девочку к соплеменникам, взял к себе домой, воспитал, и она стала одной из нас. Бике не потерялась в громадной Турции и осталась черкешенкой, а девочка, попав к адыгам, лишилась своего родового корня. По-разному случается.

Хатам, размышляя, вошел во двор гостиницы. В тенистой беседке его поджидал Хаджирет. Гостиница была одной из дешевых, глинобитные стены во многих местах осыпались, обнажая саманные кирпичи, рядом были расположены хозяйственные строения, их неприглядный вид спасал разросшийся фруктовый сад с яблонями, грушами, абрикосами, айвой и персиком. Было видно, что сад гораздо старше гостиницы, потому что деревья все были кряжистые, давным-давно привитые и уже мало плодоносящие. Зато они давали хорошую тень, и хозяин построил под ними несколько беседок с удобными тахтами, между которыми стояли чайные столики. Хаджирет держал пиалу, в которую подливал чай из глиняного чайничка.

Хатам поспешил к нему:

– Ты почему в такую жару сидишь во дворе?

– Жду тебя.

– Как прошла встреча? Приветливо ли тебя приняли?

– Да, Хатам, все прошло замечательно, не беспокойся.

– Ну и хорошо. А то я беспокоился, мало ли что у них на уме, могут и обидеть. Зайдем в комнату, расскажи подробно.

– А ты расскажи, как тебя встретил Марзухаев. Он заносчивый человек, мало кого допускает к себе.

Хатам рассмеялся:

– Встретил меня по адыгским обычаям, я тоже не остался в долгу: прямо сказал, что думаю о нем. Кстати, он передал тебе салам, сказал, что это он поспособствовал твоему переводу сюда.

Хаджирет по-мальчишески развеселился:

– Не забуду попросить Бике, чтобы она наградила его, вот султанша посмеется!

В комнате Хатам продолжил прерванный разговор:

– Эфенди обещал заехать к нам, навестить по-родственному.

– Не понял, откуда мы с ним родственники.

– Ты забыл, что дочь Марзухаевых Нат-Нат наша невестка?

– Ах, вот оно что! Я еще не привык к этой новости. А эфенди с чего это вдруг вспомнил о дочери своего старшего брата? Столько лет жил бок о бок с ней, слышал, как она перебивается, но не замечал этого. А тут, поглядите-ка, вспомнил! Да еще родство с нами себе придумал!

– Ты, что, не знаешь, каков Марзухаев? Как у нас говорится, он далеко вперед бросает свои тапочки. То, что ему надо – помнит, то, что не нужно – забывает. Но это не важно. Расскажи о своих делах, что тебе здесь предлагают?

– Пригласили меня в штаб турецкой армии, сказали несколько слов и отправили обратно. Правда, их портные сняли с меня мерки, обещали после обеда принести мне новую офицерскую форму.

– Хаджирет, брат, ты знаешь, что мне не нравятся пустые шутки, зачем ты говоришь мне глупости! Неужели

только ради этого тебя привезли сюда? Они, что, не дружат с головой?

– В моих словах, Хатам, нет и доли шутки, это правда, но не вся: нас с тобой сегодня вечером приглашают на прием в султанский дворец.

– О-о!..– вскрикнул Хатам, оглядывая свою одежду,– тебе готовят новую офицерскую форму, поэтому верю, что тебя приглашают. Но я? Что мне делать? Не надо было говорить, что я здесь.

– Как я мог промолчать, скрыть, что у меня здесь старший брат?! Кроме того, Хатам, для тех, кто нас пригласил, тайн не существует. Как говорит отец, они знают пролетевшую ночью птицу.

– Если так, то что будем делать?

– Ну, времени еще много. Поменяй рубашку под черкеской, а я приведу в порядок твою черкеску и серебряный пояс с кинжалом, а папаха в полном порядке. Кстати, ты знаешь, что все тебе очень к лицу?

– Ты мальчишка, Хаджирет! Тут не до шуток. Дом без женщины пустой, говорят. Спасибо Нат-Нат, она заставила меня надеть вещи для выхода и настояла, чтобы я взял с собой рубашку и носки.

Хаджирет с усердием почистил черкеску старшего брата, привел в порядок его обувь. Взял в руки папаху, хорошенько встряхнул, затем пригладил ворс, направляя его в одну сторону.

Хатам, стоя возле зеркала, усердно подстригал усы и бороду, увидев старания брата, горестно вздохнул:

– Эта папаха и серебряный пояс с кинжалом достались мне от моего отца, могилой которого стало море.

– А у меня на пустыре Ачкалы украли все, что оставалось от моих родителей...

– Что поделаешь? Мы пережили много бед, и хорошо, что наши родители упокоились, не познав их. Как бы то ни было, мы с тобой помним, кто заменил нам отца, чьей доброте мы обязаны нашим родством. Разве легко ему пришлось, воспитывая нас? С нашими характерами, Хад-

жирет, любой воспитатель с ума сойдет! Ты – своевольный, как ветер, я упрямый, как ...

Хатам не договорил, раздался стук в дверь. В комнату вошли два турка, видимо, портных, потому что в руках у них был чехол, под которым угадывалась новая форма Хаджирета. Когда началась примерка, Хатам присвистнул: на плечах брата золотой вышивкой сияли погоны бинбаши-майора! Мундир пришелся впору, он сидел на нем, словно влитой. Турки ушли, оставив братьев в полном изумлении.

– Что ж, твоя новая форма, брат, лучше старой. Пусть она принесет тебе счастье, носи на здоровье. Желаю, чтобы ты и эти погоны поменял на высшие...

Хаджирет осматривал себя в зеркале: по чину он теперь почти сравнялся с Баракетовым. Что задумала Бике, что означают эти почести? Они с Хатамом понимали, что повышение в чине означало только одно: приближенность к султанскому двору, это не прихоть султанши, это ее подарок и милость. Видимо, она понимала, что скоро уйдет из жизни и высоким чином хотела защитить Хаджирета от будущих нападок турок. А в том, что это произойдет, Бике не сомневалась, как не сомневались и братья. Даже их соотечественники Марзухаев, Баракетов, Берзегов, разве они не встанут тайно поперек дороги Хаджирету? Встанут, потому что не простят его стремительного возвышения. Хатам подошел к тахте и сел, сцепив руки. Ему не хотелось портить праздник брату, но он не утерпел:

– Вот только не знаю, что хорошего она принесет нам, бедным адыгам... Вчера ты был чавуш, а сегодня как называется твой чин?

– Бинбаш. С сегодняшнего дня, по указу турецкого султана, мне присвоено это воинское звание.

– Валлахи, как интересно: сам султан занимается тобой, чего они хотят от тебя?

– Я не знаю, мне тоже интересно.

– Будь бдительным, Хаджирет! Турки – известные лисы, не втянули бы тебя в какое-нибудь бесславное дело.

Отец не выдержит этой обиды. А у нас даже обратиться за советом не к кому. Ведь Марзухаев и Берзегов, обнимая тебя, могут и задушить.

– Мне кажется, Хатам, это по велению Бике нас пригласили в султанский дворец.

– Так бы и сказал, пусть добро будет твоим спутником, а то я уже не знаю, что и думать.

– Я повторяю: мне так кажется, но наверняка ничего не могу сказать.

– Надо бы как-то узнать. Вспомни пословицу: «Иногда приходится разговаривать со своим конем».

– В армии не спрашивают, а выполняют приказы.

– Нашел причину в свое оправдание...

За окном послышался скрип подъезжающей кареты, Хаджирет выглянул в окно:

– Ого! За нами прислали султанскую карету!

– Прислали – поедем,– Хатам надел папаху, быстро встал, будто его одного пригласили, и вышел из комнаты.

Хаджирет последовал за ним. Его одолевало беспокойство, что Хатам во дворце может сказать лишнее, и осторожно, чтобы не обидеть, предупредил брата:

– Во дворце султана, Хатам, много слушают, но мало говорят.

– Успокойся, брат. Ты же не думаешь, что адыги потеряли уважение и терпение?

– Если будем вести себя без уважения и терпения, мы погибнем. Я просто предупредил.

– Не волнуйся, я хоть из аула, но наши законы адыгэ хабзе, может, будут выше султанских.

Карета въехала во двор султанского дворца и повернула в сторону женской половины. Только тогда Хаджирет поверил, что, как и в первый раз, их пригласила султанша. И тут же перед мысленным взором возникла Гошмаф. Он посмотрел на Хатама, который завороженно, как прежде он сам, рассматривал султанский двор и твердой походкой, будто бывал здесь неоднократно, пошел к входу во дворец.

– Да, Хатам, теперь я могу с полной уверенностью сказать, что пригласила нас Бике. Вон эфенди Саид уже ждет нас у дверей.

– Это он стал братом дочери Баракетова? Он молод, мой ровесник, возможно и моложе. Хорошо, если султанша примет нас, но было бы еще лучше, если бы хозяином нашим стал сам султан.

Братьев завели в ту же приемную, где в прошлый приезд сидели Зауаль и Хаджирет. Хаджирет пробежал глазами по комнате, стараясь заметить изменения. Но все оставалось прежним, не считая темно-коричного ковра. Еще на золотисто-серебряном столе, стоящем у стены, он увидел новый Коран в красивом зеленом переплете.

– Ты почему, Хатам, ничего не говоришь?

– Что говорить, если ты, младший брат, велел следить за словами? Называя себя адыгами, мы прожили в этом мире пустую жизнь, Хаджирет.

– Ты, что, Хатам? Почему так пал духом, что случилось?!

– Я не слеп, имею сердце, и за последние несколько дней увидел много такого, о чем стоит подумать, и это может привести меня в уныние, брат. Какой несчастный и какой бедный наш народ... Эфенди рассказывали нам о рае, и мы мечтали о нем, но ты видишь, в какой рай мы попали на этом свете.

Подошел эфенди Саид, увидев, что братья тут же прекратили разговор, сказал:

– Извините, что я прервал вас. Великая Бике, чьими гостями вы являетесь, чуть задержится, а пока выпейте чаю. Мы не чужие, и если у вас не тайный разговор, я присоединюсь к вам.

– Ты прав, эфенди Саид, прав. Мы в доме нашей великой Бике, пусть Аллах благословит ее, сидим за ее столом, какие тайны могут быть между нами?

Хатам выдержал паузу. Он уже почувствовал себя уверенней и, собравшись с мыслями, продолжил:

– У вас есть страна, вы живете согласно указам своего султана, и помимо Стамбула на востоке и западе

Турции много городов, в которых проживает ваш народ. Всего этого не было у нас, в той стране, из которой нам пришлось уйти. И не могло быть по-другому, потому что райская земля, доставшаяся нам от предков, была лакомым куском для многих. Мы сами не создали своей страны с единым правителем, а когда пришли завоеватели, вынуждены были защищать ее народными силами, у нас не было армии.

Хаджирет, удивляясь услышанным словам, взглянул на старшего брата. А тот, понимая, о чем он беспокоится, тихо сказал:

– Да, брат, да, ты знаешь, нет во мне хитрости. Если ты считаешь, что я не прав, поправь меня, соблюдая адыгэ хабзэ.

– Ты, Хатам, прав, а слова твои – слова много пережившего и много выстрадавшего адыга.

В эту минуту вошел слуга:

– Вас приглашают к великой султанше.

Все встали, эфенди Саид шепнул Хатаму:

– Вы защищали свою страну, а не вели войну, чтобы обогатиться.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Масхаб Багов занимался обычными делами, не зная, что в это утро в Тырговиштское ущелье, в Абадзех, в его дом направился свадебный поезд. Он состоял из трех султанских карет: в первой ехали Хатам Багов и заместитель начальника султанской охраны каймакам Айкан Туркан, во второй – четверо: молодожены Хаджирет и Гошмаф, эфенди Саид, названный брат невесты и молодая служанка, сопровождавшая невесту. Третья карета везла сундуки с одеждой невесты и подарки для родителей жениха. Впереди карет скакали вооруженные всадники, освобождавшие дорогу от встречных экипажей. Замыкала

движение праздничного кортежа вооруженная охрана из трех всадников.

Каймакам Айкан Туркан подсчитал, что на это путешествие уйдет семь дней: вместе с остановками на обеды и ночлеги, в начале седьмого дня они должны достигнуть Абадзеха.

Хатам оказался в ситуации, в которой ему еще не приходилось бывать. Он сам был неженатым человеком, а потому не знал, с чего начать разгребать свалившиеся на него хлопоты, как нужно исполнять обязанности брата жениха. Его смущало, что семья Баговых не из зажиточных, она, если сказать правду, едва сводила концы с концами. Это в султанском дворце была роскошь: вельможи, знатные люди, приближенные к султанскому трону были наряжены в дорогие кафтаны, в белые и зеленые чалмы на головах. Даже у менее знатных одежды были белые, чалмы голубые, кованые золотом и серебром пояса. Кого он там только не увидел: и богачей, и военачальников, и родичей султана, и слуг. Голова от роскоши шла кругом. А теперь эти три кареты могут свести с ума не только соотечественников, но и сербов, болгар, албанцев, турок. И, конечно, всех будет волновать сумма калыма за невесту.

«Калым как-нибудь соберем,– думал Хатам.– У нас несколько овец, два годовалых бычка, несколько копен сена на пригорке, сапетка кукурузы во дворе, вот только не знаю, хватит ли той суммы, которую мы выручим от их продажи. Надеюсь, Бике и султанский двор знают наши возможности. А как отнесутся наши бедные соплеменники к тому, что мы станем родственниками султана? А что скажет отец? Не станет ли обвинять меня, что я, как старший, не остановил Хаджирета, чтобы спросить его волю? Но как я мог противостоять великой Бике?»

Кому другому султанский свадебный поезд был бы великим счастьем, а Хатаму он тревожил сердце, будто эта свадьба ставила его семью на край гибели.

Он вспомнил, как присутствующие склонили головы перед Хаджиретом и Хатамом, а зависть сквозила через их прищуренные глаза, и не легкость от счастья брата, а

тяжесть наваливалась на Хатама. Как поступить? Он молчал всю дорогу, хотя спутник все время пытался его разговорить. Привыкший к повиновению старшим, Хатам не находил покоя.

Жизнь человеческая похожа на жизнь деревьев, противостоящих жаре и холоду, засухе и обилию дождей. Одни деревья от ветра гнутся к земле, другие ломаются. Людей тоже ломают обстоятельства. Лишь самые сильные, даже страдающие от ран выживают, становясь еще выносливее.

«Жизнь иногда так играет людьми, что не знаешь, как ее понимать. Семья Баговых тому пример: Хаджирет служит туркам, Дарихан ушла к болгарам, жена отца – русская по крови, сам Хатам еще не прибился ни к какому берегу. Как поступить, чтобы сохранилась семья, в тяжелое время нельзя думать лишь о себе, а жизнь иногда не дает времени подумать, чтобы принять правильное решение.– Придерживая рукой кинжал, Хатам, как четки, перебирал набегавшие мысли.– И это касается только одной семьи Баговых! А сколько таких семей разбросано по чужим краям? Кто им даст дельный совет, кто направит на правильный путь, кто поможет сделать верный выбор? Баракетов, Берзегов, эфенди Марзухаев или эфенди Хазрет? Никто из этих заблудших не знает дороги, они сами живут впотьмах! Они не могли ужиться друг с другом на родине, но и здесь ведут друг против друга такую же тайную, подлую борьбу. Чего только стоили Мурад-бей и Албан. Но есть Аллах, который слышит наши обиды и отчаяние. Он над нами, Он все видит, все понимает и каждому воздает по его поступкам. Такие, как Албан, не заслуживают даже золы из ада, и я не жалею, мой Аллах, что поступил так с Мурад-беем!»

Дорожная пыль слегка покрыла лицо и одежду, уже скоро пригорок, на котором раскинулся Абадзех. В счастливый для младшего брата день Хатам был весь в сомнениях. «Так не пойдет! – приказал он себе,– надо продумать свои обязанности. Это уже случилось в нашей жизни, обратной дороги нет, не надо быть малодушным! Впереди

много дел, но сейчас надо подумать, к кому на первое время отвезти невесту, согласно нашим обычаям. Но какой тут вопрос, у нас есть Дарихан! Да, но она живет в болгарском селе, понравится ли султанскому двору, если мы остановимся там? Пусть думают, что хотят, но я не повезу невесту мимо дома сестры. Хаджирет, следуя адыгэ хабзэ, на время свадьбы остановится у Касима. Тодор, конечно, не знает, что невесту сразу везут не в дом жениха, а к какому-то из близких родственников. Ничего, объясним. Но, Парванов и остальные болгары, вечные противники турок, что они скажут? Не знаю, не знаю. Я знаю одно, для каждого народа свадьба – радость, счастье, а не война...»

В стороне за лесом блеснула молния и прогрохотал оглушительный гром. Гроза вывела Хатама из размышлений:

– Что это такое? Почему грозное, гневное небо метает такие молнии?..

Айкан Туркан, очнувшийся от дремоты, посмотрел в сторону, где еще раз сверкнула молния и сказал:

– Это в Косово, там всегда идут дожди с градом и грозой. Сюда он не дойдет.

– Если так, хорошо...

– Не сомневайся,– сказал Айкан, и, перебирая четки, продолжил: – Мы много раз это наблюдали. Сейчас минуем этот пригорок, поднимемся еще на один, и покажется гяурская сторона, куда мы едем.

– Ты о чем говоришь?! – Хатам, конечно, понял, что он говорит о болгарах.– На той стороне живут черкесы, чечены, абхазы, балкары, ингуши, карачаи. Кого я еще не назвал? Да и десятки турецких селений.

– Да, да, и вы, и наши соплеменники турки там живут. Посланник Аллаха, светлейший султан верит, что вы сдержите обнаглевших болгар. Сегодняшняя свадьба – свидетельство тому, что вы стали частью султанского двора. Поэтому султан надеется, что вы во всем будете его поддерживать.

Хатам вспомнил, как еще перед отъездом Саид предупредил: «Остерегайся офицера, который будет с тобой в

карете». И улыбнулся про себя: «Я видел и пережил то, что тебе и не снилось! И не думайте, что мы доверчивые простачки: смотрим чужими глазами, слушаем чужими ушами, верим всему, что рассказывают». А вслух проговорил:

– Мы преданы тем, кто верен нам. Но мне кажется, сегодня мы не можем обнадеживать друг друга. Ты стал моим спутником в этой счастливой поездке. Но это ничего не значит. Я лично не считаю себя подданным Турции, которая верит мне, я чужой и на Балканах, куда нас воткнули, как палку в землю.

Злобные огоньки появились в глазах Туркана, он спросил с нескрываемой заинтересованностью:

– И что ты еще думаешь?

– В турецкой армии служит мой брат и отец нашей невестки Зауаль Баракетов. Я не стану таить того, что лежит у меня на сердце. Я не говорю, что ваш народ плохой, что у вас нет милосердия. Я ел ваш хлеб, пил вашу воду, поэтому не могу думать о вас без благодарности. Но я думаю и о болгарах, исповедующих другую религию. Они простые мирные люди, а так как я считаю их соседями, то неприлично говорить о них безнравственные слова. Если тебе что-то не понравилось в моих словах, извини.

«Юсеф не прав,– подумал Туркан.– Этот парень те так прост, как кажется. Знает, что сказать и как ответить, умело поворачивает разговор в нужную сторону. С ним надо ухо держать востро, применять в разговоре лесть и хитрость, не говорить о жестокости и притеснении. Что ж, будем улыбаться и хитрить».

Он усмехнулся про себя и подумал, как этот обросший черкес воспримет лесть в свой адрес. Он даже повеселел:

– Что ж, не каждый может говорить то, что думает, большинство лукавит, поэтому твои откровенные высказывания я считаю мужественными. Тем более многие преклоняются перед моей должностью, золотые погоны на них действуют завораживающе. Если бы эти слова сказал твой брат, я бы его не простил и у него были бы большие неприятности, несмотря на покровительство

Бике. Так что благодаря ей и предстоящей свадьбе я сделаю вид, что не слышал твоих слов. И еще: если бы ты был не черкесом, а греком или курдом, поверь мне, у нас бы дело не закончилось миром.

Увидев, что его слова не произвели на Хатама должного впечатления, Айкан злорадно подумал: «Посмотрим, что будет с вами, когда не сегодня-завтра не станет вашей бабушки, стремительно меняющей вам погоны. Мне столько лет обещают погоны миралая, а этому мальчишке уже все дано».

Хатам, будто не слыша угроз ни в свой адрес, ни в адрес брата, улыбнулся:

– Я верю, миралай, верю...

– Это не так. Об этом звании мои плечи пока лишь мечтают. Ты думаешь, звания зависят от службы? Нет, Хатам! Они неожиданно сваливаются на избранников судьбы, как палица Азраила. Все зависит от султана, все в его руках.

– Да что ты? – Хатам сделал вид, что удивился.– А мне показалось, что твои погоны полковничьи... Что с меня взять? Я крестьянин, не имею представления ни о турецких, ни о других погонах. Но есть примета: если желаемое уже прозвучало, значит, сбудется. Поверь мне, сбудется.

– Когда Аллах услышит твои слова и посчитает меня достойным, сбудется.

Спутник Хатама полез в свой кожаный саквояж, достал небольшую сумочку и продолжил:

– Я живу не ради званий и отличий, я служу большой стране и нашему великому султану. Но вот мы уже на вашем пригорке, настала пора выполнить поручение светлейшего султана.

Он протянул Хатаму сумочку, переливающуюся золотой и серебряной вышивкой.

– Что это?

– Я знаю, что наш светлейший султан щедр, но не имею представления о том, что там находится. Посмотри, что там, и подпиши эту бумагу в подтверждение получения султанского дара.

Хатам, открыв сумочку, увидел деньги. Это поразило его, но он сдержал чувства:

– Здесь деньги.

– Эти деньги – дар султана, их надо пересчитать.

– Зачем? От всего рода Баговых говорю «спасибо» тому, кто облагодетельствовал нас, и прошу Аллаха, чтобы его султанство было долгим, а подданные были с ним счастливы.

– Слова твоей молитвы и обещание верности я передам нашему светлейшему султану. Но деньги любят счет, поэтому я прошу тебя их пересчитать.

– Хорошо, как скажешь... Здесь тысяча турецких лир.

– Немало. На них целый месяц можно содержать армию,– с едва скрываемой завистью произнес Туркан. Потом окликнул возницу:

– Придержи коней. А ты, Хатам, поставь подпись под этой бумагой.

– Я обычно ставлю наш фамильный знак, знак Баговых. Я поставлю его, если тебя это устроит.– Хатам положил бумагу на колено, и на том месте, где ему указали, нарисовал колесо.

Потом махнул рукой вознице:

– Поехали! Было бы лучше, если бы дар султана ты дал мне не наедине, а перед людьми...

– Нет, нет! – прервал его Туркан.– Я не останусь на свадебное празднование. Я свое дело сделал, приказ выполнил, и когда достигнем места, выбранного для невесты, я оставлю молодой семье карету и отправлюсь в обратный путь.

– Что, так быстро?..

– Я солдат, и должен четко выполнять порученное мне дело. Что это? – спросил он, увидев протянутые ему деньги.– Это много...

– Возьми, это от души за все твои хлопоты, за участие в нашей свадебной поездке.

– Тогда спасибо. Пусть Аллах увеличит в сто раз ваше богатство. Я хочу внести и свои деньги в ваши свадебные приготовления: от души отдаю двадцать турецких лир.

– Спасибо... Пусть Аллах увеличит и твое богатство. Да, свадебные хлопоты на наших плечах, Айкан-бей. Ты, я вижу, знаком с черкесскими обычаями, поэтому дай мне совет: я хочу отвезти невесту в болгарское село Стефановку.

Туркан едва сдержался от негодования:

– Что за болгарское село?

– Там живет наша сестра: она замужем за болгарином, а по нашим обычаям мы должны невесту сначала отвезти к ней.

Неожиданное сообщение вывело из равновесия каймакама Айкана Туркана. Опасаясь за свою карьеру, он лихорадочно соображал, как ему поступить. Он понял, что может допустить оплошность, но с другой стороны, какое ему дело до их законов? «И все же, как не понятны эти черкесы,– подумал он.– Мы поселили их в самую гущу противоборствующих сторон, к ненавидящим нас болгарам, а им места мало в своих мусульманских аулах, перебираются жить в болгарские. Какое мне дело до их сел или аулов, я выполняю свое поручение». Успокоив себя, он коротко ответил:

– Как хотите. Названное тобой место – конец моего пути. Я не стану участвовать в ваших черкесских приглашениях и проводах. Скажи, а ты задавал этот вопрос какому-нибудь влиятельному человеку в Стамбуле?

– Султана не стал беспокоить,– серьезно ответил Хатам.– Но спросил совета у великой Бике.

– Это мужество, это мудрость. Тогда меня можно было не спрашивать.

Вскоре показалось село. На пригорке играли и сверкали на солнце золотые купола высокой церкви.

– Вот Стефанка. За поворотом увидим и наш Абадзех.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Хорошие новости, как и скорбные, быстро разлетаются по домам. Не успел свадебный поезд достигнуть Стефановки, а в Абадзехе уже говорили о том, что сам султан на трех золотых каретах прибыл к болгарам в сопровождении вооруженной конной охраны. Одни предполагали, что ничего хорошего его приезд не сулит, другие говорили, что это к добру, третьи просто разводили руками: мало ли что задумал отец всех турок.

Масхаб Багов не особо верил тому, о чем говорили аульчане. Что султану делать в Стефановке? Как говорится в пословице: «Когда ты богат, ближний не рад, когда ты нищий – не дадут даже пищи». А тут ни одного богатого на всю округу: ни в Стефановке, ни в Абадзехе. Берзегов, и тот живет в Стамбуле. Видимо, приехали чиновники, султанские прихвостни посмотреть, насколько сильны и здоровы болгары.

Он, улыбаясь, успокоил взволнованную Нат-Нат:

– Не беспокойся, эту новость сорока на хвосте принесла, тут что-то не так. Когда едет султан, он вперед себя посылает гонца, а здесь этого нет.

Нат-Нат прикоснулась платочком к увлажнившимся глазам:

– Да, Масхаб, и Асиет тоже так сказала, но не знаю, почему так волнуется мое сердце.

В это время во дворе послышался шум: кричали ребятишки, которые гурьбой бежали за золоченой каретой. Всадники, сопровождавшие карету, снисходительно смотрели на разыгрывающийся в Абадзехе спектакль: не так часто к ним приезжают султанские экипажи! Народ не знал, что и думать. Наиболее смелые и красноречивые громко переговаривались между собой, высказывая предположения, кто-то даже шутил. А когда карета остановилась возле дома Баговых, все двигавшиеся за ней остановились в недоумении, переговариваясь вполголоса, будто громким гомоном могли накликать беду.

Нат-Нат подошла к окну, отдернула вышитую васильками занавеску и с удивлением повернулась к мужу:

– Масхаб, карета подъехала к нашему дому.

– Наверно, шапсугов к нам занес осенний ветер! День в разгаре, столько работы, а они вздумали по гостям разъезжать... Погоди! Ведь это голос нашего Хатама?

В комнату вбежал Касим, который уже понял суть дела, он с порога, не дожидаясь Хатама, шедшего за ним, выпалил:

– С тебя, Масхаб, магарыч: у вас невестка.

– Парень, ты в своем уме? О чем ты говоришь? – Масхаб неодобрительно взглянул на Хатама.

– Да, тят, у нас невестка: Хаджирет женился.

– А мы с матерью узнаем последними? Что это за дела, Хатам? Какая невестка, где она?

– Невестку отвезли к Дарихан,– опередил Касим Хатама, который только кивал головой.– Хаджирет, по закону адыгэ хабзэ, будет жить у нас до конца свадьбы.

Масхаб поддерживал в сыновьях стремление к самостоятельности, но узнавать подобные новости последним, это уже слишком! Хатам мог бы выслать вперед гонца, чтобы тот предупредил семью о таких важных изменениях. Но в то же самое время он понимал, что сыновья попали в зависимые обстоятельства. Глядя на роскошь, с какой было обставлено дело, становилось понятно, откуда дует ветер.

– Кто невестка? – настороженно спросил сына Масхаб, он хотел получить подтверждение своим смутным догадкам.– Кто она?

– Наша невестка, тят, дочь Баракетова Гошмаф, воспитанница султанши Бике.

– Я так и подумал! Черкешенка, слава Аллаху!

– Пусть ее приход в наш дом принесет радость, пусть она станет невесткой, приносящей счастье и мир,– Нат-Нат со слезами на глазах искренне и горячо помолилась Аллаху.

Масхаб тоже прослезился:

– Да, да, пусть дочь Баракетовых, став нашей невесткой, принесет нам счастье! А сейчас надо собраться, чтобы

обсудить свадьбу. Нам надо соответствовать новой родне, чтобы не стыдно было за род Баговых. Касим, иди за отцом, позови и Коблева, хотя не стоит, они уже сами идут. А теперь, Хатам, начинаем свадебные приготовления, но сначала отведи Касима в овчарню, пусть за добрую весть он выберет себе самую жирную овцу.

– Масхаб, я пошутил, овца вам сейчас самим пригодится! Нет, нет, овцу я не буду брать.

Хатам, прислушивающийся к каждому слову отца, заговорил с Касимом сурово:

– Касим, ты не забывай адыгэ хабзе! Не надо смотреть на Баговых, как на нищих! Пошли, за хорошую новость платят, чтобы добро в доме увеличивалось. Твой друг женится, ты, что, не желаешь ему счастья?

Пришедшие поздравить Баговых засиделись до вечера. Они обговорили все детали свадьбы и окончательно решили: кого пригласить из знатных людей, как отнестись к близким родственникам невесты. Когда закончили многочисленные дела, радость наконец наполнила их души.

Разошлись затемно, Масхаб, Нат-Нат и Хатам остались втроем. Хатам рассказал отцу о поездке, о встрече с Бике, с султаном, с Марзухаевым, обо всех перипетиях, случившихся с ними в Стамбуле, о разговоре с офицером Турканом, сопровождавшем свадебный кортеж. Потом вынул из кафтана вышитую золотом сумочку с деньгами и протянул отцу:

– Это подарок султана.

Масхаб почувствовал, что неспроста султан передал деньги, что придется расплачиваться за дорогой подарок чем-то очень серьезным, поэтому не стал даже брать их в руки. В семье не надо было притворяться и что-то кому-то объяснять, потому он сказал Хатаму:

– Спасибо султану, но что мне делать с деньгами? Отдай матери, она лучше знает, как применить их с пользой для молодой семьи.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Свадьба – праздник не одного дня и не только новобрачных. Как камень, брошенный в воду, образовывает вокруг себя многочисленные круги – так и молодожены, а вокруг кольца родных, близких, друзей, соседей. Первый день свадьбы открывает череду веселых танцев, песен, игр, шуток.

Свадьба была в самом разгаре, когда в Абадзех прибыл нарочный из Белграда с приказом, в котором говорилось, что бинбаши Хаджирет Багов срочно отзывается в Стамбул. Служба есть служба, но было в этой поспешности нечто такое, что взволновало Гошмаф. Когда они выезжали из Стамбула, Бике уже почти не вставала с постели. Она быстро слабела, и с каждым днем ее нездоровье было все заметней. Гошмаф опасалась неизбежного, но старалась не думать об этом, и, успокаивая себя, срочность вызова мысленно связывала со службой мужа.

Живя во дворце, она научилась внешне не показывать того, что происходило на сердце. Этому ее научила бабушка-султанша, которой приходилось с первого дня замужества держаться не замкнуто, но закрыто. Иначе она бы не выжила в гареме султана и не стала бы великой Бике.

Так и сейчас: зачем беспокоить мужа своими догадками, видя с какой неохотой он прощается с родными. И, уже сидя в карете, дала волю своим мыслям: «Наш султан всегда был непредсказуемым, а потому его неожиданный вызов может быть и прихотью или каким-то поручением. Он любит давать приказы своим охранникам, в том числе и Хаджирету. Это может быть и его шуткой: сорвать праздник и посмеяться над этим. Он любит такие проказы! Жаль было расставаться с семьей Хаджирета, его отец, мать, сестра и брат – такие добрые, отзывчивые люди. Они приняли меня, как дочь, и я за эти дни полюбила их. Но что делать, если наш вызов связан с наной? Нет, нет, не хочу даже думать о плохом...»

Гошмаф вспомнились свадебные дни, многое из того, что там происходило навеяло на нее воспоминания из далекого прошлого. Когда солнечный осенний день сменился прохладным вечером и над Абадзехом разнеслись звуки трех шичепшин и двух бжемий, люди, кажется, забыли, что много лет они выводили только заунывную мелодию-плач. А теперь парни и девушки готовились к танцу, встав друг против друга на расстоянии вытянутой руки. Хатияко, распорядитель джегу-свадьбы, расхваливал парня, который должен танцевать. Тот, вскинув руки, как вскидывает крылья орел, встал на цыпочки и прошел по кругу, будто пролетел, выбирая глазами подругу для танца. Девушка выходит к парню вначале как бы несмело, но потом гордость и достоинство сквозят в каждом ее движении. Люди не могут удержаться от возгласов восхищения, хлопают в ладоши в такт музыке, подбадривая танцующих. И это еще больше вдохновляет парня, он птицей парит над девушкой-голубкой, и все шире и шире становится душа людей. Танец и музыка слились воедино и заполнили весь круг. Затем, чтобы успокоить разгоряченную молодежь, танцевали «зафак», потом «зигатлят», и лишь после этого наступил черед парного танца, из которого будто сам собой получился венок – круговой танец «удж». Гошмаф могла смотреть на танцующих без конца, даже танцы стариков вызывали восторг, от которого дух захватывало.

Она мысленно перенеслась на свою далекую родину, вспомнила джэгу, какие она видела там, и невольно сравнила их красоту и пышность со своей свадьбой. От сравнения защемило сердце: на ее свадьбе и молодые, и пожилые были одеты бедно. Подумала и устыдилась своих мыслей. Люди пережили столько бед, ведь ее саму купили на невольничьем рынке для гарема. А если бы случилось иначе, где бы она жила, как была бы одета?

Гошмаф вспомнила, как вчера, соблюдая адыгские обычаи, она впервые появилась перед Нат-Нат, вспомнила знакомство с золовкой Дарихан и ее мужем, их забавного Стефанку, и мысли потекли в другую сторону:

«Как красивы девушки, которые были со мной в комнате для новобрачных, а парни – один пригожее другого. Слова наны, сказанные ей в первые дни знакомства, обрели свое значение: «Все народы красивы, дочка, но наш – самый красивый!» Мысли о нане снова всколыхнули в сердце тревогу: «Конечно, ее немощь связана с возрастом, шутка ли – девяносто лет! Почти век. Она никому не показывала, как ей плохо, а уже когда совсем стало худо, настояла на свадьбе Гошмаф с Хаджиретом, зная, кому отдано ее сердце. Не только не стала препятствовать счастью, но и ускорила его, отпустила от себя любимицу, хотя нуждалась в ней ежеминутно. Как бы ей не стало хуже, как бы не случилось беды, зачем нас вызвали так поспешно? Мой Аллах, благослови нас, будь милосердным к нам, дай нане здоровья, пусть она живет долго, радуясь нашему счастью. Многие обижаются на нее: турки – за то, что у нее черкесское сердце, а адыги укоряют в том, что ее сердце стало турецким. Но никто не знает ее нежное, заботливое, беспокойное сердце лучше, чем я...»

– Гошмаф, ну что ты пригорюнилась? – Хаджирет приобнял жену, погладил ее тонкие пальчики,– как говорит отец, всегда нужно надеяться на лучшее. Все будет хорошо.

– Не знаю, Хаджирет, не знаю...

– В нашем ауле жил один мудрый старик по имени Чермит...

– О каком ауле ты говоришь? О том, что остался за морем, или об Абадзехе, который стал и моим? Извини, Хаджирет, я тебя перебила.

– Мне приятно, что наш аул, построенный в изгнании, ты признала своим. Но еще приятнее, что ты не забыла аул, оставленный на родине. Так вот, этот мудрый Чермит говорил: «Надежд и разочарований под небом много, только вот мир один, потому он и дорог».

– Да, да, так же говорит нана. Раз есть добро, не будем думать о плохом. Столько бед пережили люди, среди которых я оказалась благодаря тебе, но они такие чистые

и милосердные! Знаешь, слезы сами собой наворачиваются на глаза.

– Погоди, Гошмаф, погоди. Я знаю, что твоя душа болит за бабушку, но не тревожься. Говорю же, что все будет хорошо. Ты мне веришь?

– Я действительно волнуюсь за нану и хочу ее увидеть как можно скорее. Но слезы мои связаны с другими переживаниями: все эти годы она старалась, чтобы я не забыла язык своей матери, поэтому мой брак связывала с адыгами. И вот сегодня я говорю на нем, я увидела, что основа нашей жизни – адыгство, наше адыгэ хабзэ. Вот поэтому и слезы на глазах.

– Ну, нашла из-за чего расстраиваться! Язык, адыгство – все это всегда с нами. Мне кажется, ты слишком серьезно к этому относишься.

– Нет, нет, то, что ты услышал, имеет для меня серьезное значение, я пожила во дворце, у меня есть основание так говорить.

Слова, сказанные Гошмаф о Бике, вернули Хаджирета в Абадзех. Он прикрыл глаза и, как наяву, увидел друзей отца, собравшихся у него в хачеще. Три друга, три соседа – Масхаб, Дзегашт, Гарун. В бесконечных спорах Масхаба Багова и Дзегашта Наурзова был один судья – Гарун Коблев. Гарун, глава-мухтар Абадзеха, улыбаясь, сидел и спокойно слушал их. Масхаб и Дзегашт доходили до того, что винили в адыгских бедах султаншу Бике. Свои поражения, скитания, бесконечные бедствия они не связывали ни с адыгскими предводителями, ни с русским императором, ни с турецким султаном. Винили Бике, беда которой когда-то обернулась ее личным счастьем.

Хаджирет был счастлив и несчастлив одновременно. Мысли в голове обгоняли одна другую: «Гошмаф и Бике стали моей семьей, близкой, родной, я чувствую их тепло и ласку, которых был лишен с детства. Эти две мои семьи, как два отдельных мира, которые невозможно было соединить, если бы не султанша и ее мудрость. Отец, конечно, принял Гошмаф сердечно, искренне, но как его примирить с обстоятельствами, возникшими неожиданно, как бы

сами собой? Как объяснить ему, что мы с Гошмаф стали семьей благодаря Бике и моему тестю, который полностью отуречился? Мне кажется, что и Хатам, охотно поддержавший мое решение в Стамбуле, тоже сейчас на их стороне. Да пусть говорят и думают что угодно, пусть осуждают и винят кого угодно. Из Абадзеха мир виден не дальше леса, легко судить того, кого знаешь лишь понаслышке. Никто из них меня не заставлял поступить так или иначе, у меня свои глаза и сердце, а на голове папаха, и я поступил так, как должен был поступить».

Открыв глаза, он увидел дремавшую к углу кареты Гошмаф. Для него она была словно с другой планеты, и мог ли он, аульский парень мечтать о таком счастье? И она не отвергла его, родная дочь Зауаля Баракетова, внучка султанши Турции. Без нее он прожил бы жизнь в окружении таких же обиженных судьбой людей, занимался бы тем, чем занимаются они: землепашеством, овчарней, лошадьми, охотой. Как волки рыскали бы они с Касимом по чужим овчарням, воровали бы овец, угоняли коней, потом запекали мясо на костре и мечтали о красивых девушках из ближних аулов. И это была бы их естественная, обычная жизнь, какой живет сейчас Касим. Даже узнав, что надвигается война, еще более тяжелые годы, люди беспечны, и все их действия заканчиваются на языке.

Права Гошмаф, мир можно познать только в сравнении, казалось бы, Хатам, многое повидавший в Белграде и Стамбуле, в чем-то изменился, но в Абадзехе снова скатился до обывательских рассуждений: «Надеясь, отец выслушает меня и поймет, что разум и мудрость возьмут верх над чувствами, я рассказал ему все, что узнал и увидел за все это время в Белграде и Стамбуле: о Баракетове, Бике, султане, Саиде, Марзухаеве и о положении дел в Турции. При этом присутствовали друзья отца, горячие головы, которые с возмущением прерывали меня, и стало ясно: они не хотят знать такие подробности из жизни людей, ставших мне близкими. Ничего не изменило их мнение, ничего не изменило их сознание». Сердце Хаджирета щемило, он понимал, что мудрость дорогих ему людей оказалась мудростью народной. А тут была политика, которая постигается разумом более изощренным, более развитым и коварным.

«Тут разум должен брать верх над чувствами»,– подумал Хаджирет и посмотрел на Гошмаф, которая уже стряхнула с себя остатки дремоты.

Хаджирет притянул ее к себе, Гошмаф с радостью положила свою голову ему на плечо. «Саид,– думала она,– уже в Стамбуле, привез весточку со свадьбы нане...» Гошмаф представила, как она расспрашивает Саида со всеми подробностями о путешествии и самом празднестве. На свадьбе были представители почти всех родов, обосновавшихся в ущелье Тырговишты, и все передали ей привет.

Карета катилась быстро, всадники, скакавшие впереди, освобождали дорогу от случайных экипажей или груженых арб, чтобы не было никаких заминок. В это время отец Гошмаф, находящийся в Белграде, уже распорядился о настоящем празднике в честь замужества дочери.

– Хаджирет, мы совсем забыли про еду! Ты, наверное, голоден, утром выпил только чай. Я сейчас достану еду, что собрала нам в дорогу Нат-Нат.

– Нет, нет! Скоро будем в Белграде, там и пообедаем.

Вскоре показался Белград, уже виднелись сербские дома сквозь сады, посаженные вокруг города. Осень – пора урожая, крестьяне собирали спелые плоды в корзины, чтобы обеспечить запасы на зиму: сделать вино, сварить повидло и варенье, а поздние сорта фруктов сложить на зимнее хранение. В воздухе висел аромат яблок, груш и винограда.

В Белграде их встретил довольный событием Зауаль Баракетов, он уже был готов к приезду молодоженов. Но они на предложение праздничного застолья ответили категорическим отказом. Гошмаф сразу поинтересовалась вестями из Стамбула:

– Тат, есть новости из Стамбула? Я волнуюсь за здоровье наны.

– В Стамлубе и в стране спокойно, дочка. Правда, султанше Бике, несмотря на лекарей, не стало лучше. Но трагического известия не было, значит, Гошмаф, застанете ее живой. Ты же знаешь, я один из тех, кого о всяких событиях оповещают в первую очередь. После того, как вы связали свои судьбы, я бы хотел отпраздновать это событие, сегодня переночуете здесь, а завтра с утра поедете.

– Пообедаем с тобой, немного отдохнем и отправимся в путь. Нам дорог каждый час, сам понимаешь причину спешки.

– Как скажешь, дочь, но я спрошу и зятя. Что скажешь, Хаджирет?

– Никаких разговоров, после обеда – в путь.

Когда показался Стамбул, солнце клонилось к закату. Въехав в султанский дворец, они остановились у крыльца султанши. Гошмаф торопливо вбежала в покои Бике. Бабушка лежала за шелковой занавеской, и по тому, как обрадовалась, было видно, с какой надеждой она ждала Гошмаф. По бледному лицу, взгляду, полному нежности, нетрудно было догадаться, что происходило в ее сердце. Рядом с Бике сидела молодая турчанка, которая ухаживала за султаншей в отсутствии Гошмаф. Гошмаф без слов прильнула к старческой руке, потом легла на нее щекой, чтобы бабушка не видела ее слез.

– Ну, ну, милая. Не стоит плакать. Здоровы ли твои новые родственники? Как доехали, не была ли трудной ваша дорога?

Гошмаф снова прильнула губами к руке султанши, а когда подняла голову, увидела, как ее бледные щеки стали розоветь. Сердце Гошмаф затрепетало в ответной любви и нежности:

– Все здоровы, милостью Аллаха, нана. А дорога была трудна только потому, что пришлось долго ехать к тебе...

Султанша подняла руку в знак молчания, и Гошмаф остановилась на полуслове. Затем Бике повернула лицо к турчанке и ласково попросила:

– Иди, Анур, отдохни, Аллах вернул мне ту, которая будет сидеть у моей постели.

Когда остались одни, Бике попросила в подробностях рассказать обо всем, начиная с отъезда из Стамбула.

Всякий раз Бике удивлялась сметливости Гошмаф: она замечала в событиях самых заурядных что-то необычное, а ее наблюдательность была выше всяких похвал. Если Гошмаф сравнивала что-то, то делала это без предвзятости, потому ее рассказ обретал образность, а события получали реальность.

– Значит, в Болгарии дела турков, адыгов, болгар таковы, как ты сказала?

– Да, нана. Пока на той земле царят мир и покой, но бывают стычки.

– Как ты думаешь, Гошмаф, кто адыгам ближе – турки или болгары?

– Адыгам, нана, ближе адыги, а соседи – это соседи. Как они относятся к адыгам, такое отношение и к ним. Ни с турками, ни с болгарами адыги не сливаются воедино.

– Но твоя золовка замужем за болгарином?

– Он получеркес, нана, который здесь родился и вырос. Его мать – черкешенка, обучила его адыгским законам, языку. Но он одинаково любит и Черкесию, и свою Болгарию.

– О-хо-хо, дочка, когда нагрянет беда, как разделится его сердце? Я-то хорошо знаю, как разрывается оно, как болит. А как встретили тебя?

– Взрослые и дети, турки и болгары все очень хорошо ко мне отнеслись, не знали куда усадить, как мне угодить, нежили и почитали. Думаю, потому, что я твоя внучка.

Бике немного помолчала, будто собираясь с силами, потом сказала:

– Конечно, нежили и почитали. Но не думаю, что поэтому. Таковы наши соплеменники. Аллах, наверное, решил, что мы вместе должны пережить радости и беды. А то, что адыги, турки и болгары живут в мире, это хорошо, это лучше, чем воевать и убивать друг друга. Над нами одно небо и одно солнце. Но есть проблемы, связанные с религией, они рушат мир. И сегодня может случиться

такая война, потому что гяуры хотят иметь с магометанами равные права. Вот эту проблему решает султан.

– А ты, нана, как к этому относишься?

– Я хочу, чтобы все жили мирно, но этому не дано быть. Дай мне воды.– Бике, сделав несколько глотков, продолжила: – Ты знаешь, что адыги сравнивают воду с душой? «Псы» – вода, «псэ» – душа, слышишь, как они созвучны. Дай Аллах, чтобы тебя люди любили так же, как дорожат водой. Да, Гошмаф, дни моего недомогания стали днями твоей тревоги, прости меня. Должна тебе признаться: прожив много лет в этом мире, я не нашла ни счастья, ни родной души. У меня только ты, кто может прикоснуться ко мне перед смертью, кто будет оплакивать меня, поэтому запомни то, что я скажу тебе сейчас. Запомни и выполни это.

– Нана! – вскрикнула Гошмаф в отчаянии.

– Успокойся, моя девочка. Кричи, не кричи, но даже если этот крик отзовется в разных уголках султанского дворца, никто тебя не услышит. Не обманывайся блеском этого дворца. Тут жили в роскоши, но не были счастливы. Все правившие султаны и их жены, сыновья и дочери не были тут счастливы. Этот дворец похож на могилу, на каменный колодец, который завалили черной землей. Как только представится возможность, уезжайте. Для турецкого народа это место было местом мудрости, мужества, счастья, если я стану отрицать это, я жестоко обману себя, войду в грех. Но для нашего народа этот мир и этот дворец остался чужим. Перед уходом в иной мир я поняла это. Я сейчас жалею, что не вмешалась в судьбу моих бедных соплеменников, которым пришлось бежать со своей родной земли, и промолчала, когда большую их часть оправили на Балканы, и воспрепятствовала тем, кто хотел вернуться на родину. Запомни, Гошмаф, когда я отойду в мир иной – уезжайте, иначе вас раздавят, как раздавили многих адыгов. Благослови и сними с меня этот грех, мой Аллах.

В эту пятничную благословенную мусульманами ночь, после вечернего намаза султанша Бике, которую Гошмаф Багова звала наной, навеки закрыла свои глаза.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

После смерти Бике мало что изменилось: турецкий мир вокруг дворца и во дворце как жил, так и продолжал жить своими ежедневными делами.

Права была султанша в том, что сколько бы народов ни проживало в Турции, все говорили на турецком языке. И в первую очередь это касалось дворца: тот, кто хотел говорить на родном языке, мог это делать только за его пределами. Хаджирет и Гошмаф, возвращаясь в свою комнату во дворце, тихо разговаривали на адыгском языке.

– Хаджирет, послушай меня, мы не выполнили просьбу наны. Все откладываем отъезд на сегодня-завтра. А здесь затеваются дела, которые мне не нравятся. Я не понимаю, почему так неподобающе ведут себя со мной Мехмед Рушди и Хусейн Авни.

– Они, что, насмехаются над тобой?

Хаджирету не нравилось, что Гошмаф настаивает на том, чтобы он уволился со службы. Мало ли о чем просила Бике? Его недавно повысили в должности, он стал заместителем начальника охраны султана Абдул-Азиза. Его начальник, Айкан Туркан, доверяет Хаджирету сопровождение султана на важные встречи.

– Нет, они не смеют меня унижать, но они изменились, не такие учтивые, как прежде. Делают вид, что меня не замечают. После смерти Али-паши главным визирем поставили Махмуда Надима, а они его не признают.

– Может, из-за того, что он смотрит в сторону России?

– Может быть... Но нана предупреждала, что они ненавидят Абдул-Азиза, которому в глаза улыбаются, но не принимают. В этом он сам виноват! Уже нет наны, которая могла бы его остановить, заставить задуматься, поэтому он поступает так, как хочет.

– Может, напоминает тем, кто забыл, что он султан Турецкого государства? Я его охранник, и мне тоже многое не нравится в его поведении. Но не нам разбираться во всем этом, Гошмаф. Я подозревал, что после смерти

твоей бабушки султанский дом и двор не станут для нас спокойным пристанищем. То, что я вижу сейчас, убеждает: не будет здесь для нас мира. Закрывшись в своей комнате, пьяный султан пел песни, плакал, смеялся и кричал на всех, кто пытался его успокоить, бросался на них с кулаками.

– Рушди и Авни хорошо знают о его пристрастии, они сознательно подталкивают Абдул-Азиза к неблаговидным поступкам. Мой названный брат Саид – турок, но говорит: «Когда мои соплеменники начинают выяснять отношения, не то чтобы слово вставить, нельзя подходить к ним близко». Мы должны уехать, Хаджирет. Я знаю, куда мне ехать, вот только не знаю, что будет с тобой.

– А что со мной может быть? Что тебя беспокоит?

– Я свободна в своих передвижениях, а ты служишь в армии, у тебя путы на ногах.

– Не обманывай себя, Гошмаф. Мы семья, поэтому нет твоей и моей свободы, подумай о ребенке, которого носишь под сердцем.

– Ты не понял меня. Я имела в виду совсем другое. Не приведи Аллах, если случится война, если турки встанут против народов Балкан, как я могу не быть с семьей, которая мне стала родной благодаря тебе?

– Так вот ты о чем? Но твой отец здесь, рядом, не знаю, как ты поедешь в такую даль, в наш аул.

– Ах, значит, ты так думаешь? – Гошмаф игриво пощекотала Хаджирета своими тонкими пальчиками.– Я тебе уже говорила, и еще раз повторю: ближе тот, кому принадлежит мое сердце. Ты мне ближе всех, ты мой муж, значит, и твой отец мне ближе, потому что он ближе тебе.

– Понял, довольно, перестань меня щекотать!..

– Если понял, турецкий бинбаши, доверяй мне.

– Я доверяю тебе больше, чем своим погонам. Если бы твой отец не уговорил меня пойти на службу в турецкую армию, мы бы с тобой не встретились. Я рад, что все эти события соединили нас. Но не вижу радости в быстрой смене моих званий и должностей. Я знаю, что люди, приближенные к власти, неискренние и завистливые, а своими

интригами уже открыли себе двери рая на земле. Они живут в раю...

– Не дай Аллах, кто-нибудь услышит эти слова!..– встрепенулась Гошмаф, прервав Хаджирета. Она прикрыла рот руками и испуганно посмотрела на мужа.

– Не бойся, никто нас не слышит. Гошмаф, ты говоришь, что мы не выполнили завет бабушки, но в этом нет нашей вины. Ты же помнишь, как после траурных церемоний султан Абдул-Азиз пригласил нас к себе и пообещал, что во дворце нам будет жить спокойно и он сам проследит за этим?

– Говорил, но видишь... Ты ближе к султану и больше меня знаешь, что сейчас происходит, мне не стоит напоминать, что Рушди и Авни и не скрывают, что они живут и служат во благо Турции, но тайно вредят Абдул-Азизу. Они не успокоятся, пока не сместят с поста сторонника султана главного визиря Надима, потом доберутся и до нас. Где бы мы ни жили, у нас не будет нужды, нана оставила нам достаточное состояние.

Гошмаф заплакала. Она острее чувствовала подстерегавшую их опасность, потому что дольше прожила во дворце и знала всю его изнанку. Она предвидела самые худшие события, которые нужно было опередить, но Хаджирет такой упрямый!

Хаджирет обнял Гошмаф и стал успокаивать ее:

– Перестань плакать, успокойся, лучше давай подумаем, как нам быть. Если хочешь, я прикажу, чтобы тебя отвезли к нам домой, в Абадзех.

– А ты?! – вскинула голову Гошмаф.

– А я присягал султану, я его охранник и не оставлю его. Пойми меня.

– Тогда и я не оставлю тебя. Никуда не поеду!

Разговор Хаджирета и Гошмаф прервал эфенди Саид. Он вошел в комнату встревоженный:

– Я принес плохую новость: Махмуд Надим сложил с себя обязанности главного визиря, а его место занял Рушди, военным министром стал Авни.

Это случилось в 1876 году, 11 мая.

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ

Смещение главного визиря Турции привело дворец в оцепенение, придворные затихли в ожидании худших событий. Большинство политиков старались держаться от султана подальше, как от проигравшего. Всем было ясно чем это дело закончится, ведь в конце концов последнее десятилетие правила страной великая Бике, и после ее кончины дорога к власти оказалась открытой.

Гошмаф вместе со всеми жила в тревожном ожидании. И самым удивительным для нее было то, что смена власти происходила на глазах всего мусульманского мира, но никто не высказался в защиту визиря и султана. «Почему это так? – думала она и сама себе отвечала: – Потому что мусульманский мир сам переживает глубокие потрясения. На Балканах назревает война, и каждый думает, как она отразится на них, странах, окружающих Турцию и Балканы. Лучше отстраниться, сделать вид, что все идет своим чередом».

Молчание соседей, религиозных лидеров, серьезных политиков Европы укрепило позиции зачинщиков переворота. Вопреки обычаям, ни с кем не совещаясь, новый главный визирь Мехмед Рушди вместе с военным министром Хусейном Авни и взвалившим на свои плечи груз визира Ахмедом Митхадом отправились к султану Абдул-Азизу. Они решили довести начатое дело до конца, и в том, как они действовали, виделась тщательная подготовка. Стража, стоявшая у входа в покои султана, послушно расступилась перед первыми лицами государства. Султан, сидевший в кресле, понял, зачем пришли эти люди и готов был к благоразумным увещеваниям, но по виду заговорщиков увидел бесполезность своей затеи. Отчаянье сломило его. Султан сжался в комок: он понял, что казнь неминуема... Словно уловив его настроение, главный визир не стал церемониться:

– Тебе нужно объяснять, зачем мы пришли?

– Вы – безродные шакалы! Вы не имеете права снять с меня даже башмаки, не то чтобы управлять страной. Мерзкие предатели, которые ели из моих рук хлеб и халву!

– Давай без поэтических отступлений. Ты знаешь, зачем мы здесь, подписывай отречение от власти. Мы гарантируем тебе жизнь, отправив в один из твоих дворцов вместе со слугами. Ты будешь там жить в свое удовольствие: писать стихи, предаваться разгулу.

– Вы не посмеете лишить меня власти! Стража! Арестовать преступников!

– Вот как ты заговорил! Миралай Айкан Туркан, арестовать этого государственного преступника, бросившего страну накануне войны, предававшись порокам и разврату в то время, когда надо объединять все силы для борьбы с врагом! Арестовать и его сообщников! Вместе с Абдул-Азизом посадить их в крепость Фернесс!

Султан понял, что это конец. Глава его охраны приказал двум стражникам взять его под руки, вывести из дворца, посадить в карету и сопроводить в крепость.

В тот же вечер на турецкий престол взошел племянник Абдул-Азиза, сын старшего брата Абдел-Меджида 36-летний Мурад V.

Весть о том, что произошла смена власти распространилась по всей Турции через глашатаев, которые превозносили достоинства нового султана до небес. Причины смещения султана Абдул-Азиза не назывались, а народ, как всегда безмолвствовал...

Толпа бессловесных людей... Она привычно подчиняется любому султанскому повелению. И с кончиной султана она не ждала перемен, готовая внимать тому, кто сядет на трон. Поэтому никто из заговорщиков не опасался народных волнений. Но бессловесная толпа – это не народ, каждый человек в отдельности, дома или в чайхане люди вполголоса разговаривали друг с другом, думали-гадали: что же будет дальше? Так говорили не одну сотню лет, говорили их деды и прадеды, и только время показывало, что приносит смена властителя.

Свержение султана, за которым последовали многие бедствия, случилось 30 мая 1876 года.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Что такое год в сравнении с веками и тысячелетиями?

1876 год в истории Османской империи – это мгновение. Но в этом году шесть месяцев шла борьба за власть между кланами, и названы они были в народе – кровавыми.

Оставался неполный год до начала русско-турецкой войны 1877 года. Мурад V, на которого возложили всю полноту власти, оказался к ней не готов. Он получил высокое образование, знал языки, тянулся к европейской культуре, писал стихи, музыку, любил нарядные одежды и изящные вещи, тонкая красота с детства привлекала его, он не прочь был пригубить вино и слыл романтиком. И еще: в его характере просматривалась кротость, доходившая до блаженного состояния.

И теперь, получив трон, Мурад пребывал в блаженстве. Он был очарован дворцом, его богатством и роскошью. Прогуливаясь по утреннему саду, он слушал пение жаворонков и садовых горлинок, размышлял о своей судьбе. Мурад отчетливо понимал, что роль, которую ему навязали почти насильно, решительно не подходит для него. Султан инстинктивно чувствовал, насколько опасна эта игра, что нужно остерегаться всего, что происходит во дворце. И каким бы романтиком Мурад ни был, он не обольщался надеждами, что сможет стать правителем Султании. Он стал заискивать перед министрами, льстить визиру, подчиняясь его воле, что означало одно: пусть делают, что хотят, а он будет просто благоденствовать в этом мире. Но благоденствовать не получалось, в душе образовался некий сумрачный туман и появилась безотчетная тревога, доводящая султана до едва сдерживаемого безумия. Эти

приступы тоски и страха учащались, что привело к серьезному душевному заболеванию.

А узнав, что дядю-султана казнили, султаном-романтиком окончательно овладело безумие. В нем поселился непреодолимый страх, от которого он пытался спрятаться в запертой на крепкие запоры комнате. Мурада кидало то в жар, то в озноб, и он неуверенным голосом требовал привести старого верного слугу, чтобы тот находился с ним рядом, когда утомленный страхами султан наконец засыпал. Его преследовал призрак Абдул-Азиза, что окончательно повредило воспаленный мозг Мурада. Часами он сидел, обхватив голову руками и, раскачиваясь из стороны в сторону, подвывал, как это делает старая больная собака, чуя свою недалекую смерть.

Визир пригласил к нему известного австрийского психиатра Лейдерсдорфа из Вены. Старому профессору вначале показалось, что у Мурада приступ обычной душевной горячки и болезнь пройдет, как только отступит лихорадка. Но когда он внимательно обследовал больного, наблюдая за ним несколько недель, то с сожалением развел руками и объявил болезнь неизлечимой.

Весть о том, что новый султан сошел с ума, заставила правительство срочно искать ему замену. Шейх-Уль-Ислам принял фитф – религиозное решение – и через 93 дня после восшествия на престол Мурада V сместили. Определили ему местом жительства крепость Чигаран, где он и прожил до своей кончины в 1904 году.

Однако не следует думать, что устранение Мурада было на руку заговорщикам. Когда слишком часто менялась султанская власть, наступал кризис, особенно опасный в то время, когда страна находилась на пороге войны.

Все сложнее приходилось заговорщикам провозглашать имя нового султана. Времена менялись, и как объяснить знатным людям страны, почему трон для султанов оказывался жестким? Каждый решительный шаг нового правительства вызывал у знати свои размышления, каждый из них предполагал, что в султанском дворце идет кровавая борьба за власть. По сути так оно и было, кланы

враждовали между собой и не брезговали убийствами. Но Султании нужен был властный и крепкий правитель, ведь не секрет, что последние годы лишь великая султанша Бике оберегала трон от дворцовых интриг. С ее кончиной дворцовый переворот оказался неизбежным, а в сложившихся внешнеполитических обстоятельствах сменяющие друг друга султаны не выдерживали никакой критики. Кто-то должен был повернуть руль истории, чтобы спасти Султанию...

31-го августа 1876 года к власти пришел брат Мурада V Абдул-Хамид.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Нередко глубокое противостояние переходит в войну. Положение вассальных народов под колониальным гнетом можно сравнить с разгоряченным железом, попавшим между молотом и наковальней. Что станет с ним, знает только кузнец. Железо послушно воле кузнеца, но иногда, не выдержав напора молота, и оно выходит из повиновения.

В балканских селах на советах обсуждались народные волнения. Сегодня на сход руководителей сопротивления пришли крестьяне, чтобы послушать о положении дел. На поляне вкруговую сидели представители восставшей Герцеговины: Йован Гутич, Симон Зечевич, Илья Стеванович, Тривко Грубачич, Продан Рупару, Петр Радович. Говорили о том, что накопилось за все эти годы.

– Хватит, сколько мы еще будем оставаться для турок народом второго сорта! Сколько можно нас использовать как рабочую силу, обирать и унижать, почему мы на своей земле должны быть рабами? Они, не спрашивая нас, делают тут свои дела, а мы покорно прогибаемся под их интересы,– обратился к собравшимся Йован Гутич, глава герцеговинских повстанцев.– Люди больше не могут так жить, возмущение выросло до крайних пределов. Сколько нам еще

быть волами под турецким ярмом? Больше половины урожая забирают у нас в счет налога, мы не вольны в своей стране жить так, как нам хочется.

– Правильно! – поддержал Тривко Грубачич.– Они не могут слышать звона колоколов наших церквей.

– Им не нравятся наш язык, наша одежда, наши танцы,– загудели собравшиеся.

– Сколько им еще сидеть у нас на шее? Вдобавок заселили Балканы черкесами.

– Для них мы, что колеса с их карет! – вскочил худенький Перу Тунгуз.– Я покажу и им, и черкесам, каковы мы в гневе!

– Садись, Перу, садись,– успокоил товарища, сотрясавшего воздух кулаками, Йован Гутич и продолжил: – Если мы придем к единому решению, то с сегодняшнего дня будем готовиться к восстанию. По этому поводу я разговаривал с главой Черногории Николой Петровичем, но он вразумительного ответа не дал. Вроде обещает помочь...

– Его волнует, наверное, начнет ли Россия войну с Турцией... – задумчиво отозвался Продан Рупар.

– Но ему придется принять решение, он не сможет долго сдерживать гнев черногорцев, наших соплеменников. Думаю, он встанет на нашу сторону.

– Думать – это одно, а как он поступит на самом деле? – опять вскочил Перу Тунгуз.

– Погоди, успокойся, Перу, ты не один здесь,– одернул несдержанного Тунгуза Симон Зечевич.

– Как я могу быть спокоен? Мы много лет, как мышки, прятались в своих норках.– Перу, недовольно ворча, сел на свое место.– Я знаю, как с ними поступить...

– Ты сравниваешь нас с мышкой,– стараясь не обижаться на правдивые слова товарища откликнулся Гутич.– Но вспомни, как она бесстрашно бросается на кота, когда он загоняет ее в угол. За освобождение будем бороться не только мы, но и боснийцы, черногорцы, сербы, болгары. В прошлом месяце я был в Шумле, встречался с Парвановым и Димитровым. Они тоже готовы подняться.

– Нашел кому доверять. Что, кроме черкесского зятя Тодора Димитрова, там никого не нашлось? – бросил Перу.

– Тодор Димитров – не только черкесский зять. Он по матери черкес, по отцу болгарин. Пасынок, который зовет его отцом, турчонок.

Сидевшие, пораженные услышанной новостью, вскинули головы, переглядываясь друг с другом. Один Перу с готовностью подтвердил:

– Когда я вам это говорил,– ухмыляясь, сказал он,– вы не хотели слышать. Теперь вы поняли, что турки засадили наш огород своей тыквой? Одна плеть роднится с другой, и все они связаны между собой. Потянешь за одну, она тянет за собой другую...

Йован Гутич крепко стиснул кнут в сильных руках, готовый пройтись по спине болтливого юноши. Тот, увидев грозный взгляд руководителя повстанцев изобразил на лице кротость и смирение:

– Да, Йован, извини, что перебил. Сдерживая свое сердце, слушаю тебя.

– Мы все здесь сидящие – соплеменники,– продолжил разговор Гутич,– и у каждого из нас свои родители. Копнешь глубже, и среди наших предков вполне могут оказаться представители других народов. Но человека, более того, народ, оценивают не по шапке, не по языку, на котором он разговаривает, не по чертам лица, а по их поступкам. Все люди, живущие на земле, имеют свои различия, как разнообразна человеческая природа, как деревья, дающие разные плоды. Среди нас, собравшихся здесь, нет одинаковых людей, мы все собраны из такого разнообразия. В сравнении с нами турки – большая нация, но это не дает им права главенствовать над нами, унижать, обижать. Большой ты или маленький, но следует давать отпор тому, кто тебя обижает. Мы учим этому наших детей, но почему так не поступаем сами?

Он перевел дух, внимательно оглядывая лица людей. В их глазах он видел понимание и отзывчивость, в них загорались огоньки желания свободы, о которой даже не мечтали. Неужели они смогут сделать то, что не сделали их деды?

– Сегодня,– продолжил Йован,– нас собрала вместе наша память и надежда на возрождение. Через месяц соберемся тут же, чтобы решить, куда двигаться дальше. Помните, что руководители освободительного движения связывают с вами надежды на успех дела, следите за своими поступками и словами. Не открывайте наши тайные разговоры никому. Турки зорки и хитры, опасайтесь их осведомителей. Они, Перу, еще больше связаны друг с другом, чем тыквенные плети. Не забывайте прошлогодних событий, когда мы вынуждены были бежать в Черногорию потому, что туркам стало известно о готовящемся восстании. Спасибо Австрии, благодаря ее стараниям и хлопотам мы смогли вернуться в Герцеговину. Если бы Австрия тогда не приняла нашу сторону, мы бы сегодня здесь не собрались.

– Ты тоже не забывай, что Бисмарку это было выгодно, потому и встал на нашу защиту,– и на этот раз не сдержался Перу Тунгуз.

– В этом я согласен с тобой, Перу. Но это и для нас было выгодно, поэтому не будем указывать на благодетеля пальцем.

Перу Тунгуз хотел везде быть первым. Чтобы прослыть повстанцем, он с товарищами уничтожил турецкий обоз с оружием, а убегая от погони встретил вооруженных крестьян под руководством Йована Гутича. Через короткое время к повстанцам Герцеговины стали вливаться не только новые формирования, вступали люди, никогда не державшие оружия в руках. Освободительное движение разрасталось, вскоре повстанцы освободили и отрезали от Турции Невесинский, Бильечский, Столачский, потом прилежащий Черногории Гатческий и другие округа. К ним примкнули боснийцы, черногорцы, сербы, болгары. Первую победу они одержали в городе Невесине. В результате жесточайших столкновений были освобождены большие части территории Герцеговины, Черногории, Сербии и других мест. Но Турция не шла на уступки восставшим, она вела кровопролитную борьбу с ними.

Восстание 1876 года посеяло зерно будущего, и всходов ждать долго не пришлось. Россия, ослабленная Крымской и Кавказской войнами, старалась дипломатическими путями оттянуть начало военных действий. В ноте протеста было указано, что Турция не соблюдает Парижский трактат 1855 года, в котором говорилось, что она брала на себя обязательства об улучшении положения коренных народов на Балканах, уравняв религиозные права христиан с мусульманами. Дипломатическая переписка не достигла цели. Пользы не принесли и встречи стран, организованные в Стамбуле и Лондоне. Лондонский договор Турция не подписала.

Это обострение тут же сказалось на дипломатических отношениях стран, имеющих свои интересы в Турции. Завязывался тугой узел, который разрубить была в силах только война.

Затянувшаяся война на Балканах показала, что успехи турок в Сербии и Черногории усилили мнение внутри Османского правительства о продолжении борьбы с повстанцами, считалось, что таким образом они оградят себя от влияния на Балканы западных держав.

Россия расценила неуступчивость Турции как пренебрежительное отношение к международному праву, считая недопустимым проведение геноцида в отношении балканских христиан, и 24 апреля 1877 года начала войну со страной, которая меняла своих султанов.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

Когда наступают тяжелые времена, приходят раздумья. Султан Абдул-Хамид, восшедший на престол после своего брата султана Мурада V, был свидетелем борьбы за власть двух враждующих кланов. Прежние султаны были слабыми – это факт, но как быть сильным среди предателей? Придворная знать за два дня сместила визира и законного

наследника трона Абдул-Азиза, затем Мурада объявила сумасшедшим.

Абдул-Хамид обдумывал, как укрепить власть, вспоминая правление своих великих предков, создавших великую империю, историю правления каждого он знал с детства.

Любое дерево, если корни слабые, упадет – это дело времени и обстоятельств. Так и власть, она должна создать такую корневую систему, чтобы ничто не смогло раскачать ее основ.

Слава Османской империи завоевана мечами и копьями, пушками и ружьями, когда в мае 1514 года турецкая армия под предводительством султана Селима Явуза, сына великого завоевателя султана Баязида Дервиша, выступила за пределы Османской империи. Миновав Сивас и Эрзурум, она вторглась во владения иранского шахиншаха Исмаила I, который правил Ираком, Ираном, Афганистаном и Средней Азией. Армия шахиншаха была разбита, а он сам спасся бегством.

Еще не осела пыль от копыт конницы на поле сражения, как Селим Явуз двинулся в столицу шахиншаха – Тебриз. Никто ему не чинил сопротивления ни в пути, ни в столице. Заняв резиденцию шаха, Селим опустошил казну. Несколько дней янычары разоряли город, каждому хотелось увезти добычу домой, поэтому они потребовали от военачальников возвращения в империю. Опасаясь холодной зимы, Селим покинул Тебриз, захватив гарем шаха, лучших ремесленников и мастеров, и пошел в Константинополь через Ереван, Карс, Эрзурум, Сивас и Амасью.

В 1515 году Селим Явуз уничтожил династию Зу-ль-Гадиров, правивших в буферном государстве Эльбистан, обезглавил султана Ала ад-дина и начал готовить поход против Египта.

Между Селимом и султаном Египта черкесом Кансавгуром был заключен мирный договор. Но Селим обманул его. Под видом дипломатической встречи в июле 1516 года он приехал в Каир, якобы обсудить торговые дела, а

в августе турки вторглись в пределы Египта – турецкие пушки взорвали тишину Марадж-Дабикской степи. В апреле 1517 года турецкому султану Селиму Явузу были переданы ключи от мусульманских святынь Мекки и Медины. Торговый монополист Венеция стала платить дань за Кипр туркам, как когда-то платила Египту. Всего за четыре года Османская империя выросла вдвое.

Великие османы захватили Египет и Восточную Римскую империю – Византию, а ее столицу Константинополь переименовали в Стамбул.

Три века спустя турки могли бы побороться и за Кавказ, но политический расклад был не в их пользу. Русско-Турецкая война могла расшатать основы самого турецкого государства, пришлось откупиться Черкесией, подписав Адрианопольский договор.

Многие страны и теперь завидуют Турции – она хозяйка проливов Босфор и Дарданеллы, которые соединяют Черное и Средиземное моря. Константинополь, который русские называли Царьградом, стал столицей османов – Стамбулом.

Но прежние завоевания великих султанов остались только в истории, теперь империя потихоньку рассыпалась.

Абдул-Хамид, втайне мечтавший о султанстве, получив трон, знал, какие интриги плетутся, какие коалиции складываются за тронным залом. Он понял, что, получив власть, будет трудно ее удержать, если самому не стать хитрее и коварнее своих противников. Ведь и сегодня еще живы предыдущие султаны, но один отрекся, другого сразила болезнь. Что это за болезнь? В роду султанов, в веренице наследных принцев ни у кого не было сумасшествия. Кровь наследников чистая, жен подбирали из чистокровок, дети наложниц не имели права на трон. Так что за болезнь у султана Мурада? Ведь это не холера, не чума, которыми можно заразиться.

Трон хоть и с мягким сидением, но на нем жестко сидеть, в любой момент может закачаться, хоть и стоит на четырех крепких ножках. Да, трон – это только место

представителя власти, а решения властителя должны быть в его жестком сердце, будто избитом кнутом!

В кабинет султана с поклоном вошел визирь Мидхат-паши Ахмед Шефик.

Султан хорошо знал, чего от него ждать, а потому, действуя хитростью, спросил участливо:

-– Как себя чувствует Мурад? Как его здоровье, не лучше ему? Где он сейчас?

– Мы посадили его в крепость Чигаран на Босфоре.

– Посадили или поселили? – переспросил Абдул-Хамид, будто не понимал сути сказанного.

– Поселили, посланник Аллаха, чтобы там он мог спокойно отдохнуть.

– Хорошо... Прикажи ухаживать за ним, он ни в чем не должен нуждаться. Я навещу его и проверю лично, как исполняются мои распоряжения. И если будет что-то не так, виновника лишат головы! Пока не допускайте к нему тех, кто может потревожить его, вызвать приступ болезни. И подготовьте мне данные для встречи с русским послом Игнатьевым. Он обеспокоен положением славян на Балканах и просит аудиенции. Для этого прошу собрать о нем все сведения, вплоть до того, каковы его привычки, слабости, его мысли и настроения, положение и авторитет в международном пространстве, а также высказывания в прессе. Мне нужно знать, каковы могут быть его требования по балканским народам.

Визир опешил: он не ожидал, что молодой султан с манерами европейца и тонким, умным лицом, обладает государственным мышлением! «Вот так дело, как бы нам не обмануть самих себя! Когда его избирали султаном, он чуть ли не пузыри пускал изо рта, а теперь и не знаю, что дальше делать». И холодный страх пополз по спине визиря.

Он поклонился султану, стараясь не выдать своего тайного страха:

– Мы уже подумали об этом, посланник Аллаха. Мы готовы хоть сейчас представить эти сведения.

– Хорошо... Принесите завтра после обеда, и если что-то понадобится еще, скажу. До встречи с послом три

дня, напомните мне об этом утром того дня и приготовьте встречу по европейскому этикету.

Визир, как этого не делали со времен великих султанов, низко наклонился и попятился к двери.

– Погоди,– остановил его султан.– Ты ничего не доложил об Абдул-Азизе. Где он, как его здоровье, доволен ли он своим содержанием?

– Да, посланник Аллаха, он жив, здоров. Он... в крепости Фернесс...

Побоявшись гнева султана, визир умолчал, что Абдул-Азиз на третий день отстранения от трона был убит.

– Пока не состоится суд, следите за ним, он склонен к неожиданным поступкам...

Визир продолжил пятиться, пока за ним не закрылась дверь.

Султан Абдул-Хамид, оставшись один, вспомнил бабушку, которая прививала им любовь к Султании, к власти, к роду великих османов, хотя сама была из черкешенок. Она обладала особой мудростью, которую, наверное, унаследовала от своих предков, потому что султаны, привыкшие к роскоши и интригам, забывали о том, что такое настоящая власть. Взять того же Абдул-Азиза, сколько раз великая Бике укоряла его за беспорядочную жизнь, говорила, что придворный этикет требует одного, а власть – другого. Нельзя жить только одним или другим, вот и поплатился!

Так, в раздумьях он вышел в сад, чтобы прогуляться по тенистым аллеям, разделить с прохладой свои переживания. «Нет, надо искать верных людей, готовых за тебя идти в огонь и воду, как говорят европейцы. Надо найти верных военачальников из тех, кто стоит пониже, кто еще не успел ощутить свое положение и власть и отслеживать каждый их шаг, чтобы знать, чего от них ожидать. Визиры и подкупленные военачальники из личной охраны султана думают, что я слишком доверчивый, но сегодня одному из них я показал свои зубы... А завтра, если понадобится, покажу свой меч и плаху палача».

Несчастье султанов-предшественников обернулось для Абдул-Хамида возвышением, о котором он только мечтал. Сколько он сможет удержаться у власти? Нет, он не такой простак, каким его считают. Первое, что необходимо сделать – это решить вопрос с личной охраной, особенно с ее начальником Айканом Турканом. Он – первый предатель своего повелителя!

Султан Абдул-Хамид неожиданно почувствовал скрытую тревогу, которую раньше не испытывал. Она исходила со стороны дальней беседки. Он хлопнул в ладоши, и невидимо следовавшие за ним стражники оказались рядом. Со стороны беседки навстречу султану вышел миралай Айкан Турканов. Когда глава охранников подошел ближе, султан спросил его:

– Вокруг ни души, миралай. Где мои подчиненные, где слуги дворца?

– Они, посланник Аллаха, занимаются каждый своим делом. Кто-то из них выполняет твои поручения.

– Какие поручения? – как бы удивился султан, отметив про себя, что его разговор с визирем уже известен миралаю. Но нет, он не будет доверять тому, кто не смог отстоять честь двух султанов. Придет твое время, голубчик!

– И что же делают мои подчиненные? Какими делами они занимаются?

– Со времен великого султана Османа, положившего начало Турецкому государству, посланник Аллаха, каждый выполняет предписанные ему обязанности. Невидимые охранники, так же, как и я сейчас, находятся всегда рядом.

– Это хорошо, миралай, хорошо. Зная, что ты не выполнил свою обязанность по охране султана Абдул-Азиза, я все же оставил тебя во главе моей охраны. Многие удивились этому решению. Более того: мне говорят, что лучше окружить себя черкесской охраной, родственниками по матери, чем турками, родственниками по отцу. Что ты на это скажешь?

– Посланник Аллаха, о чем может думать тот, кто не достоин, чтобы ты произносил его имя. Я благодарю тебя за доверие, ведь ты знаешь меня с тех пор, как мы вместе

служили в армии, и не позволю, чтобы кто-нибудь поступил с тобой, как с Абдул-Азизом.

Султан про себя усмехнулся: надо же, равняет меня с собой, видите ли, мы вместе служили в армии! Если кого нужно будет лишить жизни, то первым будешь ты – предатель султанов.

Миралай Туркан тоже напряженно думал: «Почему султан вспомнил о черкесах, о которых до сих пор никогда не говорил? Наверное, возлагает надежды на бинбаши Хаджирета, находящегося под домашним арестом... Никто не скажет, что черкесы – не воины, они честны, верны, соблюдают свои законы. Но, не обессудь меня, посланник Аллаха, как бы мы к ним не относились, они пришельцы».

– Да, черкесы пришельцы поневоле,– громко сказал Абдул-Хамид, будто подслушав мысли охранника.– И они готовы вместе с нами решать возникшую на Балканах проблему. Миралай Баракетов, хаджи Берзегов, эфенди Марзухаев и другие приближенные к власти черкесы делают все, что зависит от них. Я надеюсь и на каймакама Багова.

– Вы хотите сказать...

– Да, да, я не ошибся – каймакама, его выпустили из-под стражи только что по моему приказу. И впредь, миралай, запомни: в султанском дворе я должен видеть и стражу, и прислугу, не надо прятать их от меня. Пусть каждый четко исполняет свои обязанности.

С этого дня султан Абдул-Хамид ввел новую практику: стал приближать к себе людей из низших чинов, осматривал казармы солдат, посещал столовые, проверял, чем их кормят, во что одевают, иногда садился за общий стол и обедал с офицерами. Почти ежедневно бывал на плацу, наблюдал строевую подготовку солдат. Когда кто-то обращался с вопросом, тут же спокойно, обстоятельно отвечал. Эти действия принесли свои плоды, и каждый из его подданных старался поступать так, чтобы понравиться своему повелителю.

На правление Абдул-Хамида выпало тяжелое для Турции время. В большой стране – большие заботы.

Основой турецкого государства были мусульмане, но так как это бывшая византийская империя, то доля христиан здесь была тоже значительной. К ним добавились и балканские христиане, но две основные религии, два народа, две расы не могли соединиться воедино, как невозможно смешать воду и масло.

Вся система управления в турецкой империи за последние годы пришла в полное расстройство. И дело не только в деньгах, которые обесценивались раньше, чем доходили до казны, не в казнокрадстве и лихоимстве, процветающих в стране. Старый мир разрушался, и этот процесс уже невозможно было остановить. На повестке дня были Балканы, там с новой силой шли народные волнения, в воздухе пахло большой войной. Недаром русский посол Игнатьев попросил аудиенцию по вопросу Балкан. К переговорам подключились и зарубежные страны, созывается конгресс. Эти лисы чуют добычу и, как всегда, готовы к чужому пиршеству прийти непрошеными гостями.

Он, Абдул-Хамид, избрал тактику лавирования: ни «да», ни «нет», окончательных решений не принимает, делает все, чтобы насколько это возможно оттянуть выполнение требований зарубежных стран, особенно России. Он соглашается с тем, что ему говорят, дает обнадеживающие ответы на письма с предложениями обновления или принятия новой Конституции, расширяющей права христианских народов, тем самым оттягивая время для принятия окончательного решения.

Но пришло время, когда Абдул-Хамид вынужден был подписать новую Конституцию. Случилось это 23 декабря 1876 года, через три месяца и двадцать четыре дня после того, как стал султаном. Изображая из себя либерала, он включил в штат своих советников даже человека, исповедующего христианство.

Чтобы продвинуть дело дальше и подавить волнения, западные державы предложили Турции свое посредничество в принятии реформ, указанных в Конституции. Турция вынуждена была согласиться на посредничество,

потому что народные волнения не утихали, их не удавалось подавить даже силой оружия. 31 января 1876 года союзники, в том числе и Англия, обратились к Порте с нотой, составленной австрийским рейхсканцлером с предложением введения в ее владениях определенных реформ. Турецкое правительство не замедлило эту ноту принять: в текущем столетии уже целые горы бумаг были исписаны всякими проектами и указами о реформах.

Однако руководители повстанцев не шли ни на какие соглашения, ссылаясь на то, что Порта не берет на себя никакой ответственности по исполнению своих обязательств. Восстание, уже не ограничиваясь своими первоначальными пределами, разгоралось все сильнее. Совет зарубежных стран принял в Лондоне соглашение, но султан Абдул-Хамид его не подписал. И 24 апреля 1877 года Россия, в знак протеста, в одностороннем порядке начала войну с Турцией.

Это случилось после семи месяцев и двадцати пяти дней султанства Абдул-Хамида.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Султану Абдул-Хамиду военная разведка доложила, что российские войска подошли к границам Турции, и он понял, что это начало войны. Высший военный совет Дари-Хури созвал срочное совещание, и султан коротко обрисовал положение дел:

– Россия взяла на себя смелость вторгнуться в пределы нашей империи. Причиной она обозначила защиту славянского населения балканских стран от мусульманского притеснения. Семь месяцев шли переговоры, семь месяцев я сдерживал давление стран, намеренных изменить весь строй нашего жизненного уклада, а говоря прямо, отобрать у нас Балканы, которые не дают покоя всему западному миру. Россия воевала с нами не один раз, мы и выигрывали,

и проигрывали битвы с нею. Главное направление России – Черное море и его проливы, и здесь она надеется на помощь балканских народов, ненавидящих нас. Но Аллах на нашей стороне, на нашей стороне и страны, противостоящие Российской империи. Они умерят ее амбиции и аппетиты. С помощью Аллаха и мужеством солдат нашей армии мы сохраним нашу мусульманскую страну. Прочтите подписанный мною указ.

Султан закончил свою речь, и рыжий бородатый куафер-советник зычно произнес:

– От имени светлейшего султана Турции Абдул-Хамида назначаю предводителем войск на Балканах Абдул-Керима Надир-паши, предводителем войск, обращенных на Кавказ – Ахмед-Мухтара-паши.

Абдул-Хамид поднялся, встали все члены военного Совета. Султан оглядел военачальников, будто хотел заглянуть им в самое сердце, и произнес:

– Заседание военного Совета закончено. Все свободны, прошу задержаться только вновь назначенных военачальников.

Когда они остались втроем, султан обратился к ним:

– Я верю вам, мои верные солдаты! Турецкое государство надеется на вашу храбрость и мужество. Не откладывая, отправляйтесь в путь, и пусть Аллах помогает вам.

Оставшись один, Абдул-Хамид окинул взглядом сверкающую великолепием комнату, несколько раз прошелся по ней. Задумчивым взглядом проследил орнамент ковра, лежащего на полу, открыл окно и услышал голоса глашатаев, которые упоминали его имя.

Нет наверное человека, которому слава не по душе, но на этот раз султан недовольно захлопнул окно.

Абдул-Хамид еще раз мысленно восстановил события последних недель: «Случилось так, что я позволил начать войну против своей страны... Все эти встречи, переговоры, реформы, требования, тут у любого голова пойдет кругом. Не понятны позиции Англии, Германии, Франции, Австро-Венгрии. Один на один – они мои союзники, на

деле – солидарны с Россией. Нас с Россией разделяет огромное пространство, мы были и противниками, и союзниками, в войнах тоже случались и успехи, и поражения. Это были отношения двух государств. Но теперь между нами – Балканы, которые обратились к братьям славянам за помощью, и Россия решилась на военные действия, чтобы поддержать их. Когда она начала войну против Черкесии, черкесы тоже просили нас о помощи. Но мы не вмешались, не указали России, что она не права, не встали на сторону черкесов, ведь между нашими странами был заключен Адрианопольский договор. Мы закрылись этим договором, спасибо, Англия помогла. Тогда вопрос Босфора и Дарданелл стоял остро! Россия захватила всю восточную часть Черноморского побережья, но этого ей мало. Теперь она направила свои войска сюда, чтобы уничтожить нас и черкесов, которых мы приютили. Мы должны объяснить это черкесам, чтобы разжечь их кровную месть. Враг вытащил гяурское оружие. Настала пора противопоставить ему мусульманское оружие...»

На третий день Русско-Турецкой войны султан Абдул-Хамид пригласил в свою мечеть Шейх-Уль-Ислама Зауаля Баракетова, хаджи Берзегова, эфенди Марзухаева и Хаджирета Багова. Перед разговором они вместе с султаном совершили намаз, затем Шейх-Уль-Ислам, называя каждого адыга по имени, рассадил их, и только потом Абдул-Хамид доброжелательно обратился к ним:

– Я давно слышал о вас, но сегодня, с благословения Аллаха, мы познакомились. Я один из многих турецких мусульман, которые приняли и поняли черкесскую беду душой и сердцем. Может, что-то получилось не так, как мы рассчитывали и как вы хотели. Но вы живете в нашей стране, делите с нами наш хлеб и воду, наши беды, тревоги и радости. Вы видите, что те, от кого вы вынуждены были уйти из своей страны, не дают вам покоя и здесь, они начали с нами войну. Хотелось бы услышать ваше мнение, что вы об этом думаете?

В комнате наступила тишина, был слышен каждый вздох. Тишину нарушил эфенди Магомет Марзухаев:

– Если позволишь, посланник Аллаха, я после твоих мудрых слов коротко выскажусь. Мы, черкесы, нашли спокойное пристанище в этой мусульманской стране, поэтому ее тревоги – наши тревоги. Так и должно быть. С именем Аллаха, одарившего нас своей священной религией, чьим посланником ты являешься, мы начнем с гяурами священную войну-газават. Не сомневайся: черкесы не забыли о пролитой крови и готовы к кровной мести. И не только они, но все мусульмане, живущие в твоей мусульманской стране. В доказательство того, что мои слова и дела не расходятся, посланник Аллаха, я вношу свои средства на создание и содержание черкесского полка и обязуюсь быть солдатом-эфенди при этом полке.

При этих словах Марзухаева Хаджирет Багов подумал о Нат-Нат, ставшей ему матерью, и посмотрел на Баракетова, а хаджи Берзегов бросил любопытный взгляд на эфенди.

Абдул-Хамид, заметив, как переглянулись его офицеры, сказал:

– Пусть Аллах будет доволен тобой, путь благословит тебя, эфенди. Османская империя не оскудела, у нас есть богатство, чтобы вести войну. Но ты повел себя благородно, спасибо. Считай, что Аллах выполнил твое пожелание, и пусть Он вернет тебе отданный дар, увеличенным в сто раз.

«Откуда у эфенди столько денег!» – поразился Зауаль Баракетов. Хаджирет Багов тоже упрекнул эфенди: «Если ты такой богатый, почему не помог дочери своего брата Нат-Нат? И хотя бы одну лиру выделил в помощь бедным своим соплеменникам, когда они умирали здесь!».

Князю хаджи Берзегову не понравилось, что Марзухаев, забыв уважение к старшим, взял слово первым. Едва сдерживая свой гнев, хаджи сказал:

– Эта страна сделала нас счастливыми. С ней начали войну гяуры, с которыми у нас свои счеты, поэтому черкесы, чьи раны еще не зажили, встанут на твою сторону, посланник Аллаха. Будь в этом уверен, после великого Аллаха вся надежда людей на тебя. По возрасту я старше

всех собравшихся и тоже готов помочь, но не только деньгами, я готов отдать свою жизнь, если понадобится. С твоего разрешения, посланник Аллаха, я хочу отдать под руководство Ахмед-Мухтара-паши, военачальника войск, обращенных на Кавказ, мою кавалерию, созданную на днях.

– Спасибо, хаджи, спасибо,– сказал довольный султан.– Мы давно слышали о твоей мудрости и бесстрашии. Я рад, что черкесы, наши единоверцы, после перенесенных лишений настроены так по-боевому. Когда над ними нависла угроза полного истребления теми, кто сейчас пришел к нам с войной, мы приняли их в свою страну. Мы осознаем вину за допущенные ошибки, поэтому от себя лично и от имени всех турок приношу свои извинения славным, свободолюбивым черкесам. Теперь послушаем мнение миралая Баракетова и Багова, получившего на днях погоны каймакама.

Баракетов и Багов, услышав свои фамилии, разом вскочили. Миралай Баракетов от своего имени и от имени стоящего рядом с ним каймакама сказал:

– Мы, турецкие офицеры, посланник Аллаха, всегда готовы выполнять свои воинские обязанности! Куда направишь нас, там мы покажем свое мужество. Если главнокомандующий турецкой армией, посланник Аллаха, светлейший султан Абдул-Хамид позволит мне, я отправлюсь на Балканы, в Болгарию.

– Мы учтем твои пожелания, миралай. Каймакама Багова оставляю во дворце, он будет моим посланником, будет заниматься и другими важными поручениями. На этом и завершим нашу встречу, но сначала попросим великого всемогущего Аллаха помочь нам в исполнении задуманного.

Шейх-Уль-Ислам, ждавший этого, поднял свои худые руки и произнес:

– Амин! Аллаху Акбар!..

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Султан Абдул-Хамид, не подписавший Лондонский протокол, не ожидал, что все обернется таким образом. Наступили первые тревожные дни войны, за которыми потянулись такие же тревожные месяцы.

Русская армия на Балканах, которую возглавлял брат царя Николай Николаевич Романов насчитывала 185 тысяч человек, а при штабе армии находился сам император Александр II.

Переправившись через Дунай, русские войска 15 июня 1877 года развернули широкомасштабное наступление. В армию стали вливаться болгарские добровольные дружины, и все складывалось как нельзя лучше. Намерения русского командования состояли в том, чтобы как можно быстрее овладеть горными проходами через Балканы и выйти в Южную Болгарию. Особенно важно было занять Шипкинский перевал, чтобы открыть путь на Адрианополь. После двухнедельных ожесточенных боев перевал был взят, турецкие войска отступали, и перед русской армией открывалась прямая дорога на Стамбул.

Но неожиданно для русских ход войны изменился. Турки предприняли перегруппировку войск. Крупный отряд под командованием генерала Османа-паши 7 июля совершил марш-бросок от сербской границы и, опередив русских, занял крепость Плевну. Для русской армии возникла угроза флангового удара, и две попытки выбить турок из Плевны оказались неудачными. Турецкие войска в крепости заняли оборонительную позицию. Продвижение русских войск через Балканы было приостановлено.

Эта победа воодушевила турок, и, перехватив инициативу, турецкие войска вытеснили русских из Южной Болгарии. В августе начались ожесточенные и кровопролитные бои за Шипку. Турецкие войска имели численное превосходство, и русским приходилось отбивать до 14 атак в день. Только подошедшее подкрепление позволило

им оставить за собой шипкинский проход, но южные его склоны удерживали турки.

В это же самое время шли кровопролитные бои в Закавказье. Командующим русскими войсками считался младший сын Николая I Михаил Николаевич, фактически же командовал ими генерал Лорис-Меликов. В апреле-мае 1877 года русские захватили крепости Баязед и Ардаган, в начале октября шли бои за Карс и Эрзурум.

Турецкому султану слали депеши, в которых докладывалось о положении на фронтах. Он собирал военные Советы и координировал действия войск, настаивая на удержании плацдармов.

Абдул-Хамид делал все возможное, чтобы остановить русских. Он предпринимал самые радикальные меры. В ходе боев менял военачальников, стоящих на болгарском фронте: вместо Авни Хусена-паши назначил Абдул-Керима-Надир-паши, затем и его заменил Мехметом-Али-паши. С побережья Черногории он отозвал войско Сулейман-паши и противопоставил его войскам генерала Гурко, дошедшего до Шипки. Вслед за Сулейманом в спешном порядке отправил мастеров по строительству крепости, чтобы укрепить шипкинский плацдарм. Остался на своем месте только Ахмед-Мухтар-паши, охраняющий с кавказской стороны Карс и Эрзурум.

15-го октября 1877 года черкесский кавалерийский полк под командованием хаджи Берзегова влился в турецкую армию. Шли кровопролитные ожесточенные бои за Аладж-Даг, местечко за крепостями Карс и Эрзурум.

Суховейный ветер середины осени выжигал все на своем пути. Черкесские всадники готовились вступить в битву, ветер терзал гривы коней, солнце нещадно опаляло лица. Но они будто не замечали этого. Верхом на коне появился хаджи Берзегов. Его белая борода развевалась на ветру, будто белый дым. Он обратился к соплеменникам:

– Адыгская конница, ровесники мои, младшие братья и внуки, над вами стоит великий Аллах! Вы видите, что гяурское войско опять пришло к нам! Видите, там, вдали,

белые вершины родных Кавказских гор, они зовут и надеются на нас. Будем верны нашему мужеству, настала пора отомстить за пролитую кровь соплеменников. Аллах с нами!

Отряды противников двинулись навстречу друг другу. С одной стороны слышались топот копыт, крики людей, с другой – оружейные залпы. Шум, крики, гвалт, одиночные выстрелы и пушечная пальба заполонили поле битвы. Ни одна из сторон не отступала. Пешие и конные воины падали на залитую кровью землю. В битве ломались сабли, падали из рук убитых и раненых ружья. Кто-то стонал, кого-то уже покидала душа. Вокруг рвались снаряды, лошади в страхе метались по полю. Хаджи Берзегов, находясь в самой гуще боя, наносил удары саблей направо и налево, несмотря на ранение левой руки.

Но как бы исступленно ни воевал черкесский полк, саблями пушек не победить. Всадники хаджи Берзегова отступили. Отступила и турецкая пехота, пришедшая им на помощь. Забирая с собой убитых и раненых, они оставили Аладж-Даг и отошли к крепостям Карс и Эрзурум.

Отступая, хаджи Берзегов заметил группу черкесских воинов. На земле лежал раненый, рядом с ним находились несколько человек. Раненый молодой парень держал живот руками, на которых запеклась кровь. Хаджи показалось, что он знаком с ним. Сердце его кольнуло, но, не показывая своей душевной муки, он, успокаивая, похвалил парня:

– Аферым, мой сын, ты поступил мужественно. Рана твоя заживет, и скоро ты встанешь в строй. Кто ты, как тебя зовут?

– Спасибо, зиусхан...

– Кто ты, как тебя зовут? – еще раз переспросил хаджи Берзегов.

– Я Наурзов... Моего отца Дзегашта ты знал...

– Почему ты говоришь «знал», я его очень хорошо знаю.

– Отца нет... Нынешней весной его похоронили... Отец дал мне наказ, и я здесь, чтобы выполнить его. Пусть

издали, но хотел еще раз увидеть наши горы... – это были последние слова Касима Наурзова.

Хаджи Берзегов присел возле покойника, закрыл ему глаза и горько произнес:

– Ты, сын Наурзовых, покинул этот временный мир, не изменив ни адыгскому мужеству, ни мусульманству. Пусть Аллах в раю одарит тебя встречей с твоим отцом. Скажите «амин», и произнесем молитву в честь воина Аллаха.

Русские войска под Плевной тоже были измотаны и требовали подкрепления, и даже после прибытия туда новых сил взять штурмом крепость не удалось. Для инспекции в Плевну из Петербурга прибыл генерал Тотлебен. Герой Севастополя, хороший стратег и тактик, он оценил ситуацию и на военном Совете высказал мнение, что единственным шансом для взятия Плевны будет полная блокада крепости.

В конце ноября в Плевне закончилось продовольствие, Осман-паши сделал отчаянную попытку прорыва, но был снова отброшен в крепость, и военачальнику ничего не оставалось, как сдать Плевну. А генерал Скобелев тем временем вывел из блокады шипкинский перевал. Войска под командованием Скобелева перешли через Балканы и вышли в тыл укрепленного турецкого лагеря Шейново. В результате боев у Шейново 27–28 декабря двадцатитысячная турецкая армия капитулировала. Пловдив отдали без боя, и 8 января 1878 года русские войска вступили в Адрианополь. Преследуя отступавшие турецкие войска, русская кавалерия вышла на берег Мраморного моря. Войска под командованием Скобелева заняли в нескольких километрах от Стамбула местечко Сан-Стефано. Теперь, когда турецкая столица была на расстоянии вытянутой руки, опасаясь международных осложнений, русское командование не решилось ее занять.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

В ночные часы, расхаживая по кабинету, султан снова и снова изучал карту военных действий, обдумывая стратегию обороны и, может быть, наступления. Теперь все его военачальники были на передовой, поэтому у него не было возможности созвать военный Совет, решения приходилось принимать здесь, во дворце, самому.

Абдул-Хамид вспомнил нарекания европейцев по поводу Конституции и подумал: «Правы внутренние и внешние враги: наши султаны завоевали множество земель с разными народами, исповедующими разные, порой исключающие друг друга религии, охранять и сохранять такое большое государство очень трудно. Кроме этого, мы приютили черкесов, приносящих нам одни проблемы. Где сейчас их мужество? Где мой помощник по черкесским делам каймакам Багов?..»

Султан осторожно прикоснулся к колокольчику, раздался мягкий, мелодичный звон, и тут же в комнату вошел охранник, находившийся за дверью.

Абдул-Хамид распорядился:

– Черкеса Багова ко мне!

Каймакам Багов вошел и вытянулся перед султаном.

Султан жестко спросил его:

– Как обстоят дела на наших фронтах?

– На двух фронтах, посланник Аллаха, дела плохи. Наши войска сдерживают русских, идущих со стороны Кавказа возле Карса и Эрзурума. Но русские войска, находящиеся в Болгарии, получают большую помощь от соплеменников, там они без препятствий завоевывают территорию.

– Мы заселили Болгарию турками, черкесами и другими народами, они все мусульмане. Почему никто ничего не предпринимает? Или считают себя гостями, а не хозяевами страны?

– Они делают все возможное, посланник Аллаха.

Хаджирет хорошо понимал состояние султана. Он мысленно и упрекал правителя, и одновременно сочув-

ствовал ему: «Спросил бы ты, легко ли мне охранять чужую землю, к которой не прикипела душа...»

– В нынешнее суровое время, каймакам, нельзя жить «по возможности», сейчас каждый должен делать невозможное,– сдерживая тревогу, султан прошелся по кабинету.– Мне кажется, миралай Баракетов, мечтающий о звании ферич-генерала и эфенди-краснобай Марзухаев уже успокоились. Мехмет-Али-паши тоже не лучше их. Вместо того, чтобы сражаться с гяурским войском, окружившим Плевну, он отступает. Сулейман-паши и Весель-паши не перекрыли перевал через Шипку, теперь перевал у русских. Пока они делают «все возможное», враг завладел Плевной. Что дальше? Через несколько дней русские войска окажутся здесь, в Стамбуле.

Абдул-Хамид говорил горячо и обреченно, гневно сжимая и разжимая кулаки. И пальцы в драгоценных перстнях никак не вязались с состоянием султана, они жили своей богатой, холеной жизнью.

Хаджирет сочувствовал султану, он подумал: «Хоть бы он снял эти кольца, в такие времена они должны лежать в ларцах. Видно, несладко ему тут одному, без поддержки...»

Султан, прервав размышления своего помощника, остановился прямо перед ним и приказал:

– Поедешь в Болгарию. Кроме черкесской кавалерии и пехоты, мобилизуешь всех, носящих шапки на голове: и старых, и малых. Пусть все единоверцы встанут на борьбу с гяурами, если хотят сохранить себя.

Вернувшись домой, Хаджирет с порога объявил Гошмаф:

– Мы едем в Болгарию.

– Когда?

– Сейчас. Карета уже ждет. Поедем на перекладных, довезу тебя до нашего Абадзеха.– Он обеспокоенно взглянул на раздавшуюся фигуру жены и участливо спросил: – Осилишь дорогу?

– Если ты будешь рядом, я все вынесу,– тут же отозвалась Гошмаф, напряженно следя за мужем.

– Не беспокойся. В дороге я тебе объясню причину нашего срочного отъезда.

Уже через полчаса Баговы выехали из Стамбула, проехали Балкыркой, издали показалось местечко Сан-Стефан, носящее теперь имя Елышкой.

Ехали молча, опасаясь возничего, к молчанию они привыкли в султанском дворце. Каждому было о чем подумать. Чтобы разрядить обстановку, Хаджирет спросил возничего:

– Ты турок?

– Нет, я узбек,– охотно откликнулся тот, и, обернувшись, с улыбкой на полном лице представился: – Меня зовут Сардар.

– У тебя красивое имя.

– Красивое, но от этой красоты мало проку. Так зовут меня уже более шестидесяти лет. Извини, но и ты, каймакам, не похож на турка, мне кажется, ты черкес. В сравнении с глазастыми и мордатыми узбеками, турками и курдами черкесы стройные и красивые лицом. Я это говорю не потому, что вы едете в моей карете.

Гошмаф не сдержалась:

– Ты зря так говоришь. Нет некрасивых народов, есть некрасивые человеческие поступки.

– Да, ханума, да. Аллах подарил нам две дочери, но если бы у меня был сын, я бы его женил на черкешенке. При этом мы надеемся, что за наших девочек дадут богатый калым, а когда умрем, будет кому нас оплакивать.

Гошмаф в порыве нежности хотела склонить голову на плечо Хаджирета, но застеснялась возницы и лишь дотронулась до руки мужа. Тот украдкой мягко пожал ее в ответ.

Они не чувствовали ни серой осени, ни холодного ветра. Может ли любовь молодых быть такой сильной, чтобы заслонить собой события войны? А ведь там гибнут люди... И возницу-узбека беспокоит лишь его семья, ему все равно – есть война или нет. Если бы он хотел знать о военной обстановке, мог бы спросить об этом офицера, едущего в его карете.

«Как говорит отец, этот временный мир устроен так, что его не поймешь, даже прочитав фаль – гадальную книгу,– подумал Хаджирет.– Интересно, почему он называется «временный»? Ни богатый, ни бедный человек по своей воле не покидают его. Все мы приходим сюда на время и уходим, ничего не взяв с собой. Когда приходит срок, то даже любовь бессильна перед смертью. А война собирает обильную жатву на полях сражений. По чьей вине гибнут тысячи людей, жаждущих жизни? Понимают ли это султан Турции и российский государь? Задумываются ли над тем, сколько в этой войне погибнет людей? В далекой истории остался адыгский князь Редед, который сохранил войско ценой своей жизни, эти правители на такие поступки не способны. Оба государства поставили друг против друга тысячи и тысячи солдат. Кто из двух сторон виноват? Чермит говорил: «Кто первым поднимает руку, тот первым начинает драку». Да, но тот, кто принуждает, подстрекает к драке, он тоже может быть виновным?.. Турция, завоевавшая пространство от Египта до Балкан не права, но и Россия пришла сюда с оружием. Англичане, немцы, французы говорят, что Россия расширила свои территории с востока на запад, с севера на юг, завоевала Кавказ, но этого ей мало, она пришла и на Балканы, чтобы создать большое славянское государство...»

Супруги Баговы решили переночевать в бывшей столице османских султанов городе Эдирне (Адрианополе). Не доезжая до него, стали встречать беженцев с Балкан, из Болгарии. Люди ехали в каретах, в арбах, запряженных волами, ехали верхом, шли пешком.

Гошмаф встревожилась:

– Было бы хорошо, Хаджирет, если бы ты снял офицерскую форму.

– Я тоже об этом подумал, доедем до Эдирне, переоденусь.

– Видишь, среди них и адыги... Они тоже переезжают...

У Хаджирета от увиденной картины защемило сердце, перед глазами предстала другая картина. Он так задумался, что не сразу услышал голос Сардара:

– Слушаю я вас, и так приятно, что вы разговариваете на своем языке. Мы, узбеки, без родного языка живем среди турок... Но куда бежит столько людей, заполонив собою всю дорогу?

Слова, сказанные возницей, заставили супругов переглянуться. Гошмаф сочувственно проговорила:

– Их, бедных, гонит война...

– Ах, да, на Балканах война... – Сардар сказал это буднично, будто война его не касалась вообще.– Я бы на их месте, не приведи Аллах, конечно, не сдвинулся с насиженного места ни на шаг. Я доверяю вам, потому говорю открыто: мы с вами живем среди тех, кто еще не забыл, что они были кочевниками. Может, я говорю что-то лишнее?.. Я расскажу вам одну историю, которая случилась со мной и с одним черкесом несколько лет назад. Откуда я мог знать тогда, что он турецкий офицер? Одет он был в черкеску, вез я его из Эдирны в Стамбул. Денег за провоз ему не хватило, и он добавил к оплате кинжал. Я от жадности не отказался, взял его кинжал. На второй день, он, одетый в новенькую офицерскую форму с блестящими погонами, нашел меня и выкупил кинжал втрое дороже. Так я один день гордо поносил на поясе черкесский кинжал. Он сказал мне, что служит на Балканах... Жив ли тот благородный человек? Его черкесская фамилия была созвучна турецкому слову «баракат».

Хаджирет и Гошмаф переглянулись.

– Может, ты про Баракетова говоришь?

– Может, но как я могу теперь вспомнить? Я вожу стольких людей... Вот и теперь, разве я знаю ваши фамилии, имена? Но тот мужчина, Баракатов, был хорошим человеком, щедрым. Если жив, пусть Аллах благословит его. Если нет, в этом мире и такое случается, пусть Аллах откроет для него двери рая.

– Похоже, ты говоришь о миралае Баракетове,– не выдержала Гошмаф,– он жив, жив!

– Да, да, миралай Баракетов воюет сейчас на Балканах, защищая Турцию от России,– поддержал жену Хаджирет.

– Мой Аллах, чего только не бывает в этом мире... Поспешите, мои работяги белоногие! Наверное, и этот турецкий офицер, сидящий в карете, которую вы везете, едет защищать нас от гяуров. А о себе я могу сказать, что я чужой на турецкой земле, пришелец. Поспешите, мои белоногие, поспешите...

Гошмаф почувствовала, что сказанные вроде бы вскользь слова возницы зацепили Хаджирета, она дотронулась до его руки, успокаивая:

– Сдерживайся, ничего не говори ему.

После паузы Хаджирет ответил жене:

– Что я могу ему сказать? Он сказал правду. Мы тоже пришельцы, чужие на этой земле, но за что мы воюем?...

К вечеру показались минареты, возвышающиеся над домами Эдирне. Сардар, напевавший себе под нос узбекскую песенку, сказал словоохотливо:

– Показался Эдирне... Если бы в Болгарии не шла война, я довез бы вас куда угодно... – И поспешно добавил: – Нет, нет, я не поеду туда, даже если дадут мне столько золота, сколько увезет моя карета.

– Это большое богатство, наверное, даже у султанов его столько нет,– пошутил Хаджирет.– Но этого золота хватило бы и тебе, и твоим детям, и внукам.

– Нет, нет, каймакам,– воскликнул Сардар, утверждавший, что не разбирается ни в званиях, ни в военном деле.– Человеческая жизнь дороже золота!

Хаджирет улыбнулся:

– У нас, черкесов, есть такая пословица: «Жизнь отдают за честь». И у вас, узбеков, потомков Тамерлана, думаю, есть подобная пословица.

– Конечно, есть. Но мы, живя среди турок, за которых воюют черкесы, забыли ее...

Гошмаф перевела Сардара на другой разговор:

– Нана говорила, что когда-то в Эдирне жил Сафербий Заноков.

– Да, ханума, да. Этот город знаменитый, говорят, что тут вершились большие дела... Поспешите, мои белоногие, поспешите. Мы еще должны вернуться. Вот только встретим ли мы хорошего человека, который оплатит обратную дорогу...

Молодые супруги переночевали в лучшей гостинице в Эдирне. Утром, несмотря на поваливший мокрый снег, отправились в путь, в Абадзех. И только тогда Гошмаф задала вопрос, который ее мучил со вчерашнего дня:

– Нана говорила, что в этом городе была решена судьба бедных адыгов[1], за что осуждала давно покинувшего этот грешный мир султана Махмуда.

Хаджирет еще мальчиком слышал о той истории, но и сегодня, сейчас эта бесчеловечная война продолжается, и он тоже оказался втянутым в нее. Нахлынули мысли о том, каким будет его завтрашний день.

Гошмаф вдруг вспомнила о своей свадьбе, и это заставило ее забыть про только что оставленный город. Сказанные тогда слова великой Бике отодвинули далеко и нарядные султанские кареты, и всадников охраны. «Да, нана, ты права, не бывает двух одинаковых дней. Это про нас с Хаджиретом. Когда мы доедем до Абадзеха, я и мой ребенок найдем там и уют, и покой. Вот только Хаджирет, которого я заставила снять офицерскую форму, будет ли он спокоен? Получается, что я способствовала тому, чтобы он снял с себя обязательства пред султаном. Возможно, у него другие мысли, а я беру на себя грех...»

Хаджирету показалось, что у Гошмаф холодные руки:

– Я накину на твои плечи свой мундир.

– Не надо, он и так колет мне глаза... – передернула плечами Гошмаф и, испугавшись своих слов, пошутила: – Мне кажется, что ты соскучился по своей форме, хочешь, надень.

– Не сейчас, когда будем подъезжать к Абадзеху, надену.– Мою форму каймакама еще не видели ни отец, ни аульчане.

«Эти мужчины, как говорила нана, сотканы из противоречий...»,– улыбнулась про себя Гошмаф.

[1] По окончании Русско-Турецкой войны 1828–1829 г. в Адрианополе (Эдирне) одним из пунктов мирного договора Турцией была передана России Черкесия, которая никогда ей не принадлежала.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Вдали показался Абадзех. Хаджирет надел мундир, поправил погоны и осанисто приободрился. Из-за поворота лесной дороги выехала арба, запряженная волом и сопровождаемая тремя всадниками. Турецкий офицер узнал одного из них – зятя Тодора Димитрова. Тодор спешился и, обнимая Хаджирета, горько произнес:

– Будь мужественным, мы везем тело Хатама...

Хаджирет забыл, что на нем форма турецкого офицера, подбежал к арбе, склонился над Хатамом:

– Как я мечтал увидеть тебя, хотел о многом поговорить, надеялся, что ты ответишь на мои вопросы, брат... Какое горе у нас сегодня, какая беда!..– причитал Хаджирет.– Я подозревал, что ты не будешь с теми, с кем оказался я... Ты оставил меня в чужой стране, я не успел рассказать о том, что у меня на душе... Извини, брат, что меня не было с тобою рядом в тот день, час и минуту, когда это случилось... Я отвел бы руку убийцы, прикрыл бы тебя собой...

Немного успокоившись, Хаджирет пошел рядом с арбой. Тодор, ведя коня в поводу, встал от него справа. Шли молча, не зная как начать горький разговор. Хаджирет тронул руку Тодора:

– Скажи, брат, как случилось, что Хатам оказался на стороне болгар?

Лицо Тодора выражало мучительную боль, но молчание было еще тяжелее:

– Я расскажу тебе то, что слышал от Хатама. Это была его боль. Однажды он увидел, как адыг запряг двух болгар вместо волов и распахивал на них землю. Хатам понял, как бесправен человек, как легко его обратить в рабство, если на твоей земле хозяйничают чужаки. Будто на мгновение он оказался в Черкесии и увидел, как на родной земле также бесчеловечно обращаются с адыгами. Он почувствовал близость в бесправии черкесов и болгар, поэтому встал на сторону освобождения народа от колонизаторов. Он сделал свой выбор. Война есть война, он умер как герой-освободитель. Теперь ты знаешь все.

Хаджирет приподнял бурку с тела Хатама, крепко сжал руки брата своими руками, и впервые за все время службы ладно скроенный мундир турецкого офицера стал для него тесен.

И часа не прошло, как привезли тело Хатама домой. Несколько мужчин, пришедших выразить соболезнование, стояли во дворе Баговых. Через открытые большие ворота заходили мужчины, через калитку – женщины. И каждый раз, когда они входили в дом, оттуда раздавались плач и причитания. В другой комнате сидели пожилые мужчины. Тело Хатама, накрытое буркой, лежало лицом к югу. У его изголовья сидел убитый горем Масхаб. Напротив, перебирая зеленые четки, сидел эфенди Абочир.

– Что мы можем сделать, что от нас зависит? – нарушил тишину эфенди, обращаясь к людям,– в нашем временном мире один Аллах, испытывающий нас, имеет все права. Крепись, Масхаб. Давайте все вместе произнесем молитву для закончившего свой жизненный путь Хатама. Попросим Аллаха простить его грехи.

С женской стороны раздался громкий крик. Масхаб узнал голос Дарихан. Дарихан, рыдая, не могла стоять на обессиливших ногах, волосы, выбившиеся из-под платка, падали на почерневшее от горя лицо. Она судорожно повторяла дорогое ей имя.

– Пойдите, успокойте женщин, пусть проявляют выдержку,– сказал эфенди, закончив молитву.

– Да, да,– сказал Гарун Коблев.– Дарихан с детства много бед пережила со своими братьями.

– Когда Дарихан попала в трудное положение, они были ее надеждой и опорой,– напомнил муэдзин Джамбот и добавил: – А сегодня, увидев Хаджирета, я не узнал его, ему так идет офицерская форма... Аллах мой, знает ли он, что за последний месяц мы похоронили семнадцать его ровесников из нашего аула?

Масхаб, услышав про турецкую форму, будто очнулся. Его отцовское сердце забеспокоилось за младшего сына:

какой он беспечный! Сейчас трудно отличить друга от врага, и Масхаб укоризненно подумал о сыне: «Он, что, принимает соболезнования в офицерской форме? Ума, что ли, не хватило снять ее с себя?..»

Поздним вечером, когда люди разошлись, Масхаб увидел, что Хаджирет переоделся. Он успокоился и даже похвалил сына:

– Ты хорошо сделал, что надел черкеску. В этой стороне в турецкой форме уже не безопасно, она не всем по душе. Иди, сын мой, вы с невесткой целый день на ногах, отдохните. Со мною ночью будет сидеть Гарун. Завтра, после похорон, поговорим.

– Хорошо, нам есть о чем поговорить. Но сегодняшнюю ночь я тоже буду рядом с Хатамом,– голос Хаджирета сорвался.

– Парень, ты же мужчина, нельзя так, крепись... – успокаивал сына Масхаб, хотя у самого сердце разрывалось на части.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Масхаб Багов сидел у своего дома на скамейке, опершись грудью на палку. Отсюда благодаря удачному расположению дома открывался один из самых живописных видов окрестностей Абадзеха.

Глазами он блуждал по околице, по долине, по отливающей голубизной и золотом предосенней зелени, по далеким облакам, клубящимся на вершинах высоких балканских гор. Но мыслями не отрывался от дома, думал о том, какие крутые повороты делает жизнь: еще не успело остыть тело Хатама, как она снова ставит перед ними трудные вопросы.

После похорон Хатама прошло семь дней, по обычаю одежды покойного раздали людям, мир его праху. Сколь-

ких соплеменников похоронили в Турции, да и здесь уже, но разве к смерти привыкнешь?

В последнее время лицо Масхаба было замкнутым, суровым, близкие могли только догадываться, сердцем чувствовать, какая буря чувств кипит внутри него.

Но его суровость была не от жестокости, скорее от душевной боли, от заботливости, которую он не мог проявить, чтобы оберегать и опекать свою семью так, как хотел. Сердце его трепетало от неизвестности, от предчувствий очередных бед.

С гибелью Хатама что-то надломилось в душе Масхаба, все произошедшее было будто во сне, ему не хотелось верить в безвозвратность утраты.

Болело сердце и о Хаджирете, о Тодоре – не дай бог, если что-то случится с ними.. «В Абадзехе только-только жизнь начала налаживаться,– думал Масхаб,– и семья наша разрослась: прибавились моя жена Нат-Нат, зять Тодор, внук Стефанка, скоро Гошмаф родит... А тут – потери... Нет, надо поговорить с сыном и зятем начистоту, нужно все обдумать, чтобы найти правильные ответы на вопросы жизни, тут нельзя ошибиться».

Женщины проснулись, развели огонь в печи, чтобы готовить еду. Огонь вспыхивал, потрескивая, дым расстилался сизоватым туманом по двору, потом исчезал. Дарихан подбросила в него нарубленных сухих веток. Они горели ярко, жарко, бездымно, и вода в котле закипела почти сразу.

В мирную жизнь адыгов снова ворвалась война, правда, пока еще по пыльным дорогам крестьяне везли на базар масло, сыр, овощи и живую птицу, но не станет ли это сентябрьское утро последним, если уже так близко слышны орудийные взрывы?

Масхаб, глядя на этих прохожих и проезжих крестьян, решил не откладывать откровенный разговор с Хаджиретом. Желание поделиться своими чувствами с сыном стало настолько сильным, что он отбросил палку, встал, распрямил спину и легкой походкой пошел в дом.

В эти траурные дни Хаджирет, Тодор и Масхаб о смерти Хатама не обмолвились даже словом. Хаджирет с Гошмаф уходили в свою комнату, зять оставлял Дарихан и Стефанку в ауле, а сам отправлялся на ночь в хутор, Нат-Нат украдкой смахивала слезы с глаз.

Конечно, Масхаб знал, что сын ждет, когда он заговорит с ним. Слухи о его брате, конечно, доходили до Хаджирета. А тут еще и Тодор не появляется уже несколько дней, где он?

Масхаб видел из окна, как Хаджирет слонялся по двору, не находя себе места. Все вокруг напоминало ему о Хатаме.

Потом не выдержал, вызвал из женской половины Дарихан, она вошла озабоченная, сжав под фартуком руки.

– Тодор задерживается, что с ним? – спросил он Дарихан.

– Сегодня он не придет.

– Почему?!

– Как бы тебе это сказать? В общем... Он пошел на войну, на ту сторону, откуда привез Хатама...

Стефанка выбежал на веранду и, не обращая внимания на мать, крикнул дяде, подражая деду:

– Хаджирет, пусть добро станет твоим спутником, тебя дедушка зовет,– выполнив поручение, он вернулся в дом и снова взобрался на колени деда. Хаджирет, давно ожидая это приглашение, быстро пошел к отцу.

Наверху горы, где клубились облака, прогрохотал раскат далекого грома.

Нат-Нат обеспокоенно покачала головой:

– Поздней осенью гром не гремит, это – раскаты орудий...

Дарихан побледнела и крепко прижала к себе Гошмаф. Следом раздались еще несколько громких раскатов, от которых задребежжала посуда. Потом залпы внезапно прекратились.

Стефанка забежал к женщинам и, довольный собой, сообщил:

– Тат сказал, чтобы вы не тревожились.

Дарихан спросила у сына:

– А ты не слышал, о чем они говорят?

– Не знаю, просто разговаривают... Тат сказал, что вы угостите меня чем-нибудь вкусненьким.

Нат-Нат усадила его за стол и поставила перед мальчиком сливочное масло, мед и хлеб.

– Скушаешь, сразу подрастешь, станешь мужчиной. Такая еда нравится твоему отцу.

– Не ему, нана, а мне нравится!

– Конечно, и тебе, ешь на здоровье.

Женщин беспокоил разговор отца с сыном, который шел в комнате за закрытыми дверьми. Они прислушались, но ни одного слова, ни одного звука не услышали. Но так и остались стоять под дверью, будто их присутствие вносило мир в разговор мужчин.

Масхаб сидел на маленьком стульчике перед очагом, чуть сбоку стоял Хаджирет.

– Ты, Хаджирет, наверное, уже слышал, что Хатам погиб, воюя на стороне болгар. Вести быстро разносят молву, люди, как стая ворон каркают над покойным. Но кто бы что ни говорил о нем, он мой сын и твой брат, поэтому не станем его обвинять. Выскажу только свое мнение: если бы это коснулось меня, то на чужую войну я бы не пошел. Вот так, Хаджирет. Я и тебя не пущу, если ты меня послушаешь. Хватит, мой сын, слушать хвалу недоброжелателей, все это время мы были лишь игрушкой в их руках.

– Да, в этом наша ошибка, тят.

– Ты тоже так думаешь? – Масхаба и обрадовали, и испугали слова сына.

– После смерти Хатама этот вопрос для меня решен окончательно.

– Погоди, парень, погоди, эти слова останутся между нами. Но слышал ли их еще кто-то?..

– В той комнате находится та, которая знает о моем решении и разделяет его со мной.

– Разве дело женщин, злополучный, принимать мужские решения?

– Это не мужские, и не женские решения, тят. Это наша общая адыгская беда, поэтому и касается всех.

– Если между вами такое доверия, то это меня радует, Хаджирет. Но отец невестки, твой тесть Баракетов, как он отнесется к нашему отказу воевать? Не знаю... Если вы пришли к такому решению, то и я, и дочь Марзухаевых, в которой я также уверен, согласны с вами. Тогда еще один вопрос: ты – турецкий офицер, присягал армии, тебя могут посчитать дезертиром.

– Я никому не присягал, никого не просил зачислить меня в турецкую армию и не обещал воевать за страну, где адыгов не берут в армию. Кроме того, тят, мы в Турции только ее мусульмане, но по закону не ее граждане. Все произошло, как произошло: у Баракетова, Берзегова, Марзухаева своя дорога, у нас – своя. Говоря, что решают адыгские проблемы, они преследует только личные интересы, решают свои вопросы. Я не в обиде на своего тестя Баракетова, на неожиданно ставшего нашим родственником эфенди Марзухаева, на хаджи Берзегова. Вы тоже не обижайтесь на них. Как ты говоришь, кинешь их в воду, они сухими выйдут из нее. Не сегодня-завтра будет понятно, что у Турции на Балканах ничего не выйдет. Из-за них над бедными адыгами опять нависла угроза.

Масхаб внимательно слушал рассуждения сына, потом с удовлетворением и гордостью сказал:

– Верно говоришь и правильно думаешь. Вот только не знаю, когда ты успел повзрослеть и набраться ума?

– Наверное, учителя были хорошие, вспомни султаншу Бике... А еще поспособствовали те, среди которых я находился... – улыбнулся Хаджирет.

– Да, сын мой, это так, у кого глаз смотрит и видит, тот набирается ума, говорят адыги. У меня еще много вопросов к тебе. Но этот на сегодняшний день последний. Я хочу напомнить тебе еще одну нашу пословицу: «Жизнь отдают за честь». Она итог всего того, о чем мы с тобой говорили. Что ты думаешь по этому поводу?

– Ответ на этот вопрос дал Хатам, - коротко ответил Хаджирет.

– Спасибо, сын мой.

С последними словами Масхаба дверь широко распахнулась и, вырвавшись из рук Дарихан, в комнату забежал Стефанка:

– Дедушка, они за дверью подслушивали вас,– указал он на женщин.

– Да? – Масхаб погладил внука по голове и сказал беспечно: – Пусть слушают, если хотят, мы с твоим дядей ни о чем плохом не говорили.

Масхабу не спалось, мысли сменяли одна другую. «С того времени, как мы покинули Черкесию, беды не оставляют нас, они всюду преследуют адыгов, и что будет здесь, на болгарской земле, никто не знает. Душа Хатама стремилась на родину, но этот мир он покинул, воюя за свободу чужой земли, и этой земле предали его прах.

В сравнении с теми, кого мы потеряли в мытарствах, пересекая море, Хатам оказался счастливее, его похоронили на аульском кладбище. Но что будет с нами, если мы покинем этот аул? Неужели опять будем вынуждены странствовать? Нет, нет, Чермит говорил: если нет возможности вернуться на родину, останемся там, где ослабили подпруги и осели. А если гонимый войной аул сорвется, как последний лист, оставшийся на дереве после бури, как мы останемся здесь одни? Масхаб, забывшись, последние слова произнес вслух: «Нет, весь аул не может ошибиться!»

– Что случилось?..– Нат-Нат проснулась и испуганно села в постели. Потом, поняв состояние мужа, постаралась успокоить его: – Тебе, наверное, приснился плохой сон. Спи, Масхаб, пока все спокойно...

– Сны – это что, явь убивает нас... – Масхаб повернулся лицом к жене, ласково погладил ее руку,– извини, я разбудил тебя... Я подумал: вдруг аул снимется с места и опять переселится на новые земли, как мы сможем остаться здесь?

Нат-Нат тихо произнесла:

– Мой отец часто повторял свою любимую пословицу: «Если тебя обманут три раза, ты дурак, если три раза упадешь в одну и ту же яму, ты слепец».

– Как хорошо, что ты напомнила мне эту пословицу, она вертелась у меня на уме, но вспомнить не мог. Я прошу Аллаха о том, чтобы то, что мы пережили за это время, больше никогда не повторилось ни с нашей семьей, ни с нашими адыгами. Но если наши дела сложатся не так, как мы хотим, все равно не стоит отчаиваться.

– Да, Масхаб, не будем отчаиваться. Мы, женщины, поддерживаем решение, которое вы с Хаджиретом вчера приняли. В этом с нами согласна и Асиет Наурзова.

– С божьей помощью, что будет с нами, то будет и с Асиет. Меня тревожит другое – чем обернется служба в турецкой армии для Хаджирета. Ведь турки и болгары в состоянии войны. Не знаю, может мы с ним, излишне оберегая друг друга, обманываемся... В крайнем случае, кто знает, может, нас спасет наш зять-болгарин, да и твои русские корни...

– Не смей, Масхаб, так говорить! – возмутилась Нат-Нат.– О том, что у меня в роду были русские, мне всегда намекал и эфенди Махош, и если ты надеешься, что можешь этим спастись, ты ошибаешься. Никогда больше не говори мне об этом. Если еще раз услышу, соберу свои вещи и уйду от тебя, чтобы разделить с адыгами их судьбу. Что будет с ними, то будет и со мной.

– Я, Нат-Нат, заслужил эти горькие упреки,– Масхаб обнял жену и не удержался: – На старости лет я женился на красивой и умной женщине и ни за что на свете с ней не расстанусь. Не сравнивай меня с попавшим в водоворот человеком.

На рассвете турецкие войска, отступающие под натиском русских войск, вошли в Абадзех, но никто из жителей не вышел из дома, наблюдая за ними из окон. Спустя некоторое время на улицах показались старшие мужчины, среди них был и Масхаб Багов. Хаджирет, увидев отца с кинжалом и саблей на поясе, с охотничьим ружьем за спиной, удивился:

– Отец, зачем тебе столько оружия?

– Да вот, не знаю, что на уме у тех, кто отступает... Зайди в дом, парень, проследи за женщинами, успокой

их... А охотничье ружье забери и унеси в дом, оно мне не нужно. И саблю захвати, повесь обратно на стенку, чтобы Стефанка не достал.

Подошедший Гарун Коблев удивленно спросил друга:

– Тебя что, разоружают?

– Разве кинжала на поясе не достаточно?

– Это тоже оружие, но ему далеко до сабли и ружья.

– Обозленные отступающие аскеры, думаешь, будут считаться с тем, что ты мухтар аула? Если они заберут твое оружие, ты его никогда больше не увидишь.

– Ты, что, Багов, хочешь, чтобы я перед ними был безоружным?

Масхаб прямодушно ответил другу на его вопрос:

– Последние пятнадцать лет мы перед ними так и были голыми и босыми. Ты, Коблев, забыл об этом?

Так, подначивая друг друга, они еще перекинулись несколькими словами и разошлись. Час спустя к воротам Баговых подкатила карета, забрызганная грязью. Из нее вышли Баракетов и Марзухаев. Масхаб, пряча недовольство, встретил гостей, как принято:

– Добро пожаловать в наш дом...

– Спасибо,– ответил Баракетов уставшим голосом и тут же предупредил: – Эфенди Магомет и я спешим, но горестная весть дошла и до нас. Мы не смогли проехать мимо вашего дома. Хатам не был нашим сторонником, но все же мы соболезнуем тебе по поводу его кончины.

– Да,– согласился и Марзухаев.– Хатам ошибался, но он был мусульманином, поэтому произнесем молитву в доме, откуда его вынесли. Скажем аминь.

После молитвы эфенди Магомет продолжил:

– Марзухаевы и Баговы на старости лет породнились, поэтому я хотел бы увидеть свою сестру Нафисет.

– Ты, наверное, говоришь о Нат-Нат... – поправил Масхаб назвавшего себя родственником эфенди.

– Да, да, о Нафисет, которую мы так звали. А миралай Зауаль Баракетов хочет увидеть зятя и дочь.

Зауаль Баракетов, не сдерживая обиду, упрекнул свата:

– Получается, Масхаб, моя дочь и зять у тебя... Мы там, на бойне, ждем каймака Багова, а он прячется за спиной отца. Такие поступки непростительны.

– Баракетов, ты приехал выразить свое недовольство моим сыном?

– Каймакам Багов, Масхаб,– не твой сын, и не мой зять. Его родственники – офицерские погоны. А султан, доверившийся ему, его отец...

– Успокойся, Баракетов,– улыбнулся Масхаб.– Хватит сотрясать воздух, пора тебе жить так, чтобы твои слова не расходились с делами.

В комнату, поздоровавшись, вошел Хаджирет.

– Каймакам Багов,– обратился к нему Баракетов, стараясь не обращать внимания на упрек Масхаба,– я ожидал увидеть тебя в офицерской форме...

– Ты забудь, что я ее носил, как забыл о ней я.

Миралай Баракетов упавшим голосом тихо произнес:

– Вот как получается... А ты не боишься последствий своего бегства?

– Моя рана уже прорвалась и очистилась, но ты, видимо, еще не чувствуешь, насколько твоя рана загноилась...

Масхабу не понравилось, что Хаджирет перешел грани старшинства, и поспешно одернул сына:

– Парень, не забывайся! У нас гости, чти обычаи...

Потом обратился к Дарихан, принесшей столик с угощением:

– Дарихан, приведи свою мать, пусть увидится с дядей.

Нат-Нат обняла дядю, положила ему голову на плечо и заплакала. Потом, смахивая слезы, встала рядом с Дарихан у двери.

– Извини, Нафисет,– сказал эфенди Марзухаев, сев на свое место,– то, что случилось с нами на родине, случилось не по нашей вине...

– Я давно тебя простила, Мамет,– сказала Нат-Нат, обращаясь к дяде по имени, которым называла его в детстве.– Вот только не знаю, простит ли тебя Аллах...

Марзухаев неуютно задергался на стуле, Нат-Нат, увидев это, заплакала и вышла на улицу.

Зауаль пошел в комнату дочери. Гошмаф стояла у окна. Она знала, что он непременно зайдет к ней, чтобы поговорить по душам. Любовь и преданность к отцу у Гошмаф были безграничны, ее сердечко разрывалось на половинки: одна принадлежала отцу, другая – мужу. И все же, когда Зауаль вошел в комнату, наступила тягостная неловкость, усугублялась она еще и тем, что отец оставался турецким офицером, а они с Хаджиретом вышли из этой игры и стали просто адыгами, обживающими чужой край.

Баракетов подошел к дочке, погладил, как в детстве, по голове и ласково спросил:

– Как ты? Кажется, я скоро стану дедушкой, но не знаю, увижу ли своего внука или внучку. Как ты думаешь?

Гошмаф застенчиво опустила глаза и перевела разговор:

– Я знаю, ты не изменишь своей судьбы, как изменили ее мы с Хаджиретом. Не вини нас, отец, это не наша война, так поступить наказала нам бабушка, великая Бике. Но мы остаемся здесь не только потому, что хотим выполнить ее наказ, а потому, что хорошо поняли ее мудрость и согласились с нею всей душой.

– Пусть будет так, видно, свыше суждено нам все время расставаться. Но семья Баговых сбережет тебя, как берег бы я сам, может, прав Хаджирет, что не оставляет тебя. Может, это я проявляю излишнее усердие в погоне за чинами и наградами...

В распахнутые двери почти ворвался Марзухаев:

– За околицей слышны взрывы, русские на подходе! Давай, давай, поторапливайся...

Гошмаф прильнула губами к руке отца, его ладонь стала влажной от ее слез. Он поцеловал ее в лоб, круто повернулся и быстро вышел.

Гонец, прискакавший за миралаем и эфенди, прокричал:

– Они уже в Стефановке!

Баракетов и Марзухаев быстро сели в карету и уехали.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ

Русская армия, значительно усиленная подкреплениями, продвинулась за Балканы. Зимний переход русских войск через Балканские горы, беспримерный в истории, заставил задуматься Европу и окончательно озадачил Турцию. Теперь войска под командованием молодого генерала Скобелева находились в Адрианополе.

Турецкий меджлис срочно потребовал незамедлительного подписания мирного договора с Россией и отставки правительства. 6 января 1878 года турецкий султан Абдул-Хамид послал делегацию к главнокомандующему русских войск Николаю Романову с предложением мира. Российский император поставил свои условия, но тут неожиданно вмешалась Англия, в парламенте которой широко обсуждался главный вопрос русско-турецкой войны: кому будут принадлежать проливы Босфор и Дарданеллы? Владение проливами русскими обеспечат России не только постоянную мзду за проход из Черного моря в Средиземное, но и глубокое проникновение на Восток – в английские колонии. После бурных дебатов большинство голосов в парламенте получила партия войны. Премьер-министром был глава партии тори – лорд Дизраэли, и 13 февраля 1878 года английский флот выступил в поход на Дарданеллы.

Когда английский флот достиг пролива, русские, не окончив войну с Турцией, должны были вступить в войну с Англией, к чему измотанные войной царские войска не были готовы. Русско-турецкая война была остановлена. 3 марта 1878 года в местечке Сан-Стефано, где находился штаб русской армии, был заключен мир.

ГЛАВА СЕМИДЕСЯТАЯ

В этот же день, 3 марта 1878 года в доме Баговых случилась радость: у Хаджирета и Гошмаф родился мальчик, которого Масхаб назвал Газеж[1].

Малыш появился на свет в день окончания войны, что было хорошим знаком: значит, судьба его была отмечена волей свыше. И, несмотря на то, что Газеж родился на болгарской земле, его назвали именем, в которое заложили надежду на возвращение в Черкесию, его историческую родину.

У Масхаба наконец-то исчезло смятение, которое долгие годы волновало и утомляло его ум, на эту землю пришло время мира, которое внесло в сердце радость, а в тело – здоровье и силу. Успокоилась и его семья, воздух свободы, которым они дышали, пробуждал желание действовать, чтобы жить в благополучии и достатке.

Жизнь снова сделала крутой поворот и возратила людям ценности, ради которых даже в чужой стране им стоило жить дальше...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Турецкий султан Абдул-Хамид вступил на престол в то время, когда по всей стране проходили волнения и бунты, переходившие в резню между мусульманами и христианами. С Сербией и Черногорией велась война. Финансы страны были в полном расстройстве, иностранное вмешательство побуждало Турцию ввести реформы и заключить мир. Абдул-Хамид не мог откровенно игнорировать требования великих держав, поэтому избрал

[1] Г а з е ж – в переводе с адыгского – вернись.

тактику обещаний, но не исполнений, и эта политика стала характерной чертой его правления.

Затягивание реформ могло привести к новому дворцовому перевороту, и в декабре 1876 года султан вынужден был принять Конституцию страны. Документ был подписан, но как только миновала опасность переворота, он начал борьбу за самодержавие – абсолютную власть монарха.

Султан Абдул-Хамид отказался выполнять требования о прекращении насилия над балканскими славянами согласно Лондонскому протоколу, и Россия объявила Турции войну. 24 апреля 1877 года начались широкомасштабные военные действия.

Несмотря на значительную помощь Англии, снабжавшей Абдул-Хамида деньгами и оружием, несмотря на то, что турки умело пользовались полевыми укреплениями и крепостями – война для них окончилась поражением. Но победа России тоже была как бы и не победой.

Эта война имела много скрытых противоречий. Почему Россия, фактически выиграв войну, не вошла в Стамбул, остановившись в нескольких километрах от него?

Мирные переговоры Турции и России начались после победы при Шейнове, но сильно затянулись из-за вмешательства Англии: в проливе Дарданеллы стояла английская эскадра.

Был подписан Сан-Стефанский мирный договор с Турцией, по которому признана независимой Румыния. Сербии, некоторым болгарским провинциям было дано самоуправление. России, Сербии и Черногории были переданы значительные территории и установлена контрибуция за военные расходы.

Подозревая Россию в создании большого славянского государства на Балканах, европейские страны встревожились. Австро-Венгрия потребовала созыва европейского конгресса, который бы обсудил Сан-Стефанский договор, Англия поддержала ее.

Война, принесшая победу России, осложнилась тем, что «балканский пирог» захотели поделить и другие страны.

Александр II обратился к третьей стороне – Германии, чтобы она выступила посредницей, и 1 июня открылись заседания Берлинского конгресса под председательством канцлера Бисмарка.

В работе конгресса приняли участие представители России, Турции, Англии, Австро-Венгрии и Германии. На конгресс были приглашены и представители Франции, Италии, Греции, Ирана, Румынии, Черногории и Сербии.

Конгрессу предшествовал ряд соглашений. 18 мая 1878 года состоялось секретное англо-русское соглашение, которое предопределило в общих чертах условия пересмотра Сан-Стефанского договора. 23 мая Англия подписала секретный договор с Турцией об оборонительном союзе – Кипрскую конвенцию, по которой Великобритания получила право на оккупацию Кипра и контроль за проведением турецким правительством реформ в Малой Азии. Англия же обязалась отстоять силой оружия границы в Азии, если Россия потребует их изменения вне пределов, определенных в Сан-Стефано. Важнейшие вопросы обычно предварительно решались на частных совещаниях представителей Германии, Англии, Австро-Венгрии и России. Споры шли о Болгарии, территорию которой, определённую Сан-Стефанским договором, Австро-Венгрия и Англия желали урезать до минимума; о Боснии и Герцеговине, на которые претендовала Австро-Венгрия; о территории в Закавказье, отошедшей от Турции к России, против чего протестовала Англия. Германия объявила себя нейтральным посредником, но на деле поддерживала Австро-Венгрию и Англию, вынудив Россию принять большую часть их требований.

Берлинский мир внес свои коррективы в Сан-Стефанский мирный договор, касающийся Болгарии. Из отведенных ей 3000 квадратных миль, в действительности Болгария получила только 1000, причем было постановлено, что управлять ею должен избранный страной князь и страна должна платить дань турецкому султану. Остальную часть в 2000 квадратных миль получила Восточная Румелия с городом Филиппополем, заселенная

болгарами к югу от Балкан. Она становилась прусской провинцией и управление ею должно быть предоставлено губернатору, назначаемому Турцией с общего согласия держав.

Черногория, Сербия и Румыния были объявлены независимыми от Турции. Черногория территориально получила выход к Адриатическому морю через порт Антивари. К Сербии была присоединена Старо-Сербия, Добруджа – к Румынии. Но она должна была поступиться в пользу России той частью Бессарабии, которая некогда была отрезана от России по Парижскому мирному договору. Приобретения России в Азии, кроме Баязета, были оставлены в том виде, как указывалось в Сан-Стефанском договоре.

Канцлер Горчаков, вернувшись из Берлина в Россию, написал доклад царю, который закончил словами: «Берлинский конгресс – самое обидное из того, что не получилось в моей работе». Александр II добавил: «И в моей».

Судьба адыгов после окончания балканской войны опять оказалась незавидной. Их снова разбросали по белу свету.

Согласно Берлинскому трактату от 1878 года турецкое правительство обязывалось переселить балканских черкесов в азиатские провинции, но строжайше запрещалось расселять их по границам христианских государств. Туркам и другим мусульманам, ранее проживавшим на Балканах, разрешалось жить, как и прежде, на своих местах.

Опыт выживания, которым обладали адыги-черкесы, позволял им быстро обустраиваться на новых местах. В странах проживания они входили в военную или полицейскую элиту.

Многие народы, которые испытывают на себе удары судьбы, не выдерживают и растворяются среди других народов, сливаются с ними, надеясь смягчить свою участь. Хорошо это или плохо – судить не нам. Адыго-черкесский народ сохранился, пройдя сквозь жернова времени, не утратив своей самоидентичности ни в Турции, ни на Ближнем Востоке. Прошли века с тех пор, как адыги

вынуждено покинули свою родину, но не перестают думать и мечтать о ней, ждут встречи с нею, и где бы ни жили сегодня, всюду слышны адыгская речь, песни, не забыты и танцы.

А как сложились судьбы героев романа?

Масхаб, Нат-Нат, Хаджирет и Гошмаф Баговы, Гарун Коблев, Тодор, Дарихан и Стефанка Димитровы остались в Болгарии. В войне при Шейново погиб Парванов.

Эфенди Саид, названный брат Гошмаф, жил в Стамбуле и служил в султанской мечети Илдыз на берегу Мраморного моря.

Эфенди Магомет Марзухаев перебрался ближе к Мекке, в священный город Медину, оставаясь и там чтецом Корана.

Зауаль Баракетов после войны остался жить в Стамбуле, служил в турецкой армии и все так же мечтал о повышении в званиях и чинах, но в одной из поездок в Сербию он был убит.

Хаджи Берзегов умер от полученных на войне ран и был похоронен недалеко от города Генен на кладбище черкесской деревни Хунджхабль.

Аслан Цей служил в турецкой армии и погиб в военных действиях на Шипкинском перевале. Его младший брат Каплан оставался на Балканах, в 1998 году более 80 семей его потомков из Косово возвратились на историческую родину и проживают в ауле Мафахабль[1] в нескольких километрах от Майкопа.

Жена Мурад-бея и мать Раджеба Айша, лишившись сына и мужа, стала единоличной наследницей немалого состояния и на правах старшей жены властвовала над домом; в порыве гнева ее разбил паралич, и вскоре она умерла.

Мустафа-паша, еще во время войны отстраненный от командования войсками на Балканах, вернулся в Турцию и вместе со своим родственником, отставным миралаем Юсефом перебрался в Трабзон, где они прибыльно заня-

[1] М а ф а х а б л ь – в переводе с адыгского означает Счастливый аул.

лись торговлей масличными культурами, которыми славились эти места.

Султан Аблуд-Хамид II, племянник адыгов, после войны предпринял укрепление своей армии по европейскому типу. Он организовал школы, в которых под руководством германских офицеров обучались молодые люди, будущая элита армии. В итоге офицеры, прошедшие ее, были самыми образованными и просвещенными людьми в Турции. Понимая, что происходит в стране – казнокрадство, хищения, произвол администраций, разорение народа, грабежи и погромы – они восстали. И в 1909 году султан Абдул-Хамид был низложен и убит, его 33 летнее правление закончилось.

Трагическая кончина ожидала и российского императора Александра II, изгнавшего адыгов из Черкесии и разбросавшего их по всему миру. На его жизнь было совершено несколько покушений, и в 1881 году он был убит террористами-народовольцами.

История повторяется. И сегодня, в XXI веке, на Ближнем Востоке полыхает война. В этой войне сгорают многие народы, и адыги-черкесы снова вынужденно покидают свои дома, рассеиваясь по свету.

Пойми и одари меня благодатью, мой Аллах, о тяжкой судьбе моих соплеменников, оставивших мне душевную боль, я больше не могу писать.

СОДЕРЖАНИЕ

Чужие среди чужих. Исторический роман. *Перевод А. Цукор* 5

Султанский дворец Топкапы

Мечеть Айя-София

Султан Абдул-Азиз

Султан Мурад V

Султан Абдул-Хамид

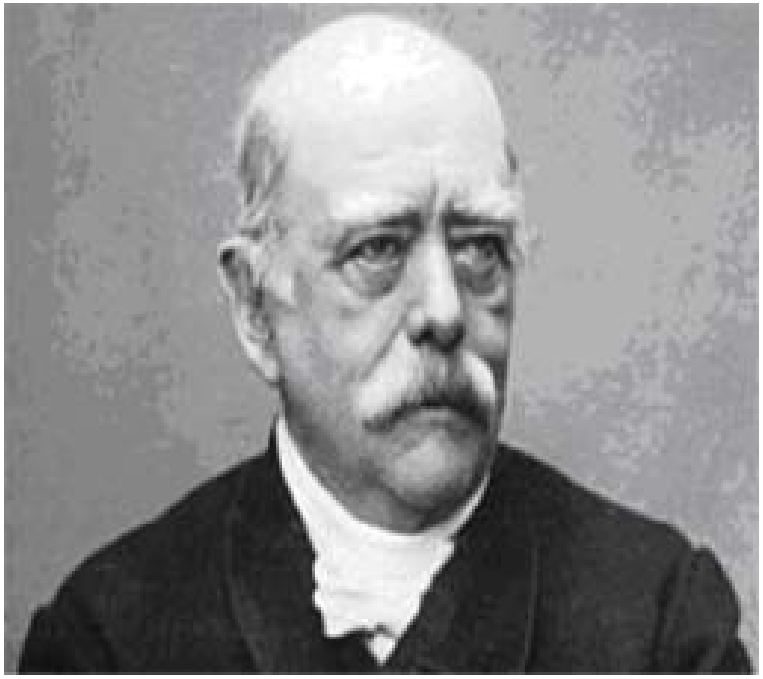
Генерал М. Д. Скобелев

Генерал И. В. Гурко

Генерал Э.И. Тотлебен

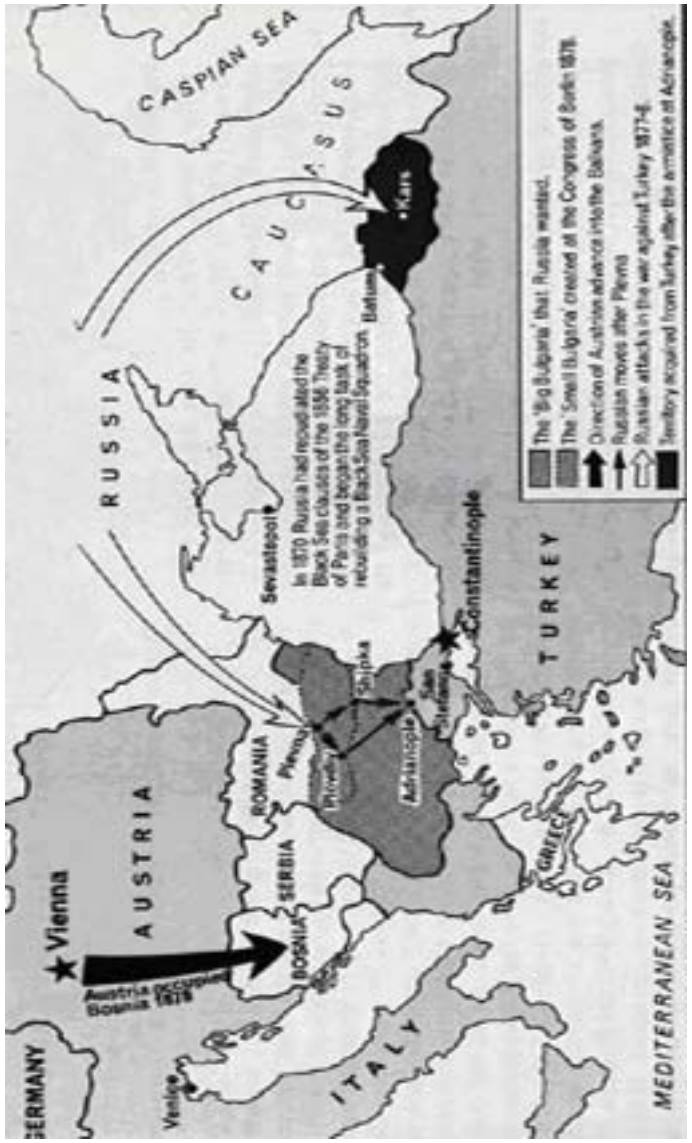
Отто Бисмарк

А. М. Горчаков

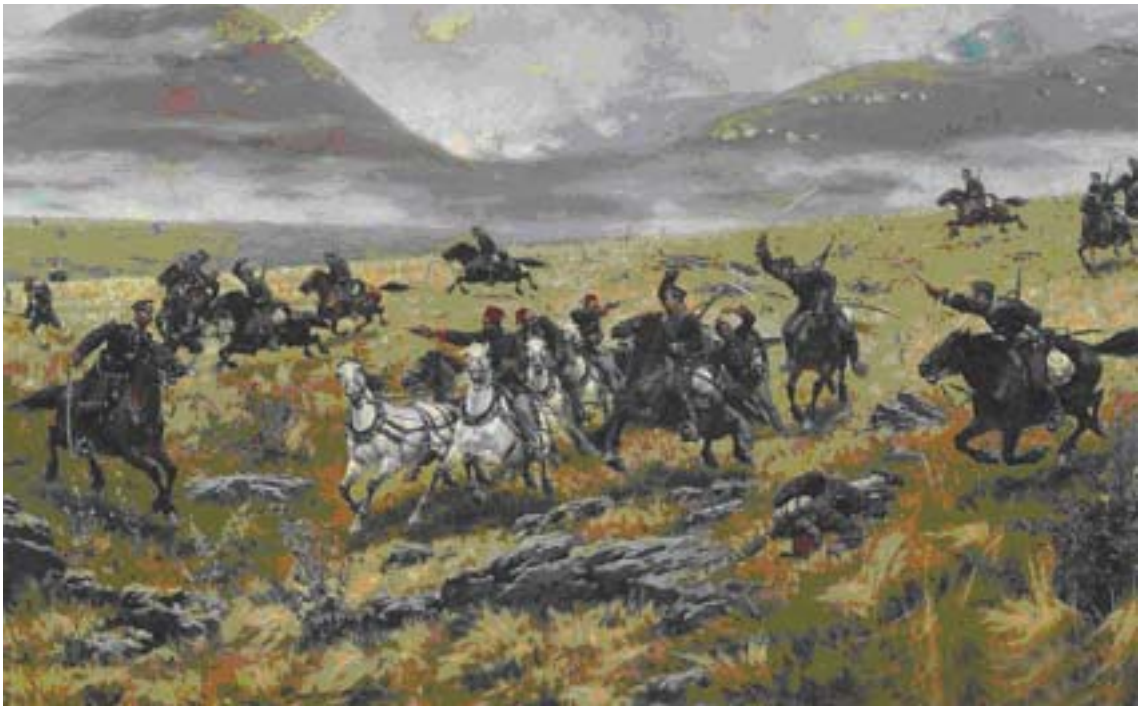
А. А. Игнатьев

Русско-Турецкая война 1877–1878 гг.

Освящение знамени болгарской дружины

В горах Болгарии

Бой на Шипке

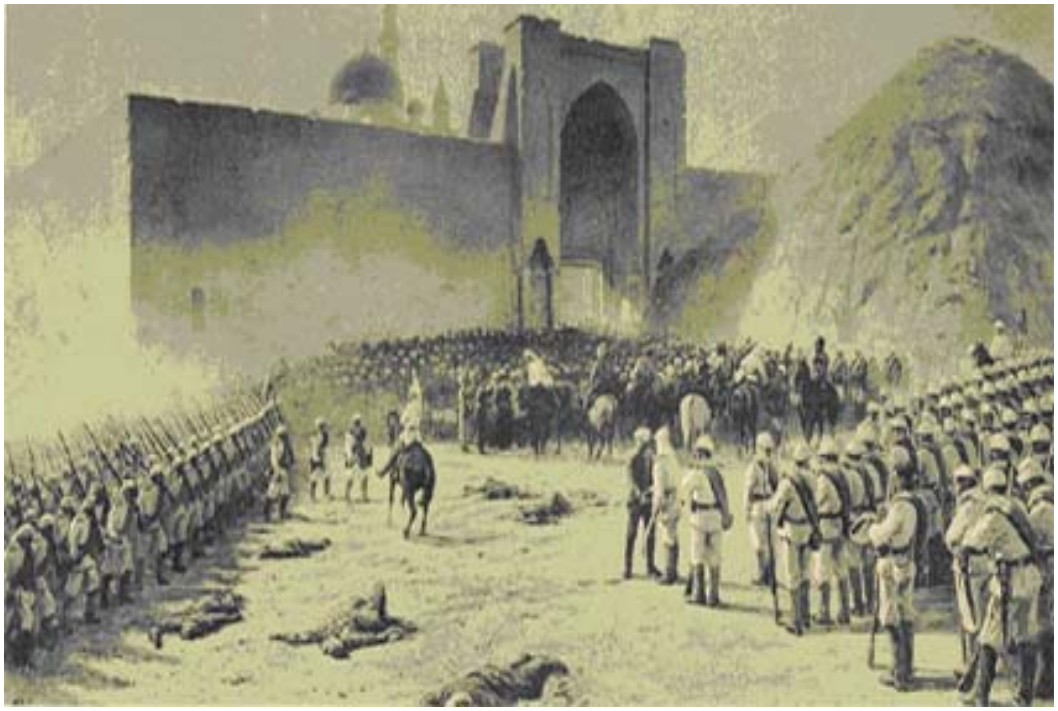
На горном перевале

Военный лагерь на Балканах

Сражение

Русские солдаты перед взятием крепости

Конная атака в районе Карса

Битва в окрестностях Баязида

Подписание Сан-Стефанского мирного договора

Русские солдаты на турецком базаре

Выселение черкесов из Балкан

Исхак Шумафович Машбаш

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в двадцати томах

Том XIII

Чужие среди чужих

Исторический роман

Редактор **Л. З. Гоголева**
Корректор **М. Р. Чамокова**
Компьютерная верстка **Т. А. Косяк**

В книге использованы портреты и иллюстрации
русских и зарубежных авторов.

ИБ № 00

Сдано в набор 00.00.2015. Подписано в печать 00.00.2015. Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Гарнитура шрифта «PetersburgC». Печать офсетная. Усл. п. л. 00,00. Уч.-изд. л. 00,00. Тираж 1000 экз. Заказ 014.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ОАО «Полиграф-Юг».
385000, РА, г. Майкоп, ул. Пионерская, 268.
Телефон для справок (88772) 52-23-92.